ФГБОУ ВО
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского»
Юридический факультет

ПРАВО
И
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Материалы
III Международной научно-практической
конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов,
магистрантов, аспирантов (СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов 22 апреля 2016 г.)

Саратов

2016

УДК 342.9

ББК 67.401

П

П Право и правоохранительная деятельность: материалы III Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Сборник научных статей. Саратов, 2016. - 253 с.

ISBN 978-5-91879-614-6

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Доктор юридических наук, профессор Н.Т. Разгельдеев (отв. редактор);
Доктор юридических наук, профессор В.Г. Громов;
Кандидат юридических наук Е.О. Глухова (зам. отв. редактора);
Кандидат юридически наук, доцент Ф.А. Вестов.
Кандидат юридических наук, доцент Н.Н. Лапупина

УДК 342.9
ББК 67.401

ISBN 978-5-91879-614-6

©Коллектив авторов, 2016.

Арпентьева М.Р.,
старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования,
доктор психологических наук, доцент
Брайцева С.В.,
магистрант кафедры организации работы с молодежью
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Справедливость - это феномен, связанный с такими установками жизни человека, как «принцип бумеранга» и/или отмщения. Справедливость опирается на представления людей о том, что мир справедлив и каждый заслуживает то, то получает. Однако, еще в XX веке психологи описали веру в справедливый мир как одну из базовых, но весьма далеких от истины иллюзий. Юристы, в свою очередь, опровергли значимость истины, введя понятие «доказанности», а также сформировав процесс уголовного расследования, обвинения, осуждения и отбывания наказания таким образом, чтобы внешне декларируемый принцип «презумпции невиновности» оставался такой же иллюзией, как и справедливость. современная система правоохранительной деятельности лишена как первого (справедливости), так и второго (невиновности): попавший в поле зрения правоохранительных структур человек так или иначе окажется виноват: в некоторых случаях, он ответит за то, что действительно причастен к правонарушению, в некоторых за то – что не причастен, но «попался – сиди», в некоторых все более распространенных – просто потому, что бюрократический монолит системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности государства в целом нуждается в новых ресурсах, рабочей силе, а также подтверждении власти – унижать и уничтожать – других людей, вершить их судьбы, строя свое и своей семьи «пусть маленькое, но счастье». Фальсификация уголовных дел разной степени интенсивности стала повседневны орудием труда правоохранительных органов. Корни такой ситуации, однако, лежат не только и не столько в «особенностях постмодерна», его нигилизме правовом и нравственном, его лоскутном сознании и деформированных отношениях человека с собой и миром. Корни уходят глубже: чтобы понять их, рассмотрим историю пенитенциарных учреждений, тюрем.

Пенитенциарные учреждения России и всего мира менее всего способствуют «исправлению» провинившихся: обычно тюрьма приносит прогрессирующую десоциализацию, распад личности и ее отношений с миром. Для многих, попавших в нее более или менее «надолго» тюрьма это «путь в один конец». Причин этому несколько: внутренних и внешних. Как известно, тюрьма как пенитенциарное заведение - была создана во времена «торжества» средневековой церкви не просто как место наказания, но место наказания (в том числе насилия), направленного на исправление. Насилие и подавление обрело статус ведущего метода воспитания и перевоспитания. При этом церковь, как правило, не гнушалась и просто убийствами: экономя силы на «перевоспитании» ведьм, еретиков и прочих «вольнодумцев». Первоначально пенитенциарное и педагогическое измерения тюрьмы были тесно связаны, церковь пыталась создать культуру насилия в том числе «разумного» наказания. Тюрьма должна была воспитывать и перевоспитывать, применяя для этих целей «уместное» насилие, наряду с нравственной и иной поддержкой оступившегося. Однако, на практике, можно видеть, что педагогическое предназначение тюрем почти сразу было утеряно: «уместное» насилие (в том числе, защищающее духовно-нравственные аспекты жизни, а также -более или менее четко оговоренное) подменено «повсеместным», в результате современное уголовное законодательство в большинстве стран мира менее всего обращено к понятиям «нравственность» и «воспитание», в большей мере, к понятия «выгоды», «рабство». «Пенитенциарное насилие» приобрело форму буллинга как системы целенаправленных более или менее интенсивных, осознанных, масштабных и разных по уровню (физические,

экономические, социальные и психологические меры) действий, связанных с нанесением вреда здоровью и целостности личности или группе. Буллинг направлен на унижение и/или уничтожение той или иной личности или группы в политических, экономических и личных целях. Однако, поскольку политические и экономические цели всегда - цели конкретных лиц, постольку тюрьма с самого начала своего существования использовалась как для массового запугивания населения и профилактики «несогласия», так и для и индивидуального преследования и расправы с «несогласными» и иными «оппонентами». Более того, со временем ряды структур, отвечающих за принятие решению о тюремном заключении (судей, прокуроров, адвокатов, охранников и палачей и т.д.) стали пополнятся людьми, чье основной потребностью была сверхразвитая потребность власти, результатом стала автономизация судебной системы во многих странах мира, ее полное слияние с государственным аппаратом, а также введение института неприкосновенности для лиц, облеченных властью. При этом насилие в форме буллинга и пыток заключённых и их семей нормализовалось настолько, что практически все сферы современной пенитенциарной системы России, других стран, включая те, что связаны с медицинской помощью, с религиозной помощью и т.д., проникнуты нежеланием и неспособностью сотрудников и даже заключенных, задумываться о том, что происходящее в большинстве тюрем, СИЗО и т.д. не просто далеко от «нормального», но преступно [1; 2; 5; 6; 7; 10].

Напротив, современные государства и представляющие его органы и субъекты организуют все новые и поддерживают старые тюрьмы как способ контроля и ужесточения репрессий, способ защиты собственной безопасности, не задумываясь о безопасности и судьбах тех, кто под эти репрессии попадает. Напротив, задумываются люди только о том, как причинить ближнему еще больше страданий. Как метко подчеркнул М. Фуко, все более широко внедряемые технологии тюрьмы-паноптикума, формально предназначенной для исправления преступивших закон, - всего лишь «итог недоброжелательства»: тюремная прозрачность как постоянный страх наказания весьма далека от человеческих отношений между людьми, традиционных нравственных императивах, заложенных церковью [8]. Ожидать же, что человек, третируемый за малейшую провинность, «исправится» - означает всего лишь симулировать воспитание, используя его средства совсем для иных целей. Обычно этой целью является вовлечение в преступления все более широких масс: тюремный бизнес выступает как ведущий компонент современного рабовладельческого бизнеса и по оборотам средств, и по числу вовлеченных в него людей, и по разработанным технологиям подавления в человеке человеческого.

Обычное пенитенциарное заведение живёт на стыке трех «законов»:

- «закон Божий», который говорит о любви, милости, прощении и восстановлении, а также о том, что тот кто «водится Богом», любовью, «тот не под законом», он почти всегда проигрывает «закону тюрьмы». Это «закон людей», переросших состояние животного автомата и поднявшихся от примитивного понимания и почитания «справедливости» к пониманию законов любви и прощения. Если человек не поднялся на уровень этого «закона», она будет «водится» двумя другими законами, смыслом которых является месть и ненависть, «зуб за зуб» и, как хорошо продемонстрировали концлагеря, гетто и резервации, «профилактика преступности» в виде целенаправленного уничтожения (геноцида) окружающих. Однако «подняться» на уровень этого закона весьма непросто: даже и особенно судьбы Святых показывают, что окружающие не прощают святости и иных отличий, стремясь вернуть человека в себе подобное состояние или уничтожить. Именно поэтому отказ «играть» в игру «правоохрана» и «правозащита», обвинение правоохранительных и правозащитных структур в коррупции, фальсификации и т.д. карается особенно жестоко;
- «закон уголовный», отраженный в УК и УПК стран мира, международных соглашениях, это закон который хотя и фиксирует наличие некоторых прав у заключённых однозначно не относит их к людям. Достаточно вдуматься в текст «самой гуманной» Европейской конвенции по правам человека и проанализировать работу Европейского суда по правам человека: не имея денег на дорогостоящего адвоката, обучение юриспунденции и не

будучи воспитанным в культуре, где привыкли уважать человеческое достоинство, даже свободный человек никогда не сможет отстоять свои и так мизерные права. Заключенные отстаивают свои права и могут доказать преступность творимого над ними не более чем в 0,05%; случаев. Уголовный закон - это также тот самый «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», о нем вспоминают в зале суда и при посещениях очередными комиссиями СИЗО и тюрем, забывая сразу после их окончания.

- «закон тюрьмы» - закон, регулирующий взаимоотношения людей в ситуации обычного для тюрьмы, но необычного, «трансординарного» для повседневной жизни вне нее насилия. В отличие от размытых законов и принципов регуляции насилия в повседневных ситуациях (где «суд вершат» интересы частных лиц, в большей или меньшей степени обладающих правоохранительной властью и использующих уголовный закон, чтобы игнорировать «закон Божий», а также внедрять «закон тюрьмы»), тюремный закон весьма конкретен и содержит систему правил поведения, регулирующих жизнь и взаимоотношения заключенных. Он четко отделяет тюрьму как часть территории государства, в которой правят иные законы. Однако, отделение это мнимое: в последние годы начался активный пересмотр даже древних священных текстов, в которых дотошные «правдолюбы» (то ест ь те, кто любят «с-прав-едливость») усматриваются признаки самых разных преступлений, в том числе пропаганду национализма и экстремизма, промискуитета и инцеста, и т.д. таким образом, современны «закон тюрьмы» или «закон зоны» претендует на экспансию и превращение всего мира в тюрьму. Это стремление очевидно поддерживается и политико-экономической элитой современных стран, п государствами, практикующими все более тотальное вмешательство в жизнь граждан.

«Закон тюрьмы» сложился в России во времена СССР и долгое время охранял значительную часть заключенных от «ошибок» в отношениях с окружающими и собой: соотношение «сил» было установлено и устраивало почти всех. Однако, после развала СССР и реформ уголовно-исполнительного законодательства в России и иных странах бывшего СССР, существенно ужесточивших меры наказания, «закон тюрьмы» начал изменяться. В тюрьмы начало попадать все большее количество служащих, не прошедших жесткой системы отбора и видящих свою миссию в тюрьме лишь в личном обогащении, комфорте и власти над заключенными. Возросло количество преступников «не в законе» (не имеющих опыта тюрьмы и не знакомых с ее правилами), не нашедших возможности или не пожелавших искать пути продуктивной самореализации в обществе. Кроме того, резко возросло количество людей, против которых уголовные дела являются откровенной фальсификацией и которые не могут найти в своем поведении и отношении к жизни и людям ничего «такого», что оправдывало насилие над ними и их семьями. Результатом этих изменений стало превращение вспышек необычного, трансординарного насилия в устойчивую тенденцию: травли (буллинга) с обоих сторон. Параллельно активизировался рост «спирали умолчания» проблем тюрьмы в обществе, как минимум треть которого через эти тюрьмы так или иначе прошла. В тюрьмах и вокруг тюрем России процветают предательство и доносительство, страх и ненависть, желание мести и унижения. Попытки церкви и, тем более, общественных организаций скорее ничтожны, чем продуктивны: заключённые не могут позволить себе надеяться ни на помощь служителей Бога, ни на помощь общественности. Совершенно замечательно выглядят причины отказа помочь: «он же подозревается в преступлении / совершил преступление». Общественные и иные «помощники», многие называющие себя «правозащитникамии», часто даже не подозревают, что их помощь нужна лишь потому, что человек «подозревается в преступлении /совершил преступление». А бесцельное или, как еще чаще бывает, репрессивное «присутствие» в жизни заключенных еще более усугубляет тяжесть страданий и деформации личности и ее отношений.

Введение же институтов защиты прав заключенных и института социальных работников / психологов в систему исполнения наказаний и иные структуры правоохранительной системы, было и остается формальностью: субъекты защиты прав заключённых - это системы защиты прав рабов. И, поскольку прав у рабов немного, - из реально доступных лишь право

умереть и/или надругаться над своими душой и телом, - правозащитные организации практически игнорируют проблемы заключенных. Возникает вопрос о цели их существования: ведь помогать тюремному люду они не только не собираются, но и полагают, что «помогать не вправе». Видимо, как компоненты репрессивной «системы» правозащитники обслуживают «частично неприкосновенных»: совершивших преступления средней и большой тяжести не имея разрешительного «мандата». Это не просто рекламирует их способности, но наращивает мощь социально-политического присутствия. Эта мощь необходима для дальнейшей пропаганды тюремного закона, слияния повседневного и трансординарного насилия. Правозащитники как и любые иные бюрократы вмешиваются в ситуацию лишь в случаях, необходимых самой «системе». Так, существуют «программы» и тренды» защиты. Начиная с ООН и заканчивая каждым конкретным служителем «правозащитной организации», работа ведется лишь там и теми средствами, которые соответствуют «тренду», то есть – заказу государств и иной правящей «элиты». Все, не попадающие в тренд – а их большинство – обречены. Уголовный закон, при ближайшем его рассмотрении, далеко не «несовершенен», напротив, он весьма осознанно сконструирован так, чтобы лишить человека какой-либо надежды на защиту.

В целом же специалисты, проводящие или пытающиеся проводить реабилитационные и профилактические мероприятия в системе исполнения наказаний, имеют дело с сочетанием массового и индивидуального, прошлого и актуального насилия со стороны окружающих и государства, множественными ординарными и трансординарными травмирующими событиями, в которых люди выступают и как объекты, и как субъекты насилия. При этом реальная картина настолько запутана и сложна, что простые методы и подходы перестают работать. Насилие, которые пережили и переживают все эти люди (заключенные и сотрудники тюрем, СИЗО и т.д.) относятся к множественным, интенсивным, перманентным [5]. Вместе с тем, эта насилие, повторяемое раз за разом, приобретает черты повседневности и в сознании заключённых, и в сознании работников тюрем, в том числе пенитенциарных психологов: так, пытки становятся «условиями содержания», буллинг – «ленью», изнасилование – «защитой чести», принудительное вовлечение в наркоманию – «лечением невроза, язвы, рака и т.д.» Все эти «превращения» - не плод фантазии, а прямые цитаты документов и высказываний сотрудников пенитенциарных учреждений, прокуратур и судов. Это сотрудники правоохранительных структур воруя, насилуя и убивая «предотвращают преступления». Те, кого они обворовывают, насилуют и убивают «в целях профилактики» отправляются « в один конце»: работать на «хозяина зоны», умирая от ненужности, повседневных издевательств и «демократии шума». Последняя полностью лишает человека надежды уединения. Она знаменует «торжество» современного социума, с его лицемерной «ехидцей» тотальной социальной аномии и социального каннибализма, в котором тот, кто ворует, насилует и убивает меньше других рано или поздно оказывается в проигрыше. Насилие становbтся единственным способом существования, человек забывает о возможности иной жизни, подчас – запрещает себе о ней мечтать, как и о любви: разговоры о ней с заключенными кажутся настолько же спасительными и являются настолько же редкими, насколько деформирующими и частыми являются угрозы расправы. Цель этого одна – лишить человека человечности: отнять духовно-нравственные опоры, заставить отказаться от уважения себя и Бога, разделить с «Иудами» всех рангов и специализаций столь чтимые ими законы. При этом самые страшные для заключенных «зоны» - зоны так называемые «красные», в которых процветает беспредел «служителей закона», а не те, в которых «хозяйничают» не заключенные, «в законе». Поэтому противостояние насилию всегда индивидуально и возможно лишь при условии внутренней работы, направленной на то, чтобы сохранить человека не только в себе но в глазах окружающих. Техники «сохранения» хорошо описаны теми, кто пережил концлагеря и иные фашистские застенки [3; 4; 8; 9; 11].

Список использованной литературы:

1. Арпентьева М.Р. Протравматический и посттравматический стресс: психологическая реабилитация жертв массового насилия // Ştiinţă, Educaţie, Cultură, conferinţa ştiinţifico-practică internaţională.. Materiale conferinţei ştiinţifico-practice internaţionale 4 februarie, 2016. Moldova, Comrat: Univ. de Stat din Comrat, 2016. P.383 388.
2. Батай Ж. Сад и обычный человек. Суверенный человек Сада. В кн.: Маркиз де Сад и XX век / Сост В.В. Рыклин. – М: РИУ «Культура», 1992. С.89-132.
3. Бланшо М. Сад. В кн.: Маркиз де Сад и XX век / Сост В.В.Рыклин. М: РИУ «Культура», 1992. С.47-88.
4. Золотарева Т.Ф.. Минигалиева М.Р. Проблемы социально-психологической помощи жертвам террора. М.: Союз, 2002. 180с.
5. Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. Статьи. 2002 – 2009 гг. 187 с.
6. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 19–25.
7. Bush R.A.B. and Folger J.P. The Promise of Mediation Responding to Conflict Through. San Francisco: Jossey-Bass, 1994.
8. Fuko M. L' oeil du pouvoir // Bentham J. Le Panoptique. Paris: Belfond, 1977. P. 9-31.
9. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation // Mediation Quarterly. 1993. 11 (1). P. 55-66.
10. Milgram S. Obedience to authority: An experimental view. N.Y.: Harper & Row, 1974. P. 56-58.
11. Zehr H. Changing Lenses. Scottdale, PA: Herald Press, 2005.

Арпентьева М.Р.,
старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования,
доктор психологических наук, доцент
Брайцева С.В.,
магистрант кафедры организации работы с молодежью
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

ОТКАЗ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ И ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

На суверенной территории под названием «человек» – территории «внутренние факторы» - лежит не меньше факторов и предпосылок пенитенциарного насилия, чем на территории «факторы внешнего мира». Если человек, попав в тюрьму и/или «получив срок», пытается разобраться с произошедшим с ним, то рано или поздно он понимает, что само событие – на самом деле является лишь частью общей картины, внешним обстоятельством, которое сыграло или продолжает играть свою роль в болезненном процессе, но лишь маскирует истинную драму человеческих, точнее бесчеловечных, отношений [1; 2]. Это событие, кроме того, как бы жестоко оно не было, «наслаивается» на внутренние обстоятельства, включая знания и умения человека продуктивно вести себя по отношению к насилию. Эти знаний и умения могут быть названы «культурой насилия» или «компетентностью по отношению к насилию». Они включают компетентность виктимную (защиты от внешнего и внутреннего насилия) и компетентность в осуществлении и прекращении насилия (знания и умения в области наказаний: предотвращения, осуществления и завершения) [3; 4; 5]. Наименее сформированными моментами этой компетентности оказываются не защита от насилия внешнего, не внешние факторы ситуации, а защита от внутреннего насилия (самонаказаний и саморазрушения в целом) и знания и умения в области предотвращения и прекращения насилия: человечество веками практикуется в осуществлении внешнего и внутреннего насилия, не будучи способным решить вопрос о его сущности, а также его процессах и результатах, возможностях и ограничениях. Опыт же тюрем к решению этого вопроса активно побуждает: и для того, чтобы помогать жертвам насилия, и для того, чтобы избегать «неуместного», ненужного насилия как такового. Большинству жертв насилия, переживших множественные необычные по своему разрушающему и развивающему

потенциалу трансординарные события, связанные с угрозами смерти, предательством и лишениями, тотальным нарушением человеческих прав и нравственных отношений, свойственны сходные деструкции внутреннего равновесия. Этот особый комплекс психологических проблем получил медицинское название «синдром посттравматического стресса». Ощущение несправедливости происходящего, предательства и безнравственности ситуации и ее участников еще более усугубляет негативное воздействие таких событий и ситуаций. В результате, у большого числа пострадавших, пытающихся примирить обыденный опыт и опыт пенитенциарного насилия, с его «вненравственными» компонентами, часто возникают психические расстройства и заболевания различной степени тяжести. Состояние людей в еще большей мере усугубляется тем, что пострадавшие, несмотря на развитие у них психогенных расстройств, продолжают оставаться в опасной для жизни ситуации. Возникает тотальное самоотчуждение: сознавая свои поступки как целенаправленные действия по достижению в разной мере «пенитенциарных» целей или целей выживания, многие оказываются не способны оценить их духовно-нравственный смысл, оценить себя как субъекта, реализующего эти поступки с точки зрения соответствия этому смыслу. Частым феноменом становится – и у жертв, и у их преследователей – феномен раздвоения или удвоения личности [6]. Оно возникает в момент резкого обострения внутриличностного конфликта, когда участник ситуации насилия понимает, что его и/или окружающих его людей поступки и отношения противоречат выработанным им в течение жизни же и внешним транслируемым обществом принципам, уголовному или Божьему законам. Новое поведение, реально поощряемое насильственным режимом, в ом числе деформированный, но все еще живущий «закон тюрьмы», радикально отличается от сформированной до попадания в ситуацию насилия модели и иногда даже от того, что внешне предписывается самой моделью. Эти личности сознают друг друга, но не оценивают поступки в рамках каждой; в этом и заключается сущность защитного механизма. Такая деструктивно направленная личность, постоянно создающая и усиливающая ситуации насилия, булинга и сталкинга, формируется в специальных условиях в соответствии с целями и жизненными смыслами, определяемыми извне. Это означает тотальную зависимость человека от сил, задающих эти смыслы и цели, например, бюрократической правоохранительной системы. Удвоение может быть временным и обратимым. Длительное сосуществование двух систем личности возможно лишь в условиях конфликта, который и возникает после выхода из трансординарной ситуации: не случайно покидая тюрьму бывшие преступники или сотрудники переживают кризис «социальной смерти». Привычные связи разрушаются и человек остается один на один с «правдой» своей жизни. И, чтобы не видеть этой «правды», многие возвращаются назад: именно бескультурное насилие провоцирует десоциализацию и рецидивы преступности, именно оно удерживает ядро «трудового коллектива» СИЗО и тюрем от распада: нормальный, психически целостный человек в таких обстоятельствах выживает с трудом, но насилие, как показали эксперимент Ст. Милгрема, связывает людей «тайными связями», которые, при отсутствии «закона Божьего» в душе, намного крепче связей любви [7; 8; 9; 10]. Альтернатива расщеплению описана исследовательнице психологии тюрьмы и пожизненно заключенных В.С. Мухиной: психическое нарушений по типу «фантазий наяву» или «гонок», при которых человек полностью уходит в реальность, оставшуюся за порогом тюрьмы и/или вновь создаваемую реальность «жизнь не в тюрьме» [2].

Коллизии данного уровня – саморазрушения и раздвоения, отказа быть человеком чтобы сохранить себя как животное. описаны и исцеляются длительно и, скорее, в практике духовно-религиозной, чем психологической, медицинской или социальной помощи. Они описаны, например, как одержимость, которая преодолевается через механизмы служения, епитимьи и покаяния. Кроме того, через принятие и подтверждение - со стороны внешнего мира. К сожалению, такое принятие и подтверждение часто недоступны: окружающим мир часто лишь возмущает идея «простить» преступившего закон. Еще более возмутительной является идея, связанная с побуждением «подтвердить» человека в его выборе преступления. Однако, это необходимо: преступление не берется «ниоткуда» и, помимо выбора человека, оно есть и

выбор общества, выбор «жертвы, притянувшей к себе «преступника» в целях решения задач собственного существования. Начиная с «очень сильно любящих» супругов, с их удушающей ревностью и зависимостью от отношений и партнера, их обидами и мстительностью и заканчивая «героями», в чьем сознании буквально клокочет ненависть, вытесняющая в момент перед гибелью все остальные отношения и переживания: самые «хорошие» люди провоцируют самые страшные преступления и нарушения. Самые «идеальные « семьи это еще и самые большие проблемы внутри человека. Отказавшегося от реальности и подтверждения ради иллюзий и «имиджа». В классической психиатрии, медицине и психологии эти стояния описаны и изучены гораздо меньше «посттравматического стрессового расстройства»: с социальной точки зрения преступники, испытывающих желание и удовольствие убивать и насиловать, преследовать и травить окружающих, подлежат «уничтожению», а работа с должностными преступниками ограничивается «беседами» и «замечаниями». В лучшем случае как вариант епитимьи применяется то, что можно назвать трудотерапией (вариант служения) и меры пенитенциарного характера (карцер для заключенных, арест для должностных лиц). Эти меры, однако, в условиях репрессивно-карательной модели правоохранения с ее массовой коррупцией и тотальным насилием, побудить к покаянию и следующему за ним перевоспитанию практически никого не способны. Усиление насилия вызывает лишь ответное насилие. А суть нарушения - отказ быть человеком, - остается вне внимания специалистов. Вместе с тем, общество потребления, ставшее ярлыком современной «цивилизации», превозносящей аномию и толерантность, физическое и социальное благополучие, является основой формирования того, что можно назвать социальный каннибализм: начинаясь как стремление и удовольствие уничтожать себе подобных в конкурентной борьбе за выживание и размножение, он перерастает в отказ признавать их людьми, и, завершающая стадия нарушения, - отказ считать человеком самого себя. Заключенные превращаются в бессловесных рабов, пытками запугиваемыми еще большими пытками, обслуживающими в тюрьмах и «зонах» интересы должностных лиц. Бесплатная рабочая сила широко используется в городских тюрьмах и самостоятельных «призоновых» городках, обогащая «хозяев». Неудивительно, что и общество в целом, и тюремный народ в частности, не испытывают ни потребность «ресоциализации», ни любви к тому кого они окрестили «мусор», словом, означающим «отбросы, отходы, хлам, грязь», иные «предметы … потерявшие потребительские свойства», выступающим как антоним слова «ценность» [11]. Не видя друг в друге людей, люди могут прийти и приходят только к одному: самоуничтожению. Оно есть закономерный и единственный реальный результат экзистенциального неподтверждения (отсутствия подтверждения со стороны значимых лиц значимости бытия личности) в сочетании с лишенным какой-либо культуры насилием. На пути к самоуничтожению и возникает протравматическое стрессовое расстройство [12]. С точки зрения органического «субстрата», данное нарушение, строго говоря, первично не является нарушением психическим. Однако, на завершающих стадиях, нравственное саморазрушение сопровождается и деструкцией на уровне функциональных и органических систем. Типичны и расстройства идентификации и сочетания «мании величии» с самоуничижением: типичны. демонстрации способности выживать, склонность к неоправданному риску и «экспериментам», бахвальство, превозношение насилия и своей способности к насилию, превознесение доносительства и предательства, «оборотничество. Протравматическое стрессовое расстройство связано с тем, что человек намеренно создает ситуацию, которая так или иначе, травмирует его самого. Можно предположить, что оно является формой компенсации состояний беспомощности и бессилия, пережитых и переживаемых человеком на протяжении всей его жизни: начиная с раннего детства заканчивая взрослостью. Не умея уйти от насилия, человек создает его бесконечные «круги» и «спираль». Спираль насилия, раскручиваясь, вовлекает в себя все новых участников, в том числе тех, кто выполняют функции «финальной ситуации» для того, кто ее активировал. По сути говоря, протравматический стресс имеет целью самоуничтожение человека и окружающих его лиц. Посттравматический стресс, напротив, - выживание человека и окружающих его лиц [13; 14;

15; 16; 17; 18]. В протравматическом стрессе искажены, таким образом, сама цель и сопутствующие ей ценностно-смысловые аспекты переживаний и поступков личности. Протравматический стресс преодолевается через тотальное преобразование базовых смыслов жизнедеятельности человека [12]. К сожалению, такое преобразование часто невозможно: в помощи такому человеку могут оказаться неготовыми и немотивированными ни государство, ни специалисты, ни сам человек, которому проще умереть, чем измениться. Кроме того, пережившие и переживающие протравматические стрессовые события обычно вполне «спокойно» живут и после них: общество потребления с его аномией и псевдотолерантностью, создает оптимальную среду для прогрессирования и поддержания этого нарушения. Эта среда, в которой «Бога нет и все дозволено», не побуждает человека к раскаянию и не ставит перед ним иных задач, кроме тех, к которым он привык: выживание за счет других людей. Возможно в этом причина малой изученности таких нарушений и их носителей: начинающиеся исследования буллинга (травли) и «сталкинга» (преследования) слишком фрагментарны, чтобы осмыслить масштаб пенитенциарного насилия. До той поры, пока не будет поставлен вопрос о повсеместности насилия и необходимости культуры насилия, пока насилие во всех его формах и масштабах будет полагаться «законным атрибутом» власти и «незаконным атрибутом» в отношениях людей, включенных в ситуации насилия как жертвы, разные его формы (массовое и индивидуальное) под разными предлогами и в разных формах, будут процветать.

В настоящее время государство ищет пути контроля насилия в усилении и так безграничной власти правоохранительных структур, а также в ослаблении жестокости уголовного преследования «впервые провинившихся». Однако, такие меры никак не изменяют ситуацию: в XXI веке нашей эры люди все еще не научились видеть друг в друге людей, все еще – живут по законам средневековья и «охоты на ведьм» (внутри и снаружи себя), истребляя друг друга и наслаждаясь насилием друг над другом.

Важнее всего в решении проблем помощи заключённым и служащим пенитенциарных учреждений внутренняя работа, направленная на осознание того, что субъект протравматического расстройства, продуцирующий ситуации насилия (включая терминально опасные ситуации), – одновременно и жертва, и преследователь. Поэтому центральным моментом реабилитации человека и общества в целом является осознание сути насилия в жизни человека, его роли в развитии или деструкции самосознания личности. М. Бланшо по этому поводу пишет: «…между человеком нормальным, загоняющим садиста в тупик, и садистом, который превращает этот тупик в выход, располагается тот, кто знает больше других об истинном своем положении и обладает более глубоким его пониманием, поэтому он способен помочь нормальному человеку осознать самого себя, содействуя ему в изменении условий всякого осмысления» [4, с.52]. Как показывают практики и исследования реабилитации в сфере виктимологии, осмысление ситуаций насилия нередко позволяет понять две вещи. Во-первых, любая ситуация может быть истолкована как насилие, во-вторых, насилие, даже самое очевидное, часто отражает лишь бессилие человека понять и изменить происходящее. И в этом качестве - неумелой попытки быть человеком, выжить там, где выживание невозможно. Восстановительная работа предполагает (ре)формирование культуры насилия, понимание того, что и жертва, и ее преследователь участвуют в насилии как субъекты [19; 20; 21]. Осознание и примирение основываются на безусловном уважении жизни человека, человеческих взаимоотношений и общества, духовной, а не только материальной, связи людей [22]. Идеальный результат реабилитационной работы в парах или группах пар «жертвы – преступники» состоит из двух шагов. Сначала преступивший законы человека и Бога выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Потом - жертва в ответ предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути к его прощению.

Осознание и изменение возможны там, где сформирована культура насилия: понимание его неизбежности и функций вместо бессмысленных «табу» на любое обсуждение реальности его неизбежности и встроенности в систему человеческих отношений. Так же, как и инстинкт смерти, «инстинкт насилия» должен и может быть осознан и трансформирован, в том числе –

в социально одобряемые формы [2; 3; 5; 22] Общество нуждается в искреннем, реалистичном понимании произошедшего и принятии опыта насилия и его последствий – в себе и окружающих. Так круг насилия может быть разомкнут: в помощи нуждаются не только жертвы, но и «преследователи».

Список использованной литературы:

1. Fuko M. L' oeil du pouvoir // Bentham J. Le Panoptique. Paris: Belfond, 1977. P. 9-31.
2. Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. Статьи. 2002 – 2009 гг. 187 с.
3. Батай Ж. Сад и обычный человек. Суверенный человек Сада // Маркиз де Сад и XX век / Сост В.В. Рыклин. – М: РИУ «Культура», 1992. С.89-132.
4. Бланшо М. Сад. В кн.: Маркиз де Сад и XX век / Сост В.В.Рыклин. М: РИУ «Культура», 1992. С.47-88.
5. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 19–25.
6. Исцеление от «рая»: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости / Под ред. Е. Н. Волкова. СПб.: Речь, 2008. 392 с.
7. Meeus IV. & Raaijmakers Q. Obedience in Modern Society: The Utrecht Studies //Journal of Social Issues, Vol. 51, No. 3, 1995. P. 155-175.
8. Meeus W. H. J., Raaijmakers Q. A. W.. Administrative obedience: Carrying out orders to use psychological-administrative violence // European Journal of Social Psychology, 1986. 16. P.311—324.
9. Milgram S. Obedience to authority: An experimental view. N.Y.: Harper & Row, 1974. P. 56-58.
10. Miller A. G. The obedience experiments: A case study of controversy in social science. New York : Praeger, 1986. 295p.
11. де Сильги К. История мусора. От средних веков до наших дней. М.: Текст,2011. 288 с.
12. Арпентьева М.Р. Протравматический и посттравматический стресс: психологическая реабилитация жертв массового насилия // Ştiinţă, Educaţie, Cultură, conferinţa ştiinġifico-practică internaţională.. Materiale conferinţei ştiinţifico-practice internaţionale 4 februarie, 2016. Moldova, Comrat: Univ. de Stat din Comrat, 2016. P.383 388.
13. Золотарева Т.Ф., Минигалиева М.Р. Проблемы социально-психологической помощи жертвам террора. М.: Союз, 2002. 180с.
14. Магомед-Эминов М.Ш. Экзистенциальная ситуация уцелевшего. В кн.: 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии.- М.: Смысл, РПО, 2001. С.35-36.
15. Тарабрина Н.В. Психологические последствия войны. В кн.: Психологическое обозрение. 1996. №1. С. 26- 29.
16. Dyregov A. Caring for helpers in disaster situations // Disaster Management. 1989. V.2. P.25–30.
17. Herlofsen P. Group treatment in the aftermath of trauma // Balliere's Clinical Psychiatry. 1996. V.2 –P.315–328.
18. Lebigot M. Psychological debriefing. // Stress et Trauma. 2001. V. 1(3). P. 137–141.
19. Арпентьева М.Р. Восстановительная юстиция: особенности и перспективы // Советник юриста. 2015. №9. С.3-11.
20. Арпентьева М.Р. Доктрина понимания и деятельность социального работника в ювенальной юстиции // Советник юриста. 2015. №10. С.58-76.
21. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. Cambridge. UK: Cambridge University Press, 1998.
22. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation // Mediation Quarterly. 1993. 11 (1). P. 55-66.

Баранова М.А.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»
Григорян В.Л.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»

НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРЕЮДИЦИИ

Действующая редакция ст. 90 УПК РФ [1] закрепляет неопровержимую преюдициальную силу не только вступившего в законную силу приговора по уголовному делу (за исключением приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства в соответствии со ст.ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), но также и вступивших в законную силу решений, принятых в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, с оговоркой о недопустимости установления таким приговором или решением виновности лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Такая неопровержимая межотраслевая преюдиция была введена в 2009 году, сменила опровержимую отраслевую преюдицию, основанием к чему один из разработчиков данных нововведений, депутат Государственной Думы РФ А.М. Макаров назвал следующее: «…вопрос, который, мы считаем, необходимо решить, это вопрос о значении решений судов, то есть преюдиции, которые были вынесены, например, при рассмотрении в арбитражных судах. Представляете себе ситуацию - это не выдуманная ситуация, это конкретные дела, - когда налогоплательщик, выиграв спор у налоговой инспекции, выходит из арбитражного суда, а ОБЭП арестовывает его на ступеньках этого самого суда, и потом его судят и сажают в тюрьму за то, что он якобы совершил налоговое преступление, по которому арбитражный суд признал, что он абсолютно невиновен. Вот для того чтобы исключить подобные ситуации, мы вносим в Уголовно-процессуальный кодекс правило преюдиции, которое устанавливает, что все решения судов, приговоры судов имеют обязательную силу до тех пор, пока они не отменены в установленном порядке…» [2].

Мы же полагаем, что значимой причиной столь резкой смены официальных представлений о пределах действия преюдиции в уголовном процессе послужило дело гражданина Суринова Т.Р., явившееся предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в Определении от 15 января 2008 г. № 193-О-П [3].

Таким образом, новая формулировка уголовно-процессуальной преюдиции должна была обеспечить снижение административного давления на бизнес, искоренение коррупционной составляющей в деятельности правоохранительных органов по «заказным» делам.

Однако П.А. Скобликов, обсуждая данную законодательную новеллу, радужных ожиданий депутатов не разделил, пояснив, что, наоборот, «более масштабной станет коррупция в системе арбитражных судов. …коррупционный рынок неизбежно отреагирует на новые возможности судей, в том числе возможности по блокированию уголовного процесса» [4, с.189]. Следует заметить, что практика правоприменения последующих 5 лет во многом подтверждает мнение ученого: правоохранительные органы и суды выборочно подходят к признанию преюдициальной силы итоговых решений, вынесенных в иных формах осуществления правосудия.

Так, по уголовному делу по обвинению С. по ч. 1 ст. 201 УК РФ суд первой инстанции категорически не принял решение Арбитражного суда Саратовской области, вынесенное ранее по тем же фактическим обстоятельствам, касающимся суммы ущерба, причиненного С. МУП «Балаковоэлектротранс»[5]. В другом случае по гражданскому делу, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Саратова, суд, в нарушение положений ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, гласящей, что вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом, посчитал установленным в рамках ранее состоявшегося уголовного процесса также и размер имущественного вреда, причиненного преступными

действиями Я., К. и Б., со ссылкой на то, что размер причиненного имущественного ущерба является юридически значимым обстоятельством при квалификации преступления по ч. 4 ст. 159 УК РФ и, соответственно, счел его, вопреки положениям закона, предустановленным [6]. В третьей ситуации правоохранительные органы просто не учли ранее вынесенное решение по гражданскому делу, несмотря на то, что очевидно было понятно, что решение не только вынесено, но и вступило в законную силу. Такой пример приводит Г.Я. Борисевич: прокурор района был вынужден вернуть уголовное дело для производства дополнительного расследования, поскольку в материалах уголовного дела присутствовало решение по гражданскому делу, вынесенное Индустриальным районным судом г. Перми, согласно которому договор страхования недвижимого имущества, якобы заключенный позже наступления страхового случая, был признан заключенным обвиняемым О. с ОАО «Росстрах» законно, что исключает, по мнению прокурора, принципиальную возможность направления уголовного дела по обвинению О. в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ, в суд [7].

Получается, что факты, установленные решением гражданского или арбитражного суда, ныне не могут быть опровергнуты в уголовном судопроизводстве, также как и приговоры уголовного суда по вопросам, имели ли место действия, являющиеся предметом судебного рассмотрения, и совершило ли их данное лицо. И какими бы доказательствами ни располагали органы уголовного преследования, практически невозможно разрушить схему, опирающуюся на диспозитивность гражданского (арбитражного) процесса и возложение бремени доказывания на стороны. Для легализации любой уголовно-наказуемой сделки достаточно создать подставную фирму и провести с ней псевдопроцесс: предъявить иск, признать его, отказаться от него и т.п. В результате возникает преюдициальное решение суда о законности сделки, опровергнуть которое в уголовном процессе нельзя. Конституционный Суд РФ предложил использовать для преодоления преступных «преюдициальных схем» механизм пересмотра гражданских (арбитражных) дел по вновь открывшимся обстоятельствам [8]. Но его предложение выглядит не совсем продуманным. Во-первых, следственные органы не являются участниками арбитражного (гражданского) процесса, в силу чего у них отсутствуют процессуальные права по инициированию пересмотра. Во-вторых, процедура пересмотра достаточно продолжительна во времени, а потому не понятно, что делать с уголовным делом в течение всего периода пересмотра ранее вынесенного судебного решения.

Не имея действенных средств противодействовать коррупционным схемам и заказным делам, органы предварительного расследования и суды либо учитывают ранее вынесенные решения, если они согласуются с их процессуальной позицией, либо игнорируют. Такую практику нельзя признать правомерной.

Полагаем, что межотраслевая уголовно-процессуальная преюдиция должна носить опровержимый характер, когда решение по гражданскому (арбитражному) делу в обязательном порядке учитывается, исследуется, но может быть опровергнуто соответствующими доказательствами. Необходимо учитывать и правовую позицию, высказанную Конституционным Судом РФ в Постановлении от 21.12.2011г., согласно которой преюдициальность гражданского или арбитражного решения для уголовного процесса предопределена только в ситуации, когда в уголовном судопроизводстве рассматривается вопрос о правах и обязанностях того лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом.

Как следствие, в практическом плане вместо межотраслевой мы получили выборочную преюдицию, что, безусловно, не может ни сказаться на формировании единообразной правоприменительной практики и авторитете судебной власти в целом, а главное – цели, поставленные законодателем при реформировании в 2009 году положений о преюдиции, к сожалению, нельзя считать достигнутыми.

Список использованной литературы:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 15-03-01253 «Преюдициально-прецедентная сила судебных решений по уголовным делам».
2. Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 18.12.2009 – обсуждение законопроекта № 224549-5 // URL: api.duma.gov.ru›api/transcript/224549-5 (Дата обращения: 28.02.2016).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.
Скобликов П.А. Проблемы современной преюдиции: арбитражный процесс // Закон. 2010. № 4.
4. Приговор по уголовному делу № 1-144/15 по обвинению С. по ч. 1 ст. 201 УК РФ // Архив Балаковского районного суда Саратовской области за 2015 год.
5. Решение по гражданскому делу № 2-2481/2015, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Саратова в 2015 году // URL: https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-saratova-saratovskaya-oblast-s/act-495974385/ (Дата обращения: 28.02.2016).
6. Борисевич Г.Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-primeneniya-stati-90-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-rf (Дата обращения: 06.04.2016).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. 11 января. № 5675 (2).

Бытко С.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
ПИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России).

КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ[1] КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Как отмечается в теоретической литературе, преступность — явление многоликое, преступления совершаются в самых разных областях общественной жизни, характеристики совершаемых преступлений, например, мотивация преступников, весьма различны. Данное обстоятельство делает целесообразным изучение преступности в отдельных сферах (автодорожные преступления, компьютерные преступления, налоговые преступления, преступления на ж/д транспорте) [1, с. 87].

Полагаем, что подобное соображение полностью справедливо и по отношению к изучению преступности отдельных категорий лиц (мужчин, женщин, военнослужащих, безработных и проч.), поскольку групповые признаки субъектов преступлений предполагают сходные факторы преступности данных лиц, виды совершаемых ими преступлений, обстоятельства их совершения, мотивы и т. д.

Изучение сведений о лицах, совершивших преступления, содержащихся в сводных отчетах по форме 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» Судебного департамента при Верховном Суде РФ показало, что в настоящее время в массе всех осужденных наибольший удельный вес имеют трудоспособные лица, не имевшие на момент совершения преступления определенного места работы (в данной статье мы их для краткости условно будем именовать «безработными»); совершившие преступление в состоянии опьянения, а также ранее судимые (рисунок 1).

Таким образом, самые многочисленные группы осужденных наглядно демонстрируют, какие факторы преступности в настоящее время играют ведущую роль в детерминации всей преступности: безработица, пьянство и рецидив преступлений.

[1] В данной статье термин «безработный» включает в себя как лиц, официально зарегистрированных в таком качесвте, так и тех, кто не имеет определенного места работы.

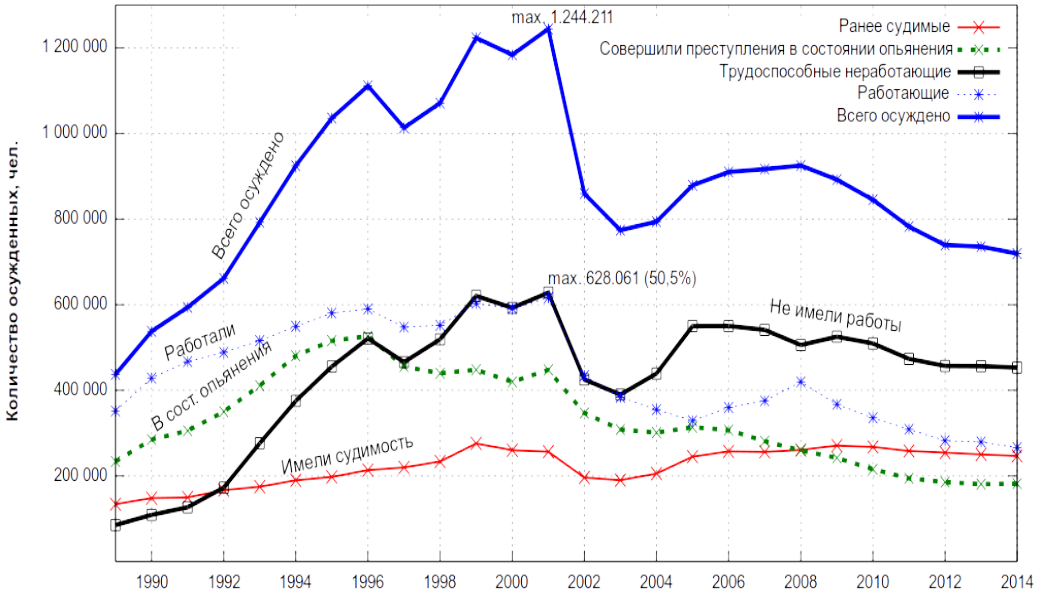

Рисунок 1. Сведения о составе осужденных в Российской Федерации

Наибольший удельный вес в массе осужденных начиная с 2003 года имеют безработные, причем, как это видно из графика на рисунке 1, поведение соответствующей кривой в целом повторяет поведение кривой общего числа осужденных. По состоянию на 2015 год удельный вес таких лиц в общей массе осужденных составил 64%. Однако по отдельным видам преступлений это значение еще выше (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес лиц, не имевших на момент совершения преступления определенного места работы, в массе осужденных по отдельным статьям УК РФ (%)*

Удельный вес безработных	**ст. 105**	**ст. 111**	**ст. 131**	**ст. 132**	**ст. 158**	**ст. 161**	**ст. 162**
2013	71,73	62,15	63,71	55,96	68,54	66,96	68,83
2014	71,62	63,22	66,22	56,77	70,07	69,20	70,30
2015	70,4	62,5	66,6	57,3	70,9	71,7	72,2

* Таблица и график на рисунке 1 построены на основе отчетов по ф. 11 Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013-2015 г.г.

Изучение статистических показателей позволило выявить специфические закономерности, характеризующие преступность безработных:

1. установлена тесная связь соответствующего ряда с количеством осужденных, имевших неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления. Коэффициент корреляции Пирсона между двумя рядами соответствующих данных составил 0,904. Такое значение свидетельствует об очень высокой зависимости между сравниваемыми явлениями. Для работавших и ранее судимых осужденных корреляционная зависимость отсутствует (коэффициент Пирсона - минус 0,15).

В 2014 году из 241 765 осужденных, имевших судимость, подавляющее большинство были безработными (177 463 человека, или 73,4 %). В то время как работавших лиц, имевших судимость, было почти в три раза меньше — всего 64302 человека, или 26,6 % в общей массе

осужденных, имевших судимость. Уровень судимости среди безработных составил 39,17 %, а у работавших — 24,2%.

В 2015 г. удельный вес безработных в массе осужденных, имевших на момент совершения преступления судимость, увеличился до 74,5% (174 537 из 234285 осужденных, имевших судимость). Уровень судимости у безработных — 37,8 %, у работавших на момент совершения преступления — всего 21,5 %.

Таким образом, безработица в настоящее время теснейшим образом связана с повторным совершением преступлений и, в том числе, с рецидивом.

По результатам проведенного нами анкетирования 1016 осужденных, было установлено, что безработные, отбывшие уголовные наказания, более интенсивно рецидивируют в первый год после освобождения от наказания, чем работавшие на момент осуждения лица. Так, в первый после освобождения от наказания рецидивировали 53,4 % из общей массы рецидивировавших безработных, и лишь 36,6% - из числа рецидивировавших лиц, имеющих работу.

При этом за 5 лет после освобождения от отбывания наказания из общей массы рецидивировавших совершили повторные преступления 93,5% безработных и 95,9% работавших. На шестом году вероятность повторения преступлений для этих категорий сравнялась с вероятностью совершения преступления ранее несудимыми лицами (рисунок 2).

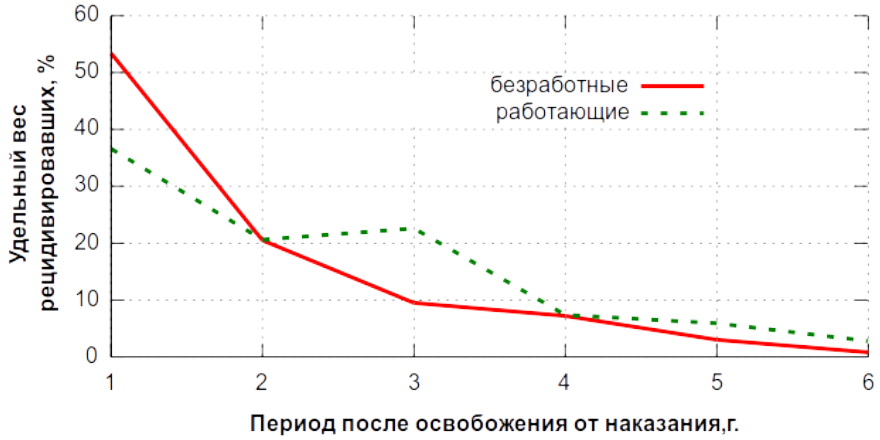

Рисунок 2. Интенсивность рецидива в различные периоды после освобождения от отбывания наказания

Приведенные данные позволяют сформулировать ряд соображений об эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания. Поскольку и безработным и работавшим назначаются сходные наказания, различия в уровне рецидива свидетельствуют о том, что эффективность предупреждения преступлений, зависит, в первую очередь, не от строгости наказаний, а от антикриминогенного потенциала среды, в которую попадают осужденные после отбытия наказания. Большой предупредительный эффект оказывает стабильность занимаемого социального положения, связанная, в первую очередь, с наличием работы.

Следует отметить также, что резкое снижение совершения преступлений на шестом году после освобождения от отбывания наказания говорит о том, что пять лет — это, по всей видимости, срок, в течение которого гарантированно осуществляется социальная адаптация к изменившимся условиям, идет ли речь о приспособлении к жизни на свободе, либо о пребывании в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Отсюда вытекает, во-первых, возможность ограничения сроков погашения судимости пятью годами. По прошествии этого времени уголовное наказание восстанавливает свое предупредительное воздействие на лиц, ранее совершавших преступления. Во-вторых, пять лет — это оптимальный срок наказания в виде лишения свободы. Его превышение ведет к адаптации осужденного к условиям в учреждениях, исполняющих данный вид наказания и снижению предупредительного потенциала данного вида наказаний.

2. Выяснив, что безработные составляют большую часть осужденных, мы могли бы ожидать, что для этой группы ведущей детерминантой преступности будет злоупотребление алкоголем. Однако здесь нас подстерегает неожиданность. Числовые ряды, содержащие данные о количестве осужденных, не имевших работы на момент осуждения, и совершивших преступления в состоянии опьянения, коррелируют в незначительной степени. Коэффициент Пирсона для этих двух рядов данных составляет всего 0,194. В то же время, между осужденными, имевшими работу, и совершившими преступление в состоянии опьянения, корреляция оказалось очень высокой — 0,935 (коэффициент корреляции Пирсона для этих рядов рассчитан для интервала 1992-2014 г.г.).

Из этого совершенно не следует, что безработные реже употребляют алкогольные напитки, а работающие – чаще. Корреляция предполагает сходство в поведении двух изменчивых величин. В данном случае можно утверждать, что злоупотребление алкоголем не является фактором, определяющим облик преступности безработных. Представители данной группы совершают преступления вне зависимости от опьянения. Такое может быть, если имеет место стойкая криминальная направленность личности, реализующаяся в любых условиях. Полагаем, что в отдельных случаях подготовка к совершению преступления вообще исключает употребление спиртных напитков.

И, наоборот, для работающих граждан злоупотребление алкоголем — обстоятельство, во многом выступающее причиной совершения преступлений. В трезвом состоянии лица, принадлежащие к этой группе, стараются вести законопослушный образ жизни.

Высокий удельный вес безработных в массе осужденных за совершение наиболее чувствительных для общества преступлений свидетельствует о ведущей роли безработицы в детерминации всей преступности. Однако механизм этого воздействия необходимо уточнить. В теоретической литературе нарастание официальной и скрытой безработицы рассматривается как фактор преступности [2, с. 65-69].

Однако сопоставление данных о состоянии преступности в Российской Федерации и количестве безработных по данным Росстата показывает, что в ряде случаев рост преступности сопровождался снижением числа лиц, не имевших определенного места работы (в статистике Росстата учитываются как официально зарегистрированные безработные, так и лица, не имеющие такого официального статуса). На рисунке 3 видно, что такая ситуация имела место в период наибольших значений преступности в 2006 году. Но и в другие периоды имели место расхождения в поведении соответствующих кривых.

Рисунок 3. Сведения о количестве лиц, лиц, не имевших определенного места работы, и зарегистрированных преступлениях в Российской Федерации

Наибольшее количество преступлений было зарегистрировано в 2006 году, хотя количество безработных в этот момент снижалось.

На основе данных о количестве безработных, а также материалов уголовной статистики нами был вычислен удельный вес осужденных-безработных в общей массе безработных. Этот показатель условно назван «криминальной активностью безработных». На рисунке 4 эти данные приводятся вместе с данными о состоянии преступности

Рисунок 3. Сведения о состоянии преступности и криминальной активности безработных в России

Здесь обращают на себя внимание следующие обстоятельства:

1. ярко выраженная ритмичность колебаний уровня криминальной активности безработных повторяет поведение кривой всей преступности. Рост криминальной активности безработных, имевший место с 2009 г., предвосхитил будущий рост преступности в 2015 г. Таким образом, не рост или снижение безработицы, а периодические изменения криминальной активности безработных могут выступать ведущими факторами всей преступности. Кроме того, уровень криминальной активности безработных может рассматриваться как показатель, имеющий прогностическое значение для оценки состояния преступности.

Сопоставление сведений о криминальной активности безработных и динамике преступности дает еще более любопытную картину. Кривая криминальной активности безработных очень хорошо совпадает с кривой динамики преступности, отставая от нее примерно на два года (рисунок 4).

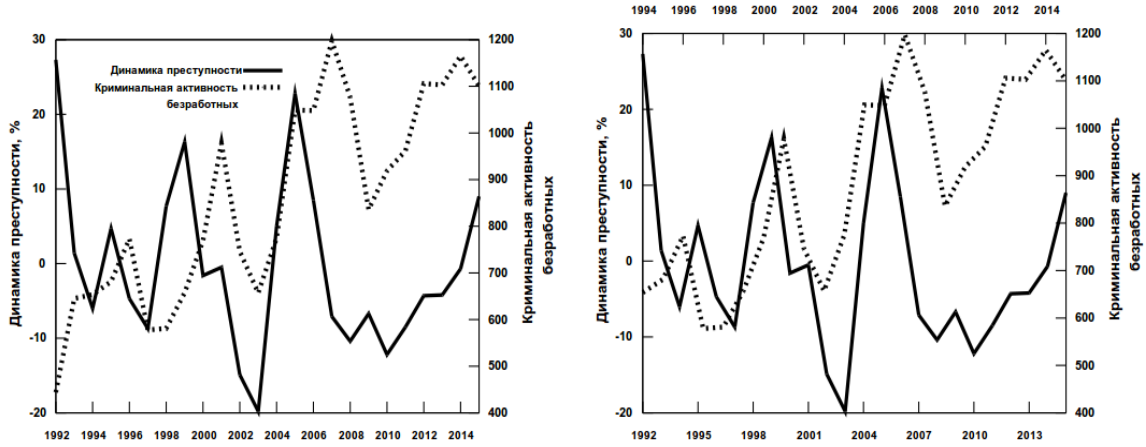

Рисунок 4. Сведения о динамике преступности и уровне криминальной активности безработных[2]

Такое отставание может объясняться следующими обстоятельствами:

- пики динамики преступности опережают на 1 год максимальные значения состояния преступности. Это следует из того, что в момент времени, когда преступность достигает пиковых значений, скорость ее прироста минимальна. В то время, как наибольшее значение динамики наблюдается в предшествующий год, когда преступность еще не достигла пика. Так, максимальное число преступлений было зарегистрировано в 2006 г. Но в этот момент прирост преступности был минимальным. А наибольшее значение динамики было в 2005 году, когда преступность росла наиболее быстро.

[2] На правом графике кривая безработных сдвинута на 2 года назад, ей соответствует верхняя временная шкала.

В свою очередь, колебания уровня преступности в расчете на определенную численность населения (уровень криминальной активности) отстает от всплесков состояния преступности примерно на 1 год. Полагаем, что это связано с особенностями статистического учета, в частности с тем, что преступления отражаются в уголовной статистике в том году, когда они были совершены, в то время, как сведения о количестве лиц, осужденных за совершение преступлений нередко отражаются в отчетах как за текущий, так и за следующий год, поскольку до осуждения какое-то время необходимо на розыск, проведение следствия и суда. Таким образом, статистика осужденных отражает всплески преступности с некоторым запозданием.

Таким образом, криминальная активность безработных является ведущим фактором, определяющим динамику всей преступности.

2. Уровень криминальной активности безработных многократно превышает криминальную активность работающих граждан. На пике преступности, наблюдавшемся в 2006 г., на каждые 10 тысяч безработных 1 197.5 человек совершили преступление, тогда как на 10 тысяч работающих – всего 53 человека, или в 22.6 раза меньше. В 2014 году дифференциация по этому показателю значительно усилилась: уровень криминальной активности безработных составил 1 078.8, в то время как для работавших – в 30.6 раза меньше, всего 35.3 осужденных на 10 тыс. человек. Если же учесть, что в массе осужденных-безработных подавляющее большинство (85%) составляют мужчины, то уровень криминальной активности этой категории граждан будет значительно выше. Так, по состоянию на 2013 год он составил 1 712,6 осужденных на 10 тыс. человек.

Криминальная активность лиц, не имеющих постоянного места работы, невероятно высока: утрата работы с вероятностью почти в 20 % приведет мужчин трудоспособного возраста на скамью подсудимых. Данное обстоятельство, требует внимательнейшего изучения преступности среди безработных и принятия чрезвычайных мер уголовно-правового и общепредупредительного характера.

Причины, по которым криминальная активность безработных испытывает периодические колебания, требуют самостоятельного изучения.

Список использованной литературы:

1. Варыгин А. Н. Преступность на железнодорожном транспорте и ее особенности // Юридическая наука: история и современность. 2011. № 3. С. 87-91.

2. Громов В.Г. Пенитенциарная преступность // Современное право. 2007. № 9. С. 65-69

Варыгин А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Законность и проблемы ее соблюдения всегда были актуальными для российского государства, но особую важность они приобретают в настоящее время – период дальнейшей демократизации нашего общества, построения правового государства. Признав человека высшей ценностью, государство взяло на себя обязанность обеспечить его законные права и свободы, закрепив законность в качестве принципа деятельности всех государственных органов (ст. 15 Конституции РФ).

Особую актуальность законность приобретает для деятельности правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел. Это обусловлено тем, что на них возложена задача обеспечения законности иными государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. Выполняя эту задачу,

правоохранительные органы выступают в качестве основы нормального функционирования всего государственного аппарата, государства в целом. Не случайно, законность закреплена в качестве главного принципа их деятельности. Например, ст. 6 Закона «О полиции», ст. 5 Закона «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» гласят, что деятельность этих органов строится и осуществляется на основе принципа законности. От состояния законности в деятельности органов внутренних дел зависит эффективность решения задач по воздействию на преступность, охране общественного порядка и обеспечению безопасности личности и государства.

Но, как показывает практика, состояние законности в деятельности органов внутренних дел всегда была далека от идеала. Достаточно просмотреть лишь материалы центральной печати за небольшой промежуток времени, чтобы убедиться в этом. В девяностые годы прошлого столетия только в прессе проходило свыше 400 публикаций о нарушениях законности сотрудниками органов внутренних дел [1]. И в настоящее время сообщения о них регулярно появляются в средствах массовой информации [2].

Нарушением законности в деятельности органов внутренних дел следует считать виновное нарушение сотрудником указанных органов в связи с исполнением своих служебных обязанностей норм материального или процессуального права, влекущее за собой юридическую ответственность.

Можно выделить следующие виды нарушений законности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: а) дисциплинарные правонарушения; б) уголовные правонарушения, т.е. преступления; в) иные правонарушения (административно-правовые, гражданско-правовые).

Если обратиться к статистическим данным, то можно увидеть, что количество нарушений законности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, постоянно увеличивается. Начиная с 1989 г., когда был снят гриф секретности с подобных отчетов, по 1999 г. их количество увеличилось более чем в три раза. Если в 1989 г. было зарегистрировано 5314 правонарушений, связанных с нарушением законности, то в 1999 г. – уже 16 649. Среднегодовой прирост таких правонарушений составил более 15% [3]. В последние годы количество нарушений законности, допускаемых сотрудниками органов внутренних дел также остается высоким. Так в 2012, 2013 годах увеличивалось количество сотрудников, привлеченных к ответственности за дисциплинарные проступки, связанные с нарушением законности не уголовного характера (2012 г. – 75 006 чел.; 2013 г. – 94 495 чел.).

Если конкретизировать нарушения законности, допускаемые работниками органов внутренних дел, то самым распространенным видом являются нарушения норм уголовно-процессуального законодательства. По данным уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2014 году из 59,1 тыс. поступивших ему жалоб и обращений 32,1% были связаны именно с нарушениями прав в уголовном судопроизводстве [4]. Такие нарушения заключаются прежде всего в необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел. Как правило, сотрудники органов внутренних дел, не проведя необходимой проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях, отказывали в возбуждении уголовных дел по такому основанию, как отсутствие события или состава преступления (ст. 24 УПК РФ). Нередко они выносят такие постановления, чтобы избежать дальнейшей работы по бесперспективному, на их взгляд, преступлению, то есть когда по нему нет конкретных подозреваемых и оно не будет раскрыто.

Не исключением являются случаи, когда следователи и дознаватели органов внутренних дел необоснованно приостанавливают предварительное следствие или дознание по уголовным делам. Как показывает анализ материалов служебных проверок по нарушениям законности сотрудниками органов внутренних дел, в ходе следствия и дознания ими проводятся далеко не все оперативно-следственные действия для установления всех обстоятельств дела, лица, подозреваемого в совершении преступления, и его местонахождения. Иногда уголовные дела прекращаются по надуманным обстоятельствам, для чего следователи и дознаватели ссылаются на такие основания, как примирение потерпевшего с обвиняемым. По данным

МВД РФ в 2013 году на 7,8% возросло количество сотрудников незаконно или необоснованно отказавших в возбуждении уголовного дела, на 15,3% – допустивших незаконное, необоснованное прекращение уголовного дела. Всего за нарушение норм уголовно-процессуального законодательства дисциплинарные взыскания были наложены на 41568 сотрудников.

Другим не менее распространенным видом нарушения законности сотрудниками органов внутренних дел является укрытие преступлений от учета, искажение статистической отчетности о результатах борьбы с преступностью. Как показывает анализ все тех же материалов служебных проверок по фактам нарушений законности, чаще всего не регистрируются те заявления граждан, в которых отсутствуют прямые указания на лиц, совершивших преступления, и установление которых представляется малоперспективным делом. Как правило, заявления у граждан просто-напросто не принимаются, под всевозможными предлогам их выпроваживают из органов внутренних дел или убеждают в бесперспективности поиска преступника и нецелесообразности подачи заявления. Иногда заявления у граждан принимаются, отбираются объяснения, но материалы о преступлении не регистрируются и мер по ним не принимается.

Нередки случаи фальсификации сотрудниками органов внутренних дел материалов предварительных проверок и уголовных дел. Они состоят в том, что сотрудники полиции вносят в протоколы следственных действий искаженные данные, не соответствующие действительности, составляют протоколы допроса без участия допрашиваемых, подделывают их подписи. Известны случаи, когда протоколы осмотра места происшествия составляются в служебных кабинетах без выезда на него, к материалам уголовных дел приобщаются фальшивые вещественные доказательства.

Распространены случаи применения сотрудниками органов внутренних дел незаконных методов ведения следствия и дознания, ущемления прав обвиняемых, подозреваемых и потерпевших. Незаконные методы ведения следствия и дознания проявляются прежде всего в оказании психического давления на подозреваемых и обвиняемых, их запугивании, высказывании угроз в адрес их близких, а также применении физического воздействия, в том числе и пыток.

Не менее распространенный характер носят нарушения законности в административной деятельности органов внутренних дел. Анализ статистических данных, материалов служебных проверок показывает, что чаще всего сотрудники милиции нарушают закон при административном задержании граждан. Незаконное административное задержание, как правило, заключается в том, что сотрудники милиции задерживают граждан при отсутствии в их действиях состава административного правонарушения или по тем правонарушениям, по которым такая мера воздействия не предусмотрена законом или задержание граждан производится без достаточных к тому оснований, когда можно было обойтись иными мерами воздействия.

Распространенным правонарушением, совершаемым сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении административно-юрисдикционной деятельности, является необоснованное наложение на граждан штрафа за административные правонарушения. Как показывает анализ материалов служебных проверок, проведенных по фактам нарушения законности

сотрудниками милиции, часто штрафы ими налагались за правонарушения, за совершение которых они не были предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях РФ. Иногда штрафы накладывались теми сотрудниками, которые в соответствии с законом не имеют права его наложения. Немало подобных нарушений допускается сотрудниками ГИБДД.

В последние годы все большее распространение получают так называемые «коррупционные» правонарушения, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел. Им запрещено заниматься предпринимательской деятельностью (самостоятельно или через посредников); оказывать любое, не предусмотренное законом содействие физическим и юридическим лицам с использованием своего служебного положения в осуществлении

предпринимательской деятельности и получать за это вознаграждения, услуги и льготы. Сотрудникам также запрещается выполнять иную оплачиваемую работу на условиях совместительства (кроме научной, преподавательской и творческой деятельности), принимать участие в управлении акционерными обществами, товариществами с ограниченной ответственностью или иными хозяйствующими субъектами. Кроме того, сотрудники должны ежегодно предоставлять сведения о своих доходах. Несмотря на это, многие сотрудники органов внутренних дел занимаются предпринимательской деятельностью самостоятельно или через посредников, открывают на свое имя, а чаще на имя своих родственников или близких коммерческие предприятия и занимаются больше их деятельностью, чем своей непосредственной работой. Распространены случаи совместительства сотрудниками своей работы с работой по охране каких-либо коммерческих организаций или отдельных лиц. Сотрудники милиции в свободное от основной работы время охраняют офисы, склады, базы, сопровождают грузы, отдельных предпринимателей, имеющих при себе большие суммы денег. Часто это делается с использованием форменного обмундирования, табельного оружия, спецсредств. Так по данным начальника службы собственной безопасности МВД РФ А. Макарова, в 2013 году выявлены факты оказания услуг «полицейского такси» - незаконного эскорта коммерсантов и даже бандитов сотрудниками полиции на служебных автомобилях [5].

Нередки случаи прямого предательства отдельными сотрудниками интересов службы. Они сообщают за определенную плату информацию тем или иным лицам, в том числе и занимающимся преступной деятельностью, об интересующих объектах, лицах (например, о свидетелях и потерпевших по уголовным делам, их местонахождении).

Таким образом ситуация с соблюдением законности в деятельности органов внутренних дел, не смотря на принимаемые руководством страны и министерства внутренних дел меры, далеко не идеальна и требует изменения.

В заключение следует отметить, что нарушением законности в деятельности органов внутренних дел следует считать виновное нарушение сотрудником органов внутренних дел в связи с исполнением своих служебных обязанностей норм материального или процессуального права, влекущее за собой юридическую ответственность. Видами нарушения законности являются дисциплинарные, уголовно-правовые и иные правонарушения. Их количество в последние годы постоянно увеличивается, что обусловливает необходимость их централизованного учета наряду с нарушениями законности сотрудниками иных правоохранительных органов. Порядок и система учета таких нарушений должны быть закреплены в едином нормативном акте, например, законе «Об учете нарушений законности сотрудниками правоохранительных органов».

Список использованной литературы:

1. Приказ МВД РФ № 170 от 07.03.98 «О предупреждении правонарушений со стороны сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России».
2. Громкие преступления, совершенные сотрудниками МВД в 2009-2012 гг. // www.ria.ru/ Дата обращения 18 января 2016 г.
3. Сведения о нарушениях законности и преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел. Отчеты ГИАЦ МВД РФ за 1989–1999 годы, 2012-2913 годы.
4. Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год// Российская газета. 2015. 7 мая.
5. *Фалалеев М.* Служба собственной безопасности МВД выявила 3,5 тыс. преступлений полицейских//Российская газета. 2013. 18 декабря.

Вестов Ф. А.,
профессор кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
Лазарев Д.К.,
студент юридического факультета,
направления подготовки «юриспруденция»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СУДА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШИВШЕЙ КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО, ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности, характеризуются наличием специального субъекта. Изучение личности, которого занимает особое место, как при раскрытии данного вида преступлений, так и при назначении наказания судом.

Прежде всего, следует отметить, что Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в статье 2 определяет несостоятельность (банкротство) как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей[1].

Под «криминальным банкротством» понимается осуществление соучредителем предприятия или индивидуальным предпринимателем действий, влекущих неспособность юридического лица либо индивидуальным предпринимателем удовлетворить в полном объеме требование кредиторов по задолженности либо выполнить обязанности по уплате обязательных платежей, ответственность за которые предусмотрена в ст. 195, 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На сегодняшний день, в Приволжском федеральном округе из 570864 (по состоянию на апрель 2016 года) организаций, прекративших свою деятельность – 53202 (9,3%), прекратили свою деятельность в связи с банкротством (из них: полные товарищества – 14; товарищества на вере – 80; общества с ограниченной ответственностью – 34110; закрытые акционерные общества – 4492; открытые акционерные общества – 3661; производственные кооперативы – 5751; унитарные предприятия – 4638; иные коммерческие организации – 456)[2].

В правоприменительной практике, дела связанные с криминальным банкротством не распространенное явление и встречаются редко. Но проанализировав существующую судебную практику в Приволжском федеральном округе, а именно дела по статьям 195, 196, 197 Уголовного Кодекса РФ, мы можем констатировать о некоторых тенденциях присущих данному деянию.

Судебная практика в отношении ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» складывается следующим образом: 57,1% решений – освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности; 14,2% - получили штраф; 28,7% – в качестве наказания было назначено ограничение свободы (с учетом ст.73 УК РФ). Если говорить о гендерном составе, то ситуация не отличается от общероссийской статистики, где большинство экономических преступников мужчины[3], в нашем случае – 85,7% лица мужского пола. Также все привлеченные к уголовной ответственности лица не привлекались ранее.

Статья 196 «Преднамеренное банкротство»: во всех рассмотренных случаях в качестве наказания было избрано лишение свободы, которое в 40% случаев применялось со ст. 73 УК РФ, а в остальных 60% назначалось в совокупности с другими составами (80% - в совокупности со ст. 159 УК РФ; 20% - со ст. 201 УК РФ). По половой принадлежности 90% - мужчины; 10% - женщины. Все привлекаемые к уголовной ответственности по статье 196 УК РФ ранее не судимы.

И наконец, последняя статья, характеризующаяся и подпадающая под понятие, рассматриваемых нами криминальных банкротств, ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство». В большинстве проанализированных дел в качестве наказания назначается лишение свободы – 66,6% (из них 50% по совокупности со ст. 159 УК РФ, и 50% - применяется со ст. 73 УК РФ), в оставшихся 33,4% дел, назначался штраф. Лица, совершившие данное преступление, как правило, мужчины – 100%. Схожая ситуация, как и при рассмотрении дел предыдущих статей, процент ранее судимых равен 0.

В итоге, из 100% проанализированных судебных решений на наказания связанные с лишением свободы приходится 60% (41,6% по совокупности со ст. 159 УК РФ; 58,4% с учетом ст. 73 УК РФ). Также стоит отметить, что в большинстве случаев назначенный срок не превышал 3 лет, даже в отношении преступлений по ст. 196, 197 УК РФ, где максимальным сроком является 6 лет. Из 58,4%, где отсутствовала совокупность совершения преступления реальный срок, имел место лишь единожды, но в данном случае был причинен крупный ущерб, а также осужденным не была признана вина, что и послужило основанием для такого строгого наказания.

По трем рассмотренным статьям доля женщин-преступниц составила 10%, возможно это связано с тем, что предпринимательство – это мужская стезя, хотя нельзя не отметить тот факт, что доля женщин в бизнесе за последнее время возросла и продолжает расти. Такой низкий процент свидетельствует о том, что женщины в меньшей степени склонны к риску. В нашем случае, если говорить о таком виде преступлений как криминальное банкротство, требующих предварительной подготовки и планирования, то здесь женщины показывают себя, что они в большей степени учитывают возможные последствия, при принятии решения о совершении данного рода преступлений, как для нее самой, так и для семьи.

Исходя из проанализированных решений, принятых судом, мы не можем говорить о рецидиве лиц, совершивших криминальные банкротства, т.к. по всем трем статьям он равен 0%.

В заключении, необходимо отметить, что по нашему мнению правоприменительная практика движется в правильном направлении, ведь экономический преступник, представитель «беловоротничковой преступности», и заслуживает наказание, соразмерное содеянному. Поэтому для повышения эффективности наказания имеет смысл, рассмотреть добавление в уголовный закон примечание, что добровольное возмещение ущерба как смягчающее ответственность обстоятельство, освобождает его от уголовной ответственности, тем самым повысить внимание к личности преступника при вынесении наказания судом. С другой стороны, данные правонарушения, на наш взгляд, имеет смысл перенести в категорию административных проступков, что позволило бы понизить нагрузку на судебные органы и уменьшить число лиц, отнесенных к категории преступников.

Список использованной литературы:

1. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) " (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016) // Собрание законодательства. 28.10.2002 г. № 43. Ст. 4190.
2. Информационное агентство «Kartoteka.ru»/Статистика юридических лиц. URL: http://www.kartoteka.ru/info_jur/?tab=commonDistrict&commercial=1&district=3 (дата обращения: 14.05.2016).
3. Рудая Т.Ю. Личность преступника совершившего экономическое преступление/ Юристъ – Правоведъ. – 2015. - №1. – С. 49-52.

Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Понимание определения «правоохранительные органы» и системы правоохранительных органов доставляет немалое научное внимание. На эту тему было произведено большое количество учебных пособий, научных статей, существуют диссертационные исследования, тем не менее, у исследователей зачастую отсутствует целостность в осмыслении как самого определения «правоохранительные органы», так и совокупности (системы) таких органов.

Данное отчасти объединено с тем, что система научного изучения процесса правоохранительных органов было начато не так давно, «специальные изучения по проблеме определения сущности и понятия правоохранительных органов возникли лишь в 1980-е годы XX века» [6, с. 89]

Помимо этого, неоднозначному осмыслению правоохранительных органов содействуют динамичные модификации в их строении, что, также отмечает Гавриленко А. А. [2, с. 191]

Также стоит уделить внимание вырабатыванию системы правоохранительных органов с соображения законодательного подхода к её пониманию.

Несмотря на разрозненность и бессистемность использования в нормативно-правовых актах определения «правоохранительные органы», невозможно не отметить наметившиеся положительные сдвиги в таком направлении. Так, согласно Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 №58-ФЗ было определено, что в РФ государственная служба делится на три вида – государственную военную, государственную правоохранительную и государственную гражданскую службу.

Следовательно, вышеупомянутым федеральным законом было введено новое юридическое понятие – «государственная правоохранительная служба», заключающий в себе «вид федеральной государственной службы, которая представляет собой служебную профессиональную деятельность граждан на постах правоохранительной работы в государственных службах, учреждениях, органах, исполняющих функции по борьбе с преступностью, по организации безопасности, правопорядка и законности, по защите свобод и прав гражданина и человека» [4].

Отметим, что ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» прямо не заявляет о том, что государственной правоохранительным органом называется служба в правоохранительных учреждениях, однако он определяет создание всеобщего федерального закона, который регламентирует правовой статус государственной правоохранительной службы.

Помимо этого, сейчас существует проект ФЗ «О правоохранительной службе в РФ», который ещё с 2007г. находится на согласовании в Правительстве России [8].

Смирнов А. Е., Кузнецов А. А. и Агафонов М. Ю. обозначают, что в 2007г. Минфин рассмотрел доработанный Аппаратом Правительства Российской Федерации проект заключения Правительства Российской Федерации на проект ФЗ «О правоохранительной службе в РФ», а в будущем его рассмотрение было продолжено в границах Федеральной программы «Развитие и реформирование системы государственной службы России (2009-2013 гг.)» [7, с. 182].

Анализируя текст вышеупомянутого законопроекта, стоит отметить, что во-первых, он даёт определение правоохранительного органа, разумея под ним «федеральную государственную службу, учреждение, орган, в котором согласно статьи 4 настоящего ФЗ предусмотрена правоохранительная служба, которая осуществляет функции по организации безопасности, правопорядка и законности, по защите свобод и прав гражданина и человека, по борьбе с криминальностью», и, во-вторых, предопределяет, что «перечень государственных

органов, предусматривающих правоохранительную службу, учреждается Президентом России».

Поэтому, если ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» прямо не свидетельствует о том, что государственным правоохранительным органом называется орган в правоохранительной службе, то проект ФЗ «О правоохранительной службе в РФ», без колебания, делает данное.

Вместе с этим, как отмечает Касумов А. М., именно «расплывчатость структуры правоохранительных органов становится весомым тормозом в рассмотрении проекта ФЗ о правоохранительной службе» [3, с. 131].

Вероятно, что законодатель принял решение продолжить реформы только по этому назначению, так как 29.07.2011 был выпущен Указ Президента Российской Федерации № 1038 «О Комиссии при Президенте РФ по проблемам кадровой политики в правоохранительных органах», ратифицировавший Положение о вышеупомянутой комиссии. Согласно пункта 1 указа, к правоохранительным органам относятся: Министерство РФ по делам гражданской обороны, ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайным ситуациям, Министерство внутренних дел России, Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной служба судебных приставов, Следственный комитет России и Государственная фельдъегерская служба РФ.

Как уже отмечалось выше, указ отражает нынешнюю позицию Президента Российской Федерации относительно того, какие службы следует причислять к правоохранительным. Вместе с этим, по меньшей мере, один действующий в данное время ФЗ («О прокуратуре Российской Федерации»), относящий некоторое количество органов к правоохранительным, отчасти ему противоречит, причисляя к правоохранительным службам Российской Федерации органы Федеральной службы безопасности. Поэтому, правильнее является позиция, согласно которой ФСБ стоит причислять к правоохранительным органам, похожей точки зрения держатся Федоров Ю. Н. [1, с. 168], Петрашко Е. Л. [5, с. 75] и некоторые другие авторы.

Целесообразно считать, что утверждение Указа Президента Российской Федерации от 29.07.2011 №1038 «О Комиссии при Президенте РФ по вопросам кадровой политики в правоохранительных органах» выражает существенную роль в развитии государственного, научного и общественного понимания общепринятой, единой и законодательно сформированной системы правоохранительных служб России, в связи с этим можно сделать следующие выводы.

1. Неоднозначна точка зрения законодателя касаемо причисления ФСБ к правоохранительным службам.
2. Законодатель при установлении системы правоохранительных служб исходит из знака наличия в правоохранительных службах института государственного правоохранительного органа.
3. Оглашенным выше указом обусловлена современная структура законодательных правоохранительных органов России.
4. Органы прокуратуры и судебная система России обосабливаются законодательством от структуры правоохранительных органов.

Поэтому, в настоящий момент заявлять о том, что система правоохранительных органов целиком законодательно сформирована, прежде времени, в связи с этим необходимо дальнейшее улучшение действующего законодательства РФ путем:

- утверждения указа Президента, который, со ссылкой на ФЗ «О государственной правоохранительной службе в РФ», предопределял бы перечень правоохранительных субъектов, не возражая уже принятому Указу Президента России от 29.07.2011 №1038 «О Комиссии при Президенте РФ по вопросам кадровой политики в правоохранительных органах»;

- приведения нормативно-правовых актов в соответствие с Указом Президента России от 29.07.2011 года №1038 «О Комиссии при Президенте Р Ф по вопросам кадровой политики в правоохранительных органах»;

- рассмотрения нормативно-правовых актов, которые содержат указания на то, какие службы не следует или следует причислять к правоохранительным;

- принятия ФЗ «О государственной правоохранительной службе в России».

Таким образом, стоит отметить, что в определенной степени задумки законодательных органов РФ не идеальны, потому что официального документа, который свидетельствует о направлениях развития законодательной структуры правоохранительных органов, попросту не имеется. Совместно с этим принятие подобного нормативно-правового акта (неплохо в форме нормативной стратегии или концепции) может в высокой степени помочь убыстрению процесса формирования наиболее конкретного понимания законодательной системы правоохранительных органов России.

Список использованной литературы:

1. Бабаченко С. В. Конституционно-правовой статус правоохранительных органов Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. М., 2009. 183 с.
2. Гавриленко А. А. Система правоохранительных органов: понятие и элементы // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности: матлы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 11 апреля 2009г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. С. 191-196.
3. Касумов А. М. Административно-правовое регулирование правоохранительной службы Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. М., 2008. 163 с.
4. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010, с изм. от 06.12.2011) // СЗРФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
5. Петрашко Е. Л. Государственная правоохранительная служба Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. 248 с.
6. Потапова С. А. Об основных признаках правоохранительных органов РФ // Труды академии управления МВД России. М., 2008. № 4 (8). С. 89-92.
7. Смирнов А. Е., Кузнецов А. А., Агафонов М. Ю. Проблемы развития правоохранительной службы в РФ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2011. Ч. II. С. 182-185.
8. http://www.spravedlivo.ru/news/anews/10411.php (дата обращения: 15.04.2016).

Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНАЯ СТАТИСТИКА И РАБОТА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В последнее время в стране замечается устойчивый рост числа выявленных административно-правовых нарушений, а также наложенных сумм административно-юрисдикционными службами административных штрафов.

Отрицательная характеристика состояния легальности, многочисленные нарушения свобод и прав граждан в процессе производства по работам об административных правонарушениях, всеобщие неисполнения требований административно-процессуального закона, пассивность административно-юрисдикционных служб обусловливают нужду прокурорского вмешательства, целеустремленная создание которого в большем зависит от компетентного использования прокурорами сведений административно-деликтной статистики.

Административно-деликтная статистика (о состоянии, структуре, уровне, динамике деликтности, условиях и причинах, содействующих совершению правонарушений, установления личности правонарушителя и пр.) является потребной эмпирической базой работы прокурорского надзора в общем и определенных прокурорско-надзорных действий.

Так, рассмотрение состояния законности (охватывая преступность), позволяющий охарактеризовать общую совокупность правонарушений законов на надзорной территории, также определить конкретные течения организационно-управленческой и надзорной деятельности, реализовывается с применением показателей административно-деликтной статистики. [5, с. 13]

Схема такого разбора в районе (городе) может содержать изучение состояния административной деликтности, охватывая динамику общего числа административных проступков (некоторых категорий правонарушений); численности лиц, которые привлечены к административному нарушению (коэффициент на 1000 людей по районам и городам); а также рассмотрение практики присуждения административных наказаний. [3, с. 50].

Показатели административно-деликтной статистики показывают распространенность некоторых видов правонарушений, их жизнеспособность и движение, свидетельствуют о результативности определённых норм закона, надобности модификации подходов к ликвидации нарушений законов. Потому анализ данных показателей, которые имеются в сведениях прокурорского надзора, надлежит активно применять в границах правотворческой работы (пункт 2.2 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2007 №144 "О правотворческой деятельности органов прокуратуры и совершенствовании взаимодействия с представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти, органами местного управления").

Статистический анализ – это основа для следующего целенаправленного, углубленного и конкретного анализа состояния легальности с использованием прочих материалов. В данных устремлениях статистические показатели употребляются наряду с прочими сведениями, которые характеризуют состояние правопорядка и законности (материалы уголовных, гражданских, административных, арбитражных дел, прокурорских проверок, сведения контролирующих органов, сообщения СМИ, обращения граждан и т.п.).

В настоящий момент административно-деликтная статистика собирается значительным числом административно-юрисдикционных служб, как в ведомственном, так и в официальном порядке. Официальная статистическая информация собирается согласно плана федеральных статистических произведений, содержащий перечни субъектов учета и исполняемых ими действий с установкой периодичности их исполнения, сроков предоставления пользователям (статья 5 Федерального Закона от 29.11.2007 "Об официальном статистическом учёте и системе государственной статистики в РФ").

Так, пунктах 1.7.1., 1.7.2. Федерального плана статистических работ, который утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 6.05.2008, предусмотрено ежегодное развитие уполномоченными службами статистической информации об административно-правовых нарушениях в области экономики, ежеквартальных сообщений о результатах обследований по раскрытию незаконного производства, оборота алкогольной продукции и этилового спирта (по Российской Федерации, субъектам Федерации, федеральным службам исполнительной власти, федеральным округам). Ведомственная (оперативная) статистическая информация (а также составляемая в форме различного рода докладов, сборников, отчетов, перечней показателей), обычно, формируется в осуществление требований нормативно-правовых актов федеральных служб исполнительной власти и являет собой обобщение итогов их деятельности (охватывая работу по пресечению и выявлению административных правонарушений).

Требование статистической документации службой прокуратуры совершается в порядке статьи 22 Закона о прокуратуре. Нужно знать, что пункт 15 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 7.12.2007 №195 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением свобод и прав гражданина и человека" прокурорам приказано исключить факты наложения на контролирующие, прочие органы и организации и их ответственных лиц обязанности по доставлению статистических данных, которые не предусмотрены Законодательством.

Неимение оперативного доступа к последствиям статистического учёта контрольно-надзорных органов часто порождает неограниченность информационной базы служб

прокуратуры. Перспективным с позиции восполнения показанного пробела представляется применение прокурорами-предметниками, научными работниками в аналитической теории интернет-технологий. Говорится о том, что, в частности, используются потенциалы государственных информационных сайтов и порталов общественных организаций, которые организуют вертикальный обмен разнообразного рода правовых сведений (включая статистическую).

Информация о работе государственных органов, органов местного управления, которая размещается в сети Интернет, фиксировано статьей 13 Федерального Закона от 9.02.2009 "Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов местного управления и государственных органов". Также органы власти обычно недействительно размещают информацию о собственной работе на официальных ресурсах в сети Интернет, что перечит основному для демократических стран принципу свободы информации (статья 29 Конституции Российской Федерации; статья 3, пункт 4 статьи 8 Федерального Закона от 27.07.2006 "Об информации, информационных технологиях и защите информации").

Отталкиваясь от статей 21, 26 Закона о прокуратуре совпадение содержания информационных ресурсов служб публичной власти запросам законов (в т. ч. присутствие на сайтах федеральных органов исполнительной власти непременной для размещения в Интернете статистической информации) вмещается в предмет прокурорского надзора, а также обязано быть снабжено его средствами. В данной связи стоит учитывать практику употребления судебных процедур защитными организациями. [1, с. 24]

Ещё одна проблема, которая затрудняет аналитическую работу субъектов прокуратуры – это отсутствие общего федерального статистического учёта по делам об административных нарушениях. Административно-юрисдикционные субъекты формируют статистическую отчётность на ведомственных основаниях, исходя из личных оперативных нужд, в связи с этим показатели её несопоставимы, а возможность целенаправленного и единообразного применения практически опущена. Необходимо введение на территории страны единой системы статистического учета административных правонарушений (включая учет результатов административно-юрисдикционной деятельности органов государственной власти субъектов Федерации).[2]. Создание такой системы учета послужит предпосылкой в том числе для максимальной реализации задач административного производства, полного рассмотрения всех обстоятельств дела.

Следует согласовать показатели административно-деликтной статистики всех органов сообразно стадиям производства по делам об административных правонарушениях. В частности, в целях оценки эффективности и качества деятельности органов административной юрисдикции необходим более детальный учет движения дел об административных правонарушениях. Исходя из приведенных соображений возможно дополнение прокурорской статистики по форме "П" показателем количества возвращенных судьями и органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях, постановлений прокуроров о возбуждении дел об административных правонарушениях для устранения недостатков; количества прекращений производства по делам об административных правонарушениях, возбужденных прокурорами, и т. п., что, думается, положительно сказалось бы на качестве актов прокурорского реагирования и способствовало повышению эффективности прокурорского надзора.

Помимо этого, с учетом отрицательной характеристики состояния законности в области административно-правовых нарушений, отсутствия цельной методической основы реализации прокурорского надзора на данном участке, непрерывного усложнения, детализации и развития административно-процессуального законодательства доставляется по-прежнему жизненным ранее изложенное в литературе суждение о позиционировании наблюдения за исполнением законодательства службами административной юрисдикции в форме самостоятельного назначения прокурорско-надзорной работы.[4, с. 52]. Возможно также образование подобающих структурных подразделений в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и прокуратурах субъектов РФ.

Список использованной литературы:

1. Ефремова Г. Х., Пантелеев Б. Н. Использование органами прокуратуры Российской Федерации ресурсов сети Интернет для повышения эффективности правоохранительной деятельности и взаимодействия с общественностью / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 2007. N 5 (165). С. 24.
2. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Административно-деликтная политика как одно из направлений административной реформы в Российской Федерации // Правоведение. 2007. N 1.
3. Косоплечев Н. П., Кузнецова Э. В., Сидоренко Е. Н. Методика изучения и разработки мер предупреждения преступности в городе и районе: Методическое пособие / Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 2005. С. 65.
4. Стуканов А. Опасность административных правонарушений // Законность. 2005. N 11. С. 52 - 53.
5. Чурилов А., Баранова И. Судебная статистика и аналитическая работа прокурора // Законность. 1999. N 6. С. 13 - 16.

Грачёва О.А.,
Преподаватель кафедры прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

ЗНАЧЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРОК ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Основным способом выявления нарушений действующего законодательства является проведение прокурором проверок. Так, согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации только за январь-декабрь 2015 года в ходе осуществления надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем прокурорских проверок выявлено 4908615 случаев нарушения закона[1].

Именно прокурорская проверка называется большинством авторов основным средством прокурорского надзора[2, С. 89–93; 3, С. 140]. Более того, в юридической литературе нередко понятие проверки отождествляется с прокурорским надзором в целом[4; 5, С. 9], что подчеркивает особую значимость данного рода деятельности прокурора.

Из анализа научной литературы можно выделить две основных группы точек зрения на определение прокурорской проверки. Первая группа авторов определяет прокурорскую проверку как широко используемое на практике полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов должностными лицами, метод осуществления высшего надзора[6, С. 105, 106, 122]. Вторая группа авторов относит прокурорские проверки к разновидности средств прокурорского надзора по выявлению нарушений закона[3, С. 140-145; 7].

Стоит согласиться с обоснованным мнением Е.Р. Ергашева и А.А.Фирсовой о том, что прокурорская проверка это «правовое средство прокурора, представляющее собой совокупность взаимосвязанных интеллектуальных, организационных, технических, управленческих действий»[8].

Однако, определения прокурорских проверок, приводимые учеными, не основаны на законодательном регулировании в связи с отсутствием такового.

На необходимость нормативно-правового регулирования понятия прокурорской проверки, сроков её проведения, прав лиц, участвующих в прокурорской проверке, итоговом документе по результатам проверки уже неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации. В своих постановлениях от 18 февраля 2000 г. № 3-П[9] и от 17 февраля 2015 г. № 2-П[10], Конституционный Суд РФ указал на необходимость принятия закона, который бы урегулировал процедуры прокурорских проверок, а также на необходимость установления сроков принятия решения об ознакомлении с материалами проверки, поводов для начала, порядка, сроков и пределов проведения прокурорских

проверок. Из всего перечисленного было реализовано спустя 13 лет только предписание, обозначенное в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П об установлении сроков принятия решения об ознакомлении с материалами проведения прокурорской проверки[11]. При этом остальные вопросы о понятии, сроках, порядке, поводе и пределах проведения проверок, а также сроков исполнения предписаний прокуроров законом не разрешены. Более того, в настоящее время имеется правовая неопределенность в применении Постановления Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П. Прокуроры действуют при проведении проверок на основании Приказа Генеральной прокуратуры России от 28.05.2015 N 265 "О порядке исполнения постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 N 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации", которым в качестве срока проведения проверки устанавливается двадцать рабочих дней (абз.2 п. 1.2), в то время как Законопроектом о внесении соответствующих изменений в Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации» после его рассмотрения и принятии в первом чтении, предусматривается тридцать календарных дней на проведение такой проверки[12].

Кроме того, рассмотренные нами определения приводятся авторами относительно так называемой «общенадзорной» проверки, в то время как прокурорские проверки в досудебном производстве по уголовным делам предметом отдельного самостоятельного научного исследования не являлись, в связи с чем их определение не приводилось.

Между тем, прокурорские проверки в сфере уголовного судопроизводства имеют особое значение, так как именно в уголовном процессе происходит наиболее острое вторжение в различные области жизни человека. Быстрое реагирование на любое сообщение о совершенном либо готовящемся преступлении, своевременное, всестороннее и полное расследование уголовного дела являются залогом защиты прав потерпевших и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В таких условиях деятельность прокурора, направленная на оперативное выявление и пресечение нарушений действующего законодательства играет важную роль в борьбе с преступностью и защите прав граждан.

В уголовном процессе вопросы о порядке и сроках проведения прокурорской проверки разрешены законодательным путем несколько иначе. В соответствии со статьей 30 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации», то есть в установленной уголовно-процессуальным законом форме.

Уголовно-процессуальная форма — это порядок и условия совершения отдельных процессуальных действий и их совокупности, официального закрепления их хода и результатов, установленных законом[13, С. 49]. Согласно постулатам уголовного процесса субъектам уголовного судопроизводства – государственным органам и должностным лицам разрешено делать только то, что прямо указано в уголовно-процессуальном законе. Однако, ни порядок, ни форма, ни сроки прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплены. Эти пробелы в законодательстве частично регулируются Приказами Генерального прокурора РФ, методическими разработками НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Имеющиеся методические рекомендации при отсутствии четких законодательных решений в части порядка осуществления прокурорских проверок порой не достигают цели. Недостатки правовой регламентации вопросов проведения прокурорских проверок в досудебном производстве отрицательно сказываются на практике, что подтверждается мнением практических работников.

Так, по результатам проведенного нами социологического исследования методом анкетирования среди работников органов прокуратуры РФ, абсолютное большинство прокуроров (73,7 %) считает, что в УПК РФ требуется закрепление понятия «прокурорская проверка исполнения закона» с четким определением её правового регулирования

(процедуры, сроков и способов проведения) в досудебном производстве. При этом 91,2% из 200 опрошенных прокурорских работников считают, что необходима единая (унифицированная) форма прокурорских проверок[14].

В связи с этим, полагаем необходимым проведение глубокого научного исследования прокурорских проверок в досудебных стадиях уголовного процесса с целью определения унифицированной процессуальной формы их закрепления и формулирования соответствующих комплексных предложений по внесению изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Список использованной литературы:

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2015 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ http://genproc.gov.ru/stat/data/950073/ (дата последнего обращения 5.04.2016 г.)

2. Ломовский, В. Д. О понятии и содержании прокурорской проверки //Правоведение. -1988. - № 5.

3. Синельщиков Ю.П. Правовые средства прокурорского надзора // Настольная книга прокурора / коллектив авторов; под ред. С.И. Герасимова. М.: НИИ укрепления законности и правопорядка, изд-во «Эсклит», 2003.

4. Козлов А. О пределах общего надзора // Соц. законность. 1976. № 6.

5. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: Учебник. М.: Юрайт, 2011.

6. Прокурорский надзор в СССР / Под ред. Б. А. Галкина. М., 1982.

7.Кушнир И.В. Прокурорский надзор // http://www.be5.biz/pravo/p003/03.htm (дата последнего обращения 5.03.2015г.)

8. Ергашев Е. Р., Фирсова А. А. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // Российский юридический журнал, 2013, N 1.

9. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Официальный сайт СПС «Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/ (дата последнего обращения 7.03.2015 г.)

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 2-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Правозащитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной" // "Российская газета", N 42, 02.03.2015.

11. Федеральный закон от 02.07.2013 N 156-ФЗ "О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" // Российская газета", N 145, 05.07.2013.

12. Проект Федерального закона N 865550-6 "О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 16.10.2015) // Официальный сайт Государственной Думы РФ http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=865550-6 (дата последнего обращения: 8.04.2016 г.)

13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп.. - М.: Норма: Инфра-М, 2010.

14. Сводные данные результатов анкетирования прокурорских работников прокуратур Саратовской, Пензенской, Волгоградской, Кировской и Ульяновской областей, проведенные Грачёвой О.А. в период с апреля 2015 года по февраль 2016 года.

Громов В.Г.,
д.ю.н., профессор
профессор кафедры уголовного, экологического права
и криминологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского

КОРРУПЦИЯ И АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Указом Президента РФ от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» был образован Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, определены его задачи и полномочия, утвержден персональный состав Совета и его президиума, сформирована межведомственная рабочая группа. Прокуратуре поручена координация работы правоохранительных органов.

В Государственной Думе, на межфракционной основе была создана Комиссия по законодательному обеспечению противодействия коррупции.

Был разработан национальный план противодействия коррупции, принят закон «О противодействии коррупции» [1]. По мнению Д.А. Медведева, следовало прийти к созданию стандарта антикоррупционного поведения [2].

По сути дела в стране была объявлена самая настоящая война коррупции. Что же произошло в стране за последние восемь лет? Каковы успехи в борьбе с коррупцией?

Видимо, коренного перелома в борьбе с коррупцией ещё не наступило, потому что примеров, подтверждающих существование коррупционных связей в обществе, достаточно много.

В конце июля газета «Известия» со ссылкой на МВД РФ сообщала, что средний размер взятки в России в связи с падением курса рубля вырос почти вдвое – со 109 тыс. руб. в 2014 году до 208 тыс. руб. в 2015-м. «Это объясняется тем, что чиновники привыкли брать взятки в долларах или привязывать их рублевый эквивалент к курсу», – пояснил тогда член Общественной палаты РФ Дмитрий Чугунов.

Позднее Всероссийская антикоррупционная общественная организация «Чистые руки» на основе поступающих к ним жалоб жертв взяточников определила размер среднероссийской взятки в 613 тыс. руб., а объем коррупционного оборота достиг рекордного уровня 54% ВВП [3].

Динамика роста средней суммы взятки говорит о том, что взяточничество является по-прежнему прибыльной статьей дохода для должностных лиц.

Средний размер взятки в Москве за год вырос в два раза и составил 654 тысячи рублей. Об этом сообщил глава столичной полиции Анатолий Якунин на совещании, посвященном итогам работы за 2015-й год [4].

По данным Transparency International, опубликованным 27 января 2016 года, индекс восприятия уровня коррупции в России снизился. По этому показателю наша страна теперь находится на 119-м месте, тогда как год назад занимала 136-е. Такой же рейтинг – у Азербайджана, Гайаны и Сьерра-Леоне [5].

При этом по данным аудиторской компании Ernst&Young, Россия занимает первое место в Европе по уровню коррупции в деловой среде.

Сегодня в России существует институт отрешения от должности в связи с утратой доверия со стороны Президента РФ, который, по сути, представляет собой исключительную меру федерального вмешательства. В 2014 году состоялись отставки губернатора Новосибирской области Василия Юрченко и губернатора Брянской области Николая Денина, в 2015 году - отставка губернатора Сахалинской области Александра Хорошавина и главы Республики Коми Вячеслава Гайзера. Сегодня идет расследование о крупных хищениях в министерстве культуры.

В Саратове в марте 2016 года сотрудниками УФСБ задержан судья Саратовского областного суда Владимир Стасенков, которого подозревают в получении взятки в крупном размере.

Аналогичная ситуация – в органах прокуратуры. Взятку в 10 млн. рублей получил искитимский прокурор Геннадий Ситников от осужденного за педофилию бизнесмена из Бердска Супруна за обещание освободить его условно-досрочно и прекратить уголовное преследование [6].

В Москве сотрудника МВД задержали по подозрению в вымогательстве крупной суммы денег. Уголовное дело о мошенничестве возбудили против сотрудника Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ, который требовал от заместителя коммерческой организации 500 тысяч долларов за решение вопроса об освобождении его от уголовной ответственности [7].

Не чураются коррупционной активности и представители из числа народных избранников. 21 апреля 2016 года был задержан депутат законодательного собрания Петербурга из фракции «Яблоко» Вячеслав Нотяг по подозрению в получении взятки в особо крупном размере от генерального директора одной из коммерческих структур за не воспрепятствование строительным работам, проводимым данной коммерческой структурой [8].

Отдельной темой является коррупция в сфере бизнеса.

Как пишет эксперт Эдуард Штайнер, если в начале нового тысячелетия в чемоданах в строительном секторе передавалось 15-20% от суммы заказа, то сегодня это уже 50-70%. По данным Transparency International, ежегодно в карманах коррумпированных чиновников оседает до 300 млрд. долларов – четверть ВВП страны [9].

Сегодня основным принципом работы государственных ведомств и учреждений является круговая порука. Несмотря на вступление в силу закона «О противодействии коррупции», обязывающего все органы власти создать необходимые условия для общественного контроля за их деятельностью, на сегодняшний день ни одно ведомство этого не выполнило, и никто из руководителей этих ведомств не понес наказание за их невыполнение.

Сегодня регулярно проводятся «круглые столы», семинары, конференции и создаются общественные антикоррупционные советы, что позволяет органам власти отчитываться о проделанной работе по взаимодействию с гражданским обществом и создавать имитацию антикоррупционной деятельности.

Однако в результате такой работы уровень коррупции в стране достиг колоссальных размеров; кроме того, многие российские ученые отмечают и сверхлиберальную судебную практику в отношении взяточников [10].Россия занимает первое место по уровню корпоративного мошенничества среди стран Европы. Это выводы аналитиков крупной международной аналитической компании Ernst&Young.

Пунктом 6 ст. 6 закона «О противодействии коррупции» к мерам по профилактике коррупции отнесено развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Однако до настоящего времени в России нет ни одного реального механизма общественного контроля над деятельностью чиновников. На федеральном уровне в настоящее время осуществляется только мониторинг антикоррупционного законодательства [11, с. 391-395]. Законодательного понятия «антикоррупционный мониторинг» не существует, и как следствие этого, о практическом антикоррупционном мониторинге ни на федеральном, ни на региональном уровнях говорить не приходится.

Нами была сделана попытка выявить реалии антикоррупционного мониторинга в России, тем более, что учеными представлены его доктринальные понятия.

В.В. Астанин считает, что антикоррупционный мониторинг представляет собой единую государственную систему регулярных наблюдений, оценки и прогноза состояния коррупции и противодействия ее проявлениям, а также перманентных изменений, возникающих под влиянием различных факторов (социальных, политических, экономических, правовых) [12].

По мнению П.А. Кабанова, антикоррупционный мониторинг – это профессиональная деятельность по измерению реального состояния коррупции и/или отдельных форм её проявления, коррупционных факторов, результатов реализации антикоррупционной политики в соответствие с установленными методикой и правилами её осуществления на определённой территории в определённый период времени [13, с. 160].

На наш взгляд, антикоррупционным мониторингом следует считать постоянное отслеживание гражданским обществом коррупционных проявлений, коррупционных факторов и результатов предпринятых мер противодействия коррупции. Цель такого мониторинга – выяснение реального состояния коррупции в стране или регионе, с перспективой выработки и принятия мер по снижению её показателей.

Несмотря на то, что в законодательстве субъектов федерации предусматривается мониторинг коррупции, он зачастую сводится к тому, что чиновники ежегодно подают декларации о своих доходах и расходах, и выборочные сведения из них публикуются. По результатам такой декларации он может быть решением вышестоящего чиновника отстранен от занимаемой должности, но пока обнародованы только единичные случаи таких решений.

Так, в законодательстве «О противодействии коррупции» в Калининградской области, Нижегородской области, Челябинской области определено:

1. Антикоррупционный мониторинг представляет собой анализ и оценку мер по реализации антикоррупционной политики.

2. Антикоррупционный мониторинг включает мониторинг коррупции, коррупционных факторов, коррупционных проявлений и мер реализации антикоррупционной политики.

3. Антикоррупционный мониторинг проводится в целях обеспечения разработки и реализации антикоррупционных программ путем учета коррупционных факторов, коррупционных проявлений, анализа документов, проведения опросов и экспериментов, обработки, оценки и интерпретации данных о проявлениях коррупции.

Ни в одном законе не говорится, что мониторинг необходим для выявления фактов коррупции, коррупционных сделок, связей, попыток разработки, лоббирования и принятия коррупционных решений, постановлений, законов.

Нигде не говорится о том, что с помощью мониторинга следует выявлять коррупционеров: взяточников, расхитителей, казнокрадов, получателей «откатов», лиц, превышающих должностные полномочия, лиц, искажающих в декларациях сведения о полученных доходах и т.д.

В свою очередь, на основании выявленных результатов такого мониторинга и оперативно проведенных по ним проверок, должны приниматься меры от освобождения таких лиц от занимаемых должностей до передачи материалов в прокуратуру и следственный комитет, и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Санкцией за такие преступления, как нам представляется, должно быть – лишение права занимать руководящие должности или заниматься определённой деятельностью на срок от 10 до 20 лет с конфискацией незаконно нажитого имущества.

15 марта 2016 года состоялось расширенное заседание коллегии МВД РФ. В ходе заседания подведены итоги работы ведомства по основным направлениям деятельности в 2015 году, определены приоритетные цели и задачи на 2016 год. Выступая на заседании, В.В. Путин заметил, что за последние 2 года по линии МВД происходит снижение числа зарегистрированных коррупционных преступлений. Однако за цифрами статистики нельзя понять, какие процессы происходят в обществе – усиливается борьба с коррупцией, или, напротив, ослабевает. Фактически Президент лишний раз подчеркнул публично с трибуны реальное отсутствие антикоррупционного мониторинга в стране.

Среди причин коррупции можно отметить следующие:

1. Отсутствие надлежащего антикоррупционного мониторинга, как на региональном, так и на федеральном уровне, который бы позволял выявлять реальную ситуацию с коррупционными процессами.

2. Формальный и непубличный характер реализации ведомственных планов по противодействию коррупции.

3. Непрозрачный механизм реализации крупных национальных проектов.

Поэтому представляется, что для повышения эффективности борьбы с коррупцией необходимо принять ряд конкретных мер, в числе которых:

- руководству страны проявить политическую волю по внедрению механизма реальной ответственности за незаконное обогащение;
- внедрение реального антикоррупционного мониторинга на федеральном и региональном уровнях;
- обеспечение общественным организациям и гражданским активистам возможности свободного доступа к информации, связанной с осуществлением антикоррупционного мониторинга;
- внедрение публичного, открытого механизма реализации национальных и ведомственных проектов.

Список использованной литературы:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
2. Подробнее см.: Взятка по должности // Российская газета. 2008. 22 мая.
3. В МВД подсчитали средний размер взятки в России. – URL: http://www.rbc.ru/economics/09/12/2015/5667f4069a79473b1ae0b836 (дата обращения 3.04.2016).
4. Назван средний размер взятки в Москве. –URL: http://lenta.ru/news/2016/01/28/pay/ (дата обращения 29.02.2016).
5. Индекс восприятия коррупции – 2015: Россия поднялась на 119 место. – URL: http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/indeks-vospriiatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto (дата обращения 17.04.2016).
6. Взятку в 10 млн. рублей получил искитимский прокурор. – URL: http://www.kurer-sreda.ru/ (дата обращения 17.04.2016).
7. В Москве полицейский вымогал у бизнесмена 500 тысяч долларов. – URL: http://www.ntv.ru/ (дата обращения 17.04.2016).
8. Депутат заксобрания Петербурга задержан за взятку в 600 тысяч рублей. – URL: http://tass.ru/proisshestviya/3229800 (дата обращения 17.04.2016).
9. Штайнер Э. Борьба с коррупцией в России. Die Welt. 5 декабря 2011 года.
10. Бытко С.Ю. Взяточничество: оценка эффективности уголовного наказания // Вестник Алтайской академии экономики и права, 2014. № 3. С. 137-142.
11. Положение об Экспертном совете при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам мониторинга антикоррупционного законодательства Российской Федерации // Сборник материалов о противодействии коррупции / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева, Е.Г. Тарло. М., 2010. Т. 1. С. 391-395.
12. См.: Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009.
13. Кабанов П.А. Антикоррупционный мониторинг в Российской Федерации: понятие, содержание, классификация и правовое регулирование / Организованная преступность и коррупция: результаты криминолого-социологических исследований. Вып. 6. Саратов, 2011. С. 160.

Ефремова И.А.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРАВА НА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ

Наличие условно-досрочного освобождения в уголовном законодательстве России свидетельствует о гуманизации, и его правильная реализация выступает гарантом защиты прав и свобод осужденных. Сущность условно-досрочного освобождения от наказания, неоднозначна. Так, А.В. Наумов определяет две стороны условно-досрочного освобождения: во-первых — это средство поощрения осужденных, а во-вторых — стимул для примерного поведения осужденных во время отбывания ими наказания и последующего освобождения от него[6]. Эту же позицию поддерживает Е.В. Пятакова[7]. Как поощрительный институт условно-досрочное освобождение понимает Л.В. Яковлева, С.Г. Барсукова и др.[15]. Это связано с законодательным определением оснований условно-досрочного освобождения, имеющимися в законодательстве до 2003 года. Все дело в том, что до указанного периода условно-досрочное освобождение в соответствии со ст. 113 УИК РФ могло применяться в качестве меры поощрения, осужденному, отбывающему наказание в виде лишения свободы, а также ст. 79 УК РФ оставляла решение вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания на усмотрение суда, о чем свидетельствовало выражение «...может быть условно-досрочно освобождено»[1].

Поэтому, учитывая современную редакцию ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ, а именно фразы «лицо ... подлежит условно-досрочному освобождению» и «Осужденный, к которому может быть применено условно-досрочное освобождение, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания» дает основание полагать, что по своей правовой природе условно-досрочное освобождение является субъективным правом каждого осужденного.

Причем предположения, о том, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является субъективным правом, высказывались задолго до внесения изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Так, еще в 1964 г. С.Я. Улицкий обосновывал условно-досрочное освобождение как субъективное право тем, что условно-досрочное освобождение — это мера поощрения, применяемая к осужденным и заключающаяся в условном освобождении от наказания на основе закрепленного в уголовном законе права осужденных, возникающего из фактов исправления и отбывания установленной законом части срока наказания[13].

В современной теории уголовного и уголовно-исполнительного права позицию о том, что условно-досрочное освобождение представляет собой субъективное право осужденного поддерживают многие ученые[8].

В подтверждение данной позиции, необходимо обратиться к понятию субъективного права. Теория государства и права определяет данное понятие как определенная правовая возможность, характерной чертой которой является мера поведения, обеспеченная не только законом, но и обязанностями других лиц, возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица, то есть право на чужие действия[10]. В.И. Леушин определяет субъективное право, как право на собственные фактические действия, право на юридические действия, право на чужие действия и право притязания[11]. Также оно определяется как обеспеченная законом мера возможного поведения гражданина или организации, включающая возможность самостоятельно совершать определенные действия, а также требовать определенного поведения от другого лица[14].

В.И. Селиверстов понимает под субъективным правом осужденного «закрепленную законом и гарантированную государством реальную возможность определенного поведения,

позволяющую осужденному пользоваться определенными социальными благами, обеспечиваемую юридическими обязанностями должностных лиц учреждений … других субъектов уголовно-исполнительных правоотношений»[12]. Л.В. Иногамова-Хегай включает в условно-досрочное освобождение как субъективное право следующие возможности: а) возможность своим поведением, добросовестным отношением к труду и обучению показать, что оно начало исправляться; б) возможность при наличии установленных в законе оснований требовать применения к нему условно-досрочного освобождения; в) возможность обращения за содействием или защитой нереализованного права в государственный орган; г) возможность освободиться от отбывания наказания условно-досрочно и пользоваться всеми правами гражданина Российской Федерации, с исключениями, обусловленными состоянием судимости[3].

Ученые, отрицающие признание условно-досрочного освобождения субъективным правом осужденного, ссылаясь на определения понятия субъективного права, обращают внимание на то, что общим и основным элементом его является возможность требовать определенного поведения от другого лица, а уголовное и уголовно-исполнительное законодательство таких требований не содержит. В.В. Степанов приводит в пример часть 1 ст. 175 УИК РФ, в которой говорится о том, что «осужденный, к которому *может быть применено* условно-досрочное освобождение … *может обратиться* с ходатайством ...», где под ходатайством понимается официальная просьба, а не право осужденного требовать от администрации исправительного учреждения и суда требовать условно-досрочного освобождения[9]. А.С. Михлин и другие ученые, поддерживая эту позицию, утверждают, что условно-досрочное освобождение зависит не от осужденного, а от суда и администрации исправительного учреждения. Поэтому условно-досрочное освобождение это не субъективное право, а законный интерес осужденного[5].

Настаивая на том, что условно-досрочное освобождение — это все же субъективное право каждого осужденного, отметим, что законный интерес это определенная юридическая дозволенность, которая выражается в стремлении субъекта пользоваться определенным социальным благом, а в необходимых случаях дозволение обращаться за защитой к компетентным структурам за удовлетворением своих интересов, не противоречащих общегосударственным [4]. И с этой позиции утверждать, что условно-досрочное освобождение есть благо или защита своего интереса некорректно. Мы не утверждаем, что осужденный вправе требовать предоставления ему условно-досрочного освобождения, но обратиться за предоставлением ему такого освобождения он вправе. И право это гарантировано государством, что подтверждается выражением «*подлежит условно-досрочному освобождению*». Обеспечивается же это право положениями ст. 175 УИК РФ, которая провозглашает, что администрация учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание после подачи ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания *направляет в суд* указанное ходатайство. Безусловно у правоприменителя крайне широкие полномочия в решении вопроса о предоставлении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, что делает практику его применения неоднозначной и обращение осужденного с ходатайством за реализацией такого права не означает автоматического предоставления ему досрочного освобождения. Но тем не менее, ничто не может служить препятствием в праве на условно-досрочное освобождение, если при этом соблюдены все формальные, материальные и процедурные условия его предоставления. Кроме того, подтверждением наличия у осужденного субъективного права на условно-досрочное освобождение является решение принятое в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2002 г. по делу «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова»[2] по вопросу, касающемуся права осужденного самостоятельно подавать ходатайство об условно-досрочном освобождении.

На основании изложенного следует отметить, что условно-досрочное освобождение является субъективным правом осужденных, эффективная реализация которого возможна, при условии правильного соблюдения норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». П. 41 ст. 2. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133925 (дата обращения: 15.04.2016); Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». П. 25 ст. 2. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=122992 (дата обращения: 15.04.2016).
2. Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2002 г. по делу «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Иногамова-Хегай Л.В. Условно-досрочное освобождение от наказания. Тюмень, 1992. С. 9.
4. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 71.
5. Михлин А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1974. С. 8-23; Закаржевский Н. Законные интересы осужденных: правовые аспекты реализации // Законность. 2011. № 3. С. 51.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Изд-во «БЕК», 1997. С.466.
7. Пятакова Е.В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: вопросы применения. [Электронный ресурс]. – URL: http://e.ugrp.ru/article.aspx?aid=260512 (дата обращения: 20.04.2016).
8. Рыбак М.С. Пенитенциарная политика: имеет ли осужденный субъективное право на поощрение? // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 158; Иногамова-Хегай Л.В., Казарян Э.А. Основания и предпосылки применения условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2003. № 4. С. 29; Бабаян С. Проблемы применения мер поощрения и взыскания // Преступление и наказание. 2007. № 6. С. 12; Рашидов Ш.М. Уголовно-правовые проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (по материалам Республики Дагестан): дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С. 9.
9. Степанов В.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: теоретические и правоприменительные проблемы: монография / Под науч. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2010. С. 16.
10. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 525-526.
11. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. [Электронный ресурс]. – URL: http://libcolm.com/book/83ad55a6-213a-4b38-9a3d-ed820063d670 (дата обращения: 18.04.2016).
12. Уголовно-исполнительное право: Учебник / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2000. С. 63.
13. Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена им наказания более мягким: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964. С. 10.
14. Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия: в 5 т. Т. 5 / Под ред. В.А. Якушина. Тольятти, 2005. С. 168.
15. Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 124; Барсукова С.Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 4; Бабаян С.Л. Проблемы совершенствования поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Российский судья. 2012. № 9. С. 9-12; Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 400; Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 686; Вырастайкин В. Условно-досрочное освобождение // Законность. 2006. № 2. С. 32.

Куликова С.А.,
к.филол.н., доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
СГУ имени Н.Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕМЛЕНИЕ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Свобода массовой информации является одним из важнейших принципов демократического государства. Она гарантируется ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации. Правовое содержание понятия «свобода массовой информации» устанавливается Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (далее Закон «О СМИ») [1]. Этим же законом предусматривается ответственность за ущемление свободы массовой информации, то есть воспрепятствование в какой бы то ни было форме со стороны граждан, должностных лиц государственных органов и организаций, общественных объединений законной деятельности учредителей, редакций, издателей и распространителей продукции средства массовой информации, а так же журналистов (ст. 58).

В Законе «О СМИ» перечисляются основные формы ущемления свободы массовой информации:

- осуществление цензуры;
- вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции;
- незаконное прекращение либо приостановление деятельности средства массовой информации;
- нарушение права редакции на запрос и получение информации;
- незаконное изъятие, а равно уничтожение тиража или его части;
- принуждение журналиста к распространению или отказу от распространения информации;
- установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну;
- нарушение прав журналиста, установленных Законом «О СМИ» (ст. 58).

Согласно указанной норме Закона «О СМИ» ущемление свободы массовой информации влечет уголовную, административную, дисциплинарную и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, ущемление свободы массовой информации включает в себя 8 видов противоправных деяний, за каждое из которых должна быть предусмотрена ответственность.

Рассмотрим проблемы применения уголовной и административной ответственности за ущемление свободы массовой информации.

Уголовная ответственность предусмотрена только за один из видов ущемления свободы массовой информации, а именно за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации (ч. 1 ст. 144 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) [2].

В научной литературе многократно отмечались недостатки формулировки уголовно-правового запрета, содержащегося в ч. 1 ст. 144, создающие сложности в уяснении понятия основного состава анализируемого преступления. В частности, указывалось на правовую неопределенность понятия «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации», которое включает признаки объективной стороны данного деяния.

Например, некоторые специалисты в области уголовного права трактуют понятие воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов очень широко,

называя, в частности, в качестве его форм: нарушение профессиональной самостоятельности редакции, установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну, тем самым включая в него несколько форм ущемления свободы массовой информации [4, с. 404, 5].

Однако большее распространение получила точка зрения, согласно которой, в уголовном законе ведется речь не о любой форме воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, а лишь об определенном способе такого воспрепятствования: путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 144 УК РФ, по сути, предполагает ответственность только за один вид ущемления свободы массовой информации.

Административная ответственность за правонарушения, представляющие собой ущемление свободы массовой информации, установлена ст. 5.25, 13.16 и 13.18 [3].

Ст. 5.25 устанавливает ответственность за непредоставление представителям средств массовой информации сведений об итогах голосования или о результатах выборов.

В то же время ст. 8.5 и ст. 5.39, в которых речь идет соответственно о сокрытии и искажении экологической информации и неправомерном отказе гражданину или организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, не выделяют в качестве субъектов, которым должна предоставляться информация, средства массовой информации. На наш взгляд, учитывая большую общественную важность донесения социально значимой информации до граждан через средства массовой информации, необходимо вести квалифицированные составы указанных выше статей КоАП РФ, где предусмотреть более строгую административную ответственность за отказ в предоставлении, либо предоставление недостоверной, неполной информации представителям СМИ.

В КоАП содержится ст. 13.16, которая предусматривает административную ответственность за воспрепятствование распространению продукции средства массовой информации либо установление незаконных ограничений на розничную продажу тиража периодического печатного издания. Статьей 13.18 предусматривается ответственность за воспрепятствование уверенному приему радио- и телепрограмм и работе сайтов в сети «Интернет».

Отметим, что данные нормы призваны противостоять только одной из форм ущемления свободы массовой информации (когда уже существует готовая продукция СМИ) [13].

За такие формы ущемления свободы массовой информации как осуществление цензуры; вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции; незаконное прекращение либо приостановление деятельности средства массовой информации; нарушение права редакции на запрос и получение информации; установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну; нарушение прав журналиста, установленных Законом «О СМИ», российским законодательством ответственность не установлена.

Особенно обращает на себя внимание отсутствие ответственности за нарушение запрета цензуры, установленного и Конституцией Российской Федерации и Законом «О СМИ».

Представляется необходимым изменить редакцию ст. 13.16 КоАП РФ следующим образом:

«13.16. Цензура массовой информации, выражающаяся в

требовании со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), информационную продукцию, распространяемую посредством зрелищных мероприятий;

не основанном на законе наложении запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей;

не предусмотренном законом изъятии, уничтожении печатных изданий; информационной продукции, распространяемой посредством зрелищных мероприятий;

не предусмотренной законом блокировке доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет»;

применении административных мер принуждения к распространению либо отказу от распространения информации;

нарушении прав журналиста, установленных Законом «О СМИ», –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей; на должностных лиц - от пятисот до одной тысячи рублей; на юридических лиц - от пяти тысяч до десяти тысяч рублей».

Введение подобной формулировки в КоАП РФ позволит повысить эффективность защиты свободы массовой информации.

Необходимо рассмотреть возможность использования иных, например, этических норм ответственности за ущемление свободы массовой информации со стороны государственных и муниципальных служащих [14, 15].

Список использованной литературы:

1. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 //Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 7. Ст. 300; СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 84.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016) //СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016. № 18. Ст. 2515.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2016) //СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1; 2016. № 15. Ст. 2066.
4. Уголовное право России. Общая часть, Особенная часть: Учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» /Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция». 2013. 944 с.
5. Пешков Д.В. Некоторые вопросы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 10 (65). [Сайт]. URL:. http://www.journal-nio.com/
6. Комментарий у Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2-х т. /Под ред. заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора А.В. Бриллиантова) Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: Комментарий, судебная практика, статистика /Под общ. ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахова. М.: ИД «Городец». 2009. С. 193 (автор – Н.И. Пикуров).
8. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): Вопросы законодательной техники и и дифференциации ответственности: автореф. дисс. …канд. юрид наук. Казань, 2007. 28 с.
9. Терновский Р.Б. Расследование воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов: автореф. дисс. …канд. юрид наук. Краснодар, 2003. 25 с.
10. Боровикова В.В. О совершенствовании уголовно-правовой защиты профессиональной деятельности журналистов //Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 39-42.
11. Ишимова Р.Д. Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессинальной деятельности журналистов //Вестник Пермского университета: Серия «Юридические науки».2012. № 2. С. 209-214.
12. Бойко М.А. Квалификация преступлений, совершаемых в отношении журналистов и связанных с их профессиональной деятельностью, как одна из основ формирования частной полноструктурной криминалистической методики расследование данных преступлений //Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014 № 2 (27). С. 19-21.
13. Васильев Ф.П., Николаев А.Г. Современное административно-правовое регулирование деятельности СМИ в России //Наука и мир. 2015. № 7 (23). С. 90-108.
14. Балашова Е.Н. Взаимодействие правовых и неправовых правил регулирования при правоприменении //Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4. С. 70-74.
15. Тогузаева Е.Н. Нормы морали, права, религии как регуляторы поведения //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7. № 2. С. 46-50.

Лавнов М.А.,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОВЕРМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Проблемы, связанные с обеспечением прав личности в уголовном процессе всегда привлекали и привлекают особое внимание со стороны ученых и законодателя. Именно реализация этого основного вопроса возведена в ранг назначения всего уголовного судопроизводства, которое заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

Политика Российской Федерации в сфере уголовной юстиции проводится по вектору гуманизации закона, демократизации мер борьбы с преступностью, а также обеспечению социальной справедливости. Президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию неоднократно обратил внимание на эту идею:

«Сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям…»

Особое внимание было обращено на уголовные дела, по так называемым, «экономическим составам». Когда из 200 тысяч возбужденных дел, приговором суда закончились лишь 15%, при этом, предприниматели, подвергнутые уголовному преследованию полностью или частично потеряли свой бизнес [11].

В такой ситуации альтернативные (приговору суда) формы разрешения социальных конфликтов, вызванных преступными деяниями приобретают всё большую значимость. Отечественный уголовный процесс предлагает в качестве одной из таких альтернатив комплексный институт прекращения уголовного дела, который действует на протяжении всего уголовного судопроизводства параллельно основной (традиционной форме).

Комплексность и межотраслевой характер исследуемого правового института определяется тем, что составляющие его правовые, нормы находясь как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном праве, определяют порядок процессуальной деятельности на этапе окончания предварительного расследования и в судебном разбирательстве; структуру и содержание процессуального акта о прекращении уголовного дела; права и обязанности участников уголовного судопроизводства; процессуальные гарантии их обеспечения [9, с. 8–9].

Представляется, что именно прекращение уголовного дела может выступить в качестве универсального средства, позволяющего решить задачи как материального, так и процессуального права, обеспечить должным образом права и законные интересы личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Являясь, с одной стороны правовым фильтром [7, с. 251–258], он ограждает невиновных от незаконного и необоснованного уголовного преследования, а с другой – выступает поощрительной мерой, реализуя идеи гуманизма к лицам, совершившим преступления.

Не вызывает сомнений, что действующая правовая регламентация прекращения уголовного дела и соответствующая правоприменительная практика далека от идеальной и, что важно, не позволяет в должной мере реализовать назначение уголовного судопроизводства, обеспечив справедливое разрешение уголовно-правового конфликта. Нормы, регламентирующие основания и процессуальный порядок прекращения уголовного дела разбросаны по всему тексту УПК РФ, что, безусловно, является препятствием для их правильной реализации в правоприменительной деятельности. Устранение пробелов и противоречий института прекращения уголовного дела может проводиться в нескольких направлениях: от внесения точечных изменений в отдельные

статьи до принятия совершенно новых УПК РФ и УК РФ. Однако все эти изменения не будут иметь смысла, если не выработать четкую стратегию таких преобразований.

Основной вектор реформирования института прекращения уголовного дела, по нашему мнению, должен быть взят на усиление процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, отстаивающих свои интересы. Теоретическая модель альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов путем прекращения уголовного дела при этом будет включать в себя: основания и соответствующие им процедуры прекращения уголовного дела; широкие процессуальные гарантии прав заинтересованных участников процесса, обеспечивающие им возможность отстаивать свои интересы при завершении производства по делу его прекращением; деятельность по проверке законности и обоснованности решения о прекращении уголовного дела.

В первую очередь, следует предусмотреть, как минимум, возможность: а) предварительного уведомления заинтересованных участников процесса о прекращении уголовного дела; б) предоставления заинтересованным участникам процесса права на выражение мнения по существу принимаемого решения, которое может быть заявлено в различных формах (возражение либо согласие на прекращение уголовного дела; ходатайство перед судом или органом расследования о прекращении уголовного дела; приведение доводов «за» или «против» прекращения уголовного дела, которые могут быть учтены следователем, дознавателем или судом при вынесении итогового решения); в) предоставления заинтересованным участникам процесса права на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела.

Следующим шагом в изменениях должно стать переосмысление системы оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). В учебной и научной литературе данные основания подвергались различным классификациям неоднократно, что, впрочем, вполне оправдано. Классификация – первый и чрезвычайно важный шаг исследователя всякой обширной и разнообразной группы явлений [10, с. 5]. Не претендуя в рамках настоящей статьи на подробное рассмотрение всех, имеющихся классификаций, воспользуемся только теми, которые, по нашему мнению, представляют наибольший интерес:

1. С точки зрения правовых последствий прекращения уголовного дела наибольшее значение имеет классификация оснований на *реабилитирующие и нереабилитирующие* ***(«Р» и «Н»)*** [8, с. 90–91; 13, с. 21–22;14, с. 12];

2. В зависимости от наличия у должностного лица права или обязанности прекратить уголовное дело можно выделить *императивные и дискреционные* ***(«И» и «Д»)*** основания прекращения уголовного дела [4, с. 90; 6, с. 64–64; 12, с. 168];

3. В зависимости от наличия взаимных уступок сторон, основания прекращения уголовного дела можно разделить на *компромиссные (согласительные) и бескомпромиссные* ***(«К» и «Б»).***

Классификация с использованием данных критериев позволила систематизировать все основания прекращения уголовного дела (преследования) и разделить их на 5 групп. Каждая группа оснований характеризуется единым уровнем процессуальных гарантий прав личности и общим механизмом принятия итогового решения. Такой порядок определяется предметом и пределами доказывания, процессуальными условиями и правовыми последствиями прекращения уголовного дела (преследования).

1. Императивные основания, не требующие наличия взаимных уступок сторон и влекущие возникновение права на реабилитацию (пп. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 24 и пп. 1, 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

2. Императивные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (пп. 3, 5 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

3. Дискреционные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (статьи 25, 28, 28.1 и 427 УПК РФ).

4. Императивные основания, обусловленные наличием взаимных уступок сторон и влекущие возникновение права на реабилитацию (п. 6 ч. 1 ст. 24 и п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

5. Императивные основания, не обусловленные наличием взаимных уступок сторон и не влекущие возникновение права на реабилитацию (ч. 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 27 УПК РФ).

Первые три группы выглядят вполне логичными (ординарными), а две другие выпадают из общей схемы. Остановимся более подробно на двух последних.

По своей сущности, основания прекращения уголовного дела, образующие ***4-ю группу*** представляет собой не что иное, как отсутствие специального условия для продолжения процессуальной деятельности. То есть оно исключает возможность ведения уголовного судопроизводства, несмотря на возможное наличие всех обстоятельств, свидетельствующих о совершенном преступлении. В основе данных правовых положений лежит «институт иммунитетов» которым для отдельных категорий лиц устанавливаются особые процессуальные гарантии обоснованности привлечения их к уголовной ответственности. В основе данных правовых положений лежит «институт иммунитетов» которым для отдельных категорий лиц устанавливаются особые процессуальные гарантии обоснованности привлечения их к уголовной ответственности. Таким образом, полагаем, что данные основания прекращения уголовного дела должны относиться к первой группе: императивные основания, не требующие наличия взаимных уступок сторон и влекущие возникновение права на реабилитацию. Для этого необходимо исключить п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и п. 6. Ч. 1 ст. 27 УПК РФ из ч. 2 ст. 27 УПК РФ.

Пятая группа оснований прекращения уголовного дела вызывает наибольшее количество вопросов. Процессуальная модель прекращения уголовного дела по данным основаниям сформулирована законодателем не логично и не последовательно, что порождает определенные проблемы на практике. В частности, это обусловлено следующем. Во-первых, закон ориентирует правоприменителя на необходимость прекращения уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, которое является реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела. Однако ч. 4 ст. 133 УПК РФ прямо закрепляет, что в указанных случаях право на реабилитацию не возникает. Во-вторых, при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям реализация назначения уголовного судопроизводства возможна только в том случае, когда у лица, в отношении которого принимается такое решение, есть выбор, который должен осуществляться при полном осознании всей совокупности позитивных и негативных последствий такого прекращения. В этой связи, а также с учетом изложенных ранее выводов, считаем, что рассмотренные основания прекращения уголовного дела должны быть отнесены ко второй группе, т.е. к императивным основаниям, обусловленным наличием взаимных уступок сторон и не влекущим возникновения права на реабилитацию.

В завершении отметим, что институт прекращения уголовного дела как альтернативное (приговору суда) средство разрешения уголовно-правового конфликта при должном его реформировании вполне способен реализовывать назначение уголовного судопроизводства и отвечать современной правовой политики в сфере уголовной юстиции, направленной на гуманизацию мер борьбы с преступностью и обеспечение социальной справедливости.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст.22.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.
4. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006.
5. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
6. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. М., 2004.
7. Кабельников С.Н. Концептуальные основы прекращения уголовных дел и перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве: основные тенденции и перспективы совершенствования: сб. науч. тр. Всерос. науч.- практ. конф., посвящ. 45-летию со дня образования Волгоград. акад. МВД России. (г. Волгоград, 31 мая – 1 июня 2012 г.) / отв. ред. В.И. Третьяков. Волгоград, 2013.

8. Корнуков В.М. Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части: курс лекций. Саратов, 2010..

9. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

10. Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904.

11. Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. 3 декабря 205 года // Официальный сайт Президента РФ [Сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864 (дата обращения 15.04. 2016).

12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1970. Т. 2.

13. Сухарева Н.Д. Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования. автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.09. Иркутск, 2002.

14. Хабарова Е.А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.09. Екатеринбург, 2004.

Максимова Е.А.,
к.ю.н., доцент Кубанского государственного университета

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Нещадная эксплуатация природных объектов, для целей извлечения ресурсов, с полным безразличием к загрязнению атмосферного воздуха, водоемов, вырубки лесов и многое другое все это негативное воздействия на объекты окружающей природной среды, результаты общей человеческой деятельности. Это и становится одной из важнейших проблем для обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства. В условиях необходимости дальнейшей интенсификации производственно-хозяйственн6ой деятельности, в целях устойчивого развития российского государства и общества, эта проблема стала не только национально- государственного уровня, она имеет глобальный характер и несет в себе угрозу причинения экологического вреда всему человечеству. Поэтому вопросы обеспечения экологической безопасности отражены в российском законодательстве и отдельных международных документах. [1] Среди них, например, Универсальный кодекс экологически корректного поведения, принятый на общественном симпозиуме в г. Бангкоке (Таиланд) в 1960 г. и призывающий пересмотреть цели жизни и существования человечества; Стокгольмская декларация ООН 1972 г.; Всемирная хартия природы 1982 г; Всемирная стратегия охраны природы 1980 г., наметившая систему долгосрочных экологически безопасных действий, необходимых для устойчивого развития стран мира и др. В международных концептуальных документах и договорах закреплены основные положения, которые должны служить основой для развития и совершенствования внутреннего экологического законодательства в каждом государстве, как члена международного сообщества. [2].

Следует отметить, что в РСФСР, как одного из субъектов бывшего СССР концептуальных документов об охране окружающей среды и экологической безопасности практически не существовало. А интенсивная эксплуатация природных объектов среды обитания, в интересах развития военно-промышленного комплекса СССР, привела к крупнейшим экологическим катастрофам глобального масштаба, в числе которых: уничтожение Аральского моря, сильнейшее радиоактивное загрязнение территории, в результате аварии на производстве "Маяк" Челябинской области, диоксиновое загрязнение г.Чапаевска Самарской области. [3] В современной Российской Федерации охрана окружающей среды и экологическая безопасность являются неотъемлемой частью российской государственной политики, экономики и законодательства. В Конституции РФ закреплены основы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в нашей стране. В том числе провозглашено и неотъемлемое право каждого человека на благоприятную окружающую среду и возложена обязанность по охране природных и иных объектов от любого негативного воздействия. Федеральный закон 2002 г.

"Об охране окружающей среды" содержит определение «экологическая безопасность» и разъясняет его содержание, как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий». [4] Наряду с названным законом общественные отношения экологической безопасности регулируются и иным природоохранным законодательством. Так Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. N 174-ФЗ "Об экологической экспертизе", регулирует отношения в области организации и проведения экологической экспертизы, требования к даче объективных и обоснованных экологических экспертных заключений. Федеральный закон от 19 июля 1997 г. N 109-ФЗ "О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами", непосредственно регулирует отношения, связанные с оборотом этих искусственно созданных и применяемых в сельском хозяйстве агроминералов и агрохимикатов для ускорения роста сельхозкультур и борьбы с вредными для них насекомыми и вирусами.[5] Этот закон действительно обеспечивает экологическую безопасность человека и объектов окружающей природной среды, поскольку регулирует все стадии обращения с этими продуктами хозяйственной деятельности (начиная с производства и заканчивая утилизацией). Многолетние авторские исследования показывают, что на сегодня в Российской Федерации право на благоприятную окружающую среду и экологическую безопасность обеспечивается большим блоком федерального и регионального законодательства и на их основе разработаны многочисленные подзаконные нормативные правовые акты конкретно регулирующие природоохранную деятельность и поведение людей и организаций. В России сложилось экологическое право как самостоятельная отрасль российского права, а не как подотрасль в структуре какой то иной отрасли права или как комплексной отрасли, в структуре которой и природоресурсное право.[6]

В области обеспечения экологической безопасности сложился и самостоятельный институт юридической ответственности за экологические правонарушения, которые предусмотрены в самом природоохранном законодательстве, в нормах ГК РФ, КоАП РФ и Уголовным кодексом Российской Федерации. [7] Однако уровень обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности остается явно недостаточным. По материалам ежегодных государственных докладов о состоянии объектов окружающей среды и методах их охраны видно, что на 15% территории Российской Федерации, где проживает более 60% населения, качество окружающей среды является неудовлетворительным. Среди важных причин такого негативного состояния среды обитания людей выделяются:

- неэкологическая технология в хозяйственной и иной деятельности;
- потребительские интересы подавляют интересы соблюдения законов природы и природоохранного законодательства;
- низкий уровень экологической образованности и культуры в предпринимательской деятельности;
- отсутствует правовой и экономический механизмы по предупреждению внедрения заведомо экологически вредных планов, проектов застроек и приема их в эксплуатацию;
- существующие институты экспертизы в сфере охраны окружающей среды, не обеспечены установлением норм об административной, уголовной ответственности и лишением прав экспертной деятельности за организацию дачи заведомо ложных экспертных заключений в сфере охраны окружающей среды;

Правительство Российской Федерации осознает проблемы охраны окружающей среды и на наш взгляд достаточно активно разрабатывает нормативные правовые акты, чтобы стимулировать технологические инновационные процессы направленные на внедрение и использование экологически чистых и энергосберегающих технологий, на сокращение и вторичное использование отходов, на применение наилучших доступных технологий.[8] Несомненно, уполномоченные государственные органы власти должны разрабатывать такую экологическую политику, при которой обеспечивалось бы устойчивое развитие российской экономики при соблюдении экологических требований. Представляется, что эффективным

средством достижения этого возможно и путем совершенствования природоресурсного и природоохранного законодательства по установлению уголовной ответственности юридических лиц за их негативное воздействие на объекты окружающей среды, в ом числе и установления уголовной ответственности за заведомо ложные экспертные заключения в сфере охраны окружающей среды и заведомо ложные экологические аудиторские заключения. Необходимо разработать процессуально- правовой механизм по исполнению природоохранного и природоресурсного законодательства по применению таких отраслевых видов юридической ответственности, как лишение права хозяйственной и иной деятельности за экологические правонарушения и лишение вещных прав за природоресурсные правонарушения. Это перспективные и инновационные пути развития действующего российского законодательства. При этом законодательство обязано сопровождать разработки и внедрение новейших доступных природоохранных технологий и безотходных производств. Экологически выдержанные инновационные технологии в промышленности, здравоохранении, в агропромышленном производстве, информационной деятельности и иных областях - это обязательная составляющая развития России в условиях глобализации и интеграционных процессов современности [9] . Одной из действенных форм обеспечения экологической безопасности является сформированный институт экспертизы и экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды. Экологической экспертизой при этом может считаться лишь такая деятельность, которая осуществляется в определенной правовой форме по регламентированной законодательством процедуре.

Правовое регулирование экологической экспертизы и, соответственно, деятельности эксперта осуществляется, во-первых, нормами Федерального закона "Об охране окружающей среды", Федерального закона "Об экологической экспертизе", ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», а также рядом подзаконных нормативных документов (Положение о порядке проведения государственной экологической экспертизы, Административный регламент Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору исполнения государственной функции по организации и проведению государственной экологической экспертизы федерального уровня), во-вторых, региональными нормативно-правовыми актами в области экологической экспертизы, в–третьих, специальными нормами Федеральный закон "О животном мире" (ст. 10, 20), Федеральный закон "О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах" (ст. 10), Федеральный закон "О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую" (ст. 2, 10, 12), Федеральный закон "О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации" и др.

Однако следует отметить, что существует два вида экологических экспертиз[10], порядок проведения которых регламентируется разными нормативно-правовыми актами:

а) Экологическая экспертиза, проводимая в соответствии с процедурой, установленной ФЗ «Об экологической экспертизе». По результатам такой экспертизы эксперт составляет заключение о соответствии или несоответствии планируемой хозяйственной и иной деятельности, действующим в области охраны окружающей среды требованиям. Таким образом, данная экспертиза является одним из важнейших правовых инструментов в обеспечении рационального природопользования и охраны окружающей среды от вредных воздействий;

б) Судебно-экологическая экспертиза. Она проводится также в соответствии с установленной законодательством процедурой, но уже не в соответствии с нормами ФЗ «Об экологической экспертизе», а на основании норм процессуального права и соответствующих процессуальных кодексов. Как правило, объектом судебно-экологической экспертизы является не намечаемая хозяйственная деятельность, а сложившееся состояние окружающей среды в результате уже произошедшего воздействия. И экспертное заключение здесь рассматривается уже в качестве доказательства, имеющего значение для установления истины по делу.[11]

В любом случае, независимо от того, какая экологическая экспертиза проводилась, заключение эксперта играет важную роль: в первом случае оно позволяет предупредить

вредное воздействие на окружающую среду, а во втором, привлечь к ответственности виновных лиц причиненного экологического вреда.

Необходимо отметить, что выводы, содержащиеся в экспертном заключении, должны соответствовать действительности, т.е. не допускается составление экспертом ложного заключения. За дачу заведомо ложного экспертного заключения предусмотрена административная, уголовная, материальная и гражданско-правовая ответственность. Слово «заведомо» здесь означает, что эксперт в своем заключении намеренно искажает выявленные им факты или намеренно умалчивает о них, неверно оценивает факты, или преднамеренно формулирует ложные выводы.

Долгое время уголовная ответственность была установлена лишь за дачу заведомо ложного экспертного заключения при проведении судебно-экологической экспертизы. Лишь в 2014 г. вступила в силу ст. 217.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за составление заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности. Необходимость ее введения обсуждалась 13 февраля 2013 г. на Заседании Комиссии по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности. Возложить всю полноту ответственности, вплоть до уголовной, на экспертов предложил представитель Ростехнадзора, в последствии его предложение и было воплощено в уголовное, уголовно-процессуальное, административное и экологическое законодательство Российской Федерации, путем внесения изменений, дополнений и поправок в УК и УПК РФ, КоАП РФ и ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и др.[12]

Появление норм о дисциплинарной, административной и уголовной ответственности экспертов за дачу заведомо ложных экспертных заключений промышленной безопасности оказалось действенным в предотвращении не только коррупционных начал в экспертных правоотношениях, но прежде всего воздействует на повышение ответственности экспертов за объективность и качество проводимых экспертиз и выдаваемых экспертных заключений в сфере охраны окружающей среды. Тем самым достигнуты социальная и экологическая результативность в защите (охране) жизненно важных интересов личности, общества и государства. По нашему мнению, изменения, внесенные в законодательство Российской Федерации, касающиеся вопросов ответственности экспертов за дачу ложных экспертных заключений при проведении экспертиз промышленной безопасности – это хорошее начало для дальнейшего совершенствования законодательства по внедрению в практику уголовной ответственности и за дачу заведомо ложных экологических, санитарно-эпидемиологических экспертных заключений, заключений экспертиз радиационной безопасности, фито-санитарных, санитарно - ветеринарных экспертных заключений, проводимых в правоотношениях сферы охраны окружающей среды. [10]

Список использованной литературы:

1. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и устойчивому развитию - Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г.» // РГ от 9 февраля 1994г.; «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» - Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. [Текст]: // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.; "Экологическая доктрина Российской Феденрации" от 31 августа 2002 г. - Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 г. [Текст]: // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.;.; "Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года" - Указ Президента РФ от 30.04.2012 [Электронный ресурс]: // www/pravo/gov.ru. (дата обращения 10.04.2016г.)

2. См. Разгельдеев Н.Т. Аннотация статьи Bernabй Rodriguez Velarde // Сб.: Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность, Изд. Саратовский источник, Саратов 2016, стр. 17-19.; Здесь же, на испанском языке (в оригинале), аннотированная статья Bernabй Rodriguez Velarde стр. 19-49

3. См.: "Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года" - Указ Президента РФ от 30.04.2012 [Электронный ресурс // www/pravo/gov.ru. (дата обращения 10.04.2016г.)

4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002г. №7-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Сайт]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160139 (дата обращения 29.04.2016)

5. О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 №219-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. 2014. №166; 2015. №297.

6. Разгельдеев Н.Т. Методология разграничения отраслей экологического и природоресурсного права, для целей формирования их правовых институтов. // Сб.: Правовые институты и методы охраны окружающей средыв России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность, Изд. Саратовский источник, Саратов 2016, стр. 104-109.

7. Разгельдеев Н.Т. Теоретические проблемы правоотношений природоохранительной ответственности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени док тора юридических наук. Алма-Ата, 1989 г. 43 с.

8. См.: Концепция реализации перехода на принципы НДТ и внедрения современных технологий в промышленном секторе Российской Федерации. URL: http://gkhrazvitie.ru/media/105156/koncepciya-realizacii-ndt-fevral-2015.pdf (дата обращения: 24.04.2016).; «Об утверждении Перечня областей применения наилучших доступных технологий»: Распоряжение Правительства РФ от 24.12.2014 № 2674-р (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. №1 (часть III). ст. 399; 2016. № 2 (часть II). ст. 447.

9. Разгельдеев Н.Т. Экологическая безопасность Российской Федерации в условиях глобализации и интеграционных процессов // Сб.: Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов. (Материалы международной научной конференции 4-5 ноября 2015г.) Изд. РАУ, Ереван, 2015, с.161-165

10. См. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001, №23, Ст. 2291 ; Максимова Е.А. Правовые основы организации и проведения экспертизы промышленной безопасности опасных производств и объектов в России.– .Саратов, 2003.– 158 с.

11. Разгельдеев Н.Т., Максимова Е.А. Проблемы правового регулирования экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения // Правовая культура. 2013. №1 (14). С, 115-121.

12. Федеральный закон от 02 июля .2013г. N 186-ФЗ " О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях. // СЗ №27, 2013 г.. Ст.3478

Максимова Е.А.,
к.ю.н., доцент Кубанского государственного университета
Яшина М.С.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА ОПАСНОГО ОБЪЕКТА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ОПАСНОМ ОБЪЕКТЕ

В условиях интенсивного развития российской промышленности, характеризующихся значительным совершенствованием различных ее отраслей, все большую актуальность приобретает проблема обеспечения надлежащей эксплуатации опасных производственных объектов, и, соответственно, защиты населения при угрозе возникновения техногенных катастроф и аварий.

По данным Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), в Российской Федерации в 2015 г. на опасных производственных объектах, гидротехнических сооружениях и объектах энергетики произошло 174 аварии, которые унесли жизни 193 человек [6]. В их числе – взрыв на маслобойном заводе в г. Балаково Саратовской области, что привело к гибели одного работника объекта, а также обрушение стены в одном из рудников г. Норильска Красноярского края, в результате которого погибли два человека [7].

В настоящее время на территории России насчитывается свыше 330 тыс. опасных производственных объектов, более 30 тыс. гидротехнических сооружений, около 530 тыс. грузоподъемных механизмов и практически 45 тыс. АЗС. В стране функционируют 9 тыс. взрывоопасных и пожароопасных объектов; 60 крупных водохранилищ, проложено более 209

тыс. км магистральных газопроводов и 63 тыс. км нефтепроводов. При этом статистика свидетельствует, что в непосредственной близости от таких объектов проживает около 100 млн человек, что составляет 70 % населения страны [5, с. 314].

В связи с этим сегодня все большее значение приобретает реализация механизма обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта, направленного на защиту прав лиц, которые могут пострадать в результате различных чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Согласно ч. 1 ст. 2 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон N 4015-1), сегодня страхование в самом общем виде определяется как «отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков» [1].

Страхование гражданской ответственности организаций, эксплуатирующих опасные объекты», упомянутое в п. 18 ч. 1 ст. 32.9 Закона N 4015-1 в качестве вида страхования, осуществляемого в Российской Федерации, представляет собой страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте [1].

Сегодня общие положения о страховании ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые являются владельцами источников повышенной опасности, содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. N 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (далее – Закон № 225-ФЗ) [2]. Кроме того к данным отношениям применяются Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2011 г. N 916 [4].

В соответствии со ст. 5 Закона № 225 - ФЗ, под опасными объектами, на владельцев которых возлагается обязанность осуществлять страхование, понимаются расположенные на территории Российской Федерации: 1) опасные производственные объекты, подлежащие регистрации в государственном реестре согласно законодательству о промышленной безопасности опасных производственных объектов; 2) гидротехнические сооружения, которые подлежат внесению в Российский регистр гидротехнических сооружений в соответствии с законодательством о безопасности гидротехнических сооружений; 3) автозаправочные станции жидкого моторного топлива; 4) подъемные платформы для инвалидов, лифты и эскалаторы (кроме эскалаторов в метрополитенах) [2].

Важно отметить, что страхование ответственности владельца такого источника повышенной опасности как опасный производственный объект не является новеллой отечественного законодательства. Уже более 10 лет в России действует Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее – Закон № 116-ФЗ) [3]. Сегодня ст. 15 данного закона лишь указывает на необходимость обращения к Закону № 225-ФЗ [3]. Однако обязанность организации, которая эксплуатирует опасный производственный объект, страховать ответственность за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц и окружающей среде в случае аварии на таком объекте была предусмотрена ст. 15 Закона № 116-ФЗ еще до вступления в силу Закона № 225-ФЗ.

В соответствии с Законом № 225-ФЗ, владелец опасного объекта обязан в качестве страхователя страховать за свой счет имущественные интересы, которые связаны с его обязанностью возместить причиненный потерпевшим вред, путем заключения со страховщиком договора обязательного страхования на весь срок эксплуатации такого объекта. В том случае, если владелец объекта не исполнил данную обязанность, ввод опасного объекта

в эксплуатацию невозможен [2].

Кроме того Закон № 225 – ФЗ предусматривает возможность создания на территории Российской Федерации единого профессионального объединения страховщиков [2]. В настоящее время в России уже существует Национальный союз страховщиков ответственности, учрежденный Всероссийским союзом страховщиков и 26 крупнейшими страховыми компаниями, занимающими на рынке страхования лидирующие позиции 5 октября 2005 г. Данная некоммерческая организация в сети «Интернет» имеет свой собственный официальный сайт, на котором можно найти правовую информацию, а также сведения о структуре и деятельности общероссийского союза.

Так, к примеру, согласно годовому отчету о работе Национального союза страховщиков ответственности, в настоящее время на рынке российских страховщиков опасных производственных объектов насчитывается 225 тыс. договоров. В общем числе официально учтенных опасных объектов доли застрахованных объектов распределяются следующим образом: АЗС – 92,4 %; ГТС – 83,7 %; ОПО – 87,8 %; Лифты – 81,6 %. Страховая премия, начисленная за 2014 г., в целом превысила отметку в 6620 млн рублей. [8].

Однако сегодня, несмотря на очевидность положительных результатов развития этого вида страхования, в ходе реализации Закона № 225-ФЗ возникают определенные противоречия и вопросы, требующие скорейшего разрешения.

Во-первых, продолжает оставаться спорным вопрос о том, кто может выступать в качестве страхователя в рассматриваемых отношениях. Закон 225 – ФЗ устанавливает, что страхователем по общему правилу является владелец опасного объекта, который заключил договор обязательного страхования гражданской ответственности за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте. При этом под владельцем опасного объекта понимается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, владеющие таким объектом на праве собственности, праве хозяйственного ведения или оперативного управления либо на ином законном основании и осуществляющие эксплуатацию опасного объекта[2]. Однако уже не редки случаи, когда эксплуатацию объекта может осуществлять его арендатор, который, соответственно, не является его владельцем. И наоборот: лицо, владеющее опасным объектом, зачастую не осуществляет его эксплуатацию. Также примечательно, что процедура обязательного страхования гражданской ответственности не предусмотрена законом для таких владельцев опасных объектов, как физические лица.

Во-вторых, серьезным недостатком Закона № 225-ФЗ можно признать и то, что он предусматривает возмещения вреда, причиненного только физическими юридическим лицам. При этом в законе нет упоминания о покрытии вреда, причиненного окружающей среде.

И, наконец, особую проблему сегодня также представляют участившиеся случаи укрупнения объектов и даже вывода их из числа опасных, что позволяет их владельцам минимизировать или даже полностью отказаться от расходов на их страхование. Так только за первое полугодие 2014 г. Ростехнадзором из числа источников повышенной опасности было исключено более 18 тысяч объектов [9].

Таким образом, введение обязательного страхования гражданской ответственности владельцев опасных объектов имеет большое экономическое и социальное значение. С одной стороны, такой вид страхования позволяет снизить размер бюджетных выплат на ликвидацию последствий аварий на опасном объекте путем перенаправления данных расходов на страховые организации. С другой стороны, создание подобного механизма позволяет стимулировать владельцев таких объектов к принятию целого комплекса мер, направленных на обеспечение их безопасной эксплуатации, что имеет первостепенное значение для защиты прав и законных интересов граждан.[10]

Список использованной лит ерат уры:

1. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 (ред. от 28.11.2015, с изм. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.02.2016) // Российская газета. 1993.N 6; 2016. N 1.

2. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 225-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // СЗ РФ. 2010. N 31. Ст. 4194; 2014. N 45. Ст. 6154.; Принят закон, нормы которого направлены на повышение уровня защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от аварий на опасных производственных объектах и их последствий // Официальный портал Правительства Саратовской области [Сайт]. URL:http://www.saratov.gov.ru/government/organs/ombudsman/enlightenment/detail.php?ID=94166 (дата обращения 29.04.2016)

3. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 116-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // 1997. N 30. Ст. 3588; 2015. N 29 (часть I). Ст. 4359.

4. Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: Постановление Правительства РФ от 03 ноября 2011 г. N 916 (ред. от 06.03.2015) // СЗ РФ. 2011. N 47. Ст. 6647; 2015. N 11. Ст. 1607.

5. Корнева Е.В., Иващенко К.Н. Основные проблемы в реализации закона об обязательном страховании ответственности владельцев опасных объектов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 314-321.

6. В Ростехнадзоре подвели итоги работы за 2015 год. Официальный сайт Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору. URL: http://www.gosnadzor.ru/news/64/1091/?sphrase_id=735172 (дата обращения: 15.04.2016).

7. Аварии на опасных объектах. Официальный сайт Национального союза страховщиков ответственности. URL: https HYPERLINK "https://www.nsso.ru/chronicle/opo/":(дата обращения: 15.04.2016).

8. Отчет о деятельности Национального союза страховщиков ответственности за 2014 г. Официальный сайт Национального союза страховщиков ответственности. URL: https HYPERLINK "https://www.nsso.ru/upload/iblock/91a/91%20a8d1e3baa608a5f61ca31f9b4b5148.pdf": (дата обращения: 15.04.2016).

9. В Ростехнадзоре подвели итоги работы за первое полугодие 2014 года. Официальный сайт Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору. URL: http://www.gosnadzor.ru/news/64/354/?sphrase_id=308865 (дата обращения: 15.04.2016).

10. Н.Т. Разгельдеев, Е.А.Максимова Проблемы правового регулирования экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения // Правовая культура. 2013. №1 (14). С, 115-121.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях: Федеральный закон от 2 июля 2013 г №186- ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Сайт]. URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148496 (дата обращения 29.04.2016)

Манова Н.С.,
д.ю.н., профессор «Саратовской государственной юридической академии»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На протяжении всего времени действия УПК РФ ученые и практики неоднократно писали о том, что закрепленное в Конституции Российской Федерации положение об охране прав потерпевшего от преступления и обеспечении ему доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52) во многом является лозунгом, что необходимо изменение, совершенствование процессуального положения потерпевшего в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, создание действенных гарантий реализации тех прав, которые предоставлены ему законом [1, 2, 3, 4, 5]. Многие авторы справедливо отмечали, что российский законодатель видит за проблемой защиты прав человека только того, кто преступил закон, а не жертвы преступлений [6, С.12], что потерпевший сегодня - это «золушка» уголовного правосудия [7, С.100-104].

Долгое время российский законодатель был глух к таким призывам и не предпринимал никаких заметных усилий для того, чтобы сформировать национальную концепцию защиты прав и законных интересов жертв преступлений. Но принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве» заметно изменило ситуацию. Анализ норм данного законодательного акта позволяет говорить о том, что процессуальное положение потерпевших ныне во многом приведено в соответствие с международными стандартами.

Одним из наиболее значимых международных стандартов прав потерпевших в уголовном судопроизводстве является обеспечение данному участнику процесса юридической помощи. Исходя из преобладающего при уголовно-процессуальном регулировании принципа пропорциональности, доступность для потерпевшего квалифицированной юридической помощи по уголовным делам является одной из наиболее острых проблем российского законодательства и правоприменительной практики. Традиционно в отечественном уголовном судопроизводстве подозреваемым и обвиняемым при необходимости обеспечивается право на получение бесплатной помощи адвоката-защитника. Потерпевшему также предоставлено право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако пригласить адвоката-представителя он может только за свой счет. Совершенно очевидно, что для многих потерпевших это невозможно в силу финансовых причин. Так, по опубликованным данным, правом иметь представителя пользуется всего 12 % потерпевших [2, С.189]. Ярким примером того, как потерпевшему обеспечивается данное право и как оно реализуется на практике, стало дело о пожаре в ночном клубе «Хромая лошадь» (г. Пермь), при судебном рассмотрении которого восьмерых подсудимых защищали 23 адвоката, а у 124 потерпевших был только один адвокат–представитель [8].

В то же время потерпевший, чаще всего, не обладает необходимыми юридическими знаниями и поэтому ему сложно самостоятельно реализовать те права, которые предоставлены ему законом для защиты своих интересов. Поэтому сегодня отчетливо назрела необходимость предоставить и потерпевшему надлежащее юридическое обеспечение профессиональной защиты его интересов по схеме, установленной для подозреваемых и обвиняемых [9, С. 22].

Упомянутым Федеральным законом № 432-ФЗ была расширена возможность участия в качестве представителей потерпевшего его близких родственников. Ныне, в соответствии с частью 1 ст. 45 УПК РФ, при производстве по любым уголовным делам (а не только тем, которые рассматривает мировой судья, как это было в прежней редакции данной нормы) в качестве представителя потерпевшего, помимо адвоката, может быть допущен один из его близких родственников. Но оказать потерпевшему реальную юридическую помощь такой представитель сможет только при условии, если он сам является юристом, причем, имеющим навыки работы по уголовным делам. Между тем, при производстве и предварительного расследования, и судебного разбирательства может возникнуть необходимость в выстраивании потерпевшим собственной позиции, отличающейся от той, которую занимают иные субъекты уголовного преследования. И поэтому потерпевшему должна быть предоставлена возможность в случае его имущественной несостоятельности получать юридические услуги за счет средств федерального бюджета. В специальной литературе высказаны справедливые предложения определить на уровне правительственных нормативных актов минимальный порог доходов, позволяющий потерпевшему обращаться с ходатайством об обеспечении бесплатной юридической помощи [10, С. 20].

Следует заметить, что законодатель все же сделал попытку решить проблему оплаты юридический помощи, оказываемой потерпевшему его представителем. Законом № 432-ФЗ часть 2 ст. 131 УПК РФ дополнена пунктом 1.1, в соответствии с которым к процессуальным издержкам отнесены и суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения его представителю. Но при этом часть 1 ст. 131 УПК РФ предусматривает, что процессуальные издержки возмещаются либо за счет средств федерального бюджета, либо за счет средств участников уголовного судопроизводства. Если бы законодатель однозначно решил, что расходы, связанные с участием адвоката-представителя потерпевшего будут возмещаться за счет государственного бюджета, то он бы указал, что эти суммы выплачиваются не потерпевшему, а непосредственно его

представителю – адвокату, как это указано в п. 5 ч. 2 ст. 131 УПК РФ применительно к адвокатам-защитникам обвиняемого (подозреваемого), участвующим в деле по назначению.

Значимость проблем, связанных с получением квалифицированной юридической помощи потерпевшим многократно возрастает, когда речь идет о пострадавших от преступления несовершеннолетних лицах. Федеральным законом № 432-ФЗ ст. 45 УПК РФ, посвященная представителям потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, была дополнена частью 2.1, в соответствии с которой по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката-представителя обеспечивается органом предварительного расследования или судом. Закон установил, что в этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Безусловно, это важный шаг в реализации международных стандартов прав несовершеннолетних потерпевших в российском законодательстве. Однако этот шаг является очень скромным. Данное право обеспечено далеко не всем несовершеннолетним потерпевшим, а только тем, кто не достиг возраста шестнадцати лет, и кто является потерпевшим по делам о преступлениях против половой неприкосновенности. Но даже таким несовершеннолетним потерпевшим право на получение квалифицированной юридической помощи обеспечивается не безусловно, а только в том случае, если об этом будет заявлено ходатайство законным представителем несовершеннолетнего.

Безусловно, что преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних оказывают на потерпевших серьезное психотравмирующее воздействие и, конечно же, по таким делам права жертвы преступления должны быть защищены особым образом. Но это не означает, что несовершеннолетние потерпевшие по другим категориям дел в меньшей степени нуждаются в юридической помощи адвоката-представителя. Поэтому полагаем, что, исходя из требований международных стандартов уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации должно содержать положение о том, что расходы по оплате участия в деле адвоката-представителя несовершеннолетнего потерпевшего во всех случаях компенсируются за счет средств федерального бюджета. Вместе с тем мы понимаем, что в настоящее время Российское государство реально не в состоянии принять на себя соответствующие расходы. Поэтому в качестве промежуточного решения в закон может быть включено положение о том, что по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено тяжкое или особо тяжкое преступление, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом, расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета [11, С. 177].

Говоря об обеспечении в российском уголовном судопроизводстве прав потерпевших, следует отметить, что все процессуальные правила и процедуры, связанные с участием потерпевшего на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, должны стать элементами фундаментального российского механизма доступа потерпевшего к правосудию и компенсации причиненного ему вреда. Действующее же ныне уголовно-процессуальное законодательство России в этой части все еще нуждается в дальнейшем совершенствовании, важнейшим направлением которого является предоставление потерпевшего права на получение при необходимости бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Список использованной литературы:

1. Лунев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. - 2009. - № 1. - С. 40

2. Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). – М.: Юрлитинформ, 2013. – 288 с.

3. Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. – М.: Юриспруденция, 2008. – 241 с.
4. Комиссаров В.И. Потерпевший - центральная фигура уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 32-33.
5.Зайцева Е.А. Трижды потерпевший // Законность. – 2015. – № 1. – С. 34-38.
6. Трунов И.Л. Проблемы соблюдения прав и свобод жертв преступности // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2007. – № 3. – С. 10-17.
7. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права // Северо-Кавказский юридический вестник. – Ростов-н-Д. – 2007. – № 4. – С. 100 – 104.
8. Правосудие сбилось с ноги // Московский комсомолец. 2011. 4 июня.
9. Божьев В.П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. - 2010. - № 15. - С. 20-23.
10. Аширбекова М.Т. Права и законные интересы потерпевшего: общее и особенное в нормативном обеспечении // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. – М.: Проспект, 2016. – С.17-27.
11. Спесивов Н.В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. - Саратов, 2015. – 240 с.

Овчинникова Н.О.,

преподаватель кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»

СПОСОБЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬМ ПРАВЕ

Уголовно-процессуальный закон, как в принципе, и любой закон не идеален. В своей основе он социально обусловлен, то есть, детерминирован различными факторами общественного, экономического, политического, духовного, морально-нравственного характера. При этом уголовно-процессуальный закон - это творение человеческого разума. В нем законодатель предпринял попытку отразить сложные явления действительности (более или менее полно), которые постоянно уточняются, углубляются, изменяются. И.А. Покровский справедливо писал, что закон, как и всякое дело рук человечества, часто страдает пороками мысли и пороками редакции, одним из таких пороков и является пробел в праве[4, с. 110] .

Рассмотрим вопрос о способах установления (выявления) пробелов в уголовно-процессуальном праве. Деятельность по установлению пробелов предшествует их устранению и преодолению. Сложность идентификации пробела состоит в том, что его трудно отграничить от противоречий норм права и от вышеупомянутого нами «квалифицированного молчания законодателя (наша позиция сводится к тому, что пробел в принципе нельзя отличить от последнего). Так, А. Г. Никитина связывает начало деятельности по установлению пробелов в праве с научным или обыденным предвидением и классифицирует его на следующие виды: «а) предвидение на базе простой повторяемости явлений; б) предвидение по аналогии; в) предвидение на базе собственного закона объекта; г) предвидение на базе теории»[3, с. 49]. Лазарев В. В. соглашается с позицией Никитиной А. Г. – «предположение о пробелах в праве, в особенности предвидение соответствующих обстоятельств, которые потребуют правового разрешения, и тех условий, в которых это произойдет, полностью подчиняется общим закономерностям научного прогнозирования»[2, с.43], но отмечает, что сущность и методы прогнозирования в праве, степень и формы опосредствования потребностей общественного развития, экономическая обоснованность и правильность выбора принимаемых решений до сих пор плохо исследованы. Ученый выделяет три метода установления пробелов в праве: формально-юридический, конкретно-социологический и индивидуально-психологический, но отмечает, что индивидуально-психологический метод является компонентом конкретно-социологического метода. К

области формально-юридического метода ученый относит сферу языка, способы выражения и логическое содержание воли законодателя, содержащейся в различных правовых установлениях, к области конкретно-социологического метода - изучение сферы действия государственно-правовых институтов, а область правового сознания, особенно в той части, в какой речь идет о правовой психологии, о чувствах и эмоциях людей, обусловленных действующим правом ученый относит к индивидуально-психологическому исследованию[2, с. 52]. В качестве средств применения формально-юридического метода ученый выделяет:

- толкование (логическое, грамматическое, распространительное, ограничительное, систематическое и историко-политическое);
- аналогию;
- индукцию и дедукцию[2, с. 57-97] .

Мы не можем согласиться с позицией ученого, так как положения, именуемые им средствами применения формально-юридического метода, на наш взгляд, являются способами устранения и преодоления пробелов, а не их установления.

В качестве средств применения конкретно-социологического метода ученый выделяет:

- изучение статистических данных;
- создание программ изучения законодательства;
- изучение политических отношений;
- изучение личности, коллективов, групп, их интересов и потребностей;
- анкета, интервью, опрос;
- обращение к мнению коллектива, организации;
- изучение социальных неправовых норм;
- изучение практики;
- наблюдение (должно содержать цель, объект и методику исследования) и эксперимент (должен содержать гипотезу, данные о ее апробировании, научный контроль, анализ выводов и разработку рекомендаций) [2, с. 98-128].

На наш взгляд, средства, относимые Лазаревым В. В. к конкретно-социологическому методу вполне применимы к уголовно-процессуальному праву и принесут положительные результаты в деятельности по установлению пробелов. Однако, мы хотим предложить перечень способов установления пробелов в уголовно-процессуальном праве, который, по нашему мнению, будет отвечать потребностям уголовно-процессуального права и отражать специфику отрасли. Мы полагаем, что пробелы в праве могут быть выявлены в ходе научной исследовательской деятельности и, преимущественно, в процессе правоприменительной деятельности (при разрешении процессуальных вопросов по уголовному делу, при разрешении уголовного дела по существу, либо в процессе деятельности иных государственных органов и их должностных лиц (оперативно-розыскных, надзорных, контролирующих регистрирующих и т.п.)). Следовательно, выделим научно-исследовательские способы установления пробелов и способы установления пробелов в ходе правоприменительной деятельности.

Научно-исследовательские способы установления пробелов в уголовно-процессуальном праве:

- отраслевая экспертиза законопроектов и нормативно-правовых актов (проводимая избираемыми комиссиями, в составе, которых обязательное участие должны принимать, филолог, научный профильный сотрудник (ведущий специалист в сфере уголовно-процессуального и уголовного права), члены Законодательного Собрания РФ, практические работники – судьи КС РФ, ВС РФ, судьи иных федеральных судов, прокурорские и следственные работники). В настоящее время подробное нормативное регулирование получила только антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов[1, с. 1]. Регулирование порядка проведения предлагаемых нами экспертиз целесообразно закрепить в отдельном нормативно-правовом акте.

- создание отраслевых фокус групп при Правительстве РФ по мониторингу научных исследовательских квалификационных работ на предмет предложений по совершенствованию законодательства;

- создание научно-исследовательских центров в регионах для проведения социологических опросов практических работников, обобщения результатов опросов и публикации таких результатов на специальных сайтах в сети «Интернет»;

- разработка обучающих программ о правилах нормотворческой детальности (такие программы должны включать правила русского языка, правила законодательной техники, правила формальной логики и др.)

- создание тендеров на проведение экспертно-консультативной оценки законопроектов и постановлений Пленума ВС РФ, содержащих толкование уголовно-процессуальных норм, для ведущих юридических ВУЗов РФ.

Данный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен.

К способам установления пробелов в ходе правоприменительной деятельности предлагаем отнести следующие:

- выявление пробелов и указание на них при систематизации судебной практики и ее официальное опубликование;

- при выявлении пробелов в ходе судебного разбирательства предусмотреть право законодательной инициативы для федеральных судов;

- при выявлении пробелов следователем, дознавателем, прокурором и др. правоприменителями, предусмотреть для них право обращения в экспертную отраслевую комиссию для проведения экспертизы;

- выборка экспериментальных субъектов РФ для практической проверки работоспособности, эффективности еще не вступивших в силу норм уголовно-процессуального права и выявления пробелов данных новых норм (метод эксперимента и наблюдения).

Данный перечень также не является исчерпывающим и может быть дополнен другими способами установления пробелов в уголовно-процессуальном праве.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 30.12.2015) "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) //"Собрание законодательства РФ", 18.10.1999, N 42, ст. 5005., ст. 9.1 Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 28.11.2015) "О прокуратуре Российской Федерации" //"Собрание законодательства РФ", 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

2. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. - М., «Юрид. лит.», 1974. С. 43.,С. 52., С. 57-97., С. 98-128.

3. Никитина А. Г. Виды научного предвидения, «Вестник Московского университета», серия VIII, Философия, 1966 г., № 5, С. 49.

4. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М: Статут, 1998. С.110.

Разгельдеев Н.Т.,
заведующий кафедрой уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского, д.ю.н., профессор

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Право на благоприятную окружающую среду, санитарно-эпидемиологическое и экологическое благополучие, безопасную жизнедеятельность россиян закреплено в ст.ст.41 и 42 Конституции РФ, выражено и регулируется природоохранным и природоресурсным законодательством. В системе этого законодательства: а) федеральные и региональные законы, международные пакты и конвенции; б) нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ; в) нормативные правовые акты специально уполномоченных исполнительных органов власти (регламенты, госты, санпины и др.) г) отраслевые инструкции, методики, положения и др. Это законодательство сформировало институт организации экспертизы и экспертной деятельности, также как и институты учета, управления и контроля, экономического механизма, юридической ответственности и др. В Российской Федерации сложился самостоятельный и полноценный правовой механизма регулирования как природоохранной, так и природоресурсной деятельности и поведения людей и организаций (юридических лиц).[1] В тоже время постоянно происходит несоблюдение этого законодательства, с причинением вреда жизненно важным интересам личности, общества и государства в сфере охраны объектов окружающей среды.

В чем заключается проблема? В настоящее время усиливается негативное воздействие на состояние объектов окружающей среды в России и мире, складывается устойчивая тенденция их ухудшения, сказывающаяся уже на изменения климата Земли. Это глобальный экологический факт, подтверждающий антропогенное воздействие на природное состояние охраняемых объектов окружающей среды. Прошедший, под эгидой ООН саммит по охране окружающей среды "Париж-2015", где выступал с докладом и Президент РФ В.В.Путин выразили глубокую озабоченность заметным процессам изменения климата Земли и определили (наметили) пути упреждения этого природно-антропогенного процесса. В структуре этих предложений имеются и рекомендации государствам о необходимости введения в свое национальное законодательство уголовно-правовых мер воздействия на юридических лиц за совершаемые ими экологические преступления.[2]

В Российской Федерации имеется сложившееся природоохранное законодательство, автономное от природоресурсного, административного и гражданского законодательства. В них сформированы и отраслевые институты ответственности юридических лиц за экологические правонарушения различной степени общественной опасности. В природоохранном законодательстве предусмотрен и такой вид юридической ответственности, как лишение прав хозяйственной и иной деятельности за отдельные виды экологических правонарушений, но без процессуального механизма реализации. По этим составам экологических правонарушений привлекаются как физические, так и юридические лица. Введена административная ответственность юридических лиц за экологические деликты. В федеральных природоохранных законах предусмотрена и применение уголовной ответственности субъектов экологических правонарушений. В уголовном кодексе РФ имеются целая глава с составами экологических преступлений, но за их совершение привлекаются к уголовной ответственности только физические лица, т.е. работники или должностные лица юридических лиц.

Несмотря на эти факты и большое число привлекаемых граждан и юридических лиц к различным видам юридической ответственности за совершенные экологические

правонарушения качество среды обитания в России и иных государствах не улучшается, а имеет тенденцию к увеличению на неё негативного воздействия со стороны юридических лиц. Это связано со следующими обстоятельствами:

- наличие взаимоисключающих интересов (право на благоприятную окружающую среду и право на получение прибыли хозяйствующими субъектами в процессе эксплуатации природных объектов);

- отраслевое законодательство Российской Федерации выражает эти противоречия, но не сумело привести к их конструктивному взаимодействию для целей охраны объектов окружающей среды;

- интересы юридических лиц, как коллективных субъектов права, отличны от интересов их должностных лиц и отдельных работников, для целей охраны объектов окружающей среды;

- юридическое лицо является материализованным субъектом права, вполне сложилось как по форме, так и по содержанию в качестве суверенного субъекта права;

- в российском природоохранном законодательстве провозглашен принцип "презумпция экологической опасности любой планируемой хозяйственной и иной деятельности", что является основой для введения юридических лиц в структуру субъектов уголовной ответственности за экологические преступления;

- состояние объектов окружающей среды имеют тенденцию ухудшения от постоянного негативного воздействия деятельности юридических лиц на объекты охраны окружающей среды.

Что следует предпринять органам государственной власти Российской Федерации?. Здесь видятся несколько вариантов действий:

- в природоохраннбом и природоресурсном законодательстве сформировать полноценный процессуально-правовой механизм лишения прав хозяйственной и иной деятельности и лишения вещных прав юридических лиц, как видов экологической ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за конкретные экологические правонарушения;

- увеличить штрафные санкции для юридических лиц, по предусмотренным отдельным составам административных экологических правонарушений;

- разработать методики оценки причиненного юридическими лицами экологического вреда и возмещать этот причиненный вред в повышенном размере, на основании норм природоохранного законодательства и ГК РФ;

- ввести в общую часть УК РФ главу или раздел "Особенности уголовной ответственности юридических лиц и применяемых санкциях", по аналогии с главой 14 "Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних". Где указать, что юридические лица несут уголовную ответственность по усеченному (сокращенному) составу преступления, т.е. только по объективной стороне состава экологического преступления В особенной части УК РФ, по отдельным экологическим и смежным им преступлениям указывать на ответственность и юридических лиц. [3]

Из этих вариантов, на наш взгляд наиболее перспективным и эффективным решением, для целей охраны окружающей среды и рационального природопользования, было бы введение в общую часть УК РФ: *Раздел "Уголовная от вет ст венност ь юридических лиц" и в ней главу "Особенност и уголовной от вет ст венност и юридических лиц и применяемые к ним санкции*", по аналогии с главой 14 "Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних". Исходя из провозглашенного в природоохранном законодательстве принципа "презумпция экологической опасности любой планируемой хозяйственной и иной деятельности". Юридические лица должны нести уголовную ответственность по усеченному (сокращенному) составу преступления: а) нарушение природоохранного законодательства и природохранных требований (противоправность деяния); б) наличие экологического и иного вреда в сфере охраны окружающей среды; в) причинно-следственная связь между причиненным вредом и противоправной деятельностью. В особенной части УК РФ, по

отдельным сформированным экологическим и смежным им преступлениям указывать субъектами юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Санкциями здесь могут быть: а) повышенные размеры штрафов; б) лишение и ограничение прав хозяйственной и иной деятельности; в) ликвидация юридического лица.

Современные юридические лица не выдумка, не вымысел (не фикция - лат.), а расположенный на конкретной территории и организационно оформленный полноценный субъект права, с узаконенными характеристиками своих полномочий и прошедшие государственную регистрацию. Это полномочный субъект права извлекающий природные ресурсы, организационно обособлен, экономически заинтересован создавать прибыль, технологически вооружен и потому с серьезным и постоянным негативным воздействием на объекты охраны окружающей среды. Они источники постоянного антропогенного воздействия на ухудшения среды обитания и изменения климата Земли. Пора приступить к формированию у их владельцев правосознания по необходимости соблюдения установленного экологического правопорядка. Уголовно-правовое воздействие на неэкологическую деятельность юридических лиц окажется полезными и для воспитания экологического правосознания у их владельцев и работников.

Список использованной литературы:

1. См.: Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012). // zakonbase. [Сайт]. URL: http://zakonbase.ru/content/base/265665 (дата обращения: 15.03.2016 г.)

2. См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности ,Нью-Йорк 15.11.2000). // Conventions. [Сайт]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=379 (дата обращения: 15.03.2016); Конвенция ООН против коррупции (Мерида 9.12.2003). // Conventions. [Сайт]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382 (дата обращения: 15.03.2016); : Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права (Страсбург 04.11.1998). // Lawmix, [Сайт]. URL: https://www.lawmix.ru/abrolaw/9310 (дата обращения: 15.03.2016)

3. Разгельдеев Н.Т. К вопросу о природе экологического и природно-ресурсного отраслей права // Вестник Волгоградского университета № 2/23, 2014. с.29-37.

Разгельдеев Н.Т.,
заведующий кафедрой уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского, д.ю.н., профессор
Крепица В.Ю.,
руководитель юридической группы,
Филиал в г.Саратове АО "ЭР-Телеком Холдинг"

СВОБОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Развитие информационно-телекоммуникационных сетей является существенным компонентом становления электронной демократии в России. Существуют различные трактовки такого общественно-политического явления как электронная демократия. Электронную демократию понимают и в качестве формы общественно-политической активности граждан с применением новейших информационно-коммуникационных технологий (например, сети Интернет) для достижения максимальной продуктивности при взаимодействии граждан с другими гражданами, органами государственной и муниципальной власти, общественными и коммерческими организациями, а также инструменты такого взаимодействия; и в качестве демократической политической системы, при которой информационно-коммуникационные технологии используются для реализации важнейших составляющих демократического процесса: «распространения информации, коммуникации, объединения интересов граждан и принятия решений, и в соотношением с таким явлением как

«электронное правительство».[1] В любом случае информационно-телекоммуникационные сети являются средством обмена информации и существования и реализации электронной демократии. Без функционирования сетей связи вряд ли возможно говорить о существовании электронной демократии, о возможности информационного обмена посредством посылки электронных сообщений.

На территории Российской Федерации сформировано законодательство, устанавливающее правовой режим сетей связи и позитивный правовой статус участников правоотношений в сфере связи и смежных отраслях – операторов связи, абонентов, пользователей, лиц, организующих доступ к сети «Интернет», органов государственного надзора и контроля, органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, владельцев сайтов в сети «Интернет», провайдера хостинга. [2] Нормативно закреплены не только позитивные правовые статусы участников отношений в сфере связи, но и возможность ограничения распространения информации в электросетях, правоотношения, устанавливающие порядок такого ограничения, обязанности субъектов по ограничению распространения указанной информации, а также санкции за нарушение указанной обязанности.

Среди нормативных документов, устанавливающих возможность ограничения распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях, либо ограничение доступа к информации отдельных категорий граждан, можно назвать:

- Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ "О связи « ; [3]
- Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"; [4]
- Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) "О противодействии экстремистской деятельности".[5]

Из подзаконных актов можно назвать Приказ Роскомнадзора от 21.02.2013 N 170 (ред. от 13.04.2015) "Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" с провайдером хостинга".[6]

Центральную роль в вопросе ограничения доступа к сайтам принадлежит операторам связи, поскольку именно на них в силу пункта 10 ст. 15.1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" возложена обязанность ограничить доступ к такому сайту в сети "Интернет".

Конечно, статьей 15.1. Закона предусмотрены обязанности и провайдера хостинга и владельца сайта в сети Интернет по удалению информации или интернет-страницы, содержащий информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Но можно задуматься об эффективности таких мер в отношении провайдеров хостинга или владельцев сайта в сети Интернет, размещенного за пределами Российской Федерации. В то же время операторы связи зарегистрированы в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя на территории Российской Федерации, подконтрольны в части соблюдения требований указанного Закона специально уполномоченному органу по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

В силу ст. 15.1. Закона Операторы связи обязаны ограничивать доступ к сайтам, включенным в реестр на основании:

1) решения уполномоченных Правительством Российской Федерации федеральных органов исполнительной власти, принятые в соответствии с их компетенцией в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в отношении распространяемых посредством сети "Интернет":

а) материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

г) информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами;

д) информации, нарушающей требования Федерального закона от 29 декабря 2006 года N 244-ФЗ "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и Федерального закона от 11 ноября 2003 года N 138-ФЗ "О лотереях" о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети "Интернет" и иных средств связи;

2) вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети "Интернет", информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

При этом если сведения о доменном имени и (или) указатели страниц сайтов в сети "Интернет", либо сетевых адресах, позволяющие идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, не внесены в реестр Роскомнадзора, не внесены в реестр экстремистских материалов и отсутствует решение суда, обязывающее оператора связи ограничить доступ к Интернет-сайту, то в том случае, если на сайте и содержится запрещенная к распространению на территории РФ информация, у оператора связи основания для ограничения доступа к такому сайту отсутствуют.

В случае нарушения оператором связи порядка доступа к сети связи, он может быть привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.1. КоАП РФ, а именно за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией).[7] Причем лицензионные требования, включаемые в лицензию на оказание телематических услуг связи [8] в качестве лицензионного условия непосредственно требований соблюдения порядка ограничения доступа к сайтам не устанавливают (как например это установлено для Обеспечение реализации требований к сетям и средствам связи для проведения оперативно-разыскных мероприятий, включаемого в перечень лицензионных условий). Но лицензионные условия содержат требование оказывать услуги в соответствии с правилами оказания услуг связи, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Учитывая, что Правила оказания телематических услуг [9] связи предусматривают обязанность оператора связи оказывать абоненту и (или) пользователю телематические услуги связи в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, настоящими Правилами, лицензией и договором, то через указанную ссылку на пункт 26 Правил становится возможным выдавать при несоблюдении Операторами связи требований ст. 15.1. Закона при проверке Роскомнадзором выдавать операторам связи предписания и привлекать их к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.1. КОАП РФ, что Роскомнадзор и осуществляет.[10]

Полагаем, что было бы обоснованно ввести специализированной состав административного правонарушения в КоАП, предусматривающий ответственность оператора связи за неисполнение требований ст. 15.1. КоАП РФ, но исключить в подобных случаях ответственность по 14.1. КоАП и не привлекать оператора связи за несоблюдение лицензионных условий. Причем к таким выводам приходят и органы государственной власти, специально уполномоченные в сфере связи.[11]

В части ограничения доступа к Интернет –сайтам по решению суда обратим внимание, что зачастую в судебных заседаниях участвуют лишь представители прокуратуры, подавшие

подобное заявление в суд, оператор связи в качестве ответчика и привлеченные в качестве третьего лица представители управления Роскомнадзора по субъекту РФ. В то же время лица, заинтересованные в обеспечении доступа к Интернет-сайту –а именно провайдеры хостинга либо владельцы сайта в дело не привлекаются. Что полагаем необоснованно, поскольку фактически их права затрагиваются судебным решением.[12] Кроме того зачастую прокуратура требует ограничивать доступ к сайтам, не представляющим угрозу для населения на конкретной территории. Так, например, в 2014 году прокуратура города Саратова обращалась с исками на территории Саратовской области к операторам связи, осуществляющим деятельность на территории города Саратова об ограничении доступа к Интернет –сайтам, осуществляющим продажу алкогольных напитков на территории других субъектов Российской Федерации. Полагаем, что было бы резонно обратиться с подобными заявлениями к операторам связи на территории регионов, на территории которых осуществлялась незаконная дистанционная продажа спиртных напитков в ночное время.[13]

В части ограничения доступа к экстремистским материалам обращаем внимание на следующее обстоятельства. В силу статьи 12,13 Федерального закона от 25.07.2002 N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" запрещается использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности. В случае, если сеть связи общего пользования используется для осуществления экстремистской деятельности, применяются меры, предусмотренные настоящим Федеральным законом, с учетом особенностей отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации в области связи. На территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, производство, хранение или распространение экстремистских материалов является правонарушением и влечет за собой ответственность.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому, административному или уголовному делу. Федеральный орган государственной регистрации на основании решения суда о признании информационных материалов экстремистскими в течение тридцати дней вносит их в федеральный список экстремистских материалов.[14]

Оператор связи осуществляет ограничение доступа к Интернет-сайтам, содержащимся в реестре экстремистских материалов.

В случае не ограничения доступа к указанным сайтам, оператор связи может быть привлечен к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ.[15] В то же время, если в реестр экстремистских материалов внесен не адрес сайта, а, например, наименование книги, то оператор связи доступ ко всем сайтам, содержащим указанную книгу не блокирует. С одной стороны это правильно, потому что Оператор связи не контролирует содержание Интернет-сайтов и не является их правообладателем. С другой стороны, указанный экстремистский материал, находящийся на «закрытом сайте», включенном в реестр экстремистских материалов может быть доступен с других сайтов, не содержащиеся ни в реестре Роскомнадзора, ни в реестре экстремистских материалов, размещенном на сайте Министерства юстиции РФ.

То есть, указанные выше законодательные меры не позволяют исчерпывающе установить запреты на распространение информации, распространение которой на территории РФ запрещено.

Помимо запретов на распространение информации, распространение которой на территории России запрещено, законодательно установлены ограничения для доступа к определённой информации в сети Интерне для отдельных категорий граждан. При этом выбор законодателем субъектов, на которых возложена ответственность за ограничение на наш взгляд может создать риски для развития отрасли связи и механизмов электронной

демократии на территории Российской Федерации.

Так, законодательно установлены меры по защите несовершеннолетних от информации, распространяемой в информационно-телекоммуникационных сетях и представляющей угрозу их развитию. Нормативно данные меры закреплены в Федеральном законе от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" , Федеральном законе от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", Федеральном законе от 07.07.2003 N 126-ФЗ "О связи".

Среди несовершеннолетних запрещена к распространению следующая информация:

- побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;
- способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;
- обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным;
- отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;
- оправдывающая противоправное поведение;
- содержащая нецензурную брань;
- содержащая информацию порнографического характера[2];

Как мы ранее отмечали, указанный перечень не позволяет с определенностью установить критерии для отнесения сведений к информации, запрещенной распространению среди детей, не позволяет выявить конкретный перечень сайтов в сети Интернет, доступ несовершеннолетних к которому не желателен. Причем законодателем определены и субъекты ответственные за ограничение доступа несовершеннолетних к указанной информации и меры административной

Так в соответствии с абзацем 1 статьи 14 Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию", доступ к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", в местах, доступных для детей, предоставляется лицом, организующим доступ к сети "Интернет" в таких местах (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме), другим лицам при условии применения административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

То есть, лицо, организующее доступ к сети Интернет, обязано реализовывать комплекс административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их развитию. При этом законодатель не конкретизирует суть, порядок реализации, объем реализации указанных мероприятий. Фактически единственным критерием надлежащего исполнения лицом указанной обязанности выступает невозможность получения детьми доступа к Интернет-сайтам, содержащим информацию, запрещенную к распространению среди несовершеннолетних.

В связи с тем, что в статье 5 Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" названы лишь общие признаки подобной информации, то при выполнении субъектами требований абзаца 1 статьи 14 указанного закона у организаций, организующих доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, возникают проблемы в реализации этих норм. Зачастую такими организациями являются учреждения образования, торговые центры, предприятия общественного питания, предприятия бытового обслуживания, организующими

беспроводной Wi-fi доступ к сети Интернет либо фиксированный доступ в сеть Интернет.

Так в соответствии с ч. 2 ст. 6.17 КоАП РФ для указанных лиц в случае неприменение лицом, организующим доступ к распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети "Интернет") информации (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме) в местах, доступных для детей, административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию предусмотрена санкция в виде штрафа на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц - от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Причем в феврале-марте 2016 года органы прокуратуры на территории города Саратова активизировали проверки исполнения требований ст. 14 Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" с привлечением представителей Роскомнадзора [16] в образовательных учреждениях, предприятиях общественного питания, на общественном транспорте. Указанные проверки чаще всего заканчиваются направлением прокуратурой в мировой суд постановления о возбуждении дела об административном правонарушении по ч. 2 ст. 6.17. КоАП РФ, а также вынесением в адрес организации представления.[17]

Причем судебная практика идет по пути привлечения организаций к административной ответственности. [18] Исключение составляют случаи составления документов при проверке с нарушениями требований, либо конкуренции норм законодательства об экстремистской деятельности и законодательства о защите детей.[19]

При этом, учитывая, что проверка проводится прокуратурой в рамках Федерального закона от 17.01.1992 N 2202-1"О прокуратуре Российской Федерации", то к такой проверке не применимы нормы Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля", поскольку в силу пп. 3. П.3. ч. 2 ст. 1 указанного закона не применяются при осуществлении прокурорского надзора.[20] Соответственно и проверяемые организации и индивидуальные предприниматели не имеют возможности воспользоваться механизмами защиты своих прав, предоставляемыми указанным Законом и гораздо более обширными по сравнению с ФЗ «О прокуратуре».

Встает вопрос, каким же образом обязанные субъекты могут исполнить требования статьи 14 О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Указанные организации не являются операторами связи, лицензиями на предоставление услуг связи не обладают, для того, чтобы организовывать доступ в сеть Интернет, они заключают договоры на предоставление услуг связи с операторами связи. Для ограничения доступа несовершеннолетних к сайтам, содержащим информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с требованиями законодательства, указанные организации могут в договоры на предоставление услуг связи, заключаемые с операторами связи, включать условие о контент-фильтрации. Указанное условие предусматривает исключение возможности доступа к информационным системам, сайтам сети Интернет различной направленности (например, игровые, развлекательные сайты, социальные сети и так далее), путем направления всего исходящего трафика DNS-запросов (запросы, совершаемые Абонентом в сети Интернет для поиска ip-адреса посредством набора в браузере полного наименования запрашиваемого Абонентом сайта или перехода по ссылке, содержащей указатель страницы сайта в сети Интернет) от Абонента к оборудованию Оператора связи, осуществляющему исключение доступа к сайтам в сети Интернет.

Но системы контент – фильтрации не могут гарантированно обеспечить соблюдение требований абзаца 1 статьи 14 Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию". Контент-фильтрация не позволяет полностью исключить доступ ко всем Интернет-сайтам, содержащим информацию,

запрещенную к распространению среди несовершеннолетних.

Органами государственной власти предполагались механизмы фильтрации всего интернет трафика образовательных учреждений через специальные серверы.[21] Но механизм реализации фильтрации, предложенный в указанном письме, не очень понятен ни операторам связи, ни органам государственной власти и местного самоуправления, уполномоченным в сфере образования. Из чего можно сделать вывод о низкой эффективности для исполнения обязанностей, предусмотренных статьей 14 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и снижения рисков привлечения к ответственности по 6.17. КоАП РФ.

Организации могут прибегнуть к авторизации пользователей по смс на сотовый телефон пользователя с последующим предоставлением пароля для доступа в сеть wi-fi. В то же время и указанный механизм не позволяет полностью ограничить доступ лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, к сети Интернет.

Действующее законодательство не связывает возможность заключения договора на оказание услуг подвижной телефонной связи с достижением лица восемнадцатилетнего возраста.

Так, в соответствии с ч. 1 статьи 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки, за исключением названных в пункте 2 настоящей статьи, с письменного согласия своих законных представителей - родителей, усыновителей или попечителя.[22]

В силу п. 22 Постановления Правительства РФ от 09.12.2014 N 1342"О порядке оказания услуг телефонной связи" (вместе с "Правилами оказания услуг телефонной связи") в договоре, заключаемом в письменной форме, должны быть указаны реквизиты документа, удостоверяющего личность, - для гражданина.[23] В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. N 828 "Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации"[24] паспорт гражданина Российской Федерации является основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации. Паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации достигшие 14-летнего возраста. Таким образом, лицо, достигшее 14 лет, имеет возможность заключить договор на предоставление услуг сотовой связи и в случае sms-авторизации получит пароль и получит доступ в сеть Интернет. В результате, при проверке исполнения требований ст. 14.1. Закона вопрос о достаточности sms-авторизации будет определяться не нормой закона, но мнением сотрудника органа власти, проводящего проверку и суда. Такая неопределенность вряд ли может положительно сказаться на развитии рынка wi-fi услуг и с определенностью исключит риски привлечения к ответственности по ст. 6.17 КоАП РФ.

Еще один возможный механизм выполнения требований Закона о защите детей – предоставление пароля для доступа в сеть wi-fi только лицам, достигшим совершеннолетия по предъявлению паспорта. Но этот механизм также имеет свои недостатки. Он неудобен к реализации при доступе в сеть wi-fi и при фиксированном доступе в сеть Интернет в торговых центрах и образовательных учреждениях. Внедрение указанного механизма повлечет необходимость пользователя иметь паспорт для доступа в сеть Интернет в любом учреждении, предоставляющем доступ к сети wi fi - предприятия общественного питания, парикмахерские, бани. Указанный механизм полностью исключит возможность доступа в указанных учреждениях лиц, не достигших совершеннолетия, что на наш взгляд, недопустимо, поскольку запрета на доступ в сеть Интернет указанных лиц законодательство не содержит и возможно это может быть расценено как ограничение конституционного права на поиск информации.[25]

В то же время имеет место тенденция усиления ответственности организаторов доступа в Интернет со стороны органов государственной власти. Так в средствах массовой информации имеются сообщения, что согласование в Правительстве РФ проходит изменения в законодательство, предложенные Минкомсвязи, согласно которому, кафе и рестораны будут

штрафовать на 200 тысяч рублей за анонимный доступ посетителей в Wi-Fi заведения общественного питания..[26] По нашему мнению, указанные изменения вряд ли будут способствовать развитию отрасли связи, и смежных отраслей, использующим услуги связи для повышения привлекательности для потребителей собственных товаров и услуг, а также негативно скажутся на развитии электронной демократии, базисом которой служат информационно-телекоммуникационные сети.

Рынок связи на территории Саратовской области проявляет тенденции к стагнации в 2015 году. Так, по данным докладов Министерства промышленности и энергетики Саратовской области «Телекоммуникационная отрасль Саратовской области» на 1 января 2015 [27] и 1 января 2016 года [28] несмотря на то, что по сравнению с 2014 годом инвестиции в отрасль связи в 2015 году выросли с 2,1 млрд. руб. до 2,26 млрд. руб, количество операторов связи снизилось со 133 до 129, валовая выручка предприятий связи уменьшилась с 20,2 млрд. руб. до 19,6 млрд. руб., численность работников предприятий связи снизилась с 12048 человек до 11486 человек, налоговые платежи в консолидированный бюджет области также уменьшились с 821 млн. руб. до 742 млн. руб.

Полагаем, что в обстановке снижения темпов развития рынка связи, вводить дополнительные обязанность на его участников, в том числе устанавливать дополнительные меры ответственности, которые могут повлечь снижение спроса, несвоевременно, может повлечь еще большее снижение темпов роста отрасли связи, особенно в ее корпоративном сегменте, вызовет разногласия и недопонимания между операторами связи и абонентами–юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями по вопросам ответственности за ограничение доступа в информации в сети Интернет. А это, в свою очередь, повлечет снижение развития электронной демократии в России. Как отметил Уинстон Черчилль: «Там, где существует десять тысяч предписаний, не может быть никакого уважения к закону». [29]

Список использованной лит ерат уры:

1 . http://megabook.ru/article/

2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"//"Российская газета" от 29 июля 2006 г. N 165;

3. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ "О связи"//"Российская газета" от 10 июля 2003 г. N 135.

4. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"//"Российская газета" от 31 декабря 2010 г. N 297.

5.Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности"//"Российская газета" от 30 июля 2002 г. N 138-139.

6. Приказ Роскомнадзора от 21.02.2013 N 170 (ред. от 13.04.2015) "Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" с провайдером хостинга";

7. Решение Арбитражного Суда Республики Татарстан по делу № А65-28015/2014 от 26 января 2015 года;

8. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. N 87 "Об утверждении перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и перечней лицензионных условий"//"Российская газета" от 3 марта 2005 г., N 42;

9. Правила оказания телематических услуг связи (утв. постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. N 575)//Собрание законодательства Российской Федерации от 17 сентября 2007 г. N 38 ст. 4552;

10. http://rublacklist.net/10259/В Татарстане Роскомнадзор штрафует операторов за отсутствие блокировки сайтов;

11. http://rublacklist.net/13053/Минкомсвязь разрабатывает новые законы по расширению госрегулирования Сети;

12. См. например: Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 12.12.2012 г. по делу № 2-2405/12; Решение Фрунзенского суда г. Саратова от 22.04.2015 г. по делу № 2-1483/15; Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 18 августа 2015 г. по делу № 2-2411/15 //Архив Филиала в г. Саратов АО «ЭР-Телеком Холдинг».

13. Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 14.10.2014 г. по делу № 2-3355/14;Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 16.10.2014 г. по делу № 2-3401/14//Архив Филиала в г. Саратов АО «ЭР-Телеком Холдинг».

14. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности"// "Российская газета" от 30 июля 2002 г. N 138-139.

15. http://procrf.ru/news/375249-prokuratura-tsentralnogo-rayona-g.htmlПрокуратура Центрального района г. Челябинска приняла меры реагирования к оператору связи, не ограничившему доступ к экстремистским сайтам

16. http://news.sarbc.ru/main/2016/03/25/181381.htmlКафе заставили поставить на wi-fi фильтр против порнографии

http://news.sarbc.ru/main/2016/03/16/181018.htmlЕще несколько кафе накажут за wi-fi без фильтров

http://news.sarbc.ru/main/2016/03/22/181212.htmlУченики двух школ, лицея и гимназии могли посещать экстремистские сайты

http://news.sarbc.ru/main/2016/03/14/180904.htmlВладельца кафе оштрафовали за отсутствие фильтров в wi-fi

17. См. например, Постановление Заместителя прокурора Волжского района г. Саратова о возбуждении дела об административном правонарушении от «04» марта 2016 года в отношении ООО «Европа-II» по ч. 2 ст. 6.17. КоАП РФ// Архив Филиала в г. Саратов АО «ЭР-Телеком Холдинг»;

18. См., например, Постановление мирового судьи третьего судебного участка Заельцовского района г. Новосибирска от 17 июля 2014 года//Архив филиала в г. Саратов АО «ЭР-Телеком Холдинг».

19. См., например, Решение Павинского районного суда Костромской области от 10 июня 2013 года//Архив филиала в г. Саратов АО «ЭР-Телеком Холдинг».

20. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-I "О прокуратуре Российской Федерации"//Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., N 8, ст. 366;Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля"//"Российская газета" от 30 декабря 2008 г. N 266.

21. См. например Письма Рособразования от 24.12.2008 г. № 15-51-1167 ин/01-09. http://compcentr.68edu.ru/images/stories/Informatization/skf_doc/skf_d_3.pdf

22. Гражданский кодекс Российской Федерации//"Российская газета" от 8 декабря 1994 г. N 238-239,

23. Постановление Правительства РФ от 09.12.2014 N 1342"О порядке оказания услуг телефонной связи"//Собрание законодательства Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. N 51 ст. 7431

24. Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. N 828 "Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации"//"Российская газета" от 16 июля 1997 г.

25. ч. 4 ст. 29 Конституции РФ

26. http://news.megatyumen.ru/news/society/169788/За анонимный доступ в Wi-Fi кафе и рестораны оштрафуют на 200 тысяч рублей

27 .http://saratov.gov.ru/upload/iblock/c88/telekommunikatsionnyy-kompleks-2014.pdf

28 . http://saratov.gov.ru/upload/iblock/0db/telekommunikatsionnyy-kompleks-2015.pdf

29. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. 359 персон от Пифагора до Путина. / составитель Душенко К. В.. — изд. 4-е, дополненное. — М.: Эксмо-Пресс, 2004. — 670 с. — 10000 экз. — ISBN 5-699-10015

Разгельдеев Н.Т.,
заведующий кафедрой уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского, д.ю.н., профессор
Максимова Е.А.,
к.ю.н., доцент Кубанского государственного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В ст. 1 Федерального закону «Об охране окружающей среды» объекты охраны окружающей среды представлены: совокупностью компонентов природной среды; природных объектов; природно-антропогенных объектов и антропогенных объектов, а понятие экологическая безопасность раскрыта как «состояние защищенности природной среды и

жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий». [1] Структуризация объектов в одном законе было инновационным законодательным действием, по отношению к упраздщнен6ому ФЗ «Об охране окружающей природной среды». Эти новшества позволили закрыть и тему о необходимости изменении названия статьи 42 Конституции РФ.

Отношение к состоянию качества окружающей среды и экологической безопасности населения в Российской Федерации, при внедрении инновационных технологий в промышленности, здравоохранении, сельском хозяйстве требует серьезного правового сопровождения. Это предусмотрено в концептуальном документе «Основы государственной экологической политики Российской Федерации до 2030 года.». [2]

Хозяйственная и иная деятельность хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) оказывает негативное влияние на все объекты окружающей среды. Поэтому следует постоянно удерживать, а в отдельные периоды усиливать государственный надзор и общественный контроль в этой сфере жизнедеятельности людей [3] Здесь важную роль должен занимать, пока противоречиво развивающийся, правовой институт государственных, общественных и негосударственных экспертиз в сфере охраны окружающей среды (ООС) и безопасной жизнедеятельности населения (БЖД).[4] Этот правовой институт предусматривает организацию и проведение общественной экологической экспертизы, негосударственные (частные) экспертизы градостроительной проектной документации и результатов изыскательской деятельности и много видов государственных экспертиз, которые различаются по своей организации и проведению, по экономической затратности, по нормативной базе, по структуре экспертных учреждений и уровню своей независимости и самостоятельности. Но, по своей природоохранительной эффективности они противоречивы и неоднозначны, поскольку их результаты - экспертные заключения, нередко носят необъективный характер и при этом эксперты (физические и юридические лица, должностные лица государственных специально уполномоченных органов) осознают свою безнаказанность за заказные результаты экспертиз [5]

Действующая структура экспертных правоотношений в сфере охраны окружающей среды (ООС) и безопасной жизнедеятельности (БЖД) включает в себя государственные, общественные и негосударственные виды экспертной деятельности. И каждый из этих видов экспертиз имеет свой источник правового обеспечения, регулирующие: субъектный состав с необходимыми полномочиями; специальные объекты экспертиз, с установленным правовым режимом; основания и порядок организации и проведения этих экспертиз; процедуру (регламент) подготовки экспертных заключений, как выходной продукции (результата) каждого указанного вида экспертных правоотношений. В этой совокупности видов экспертиз их системным образованием несомненно выступает экспертные правоотношения. В системе экспертных правоотношений сферы ООС и БЖД объективно сложились следующие коллизии: а/ предусмотренные разнообразные виды организации и проведения государственных экспертиз создают условия для подмены одного вида другим, с заменой одного экспертного учреждения другим; б/ заинтересованные экспертные организации и учреждения могут выдавать положительные экспертные заключения по размещению, строительству и вводу в эксплуатацию неэкологических и вредных для населения и природных компонентов производств и объектов, или выдавать заведомо необъективные отрицательные заключения в интересах конкурирующих заявителей экспертиз; в/ хозяйственные и природоресурсные интересы выполняют доминирующую роль, а экологические интересы граждан России выведены на второстепенную основу, что сказывается и на результатах экспертных заключений; г) отсутствует единый федеральный закон, который бы объединял организацию и проведение всех видов государственных экспертиз в сфере ООС и БЖД, с конкретизацией экспертных правонарушений и юридических санкций для всех участников экспертных правоотношений. [6]

Проблема объективности природоохранных экспертных заключений находится: а/ во множестве установленных видов государственных экспертиз, а их осуществление регулируются разными законами и подзаконными актами и порой сводится к организационной и экономической зависимости индивидуальных экспертов и экспертных организаций. Отсюда возможна конкуренция проведении отдельных видов экспертиз по одному и тому же объекту, ради выполнения заказных экспертных заключений. Например, такая конкуренция может происходить между Росприроднадзором и Ростехнадзором, Роспотребнадзором и Россельхознадзором при организации проведения экологической и технологической экспертиз, экспертиз промышленной и радиационной безопасности, санитарно-эпидемиологической экспертизы;

б/ различные законодательные источники регулирования видов государственных экспертиз позволяют уходить участникам экспертных правоотношений от ответственности, создают условия для выполнения заведомо заказных положительных или отрицательных заключений;

3/ при провозглашенной самостоятельности и независимости экспертов и экспертных учреждений присутствует полная зависимость выводов экспертных заключений, поскольку результаты экспертиз корректируются волей и интересами должностных лиц государственных органов, которые уполномочены утверждать экспертные заключения;

4/ аккредитованные экспертные организации и отдельные аттестованные эксперты, другие участники экспертных правоотношений находятся в экономической зависимости от заказчиков и, по обоснованному мнению отдельных специалистов, их следует относить в группу коррупционного риска.[7]

Российская Федерация, в составе своей правовой системы, имеет законы и нормативно-директивные (концептуальные) документы, направленные на реализацию гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду санитарно-эпидемиологическую и экологическую безопасность.

В «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в редакции Указа Президента РФ от 10.01.2000 г.) определено, что национальная безопасность России достигается обеспечением безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, техногенного, экологического, информационного и иного характера, с учетом имеющихся ресурсов и возможностей.[8]

На основе анализа концептуальных документов Президента РФ и Правительства РФ, природоохранного (экологического) и природоресурсного законодательства, можно выделить содержание безопасности как состояние защищенности жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства от угроз со стороны природных объектов, естественные свойства которых изменены либо путем загрязнения и засорения вследствие техногенной деятельности, либо вследствие природных явлений и стихийных бедствий.

В системе источников правового регулирования обеспечения охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения важное место занимают отдельные федеральные законы и нормативные правовые акты Правительства РФ. [9] Нормы этих законов и подзаконных актов предназначены регулировать неукоснительное исполнение экологических и технологических требований, установленных норм, правил, критериев безопасности проектной документации, результатов изыскательной деятельности в процедуре принимаемых решений о размещении, строительстве и вводе в эксплуатацию, выводе из эксплуатации экологически опасных производств и объектов, на всех стадиях хозяйственной и иной деятельности.

Организация и общие условия проведения государственной и общественной экологических экспертиз установлены в Федеральном законе «Об экологической экспертизе», принятом Государственной Думой 19 июля 1995 года. [10] Этот закон изначально не предполагался системным и регулирующим иные виды экспертной деятельности, осуществляющихся в сфере обеспечения права на благоприятную окружающую природную

среду. Право на благоприятную окружающую среду является более содержательным понятием и вбирает не только охрану элементов природной среды. Поэтому указанный закон и не распространяет свои требования на организацию и проведение экспертиз обеспечения радиационной, промышленной, санитарно-эпидемиологической безопасности населения в сфере охраны окружающей среды. Это важно отметить, так как правильное понимание природы собственной экологической экспертизы, как специального метода государственного обеспечения охраны только природных объектов окружающей среды, требует объяснения правовой природы иных государственных и негосударственных (частных) экспертиз. Это позволяет дифференцировать и интегрировать источники правового регулирования существующих различных видов государственных экспертиз в едином федеральном законе.

Состояние экологической безопасности включает в себя и состояние защищенности населения и природной среды от возможных аварий на опасных производственных объектах и их последствий, состояние защищенности людей и природных объектов от вредных источников ионизирующего излучения имеющих жизненно важные интересы для личности, общества и государства. Поэтому экологическая экспертиза предполагает оценку соответствия любого объекта хозяйственной деятельности экологическим требованиям и определения допустимости реализации объекта экологической экспертизы. Результаты экологической экспертизы, для целей охраны окружающей среды, направлены на сохранение компонентов природной среды при размещении объектов хозяйственной деятельности.

Однако, особенность опасных производств и объектов, несущих угрозу безопасной жизнедеятельности людей, их реальная способность и потенциальная мощность возможного разрушения внешней среды обитания с социально-экономическими последствиями возможных аварий должны учитываться в обществе и регулируется специальным законодательством, что сказывается в автономности организации и проведения иных государственных экспертиз в области охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности (радиационной безопасности, промышленной безопасности, санитарно-эпидемиологической безопасности и др.). Это специальные виды государственных экспертиз и они не входят в состав регулируемых ФЗ «Об экологической экспертизе». Представляется, что действующий закон РФ «Об экологической экспертизе» хорош сам по себе, но он не является системообразующим для организации и проведения всех видов государственных экспертиз в сфере охраны окружающей среды, по установлению соответствия всех видов хозяйственной деятельности требованиям радиационной, химической, технологической, санитарно-эпидемиологической безопасности. Об этом знают эксперты и экспертные учреждения, поскольку в практике его применения им руководствуются только специально уполномоченные государственные органы по организации только государственных экологических экспертиз.

Осуществляющиеся государственные и негосударственные экспертизы, в сфере охраны окружающей среды и обеспечения безопасности жизнедеятельности населения различаются по содержанию своих объектов и заключений по ним:

- экологическая экспертиза - установление соответствия намечаемой хозяйственной и иной деятельности экологическим требованиям и определение допустимости реализации объекта экологической экспертизы в целях предупреждения возможных неблагоприятных воздействий этой деятельности на окружающую природную среду и связанных с ними социально- экономических и иных последствий реализации объекта экспертизы;

- экспертиза промышленной безопасности опасных производств и объектов как деятельность экспертных учреждений (экспертов) по установлению вероятности риска аварии на опасном производственном объекте природоохранным требованиям и требованиям промышленной безопасности и определение допустимости реализации объекта экспертизы до нормативно установленного приемлемого риска аварий и уменьшения их во всех стадиях их жизненного цикла;

- экспертиза обеспечения радиационной безопасности населения при использовании атомной энергии как государственная оценка представляемых материалов и документации,

обосновывающих радиационную безопасность особо опасных объектов использования атомной энергии и обращения с ними на всех этапах их жизненного цикла, на соответствие установленным требованиям законодательства РФ, критериям, правилам и нормам в области радиационной безопасности при использовании атомной энергии;

- санитарно-эпидемиологическая экспертиза продукции, работ и услуг как деятельность специально уполномоченных государственных органов по установлению соответствия материалов и документации, обосновывающих безопасность продукции, работ и услуг для жизни и здоровья человека и отсутствие угрозы возникновения и распространения заболеваний требованиям государственных санитарно-эпидемиологических правил и нормативов;

- экспертиза безопасности при пользовании недрами – комплексное изучение всех видов воздействий на недра в процессе намечаемой хозяйственной и иной деятельности и оценка возможных аварийных ситуаций по их воздействию на окружающую среду и здоровье людей;

- государственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий по Градостроительному кодексу (ГдК) РФ (в ред. Федерального закона от 28.11.2011 № 337-ФЗ) – включает в себя оценку соответствия результатов инженерных изысканий и проектной документации требованиям технических регламентов, в том числе санитарно-эпидемиологическим, экологическим требованиям, требованиям пожарной, промышленной, ядерной, радиационной и иной безопасности и оценка соответствия результатов инженерных изысканий требованбиям технических регламентов.

- государственная экспертиза проектной документации в области предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Важно иметь в виду, что представленные виды государственных экспертиз относятся не только к охране окружающей среды, но и к сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. Эти виды государственных экспертиз основываются на федеральных и региональных законах и подзаконных актах исполнительных органов государственного регулирования безопасности и охраны окружающей среды. Каждый указанный вид государственной экспертизы имеет свою правовую базу. Поэтому государственная экологическая экспертиза, урегулированная законом РФ «Об экологической экспертизе» - это не комплексный закон по организации экспертной деятельности в сфере обеспечения охраны окружающей среды, а регулирование только отдельно взятого, специального вида экспертизы – экологической экспертизы. Кроме того, действующее природоохранное (экологическое) законодательство предусматривает право проведения международных экологических и технологических экспертиз, общественной экологической экспертизы, а Градостроительным кодексом РФ 2004 года, впервые предусмотрена и негосударственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий.

Экспертные заключения по всем видам экспертиз, по усмотрению Президента РФ или Правительства РФ, могут сводиться в единый документ и их результаты комплексно оцениваться для определенных задач. Например, для оценки состояния защищенности объектов окружающей среды от аварий на опасных производствах и объектах, или для оценки защищенности окружающей среды от всех источников ее разрушения и мероприятиях по обеспечению безопасности жизнедеятельности. Это направление реализуется Правительством РФ, которое в 2000г. утвердило «Положение о порядке проведения государственной экспертизы и утверждении градостроительной предпроектной и проектной документации в Российской Федерации». [11]

Сводное заключение предполагает совокупную оценку целесообразности и технической возможности реализации проектной документации с учетом требований экологической, промышленной безопасности, а также архитектурно-планировочных и инженерно-технических решений технологическим требованиям, требованиям конструктивной надежности и безопасности.

Сводное заключение, по результатам проведения государственной экспертизы градостроительной предпроектной и проектной документации, подготавливается с учетом заключений (или с участием специалистов) органов специализированных экспертиз или их территориальных органов, органов ведомственной экспертизы, заинтересованных органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, других заинтересованных органов и организаций, а также результатов общественного обсуждения или заключений проведенных общественных экспертиз. Поэтому, сводное заключение не может считаться экспертным заключением только экологической или радиационной безопасности. К этому заключению обязательно прилагаются выполненные заключения специализированных экспертиз. Заключения проведенных специализированных экспертиз являются неотъемлемой частью любого сводного заключения. Сводное заключение не подменяет и не заменяет заключения специальных государственных экспертиз. В сводном заключении содержатся все ранее вынесенные экспертные выводы, поскольку правовая природа каждого объекта экспертизы порождает и такие виды специальной экспертизы как государственная экологическая экспертиза, государственная экспертиза промышленной безопасности, государственная экспертиза радиационной и ядерной безопасности и др. На наш взгляд, пришло время, по аналогии с действующим Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», [12] разработать и принять единый федеральный закон, системно формирующий и регулирующий процесс учета и оценки состояния окружающей среды и осуществление экспертиз в области охраны окружающей среды и обеспечения права безопасной жизнедеятельности от риска аварий на опасных производственных объектах, иных ситуаций техногенного характера. Этот федеральный закон может называться « Об экспертизах и экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности в Российской Федерации».

Действующий Закон РФ «Об экологической экспертизе» не отвечает нашему проекту, поскольку регулирует только организацию и проведение экологической экспертизы, как отдельный самостоятельный вид государственной экспертизы, и не более того. Хотя его требования к общим условиям организации и проведения экспертиз, к установлению правового статуса субъектов экспертных отношений, к характеристике правонарушений и ответственности в этом виде деятельности необходимо распространить на все виды проводимых государственных экспертиз в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения. Именно поэтому нами не отрицается позитивное распространение конструкции этого закона на все виды экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды в Российской Федерации. [13] С принятием рекомендуемого нами федерального закона можно будет упразднить и ФЗ «Об экологической экспертизе», поскольку этот вид экспертизы будет также регулироваться новым законом. Нельзя согласиться и с тем, что Градостроительный кодекс РФ может выступать комплексными системным законом объединяющим все виды экспертиз в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения.

На основании ФЗ «О техническом регулировании», сегодня разрабатываются и внедряются административные регламенты об исполнении функций организации экологической экспертизы, экспертизы промышленной радиационной безопасности и др. Основания и порядок проведения экспертиз предусмотрены в названных природоохранных законах, конкретизируются в нормативных правовых актах Правительства РФ и нормативных актах специально уполномоченных федеральных исполнительных органах власти. В новых нормативных правовых актах предусматриваются требования к специальным знаниям экспертов и соответственно формируются подзаконные акты по подготовке экспертов, их аттестации, переподготовке и повышению квалификации. И это обоснованно. Так как общие и специальные познания, уровень и опыт профессиональной квалификации экспертов относятся к средствам оценки состояния и качества объекта экспертизы и являются средствами реализации в экспертных правоотношениях.[14]

Результатом (продуктом) экспертной деятельности выступают экспертные заключения. Требования к их форме и содержанию должны быть установлены в законе и конкретизироваться в подзаконных актах и административных регламентах. Невыполнение установленных требований по организации и проведению каждого вида экспертизы, по выдаче объективного экспертного заключения ведет к отрицательному воздействию на объекты охраны окружающей среды, к ухудшению условий безопасности жизнедеятельности населения. И потому необъективные и заказные экспертные заключения подлежат опротестованию, пересмотру и отмене. А лица, совершившие экспертные правонарушения и допустившие выдачу не объективных и необоснованных экспертных заключений в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности людей должны проходить оценку своих знаний и умений не только в аттестационных комиссиях, но и в правоохранительных органах страны. И все это возможно предусмотреть в Федеральном законе «Об экспертизе и экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения в Российской Федерации». Отрадно отметить, что наши предложения о введении уголовной ответственности экспертов за дачу заведомо заказных и оплачиваем экспертных заключений в сфере охраны окружающей среды были понятны в обществе и государстве и в 2013 году Федеральным Собранием РФ принят закон , которым установлена уголовная ответственность за дачу заведомо ложных экспертных заключений промышленной безопасности - ст.217 УК РФ. [15]

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон № 7 от 10.01.2002г. «Об охране окружающей среды»// РГ от 12 января 2002г.

2.См.: Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и устойчивому развитию» // РГ от 9 февраля 1994г.; Указ Президента РФ от 29.04.96 г. «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» //РГ от 14 мая 1996 г.;

3. Разгельдеев Н.Т. Проблемы развития российского природоресурсного и экологического законодательства в XX1 веке // Сб.: Российское право в XX1 веке: проблемы и тенденции развития – ИЦ «Наука», Саратов 2012.с.39-42

4. Невейницын С., Максимова Е. Правовой режим экспертизы обеспечения радиационной безопасности населения при использовании атомной энергии.– Саратов, 2002.– 145с

5.См.: Пуликовский К. (руководитель Ростехнадзора) «Эксперт в кармане», когда 40-50 процентов экспертных организаций являются фирмами-однодневками» //РГ от 5.08.2008г.; Зыков С. «Заказная экспертиза» - только 35 процентов экспертных организаций по промышленной безопасности заслуживают доверия, поскольку эта сфера отличается особой коррупционностью // РГ от 27.08.2008 г.

6. См.: - Разгельдеев Н.Т., Максимова Е.А. Проблемы правового регулирования экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения // Правовая культура. 2013. №1 (14). С, 115-121.; Максимова Е.А. Проблемы взаимодействия и разграничения различных видов государственных экспертиз в сфере экологической и технологической безопасности населения России.// Сб.: Социально-правовые гарантии прав и законных интересов граждан в РФ. – Оренбург, 2006.– С.376-383

7. См.: Зыков С. «Заказная экспертиза» - только 35 процентов экспертных организаций по промышленной безопасности заслуживают доверия, поскольку эта сфера отличается особой коррупционностью // РГ от 27.08.2008 г.; Летняя Т. «Черные списки Пуликовского» //РГ от 25 июля 2007 г.; Иванов М. «Экспертом можешь ты не быть» //РГ от 31 марта 2006 г.; Горлов А. «Пуликовский взялся за экспертов» //РГ от 14 июля 2007 г.

8.См.: Указ Президента РФ от29.04.96 г. «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» //РГ от 14 мая 1996 г.; «Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 1997 года (в редакции Указа Президента РФ от 10.01.2000 г.)» // РГ от 26 .12.1997г.; «Экологическая доктрина Российской Федерации», утв. Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г.//РГ от 18.09.2002 г.

9. См.: Федеральный закон от 18.12. 2006 г. № 232 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ от 23.12.2006 г.; ФЗ от 04.05.2011г. № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности»; Постановление Правительства РФ от15.02.2008 г. № 87 « О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» и «Положение о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» //РГ от 27 февраля 2008 г.

10. См.: Федеральный закон № от 19.07.1995г. с изм. и доп. // РГ от

11. См.: ФЗ от 23 ноября 1995г. «Об использовании атомной энергии»; ФЗ от 21 июля 1997г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»; ФЗ от 21 декабря 1994г. «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Градостроительный кодекс РФ, от 29.12. 2004 №190-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 22.07.2005 №117-.ФЗ, от 31.12.2005 № 210-

ФЗ, от 18 .12. 2006. ФЗ-№ 132 // СЗ № 1 2005г.; Смотри также: Постановление Правительства РФ от 31.03.2012 г. № 272 утв. « Положение о негосударственной экспертизе проектной документации и результатов инженерных изысканий» //Собрание законодательства РФ от 1232.04.2012г. №17,ст.1960.См.: Постановление Правительства РФ. От 27.12. 2000г.№1008 « О Порядке проведения государственной экспертизы и утверждения градостроительной предпроектной и проектной документации « // Журнал «Экономика и учет в строительстве» № 6 / 2006.

12. См.:ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001, №23, Ст. 2291

13. Максимова Е.А. Экспертиза промышленной безопасности опасных производств и объектов в экологическом праве России. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук.– Саратов.2004г; Максимова Е.А. Правовые основы организации и проведения экспертизы промышленной безопасности опасных производств и объектов в России.– .Саратов, 2003.– 158 с.

14. См.: Постановление Правительства РФ от 5 марта 2005 г., № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» и «Положение об организации и проведении государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий»// РГ от 15 марта 2007 г.; «Положение о порядке аттестации государственных экспертов»- утв. Приказом Федерального агентства по строительству и ЖКХ от 22 октября 2007 г. № 323 // РГ от 24.11.2007 г.;

15. Федеральный закон от 02 июля .2013г. N 186-ФЗ " О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях. // СЗ №27, 2013 г.. Ст.3478

Разгельдеев Н.Т.,
д.ю.н., профессор СГУ им. Н.Г.Чернышевского
Юсупов Р.А.,
студент юридического факультета
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, ТЕОРИИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье 3 «Основ государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» указывается, что в 40 субъектах Российской Федерации более 54 процентов городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха, а объём сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. [1].

Проблема борьбы с загрязнением окружающей среды, по мнению Т. Ротша, заключается в том, что основными загрязнителями являются хозяйствующие субъекты, со своей устаревшей технологией и неэкологическими методами в экономике [2, 74-80]. На наш взгляд, возникает необходимость экологизации уголовного законодательства, в части уголовной ответственности юридических лиц за совершаемые экологические преступления.

В главе 26 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Экологические преступления» сформированы составы экологических преступлений, фактически относящиеся к деятельности юридических лиц, например, ст.250 "Загрязнение вод", ст.251 "Загрязнение атмосферы", ст. 254 " Порча земли", ст. 255 "Нарушение правил охраны и использования недр" и другие [3]. Однако, по данным составам преступлений привлекаются к уголовной ответственности только физические лица, то есть работники и должностные лица юридических лиц. Данных мер недостаточно, для восстановления экологической деятельности хозяйствующего субъекта, как юридического лица. Должностное лицо, которое понесет уголовное наказание, возможно перестанет занимать прежнюю должность, но само предприятие (юридическое лицо) будет продолжать осуществлять свою деятельность и наносить ущерб объектам охраны окружающей среды. Тогда как введение института уголовной ответственности юридических лиц должно способствовать тому, чтобы сделать осуществление незаконной деятельности хозяйствующих и иных организаций невыгодными как организационно так и экономически.

Проблема введения уголовной ответственности юридических лиц в уголовное законодательство Российской Федерации связана с возможной потерей такого элемента как субъективная сторона деяния. Обязательным условием уголовной ответственности физических лиц является вина – отношение лица к содеянному (вина), в свою очередь юридическое лицо, являясь юридической фикцией, не способно иметь психику, соответственно понятие вины к экологическому деянию юридического лица не применимо. В странах, где законодательство предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, допускается, что их вина есть совокупность виновного поведения руководителей этого юридического лица. Этот вариант можно принять и внести в уголовное законодательство России.

В научной литературе, в частности, Б.В. Волженкин отмечает: «Следует различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности» [4, 109]. То есть преступление как виновно совершенное общественно опасное противоправное деяние может совершать только физическое лицо и в этом случае усматривается полный состав преступления и как следствие основание уголовной ответственности физических лиц. Но совершают экологические преступления и юридические лица, за которые их уголовная ответственность не предусмотрена действующим УК РФ.

В то же время существует ряд международно-правовых актов, которые ратифицированы Российской Федерацией, содержащих рекомендации по установлению уголовной ответственности юридических лиц. В частности, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Статья 10 содержит следующее положение: «При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной» [5].

Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. В статье 26 сказано следующее: «Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией» [6].

Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 4 ноября 1998 г. Статья 4 данного нормативного акта: «Применение уголовных или административных мер воздействия в отношении юридических лиц может служить эффективным средством предотвращения действий, наносящих вред окружающей среде» [7].

До недавнего времени руководствовались известной цивилистической теорией, родоначальником которой является Иннокентий IV в 1245 г. - «теория фикции», согласно которой: «юридическое лицо существует лишь в понятии и благодаря фикции, оно не одарено телом, а значит, не обладает волей. Действовать могут только его члены, но не сама корпорация, поэтому корпорация не может ни совершить преступление, ни быть отлученной от церкви».

А.Ф. Кистяковский писал: «Возможно ли серьезно говорить о суде над юридическим лицом, когда его права и обязанности не связаны с той или другою личностью, когда цель его вполне определена, она выше цели отдельного физического лица?» [8, 300].

Подобной позиции придерживался и Н.С. Таганцев утверждая, что: «преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица» [9, 308-316].

В советском уголовном праве вопрос об уголовной ответственности юридических лиц решался также отрицательно. В частности, А.Н. Трайнин обосновывал непризнание уголовной ответственности юридических лиц вполне традиционно: «их неспособностью действовать умышленно и вменяемо и подлежать наказанию» [10, 713].На наш взгляд, суть не в этом. В социалистических обще5ственных правоотношениях объекты окружающей среды и рукотворные основные средства производства находились в исключительной государственной собственности. Созданные юридические лица для хозяйственной и иной деятельности были собственностью советского государства исходя из этой правовой природы и формировалось уголовное и иное советское законодательство. И для

Возобновление дискуссии произошло в период бурных перемен и реформ всего российского законодательства. Предложения о внесении в УК РФ с содержанием уголовной ответственности юридических лиц включались в ряд проектов новых УК РФ. Например, статья 106 проекта уголовного кодекса РФ от 1994 года гласит: «Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если: а) юридическое лицо виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона; б) юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям; в) деяние, причинившее вред, либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственность физического лица за совершенное им преступление» [11, 56–57]. В качестве санкций были включены: штраф, запрет заниматься определённой деятельностью, ликвидация юридического лица.

Однако все так и осталось не реализованным в рамках предложенного проекта. Тогда же вопрос, касающийся решения проблемы с невозможностью применения категории «вина» к преступному деянию юридического лица, был закрыт. Тем самым предложения об уголовной ответственности юридического лица были исключены из окончательного текста проекта нового УК РФ.

Изучение и анализ зарубежного опыта крайне важен и необходим при возможном введении института уголовной ответственности юридических лиц в законодательство РФ. Так как данный институт формировался там на протяжении долгого времени, что можем говорить и писать о нем, как об устоявшемся и корректно работающем правовом механизме.

Согласно английскому праву к уголовной ответственности могут быть привлечены корпорации. При этом руководствуются провозглашенным принципом безвиновной ответственности корпораций, согласно которому для привлечения к уголовной ответственности юридического лица достаточно лишь только элементов объективной стороны состава преступления, то есть не требуется установления вины правонарушителя. Объективная сторона характеризуется принципом «отождествления», он заключается в том, что психическое состояние высших должностных лиц корпорации в совокупности определяется как действия и психическое состояние корпорации [12, 281].

С 1992 года УК Франции содержит условия привлечения юридического лица к уголовной ответственности, за исключением государства. Статья 121-2 нового закрепляет, что юридические лица, будь то частного или публичного права, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Исключение составляет государство, которое, как некогда король, «не может действовать плохо» [13, 103].

В УК ФРГ была введена так называемая квазикриминальная ответственность юридических лиц, предусмотренная статьей 14 УК Германии [14, 16].

В связи с внесением в Государственную Думу РФ законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» от 23 марта 2015 года споры вновь возобновились [15]. Но этот проект был отклонен в связи с определенными недостатками, в частности не предусматривалась уголовная ответственность юридических лиц за экологические и экономические преступления.

Задолго до этого, в 2011 году Следственным комитетом Российской Федерации, в порядке законодательной инициативы был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Согласно проекту, предлагалось дополнить раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» главой 15.2 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц» [16].

В обосновании проекта руководитель СКР РФ А.И. Бастрыкин отмечал о быстро набирающем обороты новом виде преступности: «Наиболее важным в данном случае является

то, что на данном этапе нет эффективного механизма для борьбы с данными преступлениями. Сейчас юридическое лицо может быть привлечено либо к гражданско-правовой ответственности, либо к административной, чего крайне недостаточно. Штрафные санкции, предусмотренные административным правом ничтожно малы, и не могут в полном объеме компенсировать нанесенный вред окружающей природе со стороны предприятия. Привлечение только руководителей и ответственных за определенные направления и участки деятельности юридического лица не позволяет пресечь преступные деяния самого юридического лица и предупредить совершение им новых. Бывают случаи, когда руководителей приговаривают к наказанию, а фирма продолжает совершать преступления под руководством уже других лиц. Выход из данной ситуации заключается в введении уголовной ответственности юридических лиц, так как в рамках административного судопроизводства невозможно усмотреть причастность учреждения к преступному деянию, тогда как использование возможностей правоохранительных органов позволит сделать сбор необходимой информации наиболее эффективным» [17].

Однако действительно конструкция сегодняшнего УК РФ не только не предполагает, а вообще исключается уголовную ответственность юридического лица, однако состояние объектов окружающей среды и уверенность в безнаказанности юридических лиц и хозяйствующих субъектов таковы, что мировое экологическое правосознание требует включения юридических лиц в качестве субъектов ответственности по экологическим составам преступлениям.

Следует опираться на основные принципы природоохранной деятельности, которые приняты на международно-правовом уровне и уровне российского законодательства. Ведущим принципом является принцип «презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности». Введение статей в УК РФ об уголовной ответственности юридических лиц должно основываться на реализации именно этого принципа. Отсюда достаточен усеченный состав экологического преступления, основанного: а) на наличии вреда в сфере охраны окружающей среды; б) незаконной природоохранной деятельности конкретного юридического лица; в) причинно-следственная связь между ними [18, 29-37]. Стремиться признать наказуемой саму предварительную деятельность и настигать преступление "в пути".

По нашему мнению, в уголовный кодекс необходимо внести некоторые изменения, которые касались бы уголовной ответственности юридического лица, но с установкой на то, что условия уголовной ответственности физических лиц будет обособлена от условий уголовной ответственности юридических лиц. В частности, статья 19 Уголовного Кодекса Российской Федерации гласит: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом», но также следует добавить положение, касающееся юридических лиц, как субъекта уголовной ответственности. То есть, дополнить статьей с условием, при котором юридическое лицо подлежит уголовной ответственности по усеченному составу преступления.

По нашему мнению, следует согласиться с предложениями М.Ю. Дворецкого, которые представляются в нашей редакции статья 19.1 УК РФ:

«Юридические лица подлежат уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено в *Общей част и и от дельными ст ат ьями Особенной част и УК РФ*» [19, 405-410].

Основными видами наказания установить те же, что были в проекте УК РФ 1994 года, а именно: Штрафные санкции; в запрете на совершение определённых сделок, выпуске ценных бумаг и поддержки со стороны государства. И, наконец, наивысшая мера наказания - ликвидация юридического лица».

По совокупности изложенных обстоятельств и соображений совершенно очевидно, что в Российской Федерации юридическое лицо нужно признать субъектом преступления и уголовной ответственности. Эта идея постепенно укоренилась в общественном сознании цивилизованного человечества по той причине, что оно оказалось практически не

защищенным от негативных последствий монополизации рынка отечественными и транснациональными корпорациями, нарушений прав потребителя и трудящегося человека, правил техники безопасности на производстве, на транспорте и в быту. Предприятия не соблюдают требования природоохранных норм, фирмы используются для незаконной предпринимательской деятельности и т.д., при этом государству наносится огромный, а в случаях экологических преступлений непоправимый ущерб.

Введение уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления, позитивно скажется на снижении экологических правонарушений, укрепит экологический правопорядок и законность в данной сфере обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства.

Список использованной лит ерат уры:

1. См.: Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012). // zakonbase. [Сайт]. URL: http://zakonbase.ru/content/base/265665 (дата обращения: 15.03.2016 г.)

2. Ротш Т. Теоретические проблемы уголовно-экологического права - взгляд из Германии // Государство и право. 2007. №2. С. 74-80.

3. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. // consultant. [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2016 г.)

4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. С. 109.

5. (Нью-Йорк] См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности 15.11.2000). // Conventions. [Сайт]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=379 (дата обращения: 15.03.2016)

6. См.: Конвенция ООН против коррупции (Мерида 9.12.2003). // Conventions. [Сайт]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382 (дата обращения: 15.03.2016)

7. См.: Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права (Страсбург 04.11.1998). // Lawmix, [Сайт]. URL: https://www.lawmix.ru/abrolaw/9310 (дата обращения: 15.03.2016)

8. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев. 1882. С. 300.

9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т.1. Тула., 2001. С. 308-316.

10. Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 713.

11. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (общая часть). Проект. М., 1994. С. 56–57.

12/ Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. М., 2007. С. 281.

13/. См.: Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головко; пер. с франц. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 103.

14. См.: Уголовный кодекс ФРГ / Пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. М.: Изд-во «Зерцало-М», 2001. С. 16.

15. См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». // Base.consultant. [Сайт]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=129896;fld=134;from=129686-7;rnd=189271.01523856097736781;;ts=018927179959949041807 74 (дата обращения: 23.03.2016)

16. См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». // Sledcom. [Сайт]. URL: http://sledcom.ru/document/1133 (дата обращения: 23.03.2016)

17. Бастрыкин А.И. «Удар в юрлицо». // Rg [Сайт]. URL: http://rg.ru/2011/03/22/poziciya-poln.html (дата обращения: 24.03.2016)

18. Разгельдеев Н.Т. К вопросу о природе экологического и природно-ресурсного отраслей права //Вестник Волгоградского университета № 2/23, 2014. с.29-37.

19. Дворецкий М.Ю. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник ТГУ. Томск., 2009. С. 405-410.

Разгельдеев Н.Т.,
д.ю.н., профессор СГУ им. Н.Г.Чернышевского
Юсупов Р.А.,
студент юридического факультета
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия - многонациональная страна, в которой проживает более 190 национальностей, каждая из которых имеет уникальную культуру. Каждый из народов вносит свой вклад в развитие личности, российского общества и государства.

Многонациональность неминуемо ведет к смешению этносов, росту культурного разнообразия путем заимствований и формирования общекультурных ценностей, языка, традиций, обычаев. В то же время растет необходимость в культурной автономии, самоопределении и сохранении собственных традиций и языка.

Воспитание толерантности с каждым годом играет все большую роль в стабильном, плодотворном и интенсивном развитии российского общества и государства. Правильный подход к определению понятия и содержания «толерантность», в вопросе регулирования межнациональных отношений, имеет архиважное значение. Нельзя отождествлять такие категории как «терпимость» и «толерантность». Терпеть, значит не противодействуя, не жалуясь, безропотно переносить, сносить что-нибудь бедственное, тяжелое, неприятное. Толерантность же - готовность добровольно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных. При этом даже в том случае, когда эти убеждения/взгляды тобою не разделяются и не одобряются. Это означает не безразличие, а глубокое уважение к каждому гражданину, человеку, его культуре и родному языку – ключу к культуре в межнациональных отношениях, представителем какой бы национальности или народности он не был.

В Республике Татарстан проживают представители 173 национальностей. Из 3,79 миллионов человек 52,9% населения составляют татары, 39,5% - русские. В совокупности эти две национальности, чьи языки в Республике Татарстан являются государственными, образуют абсолютное большинство (92,4%) её населения. Из представителей народов Поволжья на территории Татарстана проживают 126,5 тысяч (3,3%) чуваш, 24,2 тысячи (0,6%) удмуртов, 23,7 тысяч (0,6%) мордвы, 18,8 тысяч (0,5%) марийцев и 14,9 тысячи (0,4%) башкир, которые в совокупности составляют 5,1% населения Татарстана. Издавна населяют республику украинцы - 24 тысячи человек (0,6%), белорусы - 6,1 тысячи (0,2%), евреи - 3,5 тысяч (0,1%), немцы - 2,9 тысяч (0,08%), поляки - 620 человек (0,02%) и другие. Регион является многонациональным и требует от его руководства тщательной проработки межнациональной политики, направленной на воспитание толерантности, с учетом особенностей каждой национальности, для недопущения уничижения личности, ущемления прав какой-либо из них и возможности сохранять и развивать свою национальную культуру [1].

Президент Российской Федерации В.В. Путин, своем выступлении на президентском Совете по межнациональным отношениям, в феврале 2016 года, сказал следующее: «Фундаментальной основой единства страны, безусловно, является русский язык. Именно он формирует общее гражданское, культурное, образовательное пространство» [2]. Это правильный вывод. Русский язык является основой развития технологий, экономики, объединяет россиян, обеспечивая взаимосвязь друг с другом. Этот язык представляет собой связующее звено в развитии и взаимодействии регионов друг с другом, федерального центра с регионом и государства как совокупности этих регионов в целом. Но нельзя забывать о языках других народах, в их культуре, сохранении этой культуры, которое упирается, прежде всего, в

национальный язык и возможность беспрепятственно сохранять родной язык является одним из социально-культурных и правовых механизмов развития толерантности в Российской Федерации.

Конституция РФ гарантирует права человека, в том числе и лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», записано в статье 26 Конститутции. Есть в Основном Законе и положения, касающиеся права на сохранение родного языка (статья 68) и прав малочисленных народов (статья 69) [3].

Дополняет и конкретизирует указанные статьи Конституции РФ Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Глава III которого полностью посвящена обеспечению права на сохранение, развитие и использование национального языка. Данный закон обеспечивает социально-экономическую и нормативную защиту национальных языков. Органы государственной власти РФ и субъектов Российской Федерации осуществляют деятельность по обеспечению проведения государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных языков. Граждане Российской Федерации вправе на получение основного общего образования на родном языке и на выбор языка воспитания и обучения [4]. При этом, на развитие национальных языков оказывают дополнительное регулирующее воздействие и федеральные законы: «О языках народов Российской Федерации» и «Об образовании в Российской Федерации».

В законе «О языках народов Российской Федерации» следует обратить внимание на значение статей 9 и 10, регламентирующие обеспечение прав граждан на получение образования на национальном языке и на выбор языка воспитания и обучения. В связи с этим на государство возлагается обязанность создания системы воспитательно-образовательных учреждений, иных форм воспитания и обучения на языках народов Российской Федерации. Право выбора воспитательно-образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей этим законом предоставлено родителям или лицам, их заменяющим [5].

ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обеспечивает право граждан на получение образования на родном языке, путем создания необходимого числа форм и видов образовательных учреждений, классов и групп в них, а также условий для их функционирования. Язык или языки, на котором ведется обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется учредителем образовательного учреждения и закрепляется в уставе образовательного учреждения [6].

Названные полномочия успешно реализуется в законодательстве и правоприменении Республики Татарстан. Предусмотрено, что обучающиеся образовательных учреждений вправе выбирать группу: с углубленным изучением татарского языка, наравне с русским, при этом не исключается право на изучение других иностранных языков, либо группа с изучением русского языка и иного иностранного. Как видим, такая политика ни на йоту не выходит за рамки законодательства, как федерального так и Республики Татарстан. Эта прикладная политика проводится для того, чтобы сохранить на территории как русскую, так и татарскую культуру, в основе которых лежат русский и татарский языки. Отсюда и жизненно необходимая потребность к развитию толерантности через изучение языков постоянного проживания людей и их жизнедеятельности. Закон «Об образовании в РФ» обеспечивает установление государственных стандартов, включающих федеральный и национально-региональный компоненты. Применение этих стандартов позволяет унифицировать требования к качеству образования в учебных заведениях независимо от введенного дополнительного языка обучения. То есть установление нормативов часов изучения, к примеру, русского языка ниже норматива изучения татарского языка недопустимо, так как это не соответствует требованию указанного федерального закона в данной сфере .

Татарский и русский языки в образовательных организациях профессионального образования изучаются в рамках федеральных государственных образовательных стандартов, соответствующих направлений подготовки кадров. Также, согласно договору о разграничении

предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан государственными языками в Республике Татарстан являются русский и татарский языки, статус и порядок использования которых определяются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан, федеральным законом и законодательством Республики Татарстан. Например, для кандидатур на замещение должности высшего должностного лица Республики Татарстан, вносимых в порядке, предусмотренном федеральным законом, устанавливается дополнительное требование, предусматривающее владение государственными языками Республики Татарстан [7].

Вопросы обеспечения прав в области использования национального языка регулируются также и законами субъектов РФ в области образования. Помимо законодательных актов, принимаются и иные нормативные акты, специально направленные на регламентацию национального образования в субъектах Российской Федерации. К ним можно отнести закон Республики Татарстан от 22 июля 2013 года № 68-ЗРТ «Об образовании». В статье 8 которого записано: «Граждане в Республике Татарстан имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования» [8].

Закон РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», провозглашает государственными языками татарский и русский, при этом в Республике Татарстан в соответствии с законодательством создаются условия для сохранения и всестороннего развития родного языка, обеспечивается свобода выбора и использования языка общения, воспитания, обучения и творчества [9]. В указанных актах устанавливаются общие принципы региональной политики в области образования, среди которых возможность свободы выбора языка обучения, связь обучения и воспитания с этническими и культурными традициями народов и др.

Несмотря на это, в сети Интернет появилось обращение к Президенту РФ: «Спасите русский язык и межнациональное согласие в национальных республиках России» [10]. В данном обращении оговаривается, что русский язык в школах национальных республик находится в бедственном положении, изучается лишь на базовом уровне из-за изучения национальных языков республик и что это угрожает межнациональным отношениям и единству страны. В частности, в этом обращении указывается, что учащиеся школ Татарстана получают 700 часов русского языка за все время обучения, а в других регионах — 1,2 тыс. учебных часов. При сверке программ обучения данные сведения не подтвердились. Это была информация для тех пользователей сети, которые не желают преодолевать языковые барьеры в обеспечении толерантности и готовы сохранять разрозненность в межнациональных отношениях РФ.

В качестве примера ущемления в нормировании часов изучения русского языка, по сравнению с установленными нормативами изучения татарского языка, на наш взгляд необоснованно приводится Республика Татарстан. Правда, информация такого рода распространенное явление для Республики Татарстан. Зачастую этим пользуются и безответственные политики для целей вхождения во власть на экстремистко-популисткой волне. Однако, эти высказывания прямо противоречат установленной практике нормирования изучения языков в образовательных учреждениях республик Татарстана и Башкортостана.

В частности, российский лингвист, Санкт-Петербургского университета Людмила Вербицкая считает эти доводы необоснованными. Она пишет: «Новая концепция преподавания русского языка напрасно вызвала такие волнения в регионах. Конечно, важно, чтобы преподавание велось на русском, — считает лингвист. — Я была в Башкирии, была в

Татарстане — там русский язык в полном объеме преподается в школах, результаты ЕГЭ не дают в этом усомниться» [11].

Это основывается и на проведенные исследования программ 10 школ Татарстана и 10 школ г. Москва. Количество учебных недель в году в среднем 34 с 1 по 11 класс. На 2014/2015 год в школах Москвы получилось 1400 часов, по 10 школам г. Казани 1330 часов русского языка. В Татарстане русский язык изучается школьниками примерно в таком же объеме, как и в школах Москвы. В среднем количество часов, отведенных на изучение русского языка за все время обучения в школах Татарстана, составляет около 90% от среднего количества часов в школах Москвы. Минимальный объем изучения русского языка в Казани составляет около 75%, максимальный — около 115% от среднего по Москве.

Специальное законодательство по вопросам регламентации прав народов России на получение образования на национальном (родном) языке и на выбор языка воспитания и обучения уже создано и в других субъектах Российской Федерации. Республика Татарстан не единственный субъект Российской Федерации, который практикует политику по сохранению культуры, развитию языка, развитию взаимодействия народов и, как следствие, развития толерантности, необходимой для долгосрочного и плодотворного развития всех форм и видов жизнедеятельности личности, общества и государства. Аналогичным примером служат следующие субъекты Российской Федерации, где наряду с русским языком, успешно развиваются: абазинский язык (Карачаево-Черкесия); адыгейский язык (Адыгея); алтайский язык (Республика Алтай); башкирский язык (Башкортостан); бурятский язык (Бурятия); ингушский язык (Ингушетия); кабардино-черкесский язык (Кабардино-Балкария (в конституции республики назван кабардинским языком), Карачаево-Черкесия (в конституции республики назван черкесским языком)); калмыцкий язык (Калмыкия); карачаево-балкарский язык (Кабардино-Балкария (в конституции республики назван балкарским языком), Карачаево-Черкесия (в конституции республики назван карачаевским языком)); язык коми (Республика Коми); крымско-татарский язык (Республика Крым); марийский язык (Марий Эл); мокшанский язык (Мордовия); ногайский язык (Карачаево-Черкесия); осетинский язык (Северная Осетия).

Формирование культуры межнационального общения основывается на признании равноправия языков и культур, опирается на диалог культур, в основе которых языковый механизм общения. В школьном образовании должна быть безоговорочно признана самоценность любой и каждой лингвистической культуры в системе развития совокупной общечеловеческой культуры.

Таким образом, федеральное и региональное законодательство, регулирующее вопросы сохранения родного языка этнических групп, проживающих на территории РФ, способствует развитию толерантности, позволяет сохранить в ежедневном общении наиболее важные аспекты национальной культуры. Несомненно, знание русского языка является неотъемлемой частью каждого гражданина РФ, но и о своей культуре и языке забывать не стоит. Политика, проводимая регионами для сохранения и развития собственной культуры и родного языка, играет значимую роль в межнациональных отношениях в РФ, формирует у людей потребность в толерантности, а не принуждение к нему и удаляет с территорий человеконенавистнические теории и действия.

Список использованной лит ерат уры:

1. Население Республики Татарстан. // Tatarstan. [Сайт]. URL: http://tatarstan.ru/about/population.htm (Дата обращения: 10.05.2016 г.)

2. Заседании Совета по межнациональным отношениям. // Russian.rt. [Сайт]. URL: https://russian.rt.com/inotv/2013-02-19/Putin-Russkij-yazik---osnova (Дата обращения: 10.05.2016 г.)

3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета РФ. 1993. № 237; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. (Дата обращения: 10.05.2016 г.)

4. Федеральный закон «О национально-культурной автономии». // Garant. [Сайт]. URL: http://base.garant.ru/135765/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)

5. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации». // Consultant. [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». // Consultant. [Сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
7. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. // Constitution.garant. [Сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/act/federative/191677/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
8. Закон Республики Татарстан "Об образовании". // Consultant. [Сайт]. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW363;n=78422 (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
9. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (Казань 08.07.1992 г.). // Garant. [Сайт]. URL: http://base.garant.ru/8102506 (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
10. Открытое письмо Владимиру Путину «Спасите русский язык и межнациональное согласие в национальных республиках России!». // Svpressa. [Сайт]. URL: http://svpressa.ru/blogs/article/121884/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)
11. Сессия Госсовета РФ под председательством Президента России, посвященная нацпроекту «Образование». // Samtatnews. [Сайт]. URL: http://samtatnews.ru/2015/ (Дата обращения: 10.05.2016 г.)

Разгельдеев Н.Т.,
д.ю.н., профессор СГУ им. Н.Г.Чернышевского
Новикова Л.С.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

НОВАЦИИ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ПЛАТЫ ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

С 2012 года в федеральное природоохранное законодательство внесены и вносятся существенные изменения и потому требуется их профессиональное осмысление и толкование. Так Федеральным законом от 21 июля 2014 №219-ФЗ, были внесены изменения в Федеральный закон от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», вступившие в силу с 1 января 2015 г. Отдельным положениям закона предусмотрено вступать в силу поэтапно и до 2020 года. При реализации данного закона планируется выдача комплексных экологических разрешений, основанных на наилучших доступных технологиях (НДТ), всем предприятиям с высоким уровнем воздействия на окружающую среду, применение разных режимов регулирования в зависимости от уровня воздействия на окружающую среду. Также при выдаче разрешений (лицензий) на определенные виды хозяйственной деятельности должны учитываться нормативы качества окружающей среды и локальные условия мест деятельности.

С 1 января 2016 г. уточнено понятие плательщиков за негативное воздействие на окружающую среду, внесены нормы о порядке определения платежной базы, исчислении и корректировки платы, о порядке и сроке ее внесения. Практически любая организация при ведении своей хозяйственной деятельности оказывает негативное воздействие на водные недра, воздух и водные объекты. За это с юридических лиц и индивидуальных предпринимателей взимается плата в соответствии с законодательством.

С 1 января 2016 г. в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» внесены коррективы относительно платы за негативное воздействие на окружающую среду. Ранее в статье был приведен более широкий перечень видов негативного воздействия. В настоящее время уточнено, что плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается лишь за определенные виды. К ним относятся размещение отходов, выбросы в атмосферу от стационарных источников и сбросы загрязняющих веществ в составе сточных вод в водные объекты [1].

Стоит отметить, что законодатель исключил из числа видов негативного воздействия на окружающую среду выбросы в атмосферный воздух передвижными источниками наравне с загрязнением недр и почв, сбросов загрязняющих веществ на водосборные площади, загрязнением шумом, теплом, электромагнитными, ионизирующими и другими видами физических воздействий. Теперь данные вопросы определяются другими механизмами. Например, технические регламенты устанавливают допустимое содержание загрязняющих веществ в выбросах автомобилей и требования к качеству топлива. Перечень негативного воздействия на окружающую среду в настоящее время является исчерпывающим [2, С. 16-24].

В соответствии со ст. 16.1 Федерального закона от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» платить за негативное воздействие на окружающую среду обязаны юридические лица и индивидуальные предприниматели в случаях, если их хозяйственная или иная деятельность оказывает негативное воздействие. Исключением являются объекты IV категории.

Критерии отнесения объектов к одной из четырех категорий были внесены Правительством РФ. К объектам I категории относятся объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду, а также относящиеся к областям применения наилучших доступных технологий. Ко II категории относятся объекты, оказывающие умеренное негативное воздействие на окружающую среду, к III категории – объекты, оказывающие незначительное негативное воздействие на окружающую среду, и наконец, к IV категории – объекты, оказывающие минимальное негативное воздействие на окружающую среду[3, С. 19-21].

К последней категории отнесены офисные здания и помещения, поскольку они не имеют источников вредных выбросов и сбросов, также не подлежат нормированию по водоснабжению и водоотведению. Кроме этого, они не требуют установление нормативов, получение разрешений, представление деклараций и отчетности, в отличие от объектов I-III категорий[4]. Данные объекты обязаны проводить производственный экологический контроль и отчитываться об этом. В новой редакции Федерального закона от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закреплены сведения, которые должны быть внесены в программу контроля. К ним относятся сведения об инвентаризации сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и их источников, об инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и их источников, о подразделениях и должностных лицах, отвечающих за проведение экологического контроля и т.д. [5]

Юридические лица и индивидуальные предприниматели с 1 января 2015 года обязаны в течение двух лет поставить на государственный учет объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду[6]. При постановлении на государственный учет, организации присваивается одна из категорий воздействия на окружающую среду. Если объект подлежит федеральному надзору, то учет его будет производить Росприроднадзор. Если региональному надзору, то данным вопросом будет заниматься местный орган исполнительной власти. Категория объекта может быть изменена при актуализации учетных сведений о нем.

Объекты, отнесенные ко II категории, обязаны представить декларацию о плате за негативное воздействие на окружающую среду не позднее 10 марта года, следующего за отчетным периодом. Порядок и форма декларации устанавливается уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти. В настоящее время форма не утверждена, но поскольку ее необходимо предоставлять один раз в год, то за 2016 год ее нужно будет подать не позднее 10 марта 2017 г.

Одним из главных изменений стала замена понятия «наилучшая существующая технология» (НСТ) на «наилучшая доступная технология» (НДТ) [1]. Принципиальное различие данных определений состоит в том, что существующие технологии определяют факт существования, в то время как доступные технологии показывают доступность для использования. В ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» «наилучшая доступная технология» определяется как технология на

основе современных достижений науки и техники при условии наличия технической возможности ее применений. Старая редакция закона закрепляла обязательный характер использования наилучших технологий, тогда как в данный момент можно сослаться на невозможность применения таких технологий.

Существует две позиции по отношению к внедрению наилучших доступных технологий (НДТ). Первая предполагает ужесточение формирования выбросов и сбросов загрязняющих веществ. Вторая позиция включает в себя такие задачи наилучших доступных технологий, как строительство мощностей, отвечающих мировым показателям энергоэффективности и ресурсосбережения, модернизация существующих производств, что в свою очередь обеспечит появление новых высокопроизводительных мест. Кроме этого, повышение конкурентоспособности, создание современного оборудования, улучшение экологической ситуации в России ускорит технологический рост во всех отраслях промышленности [5, 7].

Условно можно выделить три этапа перехода к наилучшим доступным технологиям и комплексным разрешениям. Первый этап, 2015-2018 гг., состоит из постановки предприятий на государственный учет, выбора наилучших доступных технологий, разработки и публикации справочников, издания всех подзаконных актов. Второй этап, 2019-2022 гг., включает в себя переход на комплексное экологическое разрешение для следующих объектов:

1. До 300 предприятий, суммарный вклад загрязнения на территории РФ которых составляет не менее 60%;
2. Новых предприятий;
3. Предприятий, выразивших желание.

Третий этап, 2019-2025 гг., характеризуется переходом на комплексное экологическое разрешение всех остальных предприятий, отнесенных к области применения наилучших доступных технологий.

Согласно п. 6 ст. 65 Федерального закона от 10 января 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» на федеральный государственный экологический контроль будут поставлены объекты включенные в перечень, утверждаемый специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации. В настоящее время действует постановление Правительства РФ от 28 августа 2015 №903 «Об утверждении критериев, на основании которых устанавливается перечень объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю». Согласно данному Постановлению наилучшие доступные технологии применяются при добыче и обогащении железных руд, цветных металлов, угля и антрацита, производства целлюлозы, древесной массы и т.д. [8]

Изменения коснулись и содержания Федерального закона от 24 июня 1998 №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В связи с этим, возникли противоречия в практике его правоприменения. Возникли судебные споры о том, кто должен платить за создаваемые коммунальные отходы в учреждениях: офис или мусоровывозящая компания. До 2014 года, при существовании разъяснений Верховного Арбитражного Суда РФ, эта оплата была возложена на мусоровывозящую компанию. В настоящее время, разъяснением Верховного Суда РФ, установлено, что платить за коммунальный мусор обязана организация. В случае, если договор организации или индивидуального предпринимателя с компанией, оказывающей услуги по вывозу твердых бытовых отходов, предусматривает переход права собственности на отходы к ней, то именно она обязана сдавать расчет по установленной форме и вносить установленные платежи.

Президиум Верховного Арбитражного Суда считал, что размещением отходов может заниматься только специализированная организация, владеющая объектами для размещения отходов[9]. Коллегия Верховного суда придерживается иного мнения, который заключается в отсылке на аргумент природоохранного ведомства о том, что в договорах на вывоз отходов не всегда предусмотрен переход права собственности на отходы к мусоровывозящей компании.

С 1 января 2016 офисы не перечисляют плату за мусор, так как они относятся к объектам IV категории. Стоит отметить, что плата не взимается, если мусор накапливается в течение 11

месяцев со дня его образования. М.Г. Мошкович призывает офисы, которые не платили за мусор, ждать истечения срока давности, так как к отношениям по внесению платы за отходы применяется 3-летний срок давности[10].

Данные изменения проходят через многочисленные нормы всего природоохранного права. Так, в ст. 25 Федерального закона от 04 мая 1999 г. №96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» с 1 января 2018 года будет действовать норма учета, по установленным критерии объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, закрепленных в Федеральном законе от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Список использованной литературы:

1. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. 2002. №6; 2015. №297.
2. *Тончин А.* Плата за негативное воздействие на окружающую среду в 2016 году // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. №2. 2016.
3. *Хорошавкина А.В.* Офисы платить «за грязь» не будут // Главная книга. 2015. №3.
4. О направлении разъяснений: Письмо Минприроды России от 30.07.2014 № 05-12-44/16059 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2014. №32.
5. Концепция реализации перехода на принципы НДТ и внедрения современных технологий в промышленном секторе Российской Федерации. URL: http://gkhrazvitie.ru/media/105156/koncepciya-realizacii-ndt-fevral-2015.pdf (дата обращения: 24.04.2016).
6. О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 №219-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. 2014. №166; 2015. №297.
7. Об утверждении Перечня областей применения наилучших доступных технологий: Распоряжение Правительства РФ от 24.12.2014 № 2674-р (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 05.01.2015. №1 (часть III). ст. 399; 2016. № 2 (часть II). ст. 447.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.03.2009 № 14561/08, от 12.07.2011 № 1752/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. №9; 2011. №10.
9. *Мошкович М.Г.* Кто будет платить за грязь // Главная книга. 2015. №13.

Решетников В.Я.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии СГУ им.Н.Г. Чернышевского

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИЦИЯ: КТО ДЛЯ КОГО?

Главной задачей проходящей в последние годы реформы органов МВД РФ, и прежде всего – полиции, является изменения основного вектора в ее деятельности в сторону достижения требуемого уровня общественной безопасности и правопорядка, повышения доверия со стороны общества к правоохранительным структурам в соответствии со стандартами правового государства. Достижение к указанной цели возможно только на путях тесного взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества с учетом как специфики указанной деятельности, так и особенностей менталитета и правовой культуры населения конкретного региона, особенностей его социально-экономического развития.

В тоже время, авторитет полиции в любом государстве во многом зависит от отношения населения, общества к самому государству в целом. И при благоприятном к нему отношению, восприятию его как структуры, которая отражает его интересы, защищает их, оно, как бы, «распространяет» это доверие и на полицию, которая в первую очередь олицетворяется этим обществом как сила, способная защитить его от противоправных элементов, и которой для этих целей нужны достаточно широкие полномочия. В тоже время, в государствах, где исторически сложились отношения недоверия, противостояния общества и государства, там правоохранительные органы, и прежде всего полиция, воспринимается как сила враждебная нации, обслуживающая лишь интересы правящего класса. А отсюда и всякое расширение прав

полиции, ее полномочий воспринимается обществом как угроза его безопасности, посягающая на права и свободы личности.

Увы, но настороженное отношение населения нашей страны вначале к милиции, а в настоящее время и к полиции, недоверие к нему как социальному институту в РФ, остается почти неизменным и в наши дни, что подтверждается многими социологическими исследованиями. Так, в конце февраля 2013г.по заказу фонда «Общественный вердикт» специалистами аналитического центра (Левада Центр) был проведен общероссийский опрос населения, результаты которого позволяют оценить динамику отношения граждан к полиции за два года ее работы. По состоянию на 1 марта 2013 года «Индекс доверия полиции» равен «7» пунктам из «100» возможных.[1] А по данным за 2014год, Управление собственной безопасности МВД выявило 3,5 тыс. преступлений полицейских и 165 тыс. дисциплинарных проступков. По данным исследования Института социологии РАН, полицейскому произволу подвергался каждый пятый взрослый россиянин.[2]

Подобное недоверие к правоохранительным структурам, и прежде всего к сотрудникам полиции во многом обусловлено их нацеленностью, по мнению большинства общества, в первую очередь на надзор и контроль за поведением населения, а не на предупреждение преступности и охрану прав и свобод гражданина. Общение граждан с сотрудниками полиции по поводу тех или иных правонарушений или преступлений, прежде всего с участковыми уполномоченными полиции, инспекторами ДПС, сотрудниками паспортно-визовой службы, контролирующими регистрацию по месту жительства, работу (учебу), воинский учет, вопросы регистрации (лицензирования) тех или иных видов деятельности, надзор за поведением в быту, за выездом за границу, регистрацию и учет автотранспорта, и т.п., постоянно приводит к мысли, что вся их деятельность направлена лишь на усложнение всевозможных бюрократических процедур, а посему воспринимается как бессмысленные и мелочные придирки, только способствующие отчуждению «представителей власти» от народа, и формированию еще одного слоя автократии. Таким образом, недовольство в обществе правоохранительными структурами обусловлено, прежде всего, двойными стандартами, расхождениями между декларативными заявлениями о ее назначении как института, обеспечивающего социальный порядок, как партнера гражданскому обществу и ее повседневной деятельностью, сопровождающейся зачастую грубостью, произволом, некомпетентностью, а то и прямыми связями с криминалом.[3]

Проходящая в последние годы реформа системы МВД, переаттестация личного состава не могла не отразиться и на представлении самих «стражей порядка» относительно их предназначения в обществе, которое можно охарактеризовать как достаточно противоречивое, поскольку, с одной стороны, они понимают в целом предназначение своей правоохранительной структуры, связанное с борьбой с преступностью, профилактикой детской преступности, борьбе с наркоманией и т.п., а, с другой, осознают, что смена форменной одежды, наименования не решила автоматически всех проблем, оставшихся от милиции, более того, добавила новых, связанных с трансформацией представлений о защите прав и свобод граждан, законности, служении интересам общества и государства и т.д.

Подобное сотрудничество будет тем более плодотворным, поскольку через него будут решаться не только специфические задачи полиции по борьбе с преступностью, но и станет закладываться фундамент доверия между полицией и рядовыми гражданами, повышаться уровень правовой культуры населения, что, безусловно, окажет положительное влияние на уровень преступности путем снижения ее как количественных, так и качественных показателей, позволит сократить в структуре преступности долю тяжких и насильственных преступлений.

И, наконец, взаимодействие полиции с представителями общественности позволяет сделать деятельность правоохранителей более открытой и понятной для общества в пределах, предусмотренных законом, а также сформировать механизм обратной связи с населением для учета мнения общественности относительно эффективности деятельности полиции и определить точки для дальнейшего взаимодействия. Не случайно, например, в США в круг

обязанностей полиции входит не только борьба с преступностью, но и осуществление иных мероприятий в сфере социального проблем населения(напр.разрешение конфликтов в семье, помощь при стихийных бедствиях и т.п.,) поэтому там почти 35% обращений в полицию — просьбы об оказании помощи в ситуациях, не связанных с правонарушениями![4]

Таким образом, ни переаттестация, ни создание новой законодательной базы не привели к ожидаемым гражданским обществом результатам, а лишь заложили основу для дальнейших шагов по завоеванию доверия к полиции со стороны населения страны, которые сводятся к следующему:

Во-первых, необходимо принципиально изменить систему учета и регистрации преступлений, а также систему оценки эффективности работы полиции, при которой она оценивалась бы по количеству лиц, привлеченных к ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а не по количеству регистрируемых заявлений;

Во-вторых, требуется устранить серьезные перекосы в кадровой работе, когда сокращения личного состава начинаются с реально работающих подразделений на местах, а численность обеспечивающих, штабных структур становится больше, чем оперативных и следственных. Необходимо усилить низовые подразделения, особенно в небольших городах и районах, находящихся непосредственно в контакте с населением.;

В-третьих, проблема «обуздания» преступности не может быть решена только правоохранительными органами. Государство должно активизировать усилия для устранения наиболее серьезных криминогенных факторов путем осуществления реформ в социальной и экономической сферах: решать проблему занятости населения, снизить издержки межконфессионального общения в отдельных регионах, не допускать избирательного правосудия при разрешении конфликтных ситуаций и т.д.

В-четвертых, использовать богатый зарубежный опыт (в частности, США) в борьбе с преступностью при помощи специальных программ, нацеленных на решение конкретных проблем (борьбе с наркоманией, преступностью несовершеннолетних, незаконной миграцией и т.д.) в реализации которых наряду с полицией и другими государственными органами значительная роль отводится местным органам властям и общественности.

И, наконец, в–пятых, заслужить социальное доверие со стороны общества, чтобы вежливость и предупредительность, постоянная готовность помочь в беде стали визитной карточкой российских полицейских. Безусловно, что отсутствие такового, означает, что полиция — некий паразитический организм, приносящей лишь вред обществу, так как требует вложения больших материальных ресурсов, не обеспечивая его потребности в защите от преступности. Напротив, полиция может добиться признания и уважения у населения только тем, что оно увидит в их лице защитников, доброжелательных помощников, советчиков, просто отзывчивых должностных лиц, стремящихся оказать им практическую помощь в любой ситуации, даже если она выходит за рамки служебных инструкций.

Список использованной литературы:

1.Общественный вердикт URL:http://polit.ru/article/2006/03/14/privatization; http://publicverdict.ru/topics/index_d// (дата обращения 16.03.2016)

2.Полицейских в России боятся сильнее, чем в остальном мире URL :http://newsland.com/news/detail/id/1370340/ (дата обращения 12.03.2016)

3.Новая газетаURL: http://www.novayagazeta.ru/inquests/61984.html \ (дата обращения 26.03.2016)

4.А.В.Губанов.Эволюция теории и практики института полиции в зарубежных странахURL :http://www.narcom.ru/law/system/27.html (дата обращения 11.03.2016)

Романова Н.М.,
к.соц.н., доцент кафедры
общей и социальной психологии,
СГУ имени Н.Г. Чернышевского

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АУДИОЗАПИСЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕНИЯ

Судебно-психологическая экспертиза - один из важнейших методов использования научных психологических знаний в юридической практике. В настоящее время институт судебно-психологической экспертизы в нашей стране активно развивается. Наряду с традиционными видами судебно-психологической экспертизы, создаются новые. Судебно-психологическое исследование проводится сведущим лицом – экспертом на основе использования специальных познаний в области психологии. Эксперт дает заключение, которое оценивается судом или следствием и является доказательством по делу. При производстве экспертизы психолог устанавливает ее предмет, ставит перед собой исследовательские задачи, выбирает методы исследования в соответствии с поставленными задачами, проводит эмпирическое исследование, обрабатывает и анализирует полученную информацию, составляет экспертное заключение.

При проведении некоторых видов судебно-психологических экспертиз психологу приходится работать с аудиозаписями следственных действий и другими материалами. Особый интерес представляют аудиозаписи переговоров преступников. В случае, когда субъект преступления отказывается участвовать в проведении судебно - психологической экспертизы, подобный материал может стать единственной базой для проведения судебно-психологической экспертизы, касающейся его личности, эмоционального состояния и др.

В работах В.П. Белянина [1], Н.В.Витта [2], В.И. Жельвис [3], Е.П.Ильина [4], А.А. Крылова, С.А. Маничева [5], Э.Л. Носенко [6], Р.М. Фрумкиной [7], посвященных различным аспектам психологии речи, показана возможность диагностирования по её характеристикам эмоционального состояния и особенностей личности человека.

Специфика разговорной речи состоит в том, что информация в ней передаётся как в тексте высказывания, так и в ситуации общения в целом. Значимым элементом разговорной речи, по мнению Р.М. Фрумкиной, является контекст, позволяющий собеседникам понимать друг друга, несмотря на наличие пропусков и недосказанности в речи [7]. Контекст ситуации общения доступен каждому из общающихся.

По критерию «цель общения» взаимодействие общающихся может выполнять следующие основные функции:

1. контактная (установление контакта и поддержание взаимосвязи);

2. побудительная (стимулирование партнёра по общению высказываться по интересующим вопросам);

3.информационная (получение сообщений от собеседника ни интересующую его тему и передача сообщений).

В рамках проведения судебно-психологической экспертизы аудиозаписей специалисту в некоторых случаях необходимо выявить

индивидуально-психологические особенности личности и эмоциональное состояние общающихся.

В связи со спецификой проведения данного вида экспертизы, специалисту необходимо анализировать устные сообщения субъектов общения. При этом устную речь, как это принято в лингвистике, рассматривают как текст. Известно, что в лингвистике термин текст используется в широком значении, с включением и устных образцов.

Для решения данной задачи специалисту в некоторых случаях необходимо проанализировать строение текста, исследовать его психологическую смысловую структуру. Один из подходов, позволяющих решить данную задачу– выявление текстовых субъектов и текстовых предикатов [8, с.5]. Текстовый субъект – то, о чем говорится в тексте. Текстовый предикат – что именно говорится об этом. Текстовый субъект и предикат образуют текстовое суждение.

Эмоциональное состояние человека, произведенное по анализу аудиозаписей, может быть изучено многомерно. С этой целью, на наш взгляд, необходимо использовать анализ содержательных характеристик речи (метод контент-анализа), выявить психологическую смысловую структуру текста (определение текстовых субъектов и текстовых предикатов), произвести анализ психолингвистических характеристик текста (объем речевой продукции, наличие повторов, вульгаризмов и др.).

Одно из наиболее часто встречающихся состояний общающихся при анализе переговоров - состояние эмоциональной напряженности.

Результаты проведенных нами судебно-психологическин экспертиз по материалам аудиозаписей переговоров преступников позволили выявить индикаторы состояния эмоциональной напряженности общающихся.

Показателями эмоциональной напряженности являются:

1) большой объём речевой продукции;

2) высокий процент эмбол (слов, не несущих семантической нагрузки - междометия, вульгаризмы, ненужные повторения и такой разновидности эмбол, как нецензурные слова);

3) высокая прожективность речи, зачастую создаваемая стимулирующим речевым поведением собеседника. Прожективностъ представлена в виде непосредственных, спонтанных, открытых вербальных реакций говорящего, проецированием им своих чувств и эмоций;

4) высокая эмоциональная значимость определённых тем, затрагиваемых в разговоре (темы, к которым человек обращается неоднократно, постоянно возвращается к ним, «привязан" к ним);

5) наличие своеобразного психотерапевтического эффекта, наблюдаемого в качестве следствия диалога у одного или обоих общающихся (фразы с целью самоуспокоения), стимулированные поддерживающим речевым поведением собеседника.

Нами предлагается схема анализа текста переговоров, позволяющая реконструировать эмоциональное состояние человека при производстве судебно — психологической экспертизы:

1. Распределение текста на отдельные смысловые единицы - «темы»;

2. Построение «тематического» дерева связей;

3. Выявление «сгущений» тематических связей, свидетельствующих о взаимосвязи тем, входящих в каждую группу, их причинно-следственных зависимостях, внутреннем содержательном единстве;

4. Определение количественной представленности психолингвистических характеристик речи (общее количество слов в «теме», количество эмбол, ненужных повторений и вульгаризмов и др.);

5. Определение эмоциональной значимости каждой из имеющихся «тем» по количественным показателям психолингвистических характеристик речи;

6. Исследование смысловой структуры текста, реализованного в устной речи с выявлением текстовых субъектов и текстовых предикатов;

7. Диагностика общей характеристики эмоционального состояния человека и его динамики в связи с характером сообщаемой им информации.

Авторская схема анализа показала высокую надежность и эвристичность при определении эмоционального состояния человека в рамках проведения судебно-психологической экспертизы аудиозаписей.

Список использованной литературы:

1. Белянин В.П. Психолингвистика. М., 2004.
2.Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения//Вопросы психологии,1981. №4. С.60-69.
3. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Ярославль, 1990.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд.: переработанное и дополненное, СПб, 2013.
5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб, 2000.
6.Носенко Э.Л. Речь в состоянии эмоциональной напряженности. Дн., 1975.
7.Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
8.Доблаев Л.П. Анализ и понимание текста. Саратов, 1987.

Рубцова Л.Ф.,
документовед кафедры уголовного, экологического права
и криминологии юридического факультета СГУ им. Н.Г.Чернышевского

ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ: МИФ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ?

Много лет некоторых российских ученых интересует вопрос о целесообразности введения в России уголовной ответственности юридических лиц. Множество авторов диссертационных исследований анализирует данный аспект перспективного направления развития отечественного уголовного законодательства. Особо выделятся в этом ряду диссертации последних лет, выполненные, в частности: Р.В.Мининым [1, с. 3] и Деминым С.Г. [2, с. 4]. Проявляют интерес к анализу проблемы введения в Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц и федеральные законодатели. В Государственной Думе Федерального Собрания РФ на рассмотрении находится соответствующий проект федерального закона [3, с. 1]. Как следует из имеющегося в свободном доступе во всемирной сети Интернет официального (отзыва) заключения Правительства РФ, подписанного Заместителем Председателя Правительства РФ – Руководителем Аппарата Правительства РФ С.Приходько, указанный проект федерального закона нуждается в дополнительном всестороннем обсуждении и теоретическом обосновании [4, с. 1]. Указанный отзыв Правительства РФ на этот законопроект в целом является отрицательным. К данному отзыву Правительства приложены значительные по своему объему критические замечания (на пяти листах), препятствующие положительному выводу Правительства РФ по результатам анализа соответствующего законопроекта.

Можно попытаться подвергнуть творческому анализу замечания, отраженные в данном отзыве Правительства. Самым первым значится указание на отсутствие статистических данных и убедительных аргументов, которые могли бы свидетельствовать об имеющейся неэффективности применения к юридическим лицам иных существующих в российском законодательстве мер принуждения, кроме уголовной ответственности. С помощью ссылки на статистическую информацию возможным является иллюстрировать отсутствие эффективности конкретного института уголовного права (законодательства), в частности, как не востребованного на практике. Сегодня уголовная ответственность юридических лиц по действующему российскому национальному уголовному законодательству – отсутствует. Иллюстрировать с помощью уголовной статистики ни ее эффективность, ни отсутствие таковой – не имеется возможности. Рост или снижение числа юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за соответствующие периоды времени, также не могут сказать какой-либо аргумент ни в пользу мнения о необходимости установления в российском уголовном законодательстве нового института – уголовной ответственности юридических лиц, ни – против этого. Со второй частью мнения Правительства РФ, отраженного в указанном отзыве, об отсутствии убедительных аргументов в подтверждение актуальности данного проекта, возникает весьма любопытная ситуация. С одной стороны, значительное число государств мира устанавливает в собственных источниках национального уголовного

законодательства в качестве субъекта – юридических лиц. Например, Китай, США, Великобритании и многих других. Даже на территории таких постсоветских государств, как Молдова, Литва и другие страны, в уголовном законодательстве значится в качестве потенциально возможного субъекта юридическое лицо. Эта практика, свойственная множеству указанных выше национальных источников уголовного права действует уже не один год и не одно десятилетие. На сегодняшний день не имеется информации об исключении института уголовной ответственности юридических лиц из хотя бы одного из числа подобных кодексов. Это иллюстрирует позитивность применения института уголовной ответственности юридических лиц в целом ряде государств мира.

Для поиска дополнительных убедительных аргументов вполне целесообразно использовать опыт, накопленный депутатом Государственной Думы Луговым А.К. (фракция ЛДПР). Хотя внесший в Государственную Думу указанный выше проект закона депутат А.А.Ремезков входит во фракцию «Единая Россия» от Краснодарского края, тем не менее, опыт депутатов других фракций по поиску убедительных аргументов, требующихся для получения положительного заключения (в частности, Правительства РФ), может оказаться вполне востребованным. Луговой А.К., формально курирующий региональную партийную работу ЛДПР по Иркутской области, подготовил и готовится провести Международную научно-практическую конференцию на тему: «Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов».

2 июня 2016 года в здании Государственной Думы Российской Федерации данная Международная научно-практическая конференция, планируется как проводимая с участием приглашенных депутатов всех фракций Думы, ученых и практических работников. Подобный творческий и неординарный подход законодателя позволит приблизиться к положительному результату в поиске дальнейших убедительных аргументов, которые могут быть логически верно положены в основу предлагаемых депутатами инициатив по совершенствованию отечественного правового пространства.

Вносимые с участием депутата Лугового А.К. проекты законов проходят все стадии обсуждения в Государственной Думе максимально быстро, становясь нормами российского права. Реализация подобного инициативного подхода при разработке проекта федерального закона об уголовной ответственности юридических лиц вполне могла бы приблизить дату его принятия. Помощь научной общественности, своевременно использованная в законодательном процессе, способна показать еще много положительных моментов в процессе совершенствования российского национального законодательства. Каких-либо значительных материальных затрат на проведение подобной международной научно-практической конференции от ее инициаторов и организаторов не требуется. Технические возможности электронных форм конференц-связи позволяют осуществить ее с участием представителей научной общественности из любой точки мира.

Другим доводом, положенным представителем Правительства РФ в основание отрицательной оценки проекта федерального закона о введении уголовной ответственности юридических лиц, является мнение о дублировании мер наказания. На первый взгляд, действительно, имеет место наличие видов наказания, предполагаемых для юридического лица, в ныне действующем административном законодательстве. Вместе с тем, природа мер наказания совершенно отличается в уголовном и административном законодательстве. Хотя, формально, наименование этих мер наказания, действительно, является идентичным. Никому сегодня не приходит в голову, учитывая повтор вида наказания, как штраф, удалять его из действующего национального уголовного законодательства. Наоборот, особое внимание уделяется институту кратных штрафов, как очередной инновации, свойственной действующему сегодня российскому уголовному законодательству. При кажущейся простоте, законодатель в современной России не предполагает перевод уголовного наказания в виде кратного штрафа за (например) взятку, в категорию административного законодательства. Объяснимо это может быть, как минимум, величиной общественной опасности анализируемого деликта. И подобных примеров можно привести множество.

При появлении в арсенале суда, рассматривающего уголовное дело в России, такого ресурса, как «ликвидация» юридического лица, совершившего инкриминируемый ему деликт, все, без какого-либо исключения юридические лица, хозяйствующие на отечественной территории как субъекты предпринимательской деятельности, станут значительно более внимательными при выборе траектории ведения собственного бизнеса. Особенно это нововведение коснется юридических лиц, обладающих значительными по величине материальными ресурсами и требующих лицензирования их деятельности. Характерным примером здесь можно назвать банковские учреждения. Ликвидация такого банковского учреждения по обвинительному приговору суда, вынесенному по уголовному делу, может оказаться намного более серьезным по реальным последствиям для конкретных физических лиц, допустивших выполнение (в частности) трудовых функций в таком ликвидированном юридическом лице. Фактический собственник основной массы материальных активов такого ликвидированного юридического лица с помощью ряда специфических мер воспитательного характера сможет принять результативные меры по профилактике случаев повторения подобного в будущем. В подобной ситуации с российского государства в значительной степени снимается затратная обязанность финансировать многолетнее содержание в местах лишения свободы осужденных судом физических лиц, которым инкриминировалось некое уголовное обвинение. А результативность решительных и радикальных по существу профилактических мер, реализуемых (потенциально возможно) фактическим собственником бизнеса ликвидированного юридического лица – сложно поставить сегодня под сомнением.

При этом в российской практике утратит (фактически) популярность (и, соответственно, свою значимость) институт так называемого «Фунта». Такой некий фиктивный руководитель, значащийся в документальной базе и, соответственно, порой, привлекаемый к уголовной ответственности за соответствующие деликты, станет сугубо историческим персонажем. На смену соответствующим вакансиям вполне смогут прийти приглашения на работу эффективных менеджеров, обладающих способностью квалифицированно и качественно осуществлять руководство коллективом, с полным соблюдением всего комплекса требований законодательства. В конечном итоге, подобная мера, достаточно кардинально изменяющая саму сущность структуры учения о субъекте современного российского уголовного законодательства, внесет значительный вклад в процесс противодействия проявлениям коррупции. В итоге станет также достоянием отечественной истории мнение, отраженное в указанном выше замечании по проекту федерального закона, о формальном превышении максимально возможного размера штрафа в административном законодательстве над величиной штрафа, предлагаемого для назначения юридическому лицу. Ибо, если для Правительства России такой сегмент юридической ответственности юридических лиц является критическим, можно установить минимальный размер такого штрафа в уголовном праве с суммы, превышающий сумму максимального штрафа в административном законодательстве, действующем сегодня. Конечно, это сложно увязать с потребностью в повышении гуманизма мер уголовного наказания в условиях современной России, однако, также можно считать вполне допустимым.

Список использованной литературы:

1. Минин Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации. Дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.- Тюмень, 2007. 193с.
2. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России. Дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Ставрополь, 2014. 251с.
3. Законопроект №750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»// Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Сайт]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6 (дата обращения: 16.05.2016).
4. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности

юридических лиц», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы А.А.Ремезковым// Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Сайт]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/7A0AF3351C5ED2AA43257E69004 (дата обращения: 16.05.2016).

Рыгалова К.А.,
преподаватель кафедры прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности,
соискатель кафедры уголовного процесса,
«Саратовская государственная юридическая академия»

РЕАЛИЗАЦИЯ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии со ст. 37 УПК РФ прокурор в уголовном судопроизводстве осуществляет уголовное преследование и надзирает за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. К основным задачам прокурорского надзора в ходе досудебного производства можно отнести: обеспечение раскрытия преступлений и всестороннего, полного и объективного расследования обстоятельств их совершения; недопущение незаконного, необоснованного привлечения к уголовной ответственности и незаконного ограничения прав участников процесса; соблюдение установленного законом порядка предварительного расследования; выявление причин совершения преступления и принятие мер к их устранению.

Лишение прокурора в 2007 году ряда властных полномочий в отношении следователя, позволявших ему оперативно устранять выявленные в ходе осуществления надзорной деятельности нарушения закона (Закон от 05.06.2007 №87-ФЗ), вызвало обеспокоенность у ряда ученых, которые связали это с неизбежным ослаблением государственного правозащитного механизма в сфере уголовного судопроизводства, считая, что во избежание незаконного ограничения конституционных прав и свобод граждан при производстве по уголовному делу, прокурорский надзор должен быть реальной, а не декларативной гарантией законности [1, с. 16; 2, с.50].

Сокращение властных полномочий прокурора не повлекло и расширения процессуальной самостоятельности следователя. Перечень процессуальных действий, на совершение которых ранее требовалось согласие прокурора, остался прежним, но согласовывать их ныне нужно с руководителем следственного органа; тем самым упростилось лишь организационное согласование указанных вопросов [3, с. 10].

В 2010 году законодатель счел необходимым вернуть прокурору некоторые из ранее имевшихся у него надзорных полномочий, одновременно сохранив аналогичные полномочия и у руководителя следственного органа. В связи с эти остро встал вопрос о соотношении полномочий властного характера этих двух участников досудебного производства. Данной проблемы коснулся даже Президент России в своем Послании Совету Федерации: «знаю, что дискуссии идут на этот счет давно, что дополнительно нужно дать прокуратуре. Мы в свое время следствие от прокуратуры отделили для того, чтобы обеспечить независимость следствия, это было осознанное решение. Надо активнее использовать то, что имеется, и только после этого мы сможем проанализировать, а что же происходит на практике» [4].

Думается, что подобные колебания законодателя свидетельствует об отсутствии сегодня обоснованной концепции относительно того, кем должен являться прокурор в уголовном судопроизводстве, какими полномочиями он должен обладать. В соответствии с УПК РФ, реализуя надзорную функцию, прокурор следит за законностью деятельности следователя и дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела, обеспечением прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших, законностью принятия органами расследования процессуальных решений, соблюдением сроков предварительного расследования, законностью

приостановления предварительного расследования и его окончания. Освобождение прокурора от процессуального руководства деятельностью поднадзорных ему органов предварительного расследования освободило его также и от ответственности за его результаты, а, следовательно, дало возможность более объективно и беспристрастно оценивать предоставленные ему в конечном итоге материалы произведенного расследования [5, с. 23].

Надзорная функция, по нашему мнению, является главенствующей для прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Она не свойственна другим государственным органам и должностным лицам, участвующим в уголовно-процессуальной деятельности, и обладает конституционно-правовым характером [6, с. 83]. Как отмечено в специальной литературе, иные функции прокурора вытекают из основной обязанности прокуратуры – осуществлении высшего надзора за законностью деятельности всех учреждений, должностных лиц и отдельных граждан [7, с. 26].

Прокурор, являясь гарантом законности досудебной деятельности, создает условия необходимые для рассмотрения уголовного дела судом и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. При этом он не только осуществляет надзор за исполнением законов при производстве следственных и иных процессуальных действий, принятии процессуальных решений органами предварительного следствия, но и обеспечивает единообразное понимание и неукоснительное соблюдение основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

Эффективно реализуя те полномочия, которыми прокурор обладает в настоящее время, он в состоянии своевременно выявлять и устранять ошибки, допускаемые органами предварительного расследования при осуществлении досудебной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Спирин А.В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: проблемы теории, практики, законодательного регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
2. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
3. Бушковская Е.Н. Надзор за процессуальной деятельностью следствия и дознания в досудебном производстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
4. Президент РФ Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию 3.12.2015. http://rg.ru/2015/12/03/stenogramma.html (дата обращения 5.04.2016 г.)
5. Шадрин В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистъ. 2015. № 1 (16).
6. Егоров И.М. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. СПБ., 2000.
7. Журавлев В.Г. Обвинение как процессуальная функция в советском уголовном и военно-уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. С. 26.

Семенова В.Г.,
к.п.н., доцент кафедры политических наук
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
Гуцул Ю.С.,
аспирант Пражского экономического института

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В 90-х гг. в российских выборах имели право принимать участие все общественные объединения, выразившие стремление к этому в своих уставах[1]. Несмотря на то, что первые попытки ограничить эту возможность предпринимались уже в конце десятилетия, успехом они не увенчались. Электоральная арена страны была переполнена многочисленными,

нежизнеспособными «партийными проектами». И хотя фрагментация и неустойчивость российской партийной системы была обусловлена многими обстоятельствами, многие считали, что одним из обстоятельств является легкость создания партий. Не удивительно, что закон 2001 г. «О политических партиях»[2] был принят при поддержке всех представленных в Думе партий и получил положительную оценку многих аналитиков.

По состоянию на июль 2001 г. Минюстом России официально было зарегистрировано 58 политических партий. 143 уже к декабрю 2003 г. число политических партий сократилось до 46. Такое сокращение, в первую очередь, было связано со стремлением власти создать общероссийские партии, которые находились бы под государственным контролем. В этой связи установление минимальной численности партии в 10 тыс. человек, а так же требование наличия у партий развитых региональных сетей привело к сокращению партийного предложения. Кроме того, следует отметить, что некоторые нормы нового партийного законодательства попросту идут вразрез с конституционными нормами.[3]

Так, закон запретил создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. При этом Конституция РФ запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Декабрь 2004 года можно считать датой крушения российского партийного пространства и усиления тренда моноцентричности партийной системы. С целью ≪зачистки≫ партийного пространства и ликвидации малых партий, которые, несмотря на все препоны законодательства, сохраняли свое влияние в некоторых регионах, минимальная численность партии была повышена до 50 тыс. человек, изменен порядок регистрации партий и кандидатов.[4] Требования к партийной сети также были ужесточены - в половине регионов партийные отделения должны насчитывать не менее 500 членов, а в остальных – не менее 250. Эти и другие ограничения стали причиной того, что к последним парламентским выборам число политических партий сократилось до 15. По мнению Б.И. Макаренко, в руках всесильной бюрократии законодательство о партиях стало мощнейшим инструментом, который позволяет власти не допускать возникновения нежелательных субъектов избирательного процесса.[5] Как отмечает И.М. Модель, «естественный процесс формирования партийной структуры в стране, под видом заботы о его упорядочивании, загоняется в прокрустово ложе интересов политической и административной элиты». Таким образом, партийное законодательство закрепляет создание политических партий «сверху» при активном использовании административного ресурса. Другие же способы создания сильных партий, которые могли бы стать не мнимым противовесом партии власти, исключены. Тем самым, создана почва для закрепления политической элиты, как главного игрока на партийном рынке. В. Римский, говоря о реформировании партийного и избирательного законодательства, характеризует его как «юридический фетишизм» власти, при котором законодательство рассматривается в качестве самостоятельного субъекта политической жизни, как средство решения определённых политических проблем.[6]

Закон 2001 г. создал правовое понятие о политической партии как об организации, отличающейся от других видов некоммерческих объединений и стал первым законом в процессе «цивилизованного строительства политической структуры общества».

Согласно вышеуказанному Закону для приобретения статуса партия была обязана соблюсти ряд весьма строгих требований:

— включать не менее 10 000 членов, иметь региональные отделения численностью не менее ста членов более чем в половине субъектов Российской Федерации и не менее пятидесяти членов в остальных региональных отделениях;

— создавать структурные подразделения исключительно на территории Российской Федерации.

-- программные позиции (в частности, запрещалось создание партий по этническому, классовому, профессиональному и религиозному признаку, а также партий, которые можно было бы квалифицировать как экстремистские).

В соответствии с этим законом в стране были созданы более 40 партий. Отказы в

регистрации были уже тогда, но правоприменительная практика не носила ограничительного характера. Ситуация резко изменилась в 2005 г., когда была принята новая редакция закона. В соответствии с ней, минимальная численность партий была повышена до 50 000 человек. Надо сказать, что и предыдущий барьер, 10 000 членов, был бы высоким для большинства партий, если бы был контроль за численностью партий. Однако до 2005 г. такого контроля не было. До конца 2006 г. регистрирующий орган должен был провести тщательную проверку численности партий на предмет ее соответствия требованиям закона. Количество партий стало стремительно сокращаться. В январе 2006 г. оно снизилось до 35; после завершения проверки это число сократилось почти вдвое; а к 2009 г. существовали лишь 7[7].

Так сформировалась партийная система, существовавшая в России в 2007-2011 гг. Ядром этой системы была «партия власти» - «Единая Россия», служившая электоральным и законодательным инструментом исполнительной власти. Как правило, эта партия получала на выборах 55-65% голосов и выигрывала 65-75% мест в региональных законодательных собраниях.

Таблица №1

Региональные выборы: партийная динамика, 2010 г[3]

Федеральный округ	Единые дни голосования	Политические партии					Кандидаты, выдвинутые в порядке самовыдвижения
		Партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ»	«КПРФ»	Партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ	«ЛДПР»	«ПАТРИОТЫ РОССИИ»	
		Получено депутатских мандатов, %					
Центральный	10.10.2010	69,29	14,13	4,91	4,55	0,37	4,67
	14.03.2010	66,46	14,37	4,79	4,55	0,37	6,63
	11.10.2009	61,30	13,88	5,77	3,81	0,37	10,32
Северо-Западный	10.10.2010	57,81	10,96	10,72	6,53	0,93	8,62
	14.03.2010	57,11	10,96	11,19	6,53	0,93	8,86
	11.10.2009	56,88	10,72	11,19	6,53	0,93	8,62
Приволжский	10.10.2010	74,51	7,97	2,45	3,55	0,37	6,86
	14.03.2010	74,63	7,97	2,45	3,55	0,37	6,74
	11.10.2009	74,39	7,97	2,45	3,55	0,37	6,99
Уральский	10.10.2010	77,09	7,93	6,17	6,61	0,00	1,32
	14.03.2010	76,21	8,3	5,73	6,61	0,00	2,64
	11.10.2009	69,16	6,17	2,64	5,73	0,00	9,69
Сибирский	10.10.2010	67,88	10,28	7,91	5,22	0,47	6,80
	14.03.2010	58,42	9,18	5,36	4,59	0,38	16,71

[3] Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Информационно-аналитический бюллетень. Региональные выборы: партийная динамика. Выпуск шестой. Под общей ред. Л.Г.Ивлева. М.2010.

	11.10.2009	57,27	9,06	5,48	4,59	0,38	17,09
Дальневосточный	10.10.2010	65,55	10,70	3,68	4,35	0,67	10,70
	14.03.2010	62,05	10,50	3,30	4,95	0,66	12,87
	11.10.2009	62,38	10,23	3,63	4,95	0,66	12,87
Южный	10.10.2010	68,69	13,13	4,38	0,67	0,00	7,07
	14.03.2010	68,35	13,47	4,04	0,67	0,00	7,07
Северо-Кавказский	10.10.2010	66,67	7,16	9,88	2,72	2,22	8,89
	14.03.2010	66,67	7,16	9,88	2,72	2,22	8,89

Остальные места распределялись между оппозиционными партиями – Коммунистической партией Российской Федерации «КПРФ», Либерально-демократической партией России «ЛДПР» и «Справедливой Россией». Остальные три партии – «Яблоко», «Патриоты России» и «Правое дело» – участвовали в выборах эпизодически и мест, как правило, не выигрывали. Главная причина слабости оппозиционных партий состояла в том, что их электоральные базы носили узкий характер и не были способны к расширению.[8]

Федеральный закон от 28.04.2009 № 75-ФЗ, внесший изменения в Федеральный закон «О политических партиях», еще более ужесточил требования для приобретения статуса политической партии. Теперь политическая партия обязана была включать не менее 50 000 членов (на период до 1 января 2010 года). При этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов политической партии. В остальных регионах численность каждого из них не могла составлять менее 250 членов политической партии.[9]

Основной урок декабрьских выборов для властей состоял в том, что они не могут более полагаться на способность «Единой России» получать простое большинство голосов избирателей. Этого не могут обеспечить даже фальсификации на выборах, которые, к тому же, не остаются незамеченными и вызывают колоссальное раздражение у некоторой части граждан. В принципе большинство в законодательных собраниях, включая Думу, можно сохранить за счет изменения правил игры на выборах, и прежде всего – избирательной системы.

В 2012 г. одним из шагов к искусственной многопартийности стали изменения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», внесенные Федеральным законом от 02.04.2012 № 28-ФЗ. Теперь в политической партии должно состоять не менее 500 членов, а требования к минимальной численности членов политической партии в ее региональных отделениях устанавливаются уставом политической партии, а не законом. Также зарегистрированные партии могут принимать участие в выборах без сбора подписей. Законопроект представил пропорциональную избирательную систему с закрытыми партийными списками в общенациональном округе с пятипроцентным заградительным барьером.

Реформы 2012 г. стали реакцией российских властей на требования протестного движения, которое было после оглашения результатов парламентских выборов 4 декабря 2011г. Требование о регистрации оппозиционных партий было сформулировано уже на первом массовом митинге, состоявшемся на Болотной площади 10 декабря 2011 г. Российские власти отрицают связь между политическими реформами и требованиями протестного движения. Видимо, такая позиция не является вполне искренней и является стремлением Владимира Путина показать, что он ничего не предпринимает под давлением других политически игроков, особенно оппозиционных.

В рамках реформы законодательства о политических партиях и выборах 2012 года были приняты три федеральных закона, которые поддерживают существующую вертикаль власти и укрепляют ее:

1. Федеральный закон от 2 апреля 2012 года № 28-ФЗ существенно снизил требования к численности политической партии (с 40 тыс. до 500 человек), отменил требования к численности регионального отделения политической партии, ввел процедуру приостановления регистрации политической партии и некоторые другие послабления;
2. Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ восстановил прямые выборы высших должностных лиц субъектов РФ, введя при этом ранее не применявшийся в РФ механизм поддержки выдвижения кандидатов в виде сбора подписей муниципальных депутатов, а также разрешил региональным законодателям не допускать на этих выборах самовыдвижение;
3. Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 41-ФЗ освободил кандидатов, выдвинутых любыми политическими партиями, а также списки кандидатов от сбора подписей избирателей, а для самовыдвиженцев (а также выдвиженцев общественных объединений на муниципальных выборах) снизил максимально допустимое число необходимых подписей избирателей с 2% до 0,5%.

Однако политическая реформа 2012 года мало повлияла на общую политическую ситуацию в России, так как:

-активность избирателей на выборах не увеличилась, а продолжила снижаться;

-партийная конфигурация по существу осталась прежней;

-«Единая Россия» по-прежнему доминирует и на многих территориях получает абсолютное большинство мандатов несмотря на поддержку менее половины избирателей;

- около двух десятков новых политических партий не стали реальной политической силой и почти повсеместно, за исключением некоторых небольших муниципальных образований, не получили представительства[10] В 2012 г. было зарегистрировано 79 новых партий, из них только 16 выдвинули кандидатов на мажоритарных выборах 14 октября 2012 г.[11]

Кроме того, с нашей точки зрения, реформа привела и к некоторым негативным последствиям:

- увеличилась дискриминация при регистрации независимых кандидатов, которые по-прежнему являются главными конкурентами кандидатам от «партии власти»;

-стали распространяться технологии формирования партийных списков, приводящие к имитации партийной конкуренции.

Главная причина такого положения состоит в том, что политическая реформа 2012 года не затронула главные препятствия для проведения демократических выборов:

- система избирательных комиссий по-прежнему находится в сильной зависимости от исполнительной власти. Многие функции по организации выборов, формально входящие в обязанность избирательных комиссий, фактически осуществляют исполнительные органы власти.

- сохранились чрезмерно жестокие и нечетко определенные правила регистрации кандидатов, допускающие произвол и дискриминацию;

- отсутствуют нормы, препятствующие использованию технологии «паровозов» и другим злоупотреблениям административным ресурсом;

- не включены действенные механизмы воспрепятствования фальсификациям итогов голосования[12].

Подводя итоги, можно сказать, что среди наиболее важных и значимых законодательных актов, составивших партийную реформу: ФЗ-95 «О политических партиях»; ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав и прав граждан»; ФЗ-51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; ФЗ-19 «О выборах Президента Российской Федерации»; ФЗ-114 «О противодействии экстремисткой деятельности». Некоторые из них были приняты впервые, другие – в новой редакции. Причем

во все из них в дальнейшем вносились ключевые поправки. Далеко не все из изменений, внесенных в законодательство, касались политических партий непосредственно, но тем не менее повлияли на данный институт. Существует и другая группа законодательных актов, где политические партии не упоминаются. Более того, на первый взгляд эти федеральные законы вообще их не касаются. Однако эти законы формируют условия для развития политических партий в стране. Прежде всего, это ФЗ-2124-1 «О средствах массовой информации», ФЗ-119 «О государственной службе», ФЗ-25 «О муниципальной службе Российской Федерации», ФЗ-54 «О собраниях, митингах и шествиях» и др. Кроме того, деятельность политических партий регулируется федеральными законами, которые рассматривают их как неполитические организации и часто имеют опосредованное влияние на их деятельность. В первую очередь, это касается Налогового кодекса, поскольку и региональные отделения политических партий, и сами федеральные политические партии обязаны регистрироваться, как юридические лица. Кроме того, это значит, что они обязаны подавать отчеты в Федеральную налоговую службу Российской Федерации и не могут не подпадать под ее регулирование. И влияние, оказываемое подобными законодательными актами, также является значимым, поскольку вносит изменения в деятельность политических партий.

Негативную роль, на наш взгляд, сыграли положения закона, регулирующего выборы глав регионов, установившие чрезмерно жесткий «муниципальный фильтр» и позволившие не допускать на выборы независимых кандидатов. Неоднозначную роль сыграло и освобождение всех политических партий (в том числе и вновь созданных) от сбора подписей избирателей.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 06.12.1994 №56. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 09.03.2016) "О политических партиях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.03.2016)
3. *Заславский С.Е.* Политические партии России: проблемы правовой институционализации. М..Институт права и публичной политики, 2003. С. 79.
4. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 09.03.2016) "О политических партиях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.03.2016)
5. *Макаренко Б.И.* Нанопартийная система // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 4/5. С. 51.
6. *Римский В.Л.* Российская многопартийность требует реформирования //
URL www.open-foium.ru/meeting/712.html
7. Сайт Минюста [Электронный ресурс] URL: http://minjust.lgg.ru/ru/activity/nko/partii/ (последнее обращение 02.10.2009.) (Дата обращения 26.04.2016).
8. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Информационно-аналитический бюллетень. Региональные выборы: партийная динамика. Выпуск шестой. Под общей ред. Л.Г.Ивлева. М.2010.
9. *Golosov G.* Partijnaja reforma Dmitrija Medvedeva. 21.06.2012. [Электронный ресурс] URL: http://polit.ru/article/2012/06/21/ref/ (Дата обращения 01.04.2016).
10. Изменения в законодательстве о политических партиях 11.12.2012 [Электронный ресурс] URL: http://territoriaprava.ru/topics/39462. (Дата обращенияа 13.06.2016).
11. Pervije itogi partijnoj I izbiratelnoj reform 2012 g. 14.01.2013 [Электронный ресурс] URL: http://komitetgi.ru/analytics/490/ (Дата обращения 13.08.2016)
12. *А.Любарев.* Время собирать подписи. // [Электронный ресурс] URL: www.gazeta.ru/comments/2014/06/17_a_6074417.shtml. (Дата обращения 10.04.2016)

Синюкова Т.В.,
к.ю.н., заведующий кафедрой теории государства и права
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ПРАВООХРАНА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Одним из видов государственной деятельности является правоохранительная деятельность. В соответствии с Конституцией РФ, Российская Федерация, как правовое государство, осуществляет свою деятельность исключительно на основе норм права, обеспечивает верховенство закона и охрану законных интересов личности [1]

Государство, с одной стороны, устанавливает нормы права, с другой, охраняет их от нарушений. Охрана норм права, правопорядка, прав и свобод граждан – важнейшая функция современного Российского государства. Эта деятельность осуществляется государством в лице его органов и для ее характеристики уместно использовать термин «правоохрана». Следует признать, что до настоящего времени, несмотря на широкое использование этого термина, его понятие разработано в недостаточной мере. В юридических энциклопедиях и словарях он вообще не употребляется, чаще говорится о правоохранительной деятельности. Если остановиться на основных признаках правоохраны, то следует отметить, что

– это вид правовой деятельности по обеспечению правопорядка,

– это деятельность осуществляется государственными управомоченными на то органами (правоохранительными). К ним следует отнести, в первую очередь, прокуратуру, а также органы исполнительной власти: органы безопасности, органы внутренних дел, таможенные органы и органы юстиции. Несмотря на дискуссию, развернувшуюся в литературе по этому вопросу, полагаем, что в широком смысле и суды можно отнести к органам правоохраны;

– правоохранительная деятельность по обеспечению правопорядка может носить принудительный характер;

– при данной деятельности обязательно должны учитываться интересы личности, общества, государства.

Таким образом, правоохрана – это урегулированная правом деятельность уполномоченных государственных органов по обеспечению правового порядка, прав и свобод личности, интересов государства.

К правоохране можно отнести различные виды деятельности государственных органов: судопроизводство (конституционное, административное), прокурорский надзор, предупреждение правонарушений, расследование преступлений, оперативно-розыскную деятельность, исполнение судебных решении и другие.

Известно, что право выполняет регулятивную и охранительную функцию. Поэтому часто говорят об «охране прав» и «защите прав» личности, не разграничивая эти понятия. С этим вряд ли можно согласиться. «Охрана прав и свобод, – считает А.С. Мордовец, – есть состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать» [6, с. 88]. Другие ученые соотносят понятия «охрана прав» и «защита прав» по объему, как большее и меньшее. Так, по мнению З.В. Макаровой, понятие «защита права» является более широким, чем «охрана права». Защита прав предполагает недопущение и предупреждение их нарушения, а в случае нарушения прав – их восстановление и возмещение причиненного вреда [4, с. 219]. Ряд авторов отождествляет эти категории и понимают под ними систему правового регулирования общественных отношений, которая предотвращает правонарушения, а в случае их совершения устанавливает

ответственность за допущенные правонарушения [7, с. 30–35]. С.С. Алексеев ставит знак равенства между защитой и охраной прав [2, с. 280].

А.П. Сергеев предлагает рассматривать охрану прав в широком и узком смысле. В широком смысле, по его мнению, охрана права включает в себя меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав. К собственно правовым мерам охраны он относит все меры, с помощью которых обеспечивается как развитие правоотношений в их нормальном состоянии, так и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов. В узком смысле «охрана» включает лишь предусмотренные законом меры, направленные на восстановление или признание прав и на защиту в случае их нарушения или оспаривания [3, с. 240]. Таким образом, защита, по мнению А.П. Сергеева – это охрана в узком смысле слова.

Более точно, на наш взгляд, сформулировал позицию Н.И. Матузов: «Вообще охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают» [5, с. 130–131].

Какое же место правоохрана занимает в системе юридических средств обеспечения прав человека?

Система юридических гарантий представляет собой совокупность средств и методов, единство элементов, их структурных и функциональных связей, как целостное юридическое образование. Систему гарантий образуют, во-первых, юридические гарантии – условия: правовое закрепление экономических, политических, идеологических основ общества, правовая основа государственной и общественной жизни – законодательство, законность, правопорядок, правовая культура и правовое сознание граждан и юридические гарантии – средства, составляющие правовую процедуру (процесс, режимы) реализации прав и обязанностей, формы правотворческой, правореализационной и правоохранительной деятельности (правосудие, прокурорский надзор и др.), юридическая ответственность, институт жалоб и заявлений граждан и т.д. В механизме гарантирования правоохрана относится к юридическим средствам обеспечения прав и свобод граждан. Процесс гарантирования, как известно, это не только реализация юридических средств. Он не может быть реализован без учета экономических, этических, психологических и иных аспектов социальной среды.

К специальным юридическим средствам обеспечения прав и свобод граждан относятся: а) законы и иные подзаконные акты материального и процессуального права, которые закрепляют и оформляют важнейшие правовые институты, связанные с правовым положением личности: право на обжалование, на защиту, презумпцию невиновности, ответственность за противоправные деяния; б) правовая процедура реализации прав и обязанностей; в) организационно-правовая деятельность должностных лиц и органов государств по обеспечению прав и обязанностей граждан; г) контроль и надзор за деятельностью государственных и общественных организаций, который осуществляют государственные органы (прокуратура, контрольно-ревизионные органы и т.п.) и общественные организации, сами граждане. Необходимый результат можно достигнуть лишь совокупным действием этих средств.

Юридические нормы должны четко определять права и обязанности субъектов, их объём и порядок осуществления. Помимо этого, в нормах оформляется порядок защиты и охраны правового статуса, четко фиксируются все гарантии. Законодательное закрепление – первоначальный этап сложного процесса гарантирования. Гарантирующим средством выступает правовая процедура - установленный порядок реализации прав и свобод граждан – простой, удобный и эффективный. Организационно-правовая деятельность - специфическая

работа уполномоченных государственных органов и должностных лиц, необходимая для реализации прав и обязанностей граждан. Эта деятельность имеет правовое значение. Деятельность правоохранительных государственных органов по применению права – это организационно-правовая гарантия, обеспечивающая реализацию прав и обязанностей граждан. Эта деятельность осуществляется на основе общих гарантий-условий и в тесной связи с ними. Так, необходимым условием эффективности правоохранительной деятельности является законность. Правоохрана, как гарантия прав и свобод граждан весьма многообразна. Эта деятельность осуществляется в правореализационном процессе, в сфере контроля и надзора по устранению нарушений прав и обязанностей. Таким образом, правоохрана – является важным элементом юридических гарантий – средств.

Правоохрана прав отличается от правоохраны обязанностей, ибо в гарантировании прав и обязанностей есть свои особенности. Например, гарантирование субъективного права осуществляется, прежде всего, в личных интересах управомоченного, а юридической обязанности – преимущественно в интересах общественных. Инициатива защиты права исходит, как правило, от самого субъекта, инициатива обеспечения обязанности обычно исходит от государства или лиц, находящихся в правоотношении с обязанным. Механизм гарантирования субъективного права направлен на устранение препятствий в пользовании правом, юридической обязанности – на реализацию юридической ответственности обязанного; механизм гарантирования принудительного осуществления права чаще всего не предусматривается, но предусматривается возможность применения государственного принуждения при неисполнении обязанности; не предусматриваются отрицательные последствия для управомоченного в случае, если он не воспользовался своим правом, а невыполнение обязанности субъекта влечет его правовую ответственность и т.д.

Все элементы системы юридических гарантий находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Их совокупность обеспечивает реализацию прав и обязанностей граждан Российской Федерации. Совершенствование элементов этой системы позволит создать более надёжный и прочный механизм гарантирования прав и обязанностей личности, в котором правоохрана выступает важнейшим элементом.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ от 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 523 с.
3. Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. Ч. 1. 415 с.
4. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 215–227.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 214 с.
6. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.
7. Стоякин Г.Н. Понятие «защита гражданских прав» // Проблемы гражданско-правовой ответственности защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 30–35.

Туктарова И. Н.,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
Кузнецова Н.И.,
к.ю.н., преподаватель кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЖИВОТНОГО МИРА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Для эффективного выбора направлений совершенствования российского законодательства, регламентирующего природоохранную деятельность, необходимо изучать зарубежное законодательство по охране окружающей среды и животного мира.

Особый интерес для изучения представляет природоохранное законодательство некоторых стран-участниц Европейского союза. Такой выбор не случаен и обусловлен рядом причин.

Во-первых, изучению правовых систем различных государств уделяется большое внимание в современной юридической науке. В условиях всеобщей глобализации, расширения международных связей сравнительное правоведение выступает как основной инструмент транснационализации и регионализации науки уголовного права.

Во-вторых, страны-участницы Евросоюза уже достигли определенных положительных результатов в области охраны окружающей среды и животного мира. В-третьих, как справедливо отмечает М. А. Игнатова, интерес российских юристов к праву европейских стран вызван тем, что «взаимный обмен правовыми идеями России с другими развитыми государствами мира способствует организации взаимодействия в борьбе с преступлениями международного характера, организованной преступностью, сближению и совершенствованию национального уголовного законодательства различных стран» [1, с. 3]. Эти обстоятельства позволили обособить страны-участницы Европейского союза в одну группу для исследования их природоохранного и уголовного законодательства.

Уголовный кодекс Австрии (далее – УК Австрии) содержит раздел 7 «Общеопасные преступные деяния и преступные деяния против окружающей среды», в котором предусмотрены такие преступления, как умышленное и неосторожное причинение вреда окружающей среде, тяжкое причинение вреда, связанное с использованием шума, умышленное и неосторожное угрожающее окружающей среде обращение с отходами, создание угрозы для состояния животного или растительного мира и другие, экологические по сути, правонарушения.

Заслуживает внимания § 180 УК Австрии «Умышленное причинение вреда окружающей среде» [2, с. 82]. Данный параграф предусматривает наказание за нарушение правового предписания или административного установления загрязнением водного источника или иным способом причиняющий ему вред либо загрязнением почвы или воздуха, если это может привести к опасности для жизни и здоровья большого числа людей или опасности для состояния животного или растительного мира.

Таким образом, законодатель Австрии предпринял попытку комплексной защиты воды, почвы и воздуха от опасности для жизни и здоровья людей, животного и растительного мира.

В *Уголовный кодекс Бельгии* (далее – УК Бельгии) не включена отдельная глава «Экологические преступления», но имеется отделы V «Уничтожение и опустошение урожая, растений, деревьев, черенков, зерна и фуража, уничтожение сельскохозяйственного инструмента» и отдел VI «Об уничтожении животных» [3, с. 336], которые содержат составы экологических преступлений.

Уголовный кодекс Республики Болгария (далее – УК Республики Болгария) [4, с. 177–178.] рассматривает такие экологические преступления, как незаконная охота и водное

браконьерство в качестве хозяйственных преступлений.

Статья 237 УК Республики Болгария предусматривает ответственность за убийство или вылов крупного дикого животного без надлежащего разрешения, наказание за которое предусмотрено в виде лишения свободы до одного года или штрафом от десяти до ста левов, а также лишения права заниматься определенной профессией или деятельностью. Следует отметить, что незаконно добытые дикие животные изымаются в пользу государства, а если они отсутствуют или отчуждены – возмещается их стоимость.

В статья 238 УК Республики Болгария установлена ответственность за вылов рыбы: а) в рыбохозяйственных водоемах с использованием взрывчатых, ядовитых веществ или средств глушения или в количестве, значительно превышающем нормы спортивного лова; б) в запрещенных местах или при мелководье; в) в непромышленным водах во время нереста рыб; г) видов, которым угрожает исчезновение, наказывается в немаловажных случаях лишением свободы до одного года и штрафом до ста левов, а также к виновному применяется лишение права заниматься определенной профессией или деятельностью.

Статья 240 указанного Кодекса содержит уголовную ответственность для иностранного гражданина, который на судне вторгается в территориальные воды Черного моря Республики Болгария и занимается промышленным ловом рыбы без разрешения соответствующих пограничных властей. Санкция за нарушение этой нормы установлена в виде лишения свободы на срок до трех лет. Квалифицированный состав предусматривает наказание в виде лишения свободы до пяти лет за совершение таких же действий вооруженной группой.

Анализ законодательства Болгарии показывает, что в этой стране охране природы и животного мира уделяется значительное внимание. Однако законодатель Республики Болгария рассматривает незаконную охоту, незаконную ловлю рыбы как хозяйственные преступления, по этой причине данные составы помещены в главу «Преступления в отдельных отраслях хозяйства». Кроме прочего, УК Республики Болгария предусмотрел отдельный состав для лиц, вторгающихся в территориальные воды Республики Болгария для промышленного лова рыбы без разрешения пограничных властей. Это может быть оценено как положительный опыт, заслуживающий внимания.

В *Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии* (далее - УК ФРГ) [5] незаконная охота и браконьерский лов рыбы рассматриваются как корыстные преступления. Параграф 292 раздела 25 УК ФРГ содержит нормы об ответственности за охоту с нарушением разрешения. Часть 2 параграфа 292 закрепляет ответственность за незаконную охоту, совершенную в виде промысла или регулярно; в ночное время, в запретное для охоты время, с применением капканов, или другим не охотничьим способом или сообща, несколькими участниками, вооруженными огнестрельным оружием.

Параграф 293 УК ФРГ устанавливает ответственность за деяния, выразившиеся в лове рыбы, а также за имущественные посягательства на вещи, которые относятся к праву на лов рыбы: их присвоение или обращение в пользу третьего лица, повреждение, разрушение. Уголовно наказуемыми такие деяния считаются, если они совершены в нарушение чужого права на лов рыбы или разрешения на лов рыбы.

Что касается уголовного законодательства Дании, то параграф 196 *Уголовного кодекса* этой страны [6] предусмотрел ответственность для любого лица, которое в нарушение Закона об окружающей среде загрязняет воздух, воду, почву или недра, таким образом вызывая значительный вред или непосредственную угрозу вреда окружающей среде, или хранит или устраняет отходы или аналогичные вещества. Такое лицо подлежит тюремному заключению на срок, не превышающий четырех лет. Как видно параграф 196 УК Дании является бланкетным и отсылает правоприменителя к Закону об окружающей среде.

Статья 96 *Уголовного кодекса Латвийской Республики* (далее – УК Латвийской Республики) устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации и использования земли, ее недр, вод и лесов. В статье 110 УК Латвийской Республики предусмотрена диффенерцированная ответственность за самовольный лов рыбы и добычу водных животных, совершенные повторно в течение года (ч.1), группой лиц по предварительному сговору или на особо охраняемых государством природной территории или

объекте, или причинившие существенный вред (ч.2), с использованием электрического тока, взрывчатых или ядовитых веществ или иных общеопасных средств или способов (ч.3) [7].

Как видно в УК Латвийской Республики используется такой признак, как повторность.

Глава 22 *Уголовного кодекса Польши* (далее – УК Польши) [8] посвящена преступлениям против окружающей среды. Статья 181 УК Польши предусматривает ответственность для тех, кто вызывает уничтожение растительного или животного мира в значительных размерах. Статья 182 УК Польши содержит ответственность за загрязнение воды, воздуха или земли веществом либо веществом с ионизирующим излучением в таком количестве или в таком виде, что это может угрожать жизни или здоровью многих людей или привести к уничтожению растительного или животного мира в значительных размерах. Следует подчеркнуть, что глава 22 УК Польши предусматривает дифференцированную ответственность за совершение экологических преступлений умышлено или по неосторожности. Обязательным условием наступления уголовной ответственности является причинение существенного вреда экологическим интересам общества.

В Уголовном кодексе Швеции [9, с.104-105] (далее – УК Швеции) отсутствует специальная глава об экологических преступлениях. Однако прописаны нормы, направленные на защиту жизни и здоровья человека от отравления или заражения (или что-либо подобного либо иным путем) пищи, воды, от распространения яда или что-либо подобного либо передачи или распространения серьезной болезни. Виновное лицо в этом случае должно быть приговорено к тюремному заключению на срок не более шести лет. Если преступление является тяжким, то должно быть назначено тюремное заключение на срок не менее четырех и не более десяти лет или пожизненно. При определении степени тяжести преступления особое внимание должно быть обращено на то, было ли оно совершено с намерением причинить вред жизни или здоровью другого лица или подвергло опасности нескольких людей.

Кроме того, в статье 8 главы 13 УК Швеции предусматривается ответственность для лица, которое создает опасность для животных или растений посредством яда или передачи либо распространения опасной болезни или вредоносных животных, растений или другими подобными средствами. Наказанием за нарушение данной нормы является штраф или тюремное заключение на срок не более двух лет. Если преступление признано тяжким, то должно быть назначено тюремное заключение на срок от шести месяцев до шести лет.

В 1999 г. в Швеции был принят Экологический кодекс [10, с. 2]. Он содержит ряд новых положений, в том числе:

• общие правила заботливого и бережного отношения к природной среде, распространяющиеся на всех и каждого;

• стандарты качества окружающей среды, устанавливающие допустимые пределы максимального и минимального содержания различных веществ в почве, воде и воздухе, при которых обеспечивается сохранение природной среды.

Экологический кодекс Швеции предписывает также обязательное проведение экологической экспертизы перед осуществлением каких-либо потенциально опасных работ и проектов. Такой подход кодификации экологического законодательства Швеции может быть полезен для совершенствования российского законодательства [11, с. 39–63.].

В Уголовном кодексе Эстонии также не предусмотрена отдельная глава об экологических преступлениях. Однако в гл.7 УК Эстонии содержится ряд статей экологической направленности. Так, ст. 155 УК Эстонии предусматривает ответственности за незаконную порубку леса. В отличие от уголовного законодательства Российской Федерации в одной статье 157 УК Эстонии объединена ответственность за незаконную охоту, незаконную рыбную ловлю и незаконный сбор растений.

В связи с ограниченным объемом настоящей статьи нам не удалось рассмотреть законодательство всех стран Евросоюза.

Таким образом, на основе изучения зарубежного уголовного законодательства можно сделать вывод, что опыт зарубежных стран может быть использован при совершенствовании российского законодательства.

Так, особого внимания заслуживают некоторые положения иностранного законодательства: 1) наличие Экологического кодекса (Швеция); 2) установление повышенной ответственности за браконьерство для лиц, незаконно пересекающих Государственную границу (УК Болгарии); 3) последующие исследования необходимо проводить с учетом опыта зарубежных государств в области охраны окружающей среды и животного мира.

Список использованной литературы:

1. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: Основные институты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 3.
2. Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. А. В. Серебренникова. М.: Зеркало-М., 2001. С. 82.
3. Уголовный кодекс Бельгии. Перевод с французского / Пер.: Мачковский Г.И.; науч. ред. и предисл.: Мацнев Н.И. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 336.
4. Уголовный кодекс Республики Болгария / научн. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 177–178.
5. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии // Юридическая Россия Федеральный правовой портал (Эл. ресурс) http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID =1242733 (дата обращения 05.09.2014)
6. Уголовный кодекс Дании // Юридическая Россия Федеральный правовой портал (Эл. ресурс) http://law.edu.ru/norm/norm. asp?normID =1242733 (дата обращения 10.08.2014)
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 8 июля 1998 года ; введен в действие с 1 апреля 1999 года // Юридическая Россия Федеральный правовой портал (Эл. ресурс) http://law.edu.ru/norm/ norm.asp?normID=1243424&subID=100106935,100106943,100106958,100107053#text (Дата обращения 10.08.2014)
8. Уголовный кодекс Польши // Юридическая Россия Федеральный правовой портал (Эл. ресурс) http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID =1246817&subID=100110056,100110058#text (дата обращения 05.09.2014)
9. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев; пер. с швец. С.С. Беляева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 104-105
10. Экологическое законодательство Швеции // Инфобюллетень Окружающая среда. 2008. сентябрь. С. 2.
11. Браташова Н.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 39–63.

Устьянцева О.В.,
к.ю.н., доцент кафедры таможенного,
административного и финансового права
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Обеспечение конституционных экологических прав личности, сопряженные с иными важнейшими конституционными правами, и прежде всего это право на жизнь, свободное развитие личности в условиях достойной жизни, приобретает неустойчивый и проблемный характер под воздействием массивного комплекса накопившихся и возникающих экологических проблем. Их решение связано с эффективной деятельностью государства, конституционной обязанностью которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. В конечном итоге это влияет на обеспечение экологической безопасности.

В современных условиях обеспечение экологической безопасности постепенно выходит за рамки государственной политики, является составной частью системы обеспечения национальной безопасности, приобретает мировой характер. Поэтому к обеспечению экологической безопасности нужно применять комплекс системных мероприятий, объединяющий правовые, организационные, экономические, политические и идеологические меры. Учет последних, недооценивается в нашей стране должным образом, хотя именно они (идеологические меры) и оказывают конечное влияние на результативный

процесс применения вышеперечисленных мер в системе обеспечения экологической безопасности, т.к. содействуют укреплению высоконравственного, ответственного отношения человека к окружающей среде, являющегося основой для принятия экологически значимых решений.

В п. 85 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что достижение стратегических целей экологической безопасности и рационального природопользования осуществляется путем формирования и реализации долговременной государственной политики, направленной на защиту и воспроизводство природно-экологического потенциала Российской Федерации, повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан [1]. Поэтому к приоритетным государственным направлениям в экологической сфере следует отнести вопросы укрепления экологической культуры населения.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации раскрываются механизмы, обеспечивающие реализацию рассматриваемого направления [2]. Среди них: формирование у всех слоев населения, прежде всего у молодежи, экологически ответственного мировоззрения; государственная поддержка распространения через средства массовой информации сведений экологической и ресурсосберегающей направленности; государственная поддержка деятельности образовательных учреждений, осуществляющих обучение в области охраны окружающей среды; включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания в государственные, федеральные и региональные программы.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» закладывает основы формирования экологической культуры посредством включения экологического образования, экологической подготовки руководителей и специалистов, экологического просвещения [3]. Автором было проведено исследование правовых основ экологической культуры и экологического образования как ее важнейшего элемента, основные положения которого опубликованы в научной статье [4]. Экологическое образование включает в свое содержание не только процесс воспитания, обучения, но и самообразование, саморазвитие индивида, направленное на достижение определенных результатов. Такое понимание экологического образования дает возможность увидеть прямую связь образовательной деятельности с проблемами экологической безопасности.

Система обеспечения экологической безопасности, объединяя правовые, организационные, экономические, политические мероприятия, реализуемые государством, актуализирует усиление идеологического направления, в частности совершенствование основ экологической культуры. Экологическое образование выступает одним из средств идеологических мероприятий в системе обеспечения экологической безопасности, опирается на политику государства по формированию и совершенствованию ценностных конституционно-правовых ориентиров в области гармонизации взаимоотношений человека с окружающей средой.

Список использованной литературы:

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

2. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.) [Электронный ресурс]: СПС «Консультант Плюс» http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=129117 (дата обращения 20 апреля 2016 г.)

3. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 05.04. 2016 г.) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2016. № 15. Ст. 2066.

4. *Устьянцева О.В*. Экологическое образование в системе экологического правопорядка // Гражданин и право. 2010. № 8. С. 42-47.

Францифоров Ю.В.,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса СГЮА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАНИНА И ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конституцией РФ установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы; в том случае, когда международным договором установлены иные требования, чем предусмотрены Законом Российской Федерации, то применяются правила международного договора.

Это требование Основного закона относится и к уголовному процессу, так как общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство (ч.3 ст.1 УПК РФ).

Устанавливая особый статус прав и законных интересов человека и гражданина по отношению к государственным интересам, Конституция РФ повышает роль и ответственность государства в обеспечении прав и свобод личности, поскольку конституционные права личности не могут быть самостоятельно реализованы, а для этого необходимы социально-экономические, политические и правовые гарантии, которые создает государство в лице органов государственной власти и их должностных лиц.

При этом уровень правовых гарантий в уголовном судопроизводстве зависит от достаточности и эффективности действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела (ч.3 ст. 6.1 УПК РФ).

Публичные интересы государства, обусловленные его властными полномочиями, являются гарантией как защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч.1 ст. 6 УПК РФ).

Особенности обеспечения прав и свобод человека и гражданина связаны с необходимостью применения мер принуждения, ограничения конституционных прав и свобод личности, требуют исследования словосочетаний «государственная власть», определения различий между такими носителями прав и свобод как «человек» и «гражданин», а также соотношения понятий «право» и «свобода» в современном уголовном судопроизводстве.

«Власть» – это право и возможность распоряжаться кем-нибудь, подчинять своей воле, а также политическое господство, государственное управление и его органы [15, с. 90]; способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права и насилия [17, с. 230]; властвовать означает - право первенствовать, покорять собою, подчинять себе, право кого-то над кем-то, право распоряжаться, управлять властно; повелевать, господствовать, владычествовать[4 с. 213,386]. Таким образом, власть – это социальное отношение проявляющееся в возможности и праве одного субъекта или группы принимать решения, приобретающие обязательный характер для другого субъекта или группы[3, с. 93].

Властные полномочия государства в лице его государственных органов, связаны с возможностями обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, в основе которых - права и обязанности направленные на принятие от имени государства юридически значимых решений и обеспечение их реализации.

Следует обратить внимание, на тот факт, что государственно-властное полномочие характеризуется тем, что: порядок формирования и деятельности органа, его структура, права и обязанности закрепляются нормами права; орган государства наделен правом издания юридических актов, содержащих обязательные общие и индивидуальные правовые

предписания; установленные этими актами предписания обеспечиваются мерами убеждения, воспитания, поощрения, будучи одновременно с тем охраняемыми от нарушений возможностью применения принудительной силы государства; государственный орган опирается на материальное обеспечение своих предписаний, благодаря возможностей распоряжаться определенной частью средств из государственного бюджета[13, с. 95].

Как правильно пишет К.Ф. Гуценко, государственной властью следует считать возможность и способность народа и государства в лице его органов оказывать воздействие на поведение людей и в целом на процессы, происходящие в обществе с помощью убеждения, принуждения либо иных способов[7, с. 48].

По мнению В.А. Михайлова, государственная власть имеет классовый характер, опирается на специальный аппарат принуждения и распространяется на все население страны; она, то есть государственная власть, означает определенную организацию и деятельность по осуществлению целей и задач этой организации[14, с. 8].

Вместе с тем, особенностью государственно-властного полномочия является возможность и необходимость обеспечения прав и свобод человека и гражданина, обусловленных взаимосвязью государства и права, а также взаимодействием конкретного государственного органа и отдельной личности.

При этом, деятельность государственных органов установлена требованиями Закона. Так, порядок уголовного судопроизводства, регламентированный УПК РФ, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия, органов дознания, а также иных участников уголовного процесса (ч. 2 ст. 1 УПК РФ), деятельность которых основана на принципе охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ).

Вместе с тем, следует обратить внимание на различие между человеком и гражданином в качестве носителей прав и свобод.

В соответствии с Основным Законом, человек является высшей ценностью современной цивилизации, а права и свободы человека принадлежат и гражданину Российской Федерации, и лицу, которое не является ее гражданином, основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17, 19-30, 39-51 Конституция РФ).

По мнению А.В. Малько, "права человека - универсальная категория, представляющая собой вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования личности в обществе"[9, с. 73].

Не смотря на то, что политические права и свободы принадлежат лишь гражданам России (ст. ст. 31 - 33, 59 - 62 Конституция РФ), все же Конституция РФ часто объединяет таких носителей прав как человека и гражданина словами "все равны перед законом и судом" (ст. 19), "каждый имеет право на жилище" (ст. 49), "каждый имеет право на свободу" (ст. 22)", "никто не должен подвергаться пыткам.." (ст. 21).

В уголовном судопроизводстве подозреваемый и обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника и переводчика бесплатно (ст. 46, 47 УПК РФ), независимо от того, являются они гражданами России или нет, поскольку в уголовно-процессуальном законе нет указания на обязательную принадлежность обвиняемого и подозреваемого к гражданству России - для того что иметь права и нести обязанности, необходимо обладать процессуальным статусом участника процесса.

Основанием для назначения защитника, является его ходатайство в качестве подозреваемого или обвиняемого в случаях указанных в ч. 3 ст. 49 УПК, а также в соответствии с требованием с ч. 1 ст. 51 УПК РФ, когда участие защитника в уголовном процессе обязательно. В этом случае, если защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, то дознаватель, следователь или суд обеспечивает участие защитника в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 51 УПК РФ).

Вместе с тем, если понятие "права человека" подчеркивает неотъемлемость прав личности как таковой, невмешательство государства во внутреннюю жизнь человека, то под "правами гражданина" понимается, в первую очередь, неразрывная связь государства как представителя общества со своими гражданами[11, с. 424].

Объем прав и свобод граждан в каждой стране - это всегда некий компромисс, которого удается достичь в данном обществе[6, с. 84].

Так как государство приняло на себя обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, защищать их от незаконного вмешательства либо ограничения, то оно не вправе вмешиваться в общественные отношения и не допускать злоупотреблений правами и свободами, поскольку осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17 Конституции РФ). Однако, признавая права и свободы своих граждан государство определяет их пределы и содержание, поскольку они могут вступать в противоречие с другими правами и свободами, а именно правом собственности и личными свободами, и обязано разрешать эти противоречия в соответствии с требованиями законов Российской Федерации.

При рассмотрении вопроса связанного с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, представляет интерес рассмотрение соотношения понятий «право» и «свобода».

По мнению М.И. Байтина, «право – один из наиболее важных, сложных, полемических вопросов правоведения, неизменно привлекающий к себе внимание человечества, с тех пор, как оно, едва преодолев порог между родовым и классово-организованным обществом, столкнулось с первыми ростками цивилизации» [2, с. 23]. М.М. Розенталь, право определяет как возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни данного класса, его интересами; право оформляется в виде системы норм, правил, установленных или санкционированных государственной властью[18, с. 323].

Так, интерпретация права связана с разделением понятия естественного права, обусловленного обозначением тех ценностей, принципов и прав, которые вытекают из природы человека и не зависят от конкретных социальных условий или государственного строя, и позитивного права, являющегося действующим правом, сложившимся у разных народов в определенной исторической обстановке, которое исходит из целостности и неизменности человеческой природы[8, с. 677].

Говоря о сущность свободы следует заметить, что по С.И.Ожегову свобода – это возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. Свобода есть осознанная необходимость[15, с. 702]. В энциклопедическом словаре свободы – это возможность индивида самому определять свои жизненные цели и нести личную ответственность за результаты своей деятельности[8, с. 752].

Однако, понятие свободы проявляется и в профессиональной деятельности субъекта, находясь в рамках его полномочий. Так, принципом уголовного судопроизводства является свобода оценки доказательств, в соответствии с которым судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Таким образом, анализ статей Конституции РФ и УПК РФ позволяет сделать вывод, что в одном случае законодатель объединяет понятия «право» и «свобода», например в ст. 2 Конституции РФ, определено, что человек, его прав и свободы являются высшей ценностью, в другом акцентирует внимание на праве каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также праве на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (ст. 23 Конституции РФ, ст. 10-13 УПК РФ); подозреваемый и обвиняемый имеют право на защиту (ст. 16 УПК РФ); Основной Закон устанавливает меру свободы каждого на территории Российской Федерации, а именно свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жилища, а также каждому

гарантируется свобода совести, вероисповедания, мысли, слова, искать, получать, передавать и распространять информацию любым законным способом (ст. 27-29 Конституции РФ).

Говоря о соотношении понятий «право» и «свобода» следует обратить внимания на суждения различных ученых. Е.Ю. Алонцева утверждает, что по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны, поскольку они выражают обеспечиваемые государством социальные возможности человека в различных сферах[1, с. 32]. По мнению М.Н. Марченко, нормативно определенные государством свободы личности – это практически те же права гражданина; предоставляя свободы, государство делает акцент именно на свободном, максимально самостоятельном самоопределении человека в некоторых сферах общественной жизни[12, с. 191]. При этом, следует согласиться с позицией профессора В.С.Шадрина, определяющего, что указанные понятия соотносятся между собой лишь как разные стороны одного и того же явления; если акцентировать внимание на свободе, имеется в виду возможность человека распоряжаться собой по своему усмотрению, принадлежать самому себе, что всегда предполагает пределы поведения индивида, обусловленные его преобразованием в человеческом обществе и необходимостью считаться со свободой других людей; когда же речь идет о праве человека, то на первый план выходит объем допустимого поведения индивида, при котором он без умаления его человеческого достоинства может реализовать себя как свободная личность[19, с. 30].

Очевидно, что не может быть принципиального разграничения между правами и свободами человека и гражданина, в том числе участника уголовного судопроизводства, поскольку свобода устанавливает цели лица, связанные с его выбором, а права определяют действия лица в рамках системы норм, установленных государством.

Рассматривая гарантии обеспечения прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание, что эти гарантии связаны с такими конституционными правами и свободами личности, как право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ), на достоинство (ст. 21 Конституции РФ), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. ст. 23 Конституции РФ), право на недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ), право на пользование родным языком и на свободный выбор языка общения (ст. 26 Конституции РФ).

Гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовно-процессуальной деятельности служит глава 2 УПК РФ, в которой закреплены, основанные на Конституции РФ и международных правовых стандартах, основные начала уголовного судопроизводства. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством ими являются следующие принципы уголовного процесса: разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ); законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ); независимость судей (ст. 8.1 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ); состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ); свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ); язык уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ).

Таким образом, обеспечение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве основано на его принципах, поскольку «процессуальные принципы носят императивный, властно-повелительный характер, они содержат обязательные предписания, исполнение которых обеспечивается всем арсеналом правовых средств…, вместе с тем они

выражают демократическую и гуманистическую сущность уголовного процесса, определяют построение всех его процессуальных норм, стадий и институтов и направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством» [5, с. 6,10].

В соответствии со ст. 9 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Требования данной статьи закона служит необходимым ориентиром для обеспечения и соблюдения прав и свобод, установленных в Конституции РФ и международных правовых актах, в которых особое внимание уделяется достоинству личности.

Закон определяет, что даже наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Этим положением закона определяется принцип гуманизма, установленный ст. 7 УК РФ.

Большое значение в обеспечении прав и свобод человека и гражданина имеет рассмотрение такого понятия, как «неприкосновенность», определяющее правовой статус гражданина, а именно: личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища и неприкосновенность частной жизни.

Гарантией обеспечения неприкосновенности являются требования закона определяющие, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований; до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов; суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ (ст. 10 УПК РФ); лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью и применяться по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч.1 ст. 108 УПК РФ).

Как правильно указывает профессор В.М.Корнуков, свобода и личная неприкосновенность означают не только пребывание вне пределов места содержания лиц, заключенных под стражей. Это и недопустимость задержания, личного обыска, освидетельствования, привода и всех других действий стесняющих не только социальную, физическую, но и нравственную свободу личности[10, с. 73].

Гарантией неприкосновенность жилища, производство осмотра, выемки или обыска в жилище следователем лишь с согласия руководителя следственного органа, а дознавателем с согласия прокурора, с обязательным возбуждением перед судом ходатайства о производстве следственного действия, о чем выносится постановление. Таким образом, неприкосновенность жилища гарантирована уголовно-процессуальным законодательством, устанавливающим, что выше перечисленные следственные действия в жилище производятся на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ.

Гарантией обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан, является требования ст. 13 УПК РФ определяющей право личности на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также ст. 51 Конституции РФ, указывающей, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

В числе процессуальных задач, решение которых связано с обеспечением прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовному делу, лежат задачи доказывания, состоящие в собирании, проверки и оценки доказательств, в целях установления обстоятельств предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Вместе с тем, в самой процедуре доказывания, особое значение отводится следственным действиям, в ходе которых могут быть ограничены или нарушены конституционные права и свободы личности.

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина при производстве следственных действий обусловлено особыми требованиями уголовно-процессуального закона и других нормативных документов, предписывающие, не позволять производство следственных действий, требующих вынесения судебного решения, без его получения, кроме случаев, не терпящих отлагательства, когда: а) необходимо реализовать меры по предотвращению, пресечению преступления, закреплению его следов; б) фактические основания для производства указанных следственных действий появились в ходе осмотра, обыска и выемки в другом месте; в) промедление с их производством позволит подозреваемому скрыться; г) неотложность их проведения обусловлена обстановкой только что совершенного преступления; д) возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия искомых объектов; е) имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производятся какие-либо следственные действия, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела[16].

Таким образом, права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве играют первостепенную роль. Так, уголовно-процессуальное законодательство РФ указывает три аспекта ее проявления: 1) они, в соответствии со ст. 11 УПК РФ, выступают в качестве принципа уголовного процесса; 2) они, определяют необходимость соблюдения законности при производстве по уголовному делу, устанавливая, что суд прокурор, следователь, орган дознания не вправе применять закон противоречащий кодексу, обеспечивая защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; 3) они связаны с обеспечением правового статуса участников уголовного судопроизводства.

Взаимодействие между государственными органами в лице суда, прокурора, следователем и такими участниками процесса, которые не обладают властными полномочиями, основываются на соблюдении процессуальной формы, соответствующей требованию Закона и не противоречащей соблюдению прав, свобод и обязанностей, образующих правовой статус человека и гражданина.

Права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве - это условия его нормальной жизнедеятельности, правила, которыми он может свободно руководствоваться, поскольку в них определена мера должного, возможного поведения человека и такая мера свободы, которая позволяет совмещать ее со свободой других лиц.

Список использованной литературы:

1. Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда. М.: Изд-во юрлитинформ, 2008. с.32.
2. Байтин М.И. Сущность права. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. С.23.
3. Большая юридическая энциклопедия. М.: Изд-во Эксмо. 2007. С. 93.
4. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т.1. С. 213, 386.
5. Громов Н.А., Францифоров Ю.В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и судов. Основные начала. М.: Изд-во ПРИОР, 2000. С. 6, 10.
6. Гурлев В.В., Гурлев А.В. Социальное государство и общество. СПб., 2002. С. 84.
7. Гуценко К.Ф. Судебная власть, ее понятие и соотношение с другими ветвями государственной власти//Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М.: Зерцало, 2010. С.48.
8. Ивин А.А.Философия: Энциклопедический словарь/Под ред. А.А.Ивина. М.: Гардарики, 2004. С.677.

9. Конституционное право России в вопросах и ответах. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.В. Малько. М., 2003. С. 73.
10. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности, в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 146-147.
11. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 424.
12. Марченко М.Н. Теория государства и права//Под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1996. С.191.
13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 1997.С.95.
14. Михайлов В.А. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2010.С.8.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1990. С.90.
16. Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 "Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации".
17. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1990. С.230
18. Розенталь М.М. Философский словарь. М.: Изд-во Политической литературы. 1975. С.323.
19. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С.30.

Шошин С.В.,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного, экологического
права и криминологии СГУ им. Н.Г.Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Наличие весьма разнообразных и многочисленных проблемных моментов, сопутствующих современному российскому уголовному праву, предопределяет некоторые перспективы его дальнейшего совершенствования. Для начала неплохо было бы сформулировать и принять на законодательном уровне единую и доступную для понимания всех представителей (как минимум) российского электората концепцию развития уголовного законодательства на период ближайших 10-20 лет. После опубликования подобного официального документа многим исследователям станут очевидными приоритеты, провозглашаемые российским законодателем при совершенствовании национального отечественного уголовного права. Каких-либо значительных материальных затрат создание, принятие и официальное опубликование такой концепции – не требует. Большого периода времени на ее разработку, принимая во внимание наличие на территории современной РФ значительного числа специалистов высшей квалификации, занимающихся вопросами уголовного права, также не потребуется. Одним из потенциально возможных вариантов решения данной проблемы может быть объявление соответствующего конкурса на предоставление гранта по итогам такой разработки проекта. Кроме того, широкое научное обсуждение как прежде создававшихся проектов такой концепции, так и (возможно) проектов, созданных позднее, произведет только благополучное впечатление на полученный при этом результат. Да и собственно обсуждение широкими массами электората в процессе общественного обсуждения указанных проектов (или – проекта) может быть лишь положительно оценено.

От глобально-концептуальной проблемы теперь можно перейти к другой, на первый взгляд, менее значимой, проблеме источников современного российского национального права. Следуя содержанию части 1 статьи 1 УК РФ, источником современного российского уголовного законодательства является лишь действующий сегодня УК РФ. Из содержания части 2 статьи 1 УК РФ можно сделать вывод о том, что сегодняшнее российское уголовное законодательство основывается на нормах действующей Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Действующие в настоящее время редакции УК РФ и Конституции РФ – свободно доступны в сети Интернет. Например, они размещены на сайтах «КонсультантПлюс» и «Гарант». Значительно сложнее складывается

ситуация с общепризнанными принципами и нормами международного права. Какого-либо их единого и кодифицированного (специально для российской национальной правоприменительной практики) сборника (издания) сейчас – не существует. Вероятность появления подобного кодифицированного документа в будущем, на наш взгляд, является минимальной. Хотя, теоретически, ее не стоит полностью исключать из внимания национальных исследователей указанной проблематики.

На протяжении нескольких десятилетий многочисленным российским (и, соответственно, иным советским) исследователям казались стабильными и однозначно трактуемыми общепризнанные принципы и нормы международного права. Однако, в современных условиях, под воздействием многочисленных проявлений процессов глобализации, данные общепризнанные принципы и нормы международного права оказываются сегодня сопровождаемыми некоторыми проблемными моментами. Не все такие проблемные аспекты логично укладываются в мифологемы прошлого. Иногда, для качественного их анализа, оказывается интересным преодолеть тяжесть отдельных догм прошлых лет, встречающихся, порой и сегодня в научных трудах российских авторов. Можно согласиться с мнением Чумакова А.Н., утверждавшего, что механизмов управления, которые были бы адекватными целостности, складывающейся в мировом сообществе под воздействием процессов глобализации, сегодня не существует [1, с. 4].

Анализируемая категория общепризнанных принципов и норм международного права оказалась свойственна исключительно трудам ученых некоторых постсоветских государств. Сегодняшние реалии общественной жизни наглядно иллюстрируют нам очевидное смещение стереотипов исследователей. Сейчас сложно убедить всех представителей научной общественности, даже на российской территории, в наличии множества единых для всех субъектов международного права принципов и норм этого самого международного права.

Даже для профессиональных специалистов в области международного права сегодня довольно сложно ответить на вопрос, сколько именно сегодня в мире имеется субъектов международного права. Государства и территории – создаются и трансформируются, меняются органы власти и управления в них. Не все вновь созданные тем или иным образом органы управления на некоторых территориях оказываются в данный конкретный момент официально признанными всеми другими странами и территориями, являющимися безусловными субъектами международного права. Соответственно, крайне сложно определить, сколько стран (территорий) должно признать каждую конкретную норму международного права, каждый называемый прежде общепризнанным принцип международного права. В целом ряде стран мира вовсе отсутствует писаное законодательство. Иногда его вполне заменяет в данных государствах Коран. В таких случаях также не всегда легко быстро и однозначно сделать категорический вывод о том, можно ли отнести некий принцип и некую индивидуально определенную норму международного права к числу традиционно выделявшихся прежде общепризнанных. Изложенное нами выше обстоятельство не означает констатации отказа какого-либо из таких государств (территорий) вовсе от признания соответствующей нормы международного права и (или) принципа международного права. Нельзя полностью исключать, что, впоследствии, приобретя некоторый опыт в качестве полноценного субъекта международного права, такая страна (территория) признает такой принцип или такую норму международного права. Однако, полной гарантии этого дать не может никто. Да и определить с любой точностью, сколько именно времени может потребоваться для подобного признания, также крайне сложно.

С другой стороны, сегодня сложно составить однозначно сформулированный исчерпывающий перечень общепризнанных принципов и норм международного права. Возлагать при этом на заинтересованное физическое лицо обязанность самостоятельно выяснять у всех без исключения субъектов международного права, признают ли они данную конкретную норму и (или) принцип международного права:

- во-первых, довольно сложно;
- во-вторых, весьма трудоемко и требует значительных материальных затрат;

- в-третьих, полученный в результате такого выяснения конкретный результат довольно легко оспорить (одной из причин такой дискредитации полученного результата может стать сомнение в том, что подобному «анкетированию» оказались подвергнуты надлежащие субъекты, правомочные (компетентные) давать такие оценки).

Интересно также, что смена власти в каком-либо конкретном государстве (территории), сопровождающаяся некоей корректировкой отношения новых органов власти (управления), контролирующих данную территорию, также сможет (при иных необходимых условиях) способствовать возникновению сомнений в обоснованности отнесения конкретной нормы и (или) принципа международного права к числу общепризнанных. Обширная практика актов, вынесенных Международным уголовным Судом (МУС), довольно красноречиво подтверждает данную точку зрения. Характерно, что Устав МУС так до сего дня Российской Федерацией и не признан (не ратифицирован). Один только данный факт довольно красноречиво говорит о проблематике, присущей толкованию общепризнанных принципов и норм международного права. Хотя, порой, в России и раздаются голоса, критически относящиеся к практике деятельности МУС и итогам его работы по рассмотрению конкретных дел, тем не менее, открытого и официального игнорирования (на государственном уровне) результатов его международной деятельности практике российской международно-правовой политики пока не свойственно.

Нам интересно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [2, с.1].

В качестве общепризнанных принципов и норм международного права п. 1 ч. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №8 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 №9) ссылается на тексты международных пактов, конвенций и иных документов. В качестве примеров, в частности, названы: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Весьма характерно, что данный перечень документов – является открытым в тексте указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Следуя определению общепризнанных принципов международного права, сформулированному в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003 года [3, с. 1], можно отнести к ним соответствующие основополагающие императивные нормы международного права, которые международное сообщество государств – принимает и, в целом, признавая, отклонение от которых считает недопустимым. В качестве примеров общепризнанных принципов международного права в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003 г. названы: принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. В п. 6 ч. 1 этого же Постановления Пленума Верховного Суда РФ его авторами дано определение общепризнанной нормы международного права. Под ней данные авторы понимают правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств. Признаваться оно должно при этом в целом, одновременно выступая в качестве юридически обязательного правила поведения.

В частности, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Статья 10 содержит следующее положение: «При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной». Или например, существует ряд международно-правовых актов, которые ратифицированы Российской Федерацией, содержащих рекомендации по установлению в национальном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления. [4]

Иной проблемной стороной трактовки общепризнанных принципов и норм международного права можно назвать особенность влияния на них фактора времени. Подход к изучению и, соответственно, реализации в практике государственного строительства, в

частности, РФ, общепризнанных принципов и норм международного права разительно отличался от подхода и реализации их ее предшественниками.

Возможно, в будущем, учеными будет разработана некая востребованная мировым сообществом категория, способная занять место сегодняшних общепризнанных норм и принципов международного права. Не стоит исключать вероятность, что ее автором окажется российский ученый.

Изложенный выше анализ некоторых проблемных моментов современного российского уголовного законодательства не является исчерпывающим их исследованием. И, соответственно, предлагаемые автором решения сложившихся проблем, также не могут являться исчерпывающими вариантами их решения. Как затронутые спорные вопросы, так и многие иные сложности, связанные с трактовкой российского уголовного права, вполне способны привлечь внимание научных исследователей в будущем.

Список использованной литературы:

1. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления//Век глобализации. №2. – Волгоград, 2010. С. 4.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 г. №9)// Росс. газ., №247. 28.12.1995.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003 г. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2015 №4) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»// Росс. газ., №244. 02.12.2003.

Шошин С.В.,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного, экологического
права и криминологии СГУ им. Н.Г.Чернышевского

НОВАЦИИ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ПО ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вероятно, современная Российская Федерация является одной из немногих стран мира, в которых действующий УК (РФ) является де-факто источником предпринимательского права. При внимательном изучении указанной проблемы, возможно, что УК РФ и де-юре окажется таковым. Компанию правовой системе Российской Федерации в этом сегменте вполне способна составить, наверное, лишь Северная Корея. По нашему субъективному мнению сейчас мы наблюдаем избыточное уголовно-правовое регулирование хозяйственной (предпринимательской) деятельности в России.

В результате компаративистского исследования уголовного права сегодняшней России и многих иностранных государств мира становится возможным сделать вывод об актуальности целенаправленной деятельности по декриминализации законодательной регламентации предпринимательской деятельности, осуществляемой российскими предпринимателями. Особенно важной здесь является потребность в декриминализации многочисленных проявлений предпринимательской деятельности, реализованных на территории Российской Федерации. К сожалению, какой либо программы или концепции, нацеленной на либерализацию данного сегмента российского национального уголовного законодательства в современной России – не имеется.

Вместе с тем, наивно было бы предполагать, что в иностранных государствах категории уголовного права вовсе не распространяются на предпринимательскую деятельность. Например, закон РИКО в США провозглашает преступлением ростовщичество, сопряженное с так называемым «акульим» промыслом [1, с. 890].

Условное обозначение наименования закона РИКО трансформируется от английского RICO: Racketeer-Influenced and Corrupt Organization Act. При этом практика применения данного федерального закона в США базируется на широкой трактовке определяемого данным актом «рэкетирского образа действий». Лимитированный объем максимально возможной величины размера данной работы, к сожалению, не позволяют с достаточной тщательностью и вниманием проследить отличия законодательного регулирования по закону РИКО от современного российского национального уголовного правового регулирования похожих сфер общественных отношений.

При условной трансформации положений закона РИКО на современную российскую практику предпринимательства сущность правовой регламентации деятельности многих финансовых (в том числе – банковских) организаций станет ярко выражено криминальной. И, при этом, практике мировой науки до настоящего времени не известно ни единственного прецедента, когда бы автор считал свободу предпринимательской деятельности на российской территории заведомо большей, нежели чем на территории США. Возможно, это является временной ситуацией. В принципе, нельзя исключить и вероятность корректировки подобной практики нормативно-правовой регуляции общественных отношений, складывающихся по поводу осуществления предпринимательской деятельности, в будущем. Степень отдаленности такого фантастического будущего может рассматриваться весьма вариативно.

Российский законодатель в последнее время предпринимает определенные попытки по устранению уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности и по снижению мер наказания за соответствующие деликты. Например, декриминализирована норма ст. 188 УК РФ, устанавливавшая уголовную ответственность за контрабанду. С одной стороны, подобный ход российского национального законодателя заслуживает полного одобрения. Однако, спустя сравнительно небольшой период времени была введена уголовная ответственность по ст. 200.2 УК РФ за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Немного ранее была установлена уголовная ответственность по ст. 200.1 УК РФ за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Особого внимания заслуживает и вклад, внесенный Конституционным Судом России в процесс декриминализации деятельности хозяйствующих субъектов. Ставшая своеобразной «легендой» российского национального уголовного законодательства статья 159.4 УК РФ прежде устанавливала уголовную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Ее содержание и особенности применения на практике вызывали множественные споры среди отечественных практикующих юристов. Даже с теоретической точки зрения сложно было согласиться с правомерностью и обоснованностью существования такой законодательной нормы (конструкции), в которой за квалифицированный состав мошенничества устанавливается значительно меньшая величина максимально возможного наказания. В результате, Постановлением Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 №32-П статья 159.4 УК РФ – утратила силу [2, с. 1]. Получается очень интересная ситуация: на первый взгляд, имеет место несомненная декриминализация уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. При этом, конечно, можно вести продолжительные споры о том, имеет ли право Конституционный Суд РФ самостоятельно, без участия в этом процессе национального законодателя, осуществлять подобную декриминализацию. Результат – очевиден. Уголовная ответственность, предусматривавшаяся в ст. 159.4 УК РФ за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности – декриминализирована. Конституционный Суд РФ в указанном выше своем Постановлении поставил окончательную точку в данном вопросе.

С другой стороны, осталась уголовная ответственность, установленная в ст. 159 УК РФ за мошенничество (как простое, так и квалифицированное и особо квалифицированное). Тем самым, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, формально (на первый взгляд) ставшее декриминализированным указанным выше Постановлением Конституционного Суда РФ, фактически стало подлежать квалификации по статье УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершение более тяжкого уголовного

деликта. Отдельного самостоятельного (в дальнейшем) анализа заслуживают правовые проблемы, связанные с судебным рассмотрением уголовных дел по обвинению лиц, совершивших деликты, предусмотренные действовавшей прежде ст. 159.4 УК РФ в период ее декриминализации. Суд теперь не имеет права выносить обвинительный приговор по статье, утратившей силу в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ. И, в то же время, суд не вправе переквалифицировать действия подсудимого самостоятельно на иную статью УК РФ, заведомо предусматривающую уголовное наказание в большем размере, чем это было квалифицировано предварительным следствием. Можно предположить, что уголовные дела в подобных ситуациях окажутся прекращенными. Спорной и весьма неоднозначной можно назвать степень законности подобной деятельности по квалификации.

Парадоксальной ситуация является еще и по причине наличия уголовной ответственности за совершения деликтов, аналогичных российской формулировке «мошенничества в сфере предпринимательской деятельности», в действующем сегодня УК Швеции. В Главе 10 УК Швеции в статьях 1-10 содержится весьма подробный и разнообразный перечень наказуемых по шведскому национальному уголовному законодательству таких деликтов [3, с. 40].

Однозначно положительно надлежит оценить и устранение уголовной ответственности по ст. 173 УК РФ за лжепредпринимательство. Свобода предпринимательской деятельности не может допустить существование подобных уголовно-правовых ограничений. Соответствие используемых предпринимателями алгоритмов своей деятельности с морально-этическими нормами должно находиться вне пределов уголовно-правовой плоскости.

Интерес при анализе декриминализации предпринимательской деятельности представляет и вступающая в силу с 12 мая 2016 года норма УК РФ, сформулированная в статье 200.3. С этого времени становится уголовно наказуемым как неквалифицированное нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, так и его квалифицированные составы. Формально, максимальный размер уголовного наказания по части 4 статьи 159 УК РФ больше, чем максимальный размер уголовного наказания по статье 200.3 УК РФ. Следовательно, имеет место некоторое снижение величины потенциально возможной ответственности за преступные манипуляции с денежными средствами дольщиков (застройщиков) в сфере капитального строительства. Старательно дистанцируясь от возможности установления уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, законодатель вновь, фактически, установил тем самым норму об еще одном составе квалифицированного мошенничества. Применительно к содержанию статьи 200.3 УК РФ логическим продолжением было бы введение института уголовной ответственности юридических лиц в отечественное уголовно-правовое поле. Обращает также на себя внимание и то обстоятельство, что российский законодатель не стал де-юре формулировать состав преступления, предусмотренный в статье 200.3 УК РФ как квалифицированное (или – особо квалифицированное) мошенничество. Можно предположить, что уже действующих составов квалифицированного мошенничества законодателю оказалось достаточным. Остается надеяться, что перспектива существования новой уголовно-правовой нормы, содержащейся в статье 200.3 УК РФ, не повторит судьбу ст. 159.4 УК РФ.

Следующим претендентом на потенциально возможное устранение уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности можно назвать статью 193 УК РФ. Данная статья устанавливает ответственность за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации. В перспективе, по нашему субъективному мнению, свобода перемещения денежных средств через государственные границы должна стать реальной. На смену сегодняшнему уголовно-правовому запрету перемещения через государственную границу денежных средств в любой валюте должны прийти более благоприятные экономические условия, которые могут сформироваться в российской экономике. Таким же образом заслуживает стать достоянием сугубо истории развития отечественного уголовного законодательства и статьи 171 и 172 УК

РФ. По сути, устанавливаемые ими составы преступлений (незаконного предпринимательства и незаконной банковской деятельности) дублируют ответственность за уклонение от уплаты налогов. Как один из вариантов промежуточного решения подобной проблемы можно указать установление квалифицированного состава уклонения от уплаты налогов, совершенного при осуществлении предпринимательской деятельности без надлежащей регистрации и при незаконной банковской деятельности. Государство в лице его контролирующих органов должно в конечном итоге создать условия, при которых лицо, желающее осуществлять предпринимательскую деятельность, будет заинтересовано в ее регистрации. В самом крайнем случае можно допустить существование нормы статьи 14.1 КоАП РФ об административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без необходимой государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии). Статьи 15.25 и некоторые другие в КоАП РФ вполне способны надлежащим образом осуществить регулирование общественных отношений, сегодня формально составляющих состав незаконной банковской деятельности. Статьи 198 и 199 УК РФ вполне заслуживают внесения в них соответствующих изменений. Для правильного и оптимального решения данной проблемы весьма востребованным может оказаться комплексное философское, политологическое, экономическое и статистическое исследование. Значительный по ресурсный потенциал российского уголовного законодательства вполне заслуживает перемещения ориентиров применения на более актуальные, нежели ценности предпринимательской деятельности. Экономические отношения, бизнес идеи и концепции лучше и результативнее могут быть урегулированы методами экономики, методами гражданского и связанных с ним отраслей права. Подобные ориентиры вполне заслуживают фиксации в соответствующей программе развития российского национального уголовного законодательства (конечно, при условии разработки и принятия таковой программы).

Список использованной литературы:

1. Бернам У. Правовая система США. 3-й вып. Науч. ред. Власихин В.А.- М.: Новая юстиция, 2007. 1212с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа"// "Росс. газ.", N 293, 24.12.2014.
3. Уголовный кодекс Швеции. Перевод с английского УК Швеции по состоянию на 1 мая 1999 г. С.С.Беляева.- М.: МГУ, 2000. 168с.

Айтмухаметова Л.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Власова Е.Л.,
к.х.н. доцент
кафедры таможенного, административного
и финансового права СГУ им. Н.Г.Чернышевского

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

В соответствии с Докладом Управления ООН (УНП ООН) по наркотикам и преступности новые психоактивные вещества представляют собой весьма неоднородную группу веществ, количество которых в том или ином виде продолжает увеличиваться в каждом регионе мира. По состоянию на октябрь 2015 года УНП ООН было зарегистрировано 602 конкретных новых психоактивных вещества, что на 55 процентов больше по сравнению с прошлым годом. Опасность такого распространения обуславливается тем, что такие вещества создают особые проблемы по противодействию им в силу возможности получения

преступниками их различных модификаций в целях обхода существующего законодательства, а также тем, что отсутствуют знания об их последствиях для здоровья. Известно лишь, что некоторые из этих веществ обладают сильнейшими отравляющими свойствами[1].

В Российской Федерации уголовная ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ была введена статьей 234.1 Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ[2] в связи сучастившимися случаями смертей среди молодых людей от курительных смесей(спайсов). Столь поспешное введение уголовной ответственности, по мнению Э.Н. Жевлакова, создаст множество вопросов практического характера и увеличит уровень коррупциогенности в обществе[3].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, являются новые потенциально опасные психоактивные вещества (НПОПВ). Согласно положениям Федерального закона от 9 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в редакции от 03.02.2015 г.) (далее ФЗ-№3 от 03.02.2015) ими признаются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещен (Реестр)[4]. В соответствии со ст. 2.2 ФЗ-№3 от 03.02.2015в Реестр включаются вещества, которые способны вызывать у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом.

Между тем возникает вопрос об отграничении этих веществ от иных психоактивных веществ, а также от аналогов наркотических средств (НС) и психотропных веществ (ПВ). Психоактивными веществами по сути могут быть любые вещества, способные оказывать влияние на психику человека. Согласно ФЗ-№3 от 09.01.1998 г. под аналогами следует понимать запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень НС, ПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и со свойствами НС и ПВ, психоактивное действие которых они воспроизводят. По мнению Э.Н. Жевлаковаочень трудно разграничить данные вещества, так как само определение аналогов на практике вызывает определённые трудности. Исходя из определения НПОПВ сюда относят только вещества синтетического или естественного происхождения и не относятся растения, природные материалы и препараты.

Отмечается, что регламентируемые законодателем НПОПВ отличаются от других наркотиков тем, что они непосредственно включены в Реестр, а «известные» наркотики – в соответствующие Перечни наркотиков. Согласно ч. 10 ст. 2.2 ФЗ-№3 от 03.02.2015НПОПВ можно исключить из Реестра решением ФСКН после установления в отношении этого вещества санитарно-эпидемиологических требований либо мер контроля за его оборотом не позднее двух лет со дня включения такого вещества в Реестр. На наш взгляд, данная формулировка не совсем корректна. Так, законодатель предусматривает обязательное требование об исключении вещества из Реестра по истечении двух лет. Тогда становится непонятной дальнейшая судьба этого вещества. Если вещество исключат из Реестра, оно перестает быть предметом преступления ст. 234.1 УК РФ, но оно ведь не утрачивает опасных свойств для организма. Если его внесут в соответствующий Перечень НС и ПВ, тогда возникнет вопрос о несправедливом назначении наказания лицам, привлеченным к уголовной ответственности за незаконный оборот одного и того же вещества, но в разное время: когда оно значилось в Реестре, и когда было исключено из него. Возможно, в этом случае будет действовать обратная сила уголовного закона, в силу которой закон, смягчающий положение виновного, имеет обратную силу.

Стоит также отметить, что по ст. 234.1 УК РФ не учитывается размер вещества. При наличии обратной силы уголовного закона деяние по некоторым составам не будет предусматривать уголовную ответственность, и тогда лицо будет нести административную ответственность. Это на наш взгляд требует доработки.

Стоит отметить, что с введением статьи в УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный оборот НПОПВ, перед судами возник вопрос о правильной квалификации совершенных общественно-опасных деяний лицами при определении предмета совершения преступления. Кроме того, сейчас отмечается увеличение числа апелляционных жалоб осужденных, ходатайствующих о пересмотре решения суда и смягчении наказания. Приведем в пример одно из рассмотренных дел. Так, по делу № 22и-615/2015 Орловского областного суда Дмитриева Н.А. обратилась в суд с ходатайством о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом в связи с введением в действие Федерального закона № 7-ФЗ от 03.02.2015. Просила переквалифицировать ее действия с п. «г» ч. 4 ст. 228.1на ст. 234.1 УК РФ и назначить наказание в виде штрафа. В апелляционной жалобе она обращает внимание, что осуждена за действия, связанные с незаконным оборотом курительных смесей «спайсов». Состав смесей, ставших предметом преступления, «имеет равнозначную позицию» с составом курительной смеси, внесенной в перечень наркотических средств и психотропных веществ Постановлением Правительства РФ от 27.02.2015 № 174. Между тем, суд постановил решение суда оставить без изменения, мотивировав отказ тем, что Реестр НПОПВ не сформирован, наркотическое средство, ставшее предметом преступления, за которое Дмитриева Н.А. осуждена судом, не является НПОПВ[5].

Объективная сторона выражается в незаконном обороте НПОПВ, под которым понимается незаконные производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, а также ввоз и вывоз этих веществ. Стоит отметить, что порядок ввоза и вывоза также еще не регламентирован, что, соответственно, также требует установления определённых правил перевозки этих веществ. Неясно и то, будет ли эта перевозка рассматриваться как ввоз-вывоз при наличии разрешения, но с нарушением установленных правил, или же как контрабанда. Исходя из этого, возможно необходимо дополнить статьи 228.2, 229.1 УК РФ. Необходимо дополнить ст. 229 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за незаконное ранение НПОПВ, ст. 230 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; ст. 232 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за организацию и содержание притонов, где происходит потребление наркотиков.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Между тем, представляется внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, и понизить возраст уголовной ответственности по ст. 234.1 УК РФ, так как распространение спайсов характеризуется среди лиц, младше 16 лет[6].

Многие исследователи также указывают на необходимость внесения изменений в Общую часть УК РФ. Так, например, Я.С. Карпов предлагает к отягчающим обстоятельствам по ст. 63 УК РФ включить условие о совершении преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением НПОПВ, хотя в ч 1.1 этой статьи предусматривается условие о совершении преступления под воздействием НС, ПВ и других одурманивающих веществ[7]. По мнению В.В. Зиновьева предлагается дополнить ст. 23 УК РФ; ч. 3 ст. 79 УК РФ, согласно которой условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным не менее трех четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 и 210 УК РФ. По аналогии с Примечанием к ст. 228 УК РФ следует аналогичным образом предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших НПОПВ, что обеспечит равенство их правового статуса в уголовном законодательстве по отношению к лицам, добровольно сдавшим НС, ПВ и т.п.В диспозиции ст. 72.1 УК РФ помимо лиц, больных наркоманией, которым при назначении основного наказания может быть назначено соответствующее лечение, необходимо предусмотреть и лиц, потребляющих НПОПВ. В ч. 5 ст. 73 УК РФ расширить

полномочия суда по назначению лицам, употребляющим НПОПВ, пройти курс лечения от наркоманиии (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию. И наконец, действие норм ст. 82.1 УК РФ, предоставляющих возможность получения отсрочки.

Таким образом, проблема борьбы с новыми потенциально опасными психоактивными веществами представляет собой одно из главных направлений борьбы государства по обеспечению антинаркотической защищенности населения. Введение уголовной ответственности по ст. 234.1 в УК РФ, с одной стороны, было вызвано определенными причинами, требовавшими немедленного разрешения государством проблемы смертности населения от данных веществ, но, с другой стороны, поспешность внесения изменений в УК РФ может вызвать определенные проблемы квалификации противоправных деяний на практике.

На международном уровне УНП ООН введен в действие проект “Ион” (международные операции в отношении новых психоактивных веществ), для обмена информацией в режиме реального времени о случаях, связанных с новыми психоактивными веществами, а также контроля со стороны властей соответствующих стран с целью оказания помощи в проведении расследований и разработки практических решений, направленных на предупреждение попадания этих веществ на потребительский рынок. В результате этого в соответствии с рекомендациями Комитета экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по лекарственной зависимости, были взяты под международный контроль 10 следующих новых психоактивных веществ: синтетический опиоид АН-7921 был включен в Список I Конвенции 1961 года; 25B-NBOMe (2C-B-NBOMe), 25C-NBOMe (2C-C-NBOMe) и 25I-NBOMe (2C-INBOMe) были включены в Список I Конвенции 1971 года; и N-бензилпиперазин (БЗП), JWH-018, АМ-2201, 3,4-метилендиоксипировалерона (МДПВ), мефедрон (4-метилметкатинон) и метилон (бетакето МДМА) были добавлены к Списку II Конвенции 1971 года.

На своей пятьдесят восьмой сессии УНП ООН приняла резолюцию о содействии принятию мер по защите молодежи и детей с уделением особого внимания незаконной продаже и приобретению через Интернетновых психоактивных веществ (резолюция 58/3 Комиссии) и резолюцию о развитии международного сотрудничества в реагировании на проблему новых психоактивных веществ (резолюция 58/11 Комиссии). В Бангкоке 21–24 апреля 2015 года, в работе которой участвовали примерно 200 экспертов из 37 стран и девяти международных организаций, был принят итоговый документ под названием “Предлагаемые меры борьбы со злоупотреблением включенными и не включенными в списки конвенций прекурсорами и новыми психоактивными веществами”.

Список использованной литературы:

1. Зиновьев В.В. О необходимости совершенствования уголовного законодательства в связи с принятием статьи 2341 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 21-25.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 6. Ст. 885.
3. Жевлаков Э.Н. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 104-111.
4. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219; 2015. № 29 (часть I). Ст. 4388.
5. Решение по делу № 22-615/2015 Орловского областного суда (Орловская область) // РосПравосудие [сайт] URL: https://rospravosudie.com/court-orlovskij-oblastnoj-sud-orlovskaya-oblast-s/act-491083124/ (дата обращения: 17.04.2016)
6. Жевлаков Э.Н. О сложностях применения ст. 234.1 УК РФ // Уголовное право. 2015. N 6. С. 10 - 15.
7. Карпов Я.С. Дизайнерские наркотики и новые прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ: вопросы правового статуса / Я.С. Карпов // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 35–37.

Аграшенкова А.Д.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Власова Е.Л.,
к.х.н. доцент
кафедры таможенного, административного
и финансового права СГУ им. Н.Г.Чернышевского

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

На современном этапе развития российского общества существенной угрозой антинаркотической и общественной безопасности является появление и распространение новых видов синтетических психоактивных веществ. Повышение спроса и предложения новых психоактивных веществ на наркорынке привело к значительному увеличению количества фактов отравления граждан курительными смесями («спайсами»).

Массовые отравления и смертельные исходы, связанные с употреблением ранее неизвестных веществ синтетического происхождения, привели к необходимости законодательного регулирования общественных отношений в сфере оборота таких веществ. Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в действующее законодательство внесен ряд изменений, направленных на расширение возможностей правоохранительных органов по борьбе с бесконтрольным распространением новых потенциально опасных психоактивных веществ [3,с.1]. В частности, Уголовный кодекс России дополнен ст. 234.1, устанавливающей ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом новых потенциально опасных веществ, в целях сбыта, а равно их сбыт [1,с.152].

Вместе с тем законодателем оставлена без должного внимания юридическая оценка действий по склонению к потреблению таких веществ. В России употребляют различные вещества психоактивного действия в основном молодежь, т. е. лица, обучающиеся в школах, училищах, вузах. Однако употребление психоактивных веществ представляет одинаковую опасность для жизни и здоровья как несовершеннолетних лиц, так и взрослых.

Большая часть психоактивных веществ (в том числе наркотические средства и психотропные вещества, обычно именуемые обобщённо как наркотики) в случае немедицинского употребления формирует болезненное пристрастие к ним, ведёт к поражению мозга и такой психической и физической зависимости, при которой жизнедеятельность организма поддерживается только при условии постоянного (как правило, всё увеличивающегося) приёма этих веществ и, как следствие, к разрушающим организм и личность человека заболеваниям (наркомании и токсикомании), принимающим характер эпидемии.

В Российской Федерации незаконное потребление наркотиков также получило широкое распространение. Так, в органах здравоохранения состоит на учёте уже более 650 тысяч потребителей наркотиков. При этом, согласно официальным документам Правительства Российской Федерации, общее число лиц, регулярно потребляющих наркотики в немедицинских целях, по данным социологических исследований, оценивается в 3 млн. человек; общее число лиц, эпизодически и регулярно употребляющих наркотики, достигает 8,5 млн. человек, а опыт употребления наркотиков имеют порядка 18 млн. человек [5,с.5-13].

Указанные обстоятельства привели к необходимости установления уголовной ответственности за незаконное распространение такого рода веществ.

В дальнейшем в связи с появлением всё большего количества веществ, злоупотребление которыми ведёт к формированию у потребителя болезненной зависимости от них, из числа сильнодействующих и ядовитых веществ были выделены наркотические вещества (в настоящее время – наркотические средства) и психотропные вещества, приняты международные

конвенции, обязывающие страны их участницы контролировать указанные вещества и принять национальные законы об уголовной ответственности за деяния, связанные с их незаконным оборотом, включая их контрабанду. В том числе на национальном уровне были апробированы варианты ответственности за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, а также определены перечни наркосодержащих растений и установлена ответственность за их незаконное культивирование.

К 2015 году сложился системный дифференцированный подход к выделению отдельных групп психоактивных веществ, определению мер контроля за ними и уголовной ответственности за их незаконный оборот (ст. 228–234 УК РФ), при котором перечни (списки) таких веществ определены следующими нормативными правовыми актами.

Перечень наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и производных утверждён постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». В действующей редакции на дату последних изменений (02.07.2015) в Перечень включены 304 наименования наркотических средств и 93 наименования психотропных веществ, 71 наименование прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. Кроме того, в Перечне как соответствующие наркотические средства и психотропные вещества определяются их изомеры, в том числе стерео-изомеры, эфиры сложные и простые, а также соли. При этом как наркотические средства или психотропные вещества указываются не только конкретно поименованные химические вещества, но и их производные.

Ненаказуемость распространения и потребления этих веществ, а также их доступность создали условия для их широкого распространения в целях потребления. Согласно данным ФСКН России, в 2013–2014 гг. на территории Российской Федерации выявлено свыше 700 такого рода веществ [7,с.34-38]. Среди специалистов они получили наименование «новые психоактивные вещества» (далее по тексту – новые ПАВ). Новые ПАВ распространяются в виде курительных смесей («спайсов»), биологически активных добавок, солей для ванн, благовоний и т. д. [10,с.22-27].

Вредные последствия потребления новых ПАВ сопоставимы с последствиями потребления наркотических средств и психотропных веществ. Например, только за одну неделю сентября 2014 г. в российские медицинские органы с диагнозом «отравление неизвестным веществом с нарушением нервной системы» и «отравление неизвестным ядом» был доставлен 661 человек, из них – 105 несовершеннолетних. При этом 177 человек госпитализированы, 9 – помещены в реанимацию, 19 – умерли. Кроме того, с распространением психоактивных веществ связаны формирование девиантного поведения и рост преступности [6,с.12].

Указанные обстоятельства привели к определению их правового статуса, установлению режима временного ограничения на оборот новых психоактивных веществ и уголовной ответственности за незаконное распространение такого рода веществ, на необходимость чего неоднократно обращалось внимание в научных исследованиях [9, с.35-37].

В Российской Федерации выходом из сложившейся ситуации стало нормативное определение Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ ещё одной категории контролируемых психоактивных веществ, получивших наименование «новые потенциально опасные психоактивные вещества», закрепление упрощённой процедуры включения этих веществ в специальный Реестр, а также установление ответственности за их незаконный оборот ст. 234.1 УК РФ. Указанные законодательные изменения подготовлены с учётом зарубежного опыта [8,с.23] фактически установление уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ является одним из элементов национальной системы раннего выявления и предупреждения новых видов наркотиков и наркомании.

Включение в УК РФ указанной статьи свидетельствует о том, что сформировавшаяся в Российской Федерации на рубеже тысячелетий тенденция к увеличению числа психоактивных веществ, за незаконные деяния с которыми предусмотрена уголовная ответственность, объективно обусловлена и продолжает развиваться.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954;
2. Постановление Правительства РФ от 18.08.2007 № 527 «О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» // Российская газета от 24 августа 2007 г.
3. Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в действующее законодательство внесен ряд изменений, направленных на расширение возможностей правоохранительных органов по борьбе с бесконтрольным распространением новых потенциально опасных психоактивных веществ. // Российская газета от 6 февраля 2015 г.
4. *Костенников Д. В.* Борьба против табака – важная задача всего общества // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 1 (53). С. 9–16.
5. *Фёдоров А. В.* Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. 2013. № 3. С. 5–13.
6. *Фёдоров А. В*. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27.
7. *Зиновьев В. В.* К вопросу о необходимости ограничения оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Российский следователь. 2015. № 2. С. 34–38.
8. *Зиновьев В. В.* О зарубежном опыте правового регулирования оборота новых психоактивных веществ // Наркология. 2014. № 11. С. 23–28.
9. *Карпов Я. С.* Дизайнерские наркотики и новые прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ: вопросы правового статуса // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 35–
10. *Тихомирова В. В*. Правовые вопросы регулирования незаконного оборота синтетических наркотиков // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 22–27.

Антропова Ю.Д.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

В современный период вызывает обеспокоенность тот факт, что в незаконный оборот наркотических средств вовлекается все большее количество как потребителей так и распространителей. Наркобизнес осваивает все новые рынки сбыта наркотиков, увеличивает сферу преступной деятельности. Неуклонный рост наркотизации населения и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, отрицательно воздействует на социально-психологическую атмосферу в обществе, экономику, правопорядок и политическую стабильность в стране. Тенденция распространения данных явлений требуют немедленных, адекватных и эффективных мер по пресечению распространения наркотизма в России. Рассматриваемый вид преступности представляет повышенную общественную опасность, так как посягает не только на общественную безопасность, но и наносит существенный ущерб здоровью населения и демографии населения в целом. Помимо этого, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков является одним из наиболее опасных проявлений организованной преступной деятельности, которая тесно связанна с коррупцией.

Давая характеристику рассматриваемого вида преступности, для начала, следует обратить внимание на ее высокую латентность. Выявляется лишь малый процент статистики.

В УК РФ предусматривается уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

В связи с принятием Федерального закона № 162-ФЗ от 08.12.2003 г.[4] существенным образом изменилось содержание многих глав Уголовного кодекса РФ, в том числе и главы 25 УК, которая, в частности, вследствие выделения ч. 5 ст. 228 УК в самостоятельную статью была дополнена ст. 228^2 УК.

Подобное законодательное решение достаточно оправданно, если учесть, что в прежней редакции конструкция ст. 228 УК предусматривала пять частей, которыми охватывались три основных, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступлений. И если предметом преступлений, предусмотренных ч.ч. 1-4 ст. 228 УК, являлись наркотические средства и психотропные вещества, то применительно к ч. 5 ст. 228 УК предметом преступления признавались также и их прекурсоры [11], то есть «вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ» (ст. 1 ФЗ РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г.).

Российские законодатели продолжают ужесточать уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Президентом РФ 01 марта 2012 года подписан Федеральный закон № 18-ФЗ, предусматривающий изменения в статьи 228, 228.1, 229.1 УК РФ, а также ряд других статей в Общей части Уголовного кодекса РФ, изменения в Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

Изменения существенно увеличивают перечень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и размеры наказаний за их совершение. Кроме того, законом введен новый размер наркотических средств. Если ранее Уголовным кодексом РФ были предусмотрены только крупный и особо крупный размеры, то с момента вступления в силу закона № 18-ФЗ появился новый квалифицирующий признак – существенный размер наркотического средства.

Современное российское уголовное законодательство предусматривает уголовную ответственность за такие деяния, как незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ, за их хищение, за склонение к их потреблению, за незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 228-231 УК РФ). Комплексное значение имеет Федеральный закон от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах». Он устанавливает основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту. Регламентация сопровождается отсылками к международным конвенциям.

По данным статьям УК РФ существует значительная правоприменительная практика.

Так, по статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, судами общей юрисдикции в 2014 году за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих средств, по ст. 228-234 УК РФ осуждено 134 474 лица (103580 лиц, для которых обвинение в этом преступлении являлось наиболее тяжким из вмененных составов обвинения, 30 894 лица - за совершение этих преступлений в совокупности с другим более тяжким преступлением). Количество осужденных за такие преступления в сравнении с 2013 годом практически осталось на прежнем уровне (снижение числа осужденных на 0,9%) [6].

Из числа осужденных (по основной квалификации) 1 826 лиц составили несовершеннолетние, 47 401 лицо в возрасте от 18 до 29 лет, 54 353 лица в возрасте от 30 лет. Количество женщин из числа осужденных (по основной квалификации) - 13 493[6].

Наибольшую часть среди лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составляют осужденные за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств без цели сбыта. По ст. 228 УК РФ осуждено 78 807 лиц, в том числе 70 842 лица, для которых это преступление было наиболее тяжким, и 7965 лиц, совершившие это преступление в совокупности с другим более тяжким преступлением.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-

ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, №31, ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954

3. Федеральный закон от 08.01.1998 №3-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.06.2015) // Собрание законодательства РФ, 12.01.1998, №2, ст. 219.

4. Федеральный закон от 08.12.2003 №162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, №50, ст. 4848.

5. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 №1002 (ред. от 12.10.2015) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228^1, 229 и 229^1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 08.10.2012, №41, ст. 5624.

6. Буркова Е.А. Уголовно-правовые меры борьбы с наркобизнесом // Закон и право. – 2015. – №4. – С.30-32.

7. Грачева Ю.В., Есаков Г.А., Князькина А.К. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова). – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 520 с.

8. Камышников А.П., Лукашин В.И. Незаконный оборот наркотиков. – М.: Щит, 2014. – 248 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Чучаева А.И. – 5-е изд., исправл., дополн. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 644 с.

10. Кочои С. М. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Контакт, 2014. – 544 с.

11. Кочои С. М. Уголовное право. – М.: Контракт, 2014. – 448 с.

Бондарева Д.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Проблема профилактики правонарушений весьма актуальна в современном российском обществе. Те практические усилия, которые тратит общество на борьбу и предупреждение правонарушений, недостаточны. Среди правонарушений резко возросло количество преступлений, причем, если ранее среди рассматриваемых судами дел примерно две трети были гражданскими и трудовыми и только треть — уголовными, то в настоящее время удельный вес уголовных дел значительно вырос [6, с. 1]. Данная ситуация свидетельствует о том, что среди правонарушений начинают преобладать не проступки, а преступления, ежегодный прирост которых в последние два-три года составляет 30%. Преступления с каждым годом становятся более циничными и жестокими, сопровождаются пытками и истязаниями жертв. Также стоит обратить внимание, что возросло количество правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия. В основной массе несовершеннолетними совершаются кражи, грабежи, разбои [8, с. 27].

Появились и новые виды правонарушений, которые ранее в нашей стране были единичными. В сфере гражданского права это нарушения, связанные с рынком ценных бумаг, приватизацией объектов государственной собственности и т.д., в сфере финансового права — укрытие доходов от налогообложения, в уголовном праве — терроризм, похищение людей с целью выкупа и т.д.

Развитие современного общества, правовой системы и состояние преступности представляют собой взаимосвязанные явления, которые следует изучать. В настоящее время в условиях международно-правовой интеграции, очевидно, что проблема борьбы с преступностью выходит на международный уровень. Необходимы совместные мероприятия государств, их сотрудничество. Международная преступность реагирует на явления мировой

глобализации, развитие производственных мощностей, добычу сырья, разработку новых технологий, в процессе чего приобретает транснациональный организованных характер. По данным обзоров ООН преступность в мире с конца 90 - х в среднем прирастает до 5% в год при приросте населения в 1-1,2% [7, с. 5].

После мировых войн и возможных глобальных катастроф транснациональная и национальная преступность становится главной угрозой современности. Организованное противодействие ей в последние годы в связи с интенсивностью терроризма, как одной из форм особо тяжкой преступности, даже названо «третьей мировой войной».

По данным исследований института экономики и мира совместно с Университетом Мэриленда был составлен «Глобальный индекс терроризма 2015 года» и рейтинг стран мира по уровню терроризма. Данное исследование основано на информации из глобальной базы данных терроризма Национального консорциума по изучению терроризма при Университете штата Мэриленд, крупнейшей в мире статистической базы о террористической деятельности, содержащей информацию более чем о 100 тысячах случаев террористических актов за последние 14 лет.

В данном исследовании подверглись анализу данные с 2014 по 2015 год о террористической активности в 162 государствах, в которых проживает 99,6% населения планеты. В первую пятёрку стран, наиболее пострадавших от терроризма, с учётом числа нападений, количества погибших и пострадавших и уровня материального ущерба, входят Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия, на долю которых приходится 57% терактов в мире и 78% погибших по этой причине людей. Наибольшее количество террористических атак за указанный период отмечено в Ираке, затем идут Индия, Йемен, Сомали, Ливия, Таиланд, Филиппины и Украина, в которых отмечается повышенная террористическая активность. Россия заняла в рейтинге 23 место, улучшив свой показатель на 12 позиций по сравнению с 2014 годом. За прошедший год в стране произошли 38 террористических нападений, при которых погибли 57 человек.

Наибольшую террористическую активность проявляют четыре организации: Исламское государство (ИГ), Боко Харам, аль Каида и Талибан, на долю которых приходится более 66% всех смертельных исходов в результате терактов.

Как считает В.Н. Антонов, работы которого посвящены изучению терроризма и его воздействию на систему международных отношений, «в современных условиях терроризм трансформировался в весьма масштабное и сложное социально-политическое явление, которое осуществляется на систематической основе и обусловлено самыми различными противоречиями, существующими в обществе и относящимися к основным сферам жизни» [3, с. 22].

Заместитель прокурора Республики Дагестан — Хайбула Алиев, отметил ряд особенностей борьбы с терроризмом.

К ним, в настоящее время, относятся следующие: 1) борьба с преступностью террористической направленности по факту совершения преступления; 2) вне поля зрения остаются многие ранее отбывшие наказание за совершение преступлений террористического характера. То есть ряд этих граждан продолжают заниматься антиобщественной деятельностью, хранят огнестрельное оружие, укрывают лиц, находящихся в розыске; 3) обыски, проводимые по инициативе органов внутренних дел по местам жительства предполагаемых членов террористических группировок, в основном оказываются безрезультатными; 4) по некоторым уголовным делам была замечена утечка информации о готовящихся следственно-оперативных мероприятиях [2, с. 2].

Согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму» профилактика терроризма является составной частью предупреждения терроризма. Закона определеляет профилактики терроризма как «выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов». Сам же терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с

устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Надо отметить, что терроризм признается Интерполом одной из основных угроз правопорядку во всем мире. Устав данной организации запрещает любое вмешательство в деятельность политического, военного, религиозного и расового характера, именно этот факт до середины 80-х годов прошлого столетия не позволял Интерполу вести активную борьбу с терроризмом. Ведь террористы, в основном, заявляют цели именно религиозного или политического характера.

Позднее Интерпол пересмотрел свою позицию по этому вопросу. Сейчас терроризм считается одним из наиболее опасных видов преступности: ведь в ходе террористических акций страдают, прежде всего, обычные люди. Поэтому террористические организации и их члены признаются Интерполом преступными и в их отношении предпринимаются такие же меры, как и к иным преступным организациям и лицам [9, с. 607]

Термин «предупредить» означает отвратить что-либо заранее принятыми мерами, опередить, сделать что-либо ранее, чем что-нибудь произошло. Одной из задач Интерпола является именно предупреждение террористических актов, которое можно рассматривать как минимум в двух аспектах. Во-первых, борьба с терроризмом и повышение эффективности борьбы с ним – одна из первоочередных задач любого современного государства. Во-вторых, предупреждение терроризма — представляет собой систему мер социально-экономического, юридического и политического характера, направленную на предотвращение, главной целью, которой является не только обеспечение общественной безопасности населения, но и защита политических, экономических и международных интересов государства [5, с. 50]

Как отметил начальник Национального центрального бюро Интерпола МВД России А.В. Прокопчук, «смысл нашего участия в международной полицейской организации очевиден — возможность найти и задержать подозреваемого в преступлении российского гражданина практически в любой точке планеты. И, как следствие, найти и передать иностранным коллегам разыскиваемых ими преступников. Благодаря Интерполу резко возросли возможности российских правоохранительных органов в розыске культурных и исторических ценностей, угнанных машин, пропавших без вести людей. По инициативе России в международный розыск по каналам Интерпола объявлено порядка двух тысяч лиц. Совместными усилиями полицейских органов ежегодно по всему миру задерживаются до пяти тысяч преступников. Только в первой половине 2014 года нам удалось вернуть в Россию для привлечения к уголовной ответственности более двадцати преступников».

Анализ региональных особенностей мировой преступности приводит исследователей к выводу о том, что самый высокий уровень преступности наблюдается именно в наиболее индустриально развитых, социально обустроенных и демократических регионах. Подтверждается трудно воспринимаемый вывод: чем выше уровень развития, тем выше преступность. Среди индустриально развитых государств сложная криминогенная обстановка в США, Франции, Германии, Англии и Уэльсе, Японии, России [7, с. 3].

В докладе Совета Национальной Безопасности США «Оценка реальности угрозы, исходящей от международной преступности» 2000 года приведены данные о том, что преступники все активнее стремятся перенести поле своей деятельности за границу [4, с.10]. По оценкам российских МВД, из 3 тысяч преступных формирований, которые действуют на территории России, каждое десятое имеет связи с зарубежной криминальной средой.

Подводя итоги, следует отметить, что в борьбе с преступностью Международная организация уголовной полиции взаимодействует с ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ИКАО и др. Неоценимую помощь и поддержку Интерпол оказывает органам международной уголовной юстиции в деле розыска, а также выдачи и дальнейшего наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений [4, с. 168]. О взаимной заинтересованности сторон и дальнейших перспективах расширения совместного взаимодействия свидетельствует интенсивность такого сотрудничества, которая возросла в последние годы. Тем не менее, одной из главных задач в сфере совершенствования правового регулирования сотрудничества российских правоохранительных органов с зарубежными партнерами на международном

уровне в рамках Интерпола является дальнейшее расширение ведомственной нормативной базы и ее адаптация к практическим аспектам борьбы с преступностью.

Список использованной литературы:

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014 № 14-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 5. Ст. 5; http://www.pravo.gov.ru - 31.12.2014.
2. Алиев Х. Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность. 2002. № 4.
3. Антонов В.Н. Современный терроризм: теория и реальность // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. 2002. № 2.
4. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность — планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудии// С.-Пб.: Юридический центр Пресс, 2006. 215 с.
5. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. М.: Логос, 2009. 640 с.
6. Лунеев В. В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10.
7. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1.
8. Марченко М. Н. Теория государства и права. М.: Изд-во Зерцало-М, 2010. 395 с.
9. Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2 // М.: ИНФРА-М, 1996. 672 с.

Бушунц Л.С., Павлова Ю.С.,
студентки юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В жизни случается так, что действие или бездействие, хотя внешне и схоже с преступным деянием и должно повлечь уголовную ответственность, в конкретной обстановке имеет иное содержание и является общественно полезным. Следовательно, такое деяние нельзя признать преступным. Применительно к таким ситуациям можно говорить об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. содержит в себе шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния [1]. Но кроме закрепленных в УК РФ, в теории уголовного права существуют и другие обстоятельства, одним из которых является согласие потерпевшего на причинение вреда.

Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния, является одним из наиболее дискуссионных вопросов в уголовном праве.

О значении согласия лица на причинение ему вреда уголовно наказуемыми деяниями писали отечественные правоведы дореволюционного времени. Такой дореволюционный ученый, как Н.С. Таганцев предлагал рассматривать согласие потерпевшего как ненаказуемую форму соучастия в посягательствах на собственные блага. А С.Е. Познышев был первым русским правоведом, предложившим оценивать деяния, совершенные с согласия жертвы, сквозь призму признаков преступления: его общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости [8, с.171, 172].

Первым советским ученым, предпринявшим попытку определить понятие «согласие потерпевшего», был А.Н. Красиков. Он определил согласие потерпевшего, как выражение свободного волеизъявления лица на нарушение своих благ или поставление их в опасность

(риск), как способ достижения личного интереса – с одной стороны, а с другой – поведение третьего лица в рамках данного согласия.

Анализируя данное определение, А.А. Арямов и Ю.В. Баулин справедливо отметили, что поведение третьих лиц в определении согласия потерпевшего не должно быть [3].

Многие другие ученые разделились во мнении, например М.И.Якубович, Н.Д.Дурманов, Н.Ф.Кузнецова, Ю.М. Ткачевский и еще ряд ученых-правоведов считали, что данному институту не место в уголовном законодательстве России. Поскольку особой роли в разрешении судьбы участников социально-правового конфликта в форме преступления согласие не играет, да и вообще юридическая природа согласия потерпевшего определяется не уголовным правом.

Напротив, значительная группа ученых: А.В.Наумов, А.И.Санталов, И.И.Слуцкий, М.Д.Шаргородский, обоснованно утверждали, что отсутствие института согласия потерпевшего в уголовном законодательстве вовсе не исключает необходимость анализировать такое согласие при решении вопроса об уголовной ответственности и наказании лица, совершившего внешне противоправное деяние с согласия потерпевшего [4, с.144].

Сейчас отмечается, что согласие потерпевшего в соответствии с российской уголовно-правовой доктриной и сложившейся судебной практикой устраняет ответственность за причинение вреда при наличии определенных условий:

1. согласие на причинение вреда должно касаться прав и интересов, которыми лицо имеет право свободно распоряжаться;

2. согласие не должно быть направлено на причинение вреда другим лицам, государственным или общественным интересам;

3. согласие должно быть дано до совершения деяния. Согласие, данное после причинения вреда, может рассматриваться как прощение виновного, примирение с ним [6].

В Общей части УК РФ согласие потерпевшего может выступать в качестве элемента одного из обстоятельств, смягчающих наказание. Например, просьба безнадежно больного потерпевшего избавить его от психических или физических страданий не может исключить уголовную ответственность, однако такое согласие потерпевшего на убийство является составной частью обстоятельства смягчающего наказание, которое предусмотрено п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ – совершение преступления в силу сострадания [1].

Так, в 2004 г. в Ростовской области были осуждены 17-летняя П. (к пяти годам лишения свободы) и 14-летняя Ш. (к 4,5 года лишения свободы) за то, что они задушили 32-летнюю женщину, страдавшую от полученных в результате аварии травм, которая обратилась к девочкам за помощью, предложив им денежную сумму. Виновные были осуждены по п.п. «в», «ж», «з» ч. 2 статьи 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное группой лиц по предварительному сговору из корыстных побуждений)так как суд посчитал доказанной корыстную мотивацию убийства в качестве доминирующей, а сострадание к потерпевшей – в качестве факультативной.

В конце 2007 года в Архангельской области был вынесен приговор мужчине, который лишил жизни пенсионерку по ее же просьбе. За исполнение просьбы женщины мужчине полагался «гонорар» в размере 6 тысяч рублей. Его осудили на девять лет лишения свободы [7, с.4,5].

В Особенной части УК РФ согласие потерпевшего выступает обязательным признаком некоторых составов преступлений.

Проблема согласия потерпевшего по делам о преступлениях связанных с заражением венерической болезнью (ст.121 УК РФ) и заражением ВИЧ-инфекцией (ст.122 УК РФ) решается так: лицо, заразившее другого человека ВИЧ-инфекцией или венерической болезнью, освобождается от уголовной ответственности, если потерпевший был своевременно предупрежден о наличии у такого лица болезни и добровольно согласился совершить с ним действие, создавшее опасность заражения [5, с.22].

Согласие потерпевшего в соответствии со ст. 127.2 (использование рабского труда) выступает обязательным признаком состава преступления, так как лицо не может отказаться по независящим от него обстоятельствам, от выполнения услуг. Рабство грубейшим образом нарушает общепризнанные стандарты правового статуса человека, а потому не имеет под собой легальных оснований. Согласие потерпевшего на эксплуатацию не изменяет уголовно-правовой оценки использования рабского труда, а потому "самопродажа" человека в рабство также признается одним из оснований возникновения данного состояния [9].

Производство аборта также признается незаконным, если в нарушение установленных органами здравоохранения правил умышленно искусственно прерывается беременность, хотя и с согласия потерпевшей, т.к. оно должно совершаться только врачом, а не иным лицом. Согласие женщины на производство этой операции является обязательным признаком данного преступления, что вытекает из смысла ст. 123 УК. В противном случае виновные должны отвечать за причинение тяжкого вреда здоровью [10].

В соответствии со ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» эвтаназия запрещена [2]. Само понятие эвтаназия означает умышленное причинение смерти неизлечимо больному, совершенное по его устойчивой и неоднократной просьбе медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сострадания с целью избавления его от непрекращающихся, невыносимых физических и психических страданий, обусловленных болезнью, которая непременно приведет к смерти. В России как активная, так и пассивная эвтаназия является преступлением. Активная эвтаназия – это форма эвтаназии, при которой врач принимает активную роль в прекращении жизни пациента. А случаи, когда врач только прекращает лечение, что гарантирует смерть пациента, можно говорить о пассивной эвтаназии. Случаи эвтаназии в настоящее время в судебной практике квалифицируются по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Кроме того, нами были изучены материалы СМИ с участием главного врача первого московского хосписа Департамента здравоохранения г.Москвы В.В. Миллионщиковой, имеющей огромный опыт работы с онкологическими больными, признанными безнадежными. По ее словам, из 2,5 – 3,5 тысяч таких больных, с которыми она лично имела дело за более чем 20 лет ее медицинской практики, всего один человек обратился с просьбой об эвтаназии [11].

Таким образом, на наш взгляд, вопрос о согласии потерпевшего на причинение ему вреда достаточно противоречив. Включение самостоятельной нормы о согласии потерпевшего в УК РФ требует дальнейшего осмысления, т.к. в некоторых статьях Особенной части уже идет упоминание о согласии. Однако результаты, которые получают многие ученые в ходе проведенных исследований, должны послужить основанием дальнейшего рассмотрения и изучения отдельных аспектов проблемы, смогут способствовать совершенствованию норм уголовного законодательства в указанной сфере, а также окажут помощь правоохранительным органам и судам при применении нормативных положений, связанных с согласием потерпевшего.

Список используемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

2. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 26.04.2016 № 112-ФЗ) // СЗ РФ. 2011. N 48. ст. 6724.

3. Газданова Е.К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение. М., 2011. С. 191.

4. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. М.,2009. С. 448.

5. Иногамова-Хегай Л.В. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная. Учебник. М., 2015 г. С. 192.

6. Кузьминых Р. А. Юридическое значение согласия лица на причинение ему вреда в международном праве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 1.

7. Савинов А.В. Уголовная ответственность за причинение вреда с согласия лица или по его просьбе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 3 (62).

8.Сидоренко Э. Л. Развитие научных представлений о согласии потерпевшего в российском уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12).
9. Юридический интернет портал URL:http://www.zonazakona.ru/law/comments/art/ 8057/html(дата обращения: 07.04.2016)
10. Юридический интернет портал URL:http://www.zonazakona.ru/law/comments/art/
28764/html(дата обращения: 10.04.2016)
11. Эвтаназия: передача Карэна Агамирова «Человек имеет право» на Радио Свобода, тема: «Право на эвтаназию или на достойный уход». Участник передач: главный врач первого московского Хосписа Департамента здравоохранения г. Москвы, основатель российского и московского хосписного движения В.В. Миллионщикова URL: http://www. pallcare.ru/ru/?p=1175022772 html (дата обращения: 12.04.2016).

Быкова Е.Д.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СОЗДАНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящее время наблюдается тенденция роста детской преступности. Об этом свидетельствуют цифры, приведенные в докладе прокурора Саратовской области Степанова Владимира Николаевича. 12 февраля текущего года прошла пресс-конференция по итогам работы прокуратуры за 2015 год. В области произошел резкий скачок уровня детской преступности: количество преступлений выросло почти на 30 процентов. Рост данного тревожного показателя связан с распространением вседозволенности и отсутствием должного контроля. В связи с этим профилактика правонарушений является одной из приоритетных задач государства.

Важное значение здесь выполняет суд. Он осуществляет профилактические меры, т. е. сводит к минимуму возможность повторного совершения преступления.

Ювенальная юстиция может быть автономной[6, с. 5]. Существует еще один путь организации, по которому, в том числе, идет и наша страна, — это создание в системе судов общей юрисдикции специализированных составов судей.

В систему ювенальной юстиции входит законодательство о несовершеннолетних: ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации"[1], ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"[2], указ Президента "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы"[3], международные правовые акты, такие, как Пекинские правила и Конвенция ООН о правах ребенка.

Примером достаточно плодотворной работы в создании ювенальной юстиции является деятельность судов Саратовской области[4, с. 15]. В них предусмотрено тесное взаимодействие с социальными работниками. Данная должность была введена в Октябрьском, Заводском, Кировском, Волжском, Ленинском, Фрунзенском районных судах Саратова, а также в Балаковском, Вольском, Балашовском и Энгельсском районных судах. В ряде судов г. Саратова и Энгельса создан специализированный состав судей, рассматривающих дела, в которых одной из сторон является несовершеннолетний.

Важную роль также играют учебно-воспитательные учреждения. Таковым на территории Саратовской области является школ в г. Марксе. Это школа закрытого типа, в которой находятся малолетние правонарушители. Нахождение в данном учебно-воспитательном учреждении является альтернативой отбыванию наказания в колониях несовершеннолетних. Справедливое наказание имеет важное воспитательное значение.

Развитие ювенальной юстиции представляет собой перспективное направление, но существует ряд трудностей на пути его реализации. Во-первых, это проблема дефицита кадров, осуществляющих работу с несовершеннолетними, поскольку специфика работы предполагает наличие глубоких знаний в области психологии, педагогики, юриспруденции[5, с. 15]. Также есть большое количество претендентов, но они не обладают достаточными знаниями и опытом. Вторая проблема, но первая по значимости — это финансовые трудности. На данный момент нет возможности создать автономные судебные органы, и целесообразным представляется создание специализированных комиссий и назначение на должность судей, специализирующихся на делах о преступлениях среди несовершеннолетних.

Представляет интерес социологическое исследование, проведенное на территории Саратова, посвященное ювенальной юстиции. Исследование показало, что только 16% опрошенных осведомлены в вопросах ювенальной юстиции. 2/3 опрошенных знакомы с этим понятием, однако имеют смутные представления об опыте создания подобных судов. Интересно, что 70% считают, что в России необходима ювенальная юстиция. Однако большинство респондентов считают, что вовсе необязательно создавать специализированные суды для несовершеннолетних, можно ограничиться и созданием специальных комиссий в судах общей юрисдикции.

Таким образом, создание ювенальной юстиции способно задать ориентир правосудию по делам несовершеннолетних, повысить уровень профилактической работы и в целом улучшить качество рассмотрения подобных дел.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации"
2. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"
3. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы"
4. Жилкина Т.В «Будет ли ювенальная юстиция в России»//«Вопросы ювенальной юстиции» 2005 г. №1, стр. 14-21
5. Яровая С.В. Ювенальные суды: за и против. / Юрист. - 2008. № 6. С. 15
6. Мельникова Э.Б. «Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии», 2010 г. С. 5

ВласоваТ.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ЖЕНЩИНЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Признание миром прав человека произошло только после Второй Мировой войны, несмотря уже на длительное существование их в качестве учения и правового института. Это послужило толчком для дальнейшего подкрепления человеческих прав в более широком масштабе. Так что в 1945 году Уставом ООН был закреплен принцип гендерного равенства. Можно сказать, что уже в тот период времени наблюдалась тенденция не только на защиту, признание прав человека, достоинства и важности его личности, но и на установление равных прав представителей обоих полов.

Все эти события привели к тому, что уже ко II-ой половине 20 века международное сообщество провозгласило принцип равенства прав мужчин и женщин, как неотъемлемый принцип современного мира. И данное признание свидетельствует о том, что должно существовать гендерное равенство в правах, должны приниматься меры, необходимые для действительного осуществления женщинами своих прав в той же степени, в какой на законодательном уровне позволяют осуществлять их мужчинам.[1]

Однако результаты гендерного исследования, проведенного некоторыми теоретиками феминизма, совсем не свидетельствуют о равенстве между мужчинами и женщинами. Так что в мировой культуре 21 века можно увидеть, что доминирующую роль занимают представители мужского пола, а женщинам отдают вторичное положение. И несмотря на век, в который люди уже должны были прийти к осознанию того, что все должны быть наделены правами в равной степени, все же наблюдается принижение женщин в сфере образования, в оценке их соматического и психического здоровья. Но особенно это выражается при изучении положения представителей женского пола в пенитенциарной системе.[2]

В настоящее время, согласно сообщению профессора Я.И. Гилинского, в европейских и американских странах количество женщин, подвергаемых аресту, составляет около 5%. Если говорить о России, то ее процент составляет 5,8, что дает ей 21-ое место на международном уровне по данному аспекту.[3] И несмотря на то, что количество женщин-заключенных значительно меньше по сравнению с мужчинами, отмечается, что их годовой прирост значительно выше.

Интересно будет еще отметить и то, что лишь в начале 80-ых годов 20 века обратили внимание на осужденных женщин, ведь до этого никаких исследований по отношению к ним не происходило. А это в свою очередь и привело к дискриминации такой категории женщин при отбывании ими наказания. И только в 1984 году предложили внести ряд изменений в классификацию заключенных западного мира. И эти новшества должны были указать на отличительные потребности женщин-заключенных, отличавшиеся от мужских.

Кроме того, что в период пребывания в заключении особенности женской физиологии игнорировались, оказалось, что тюремный персонал относится к женщинам менее справедливо, чем к мужчинам. Так, даже за незначительные проступки к женщинам чаще применялись дисциплинарные воздействия, а также чрезмерно использовались медикаменты как способ наказания.

Также не учитывался факт, выявленный канадским исследователем, согласно которому нахождение женщин большими группами в замкнутых помещениях могло быть опасным вследствие их эмоциональности. В связи с этим требовалось установление периодов «терапевтической тишины», специальных программ для предупреждения агрессивного, суицидального поведения, чего собственно и не предпринималось.

Следует обратить внимание и на то, что женские потребности в оказании им медицинской помощи фактически игнорируются, поскольку данное место пребывания в большой степени рассчитано на мужчин, которые нуждаются в этой потребности на примитивном уровне.

В данном случае мы видим гендерную проблему. На мировом уровне отражен патриархатный характер общества, где женщина занимает вторую позицию после мужчины. Игнорирование данной проблемы и приводит к дискриминации женщин, их прав.

Список использованной литературы:

1.Н. А. Шведова Международное сообщество о гендерном равенстве 2014

2.Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития тендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. N 4. С. 9 - 20.

3."Тюрьма". Интернет-приложение к журналу "Индекс / Досье на цензуру" // URL: http://www.index.org.ru/turma/st/040217.htm.

4.Альперн П., Антонов А.И., Огородников И.В., Поливанова М.М., Уткин В.А. Тюрьма - не женское дело. Результаты мониторинга, очерки, интервью / Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия. М., 2000.

Геворгян М.А.,
студентка,
специальности «таможенное дело»
юр. ф-та, СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Право необходимой обороны — это прирожденное и неотъемлемое право каждого гражданина. Ст. 45 Конституция РФ закрепляет право на защиту прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом [1].

Преступление, которое совершено при превышении пределов необходимой обороны, обусловлено тем, что действия виновного, имеющего право на необходимую оборону, превышены за ее пределы. Стоит помнить, что необходимая оборона не может и не должна превращаться в самосуд и расправу над обидчиком. Существуют четкие границы, которые определены законом.

В Уголовном кодексе РФ указано, что насилие, опасное для жизни обороняющегося или другого лица, или угроза применения такого насилия исключают уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны. То есть причинение посягающему смерти или тяжкого вреда здоровью при данных обстоятельствах всегда будет правомерно. Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны исключается и в случаях, когда факта насилия не было, если смерть или тяжкий вред посягающему были причинены в ответ на неожиданное посягательство с его стороны.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» дает толкование явного несоответствия посягательства защите: «Превышением пределов необходимой обороны признается лишь явное, очевидное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкий вред здоровью»[2].

Таким образом исключительно при посягательстве средней тяжести и тяжком возникает вопрос о превышении пределов необходимой обороны, решать который необходимо с учетом всех обстоятельств дела. К примеру, причинение смерти лицу, который совершил кражу, должно быть квалифицировано как превышение пределов необходимой обороны, а причинение смерти посягающему во время разбойного нападения всегда должно признаваться правомерным. Решающий фактор в этих случаях - способ посягательства, который должен быть учтен наряду с другими обстоятельствами, которые имеют значение для оценки происшедшего.

При отражении посягательства обязательно должны учитываться возможности обороняющегося лица при отражении посягательства, зависящие от возраста, пола, физической подготовки, состояния здоровья. Очевидно, что малолетние, престарелые, женщины, калеки имеют мало шансов при отражении посягательства относительно нормального физически развитого мужчины. Таким образом, они вправе при отражении посягательства прибегать к любым способам и средствам защиты.

Важно сказать о том, что большую роль играет психологическое состояние обороняющегося. Если же посягательство совершается неожиданно, то тогда исключается возможность уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны, так как обороняющийся в данной ситуации не способен объективно оценить степень и характер опасности посягательства.

Имеет место существенная проблема, которая заключается в том, что разъяснения Верховного Суда РФ не всегда корректно применяются судами. Да, Верховный Суд иногда восстанавливает справедливость, регулируя сбой других элементов системы. Но суды

продолжают ошибаться. Почему? Возможно, дело в том, что любое действие в рамках обороны можно рассматривать как преступление, закрепленное УК РФ.

Становятся очевидными причины частого появления законодательных инициатив по вопросам самообороны.В законе планируется указать конкретные примеры нападения, которое является опасным для жизни и закрепить принцип "мой дом – моя крепость. То есть, если постороннее лицо проникнет в жилище без законных на то оснований, то нанесение ему всяческого вреда не будет наказываться в любом случае. Сущность данной концепции заключена в том, чтобы предоставить гражданам возможность и право любыми способами обороняться от злоумышленников, проникших в жилище, не опасаясь последствий [3].

Разработчики данной концепции исходят из такой существующей проблемы, как невозможность гражданина – хозяина жилья, объективно оценить степень опасности посягательства от посягающего лица. Данная оценка требует определенного временного промежутка, а ожидание существенно увеличивает риск, которому может быть подвергнут обороняющийся. Посягающий за это время получает возможность узнать, кто находится в помещении, подготовить оружие и так далее.

Такая практика наблюдается в США, Великобритании и ряде других стран. Причем человеку, который обороняет свой дом, предоставлено право не только применить просто насилие в отношении проникшего в его жилище, но и право применить так называемое "смертельное насилие" [4].

Подводя итоги, следует сказать, что на сегодняшний день у защищающегося лица есть опасения привлечения к уголовной ответственности вместе с нападавшим.

То есть в настоящий момент наблюдается нарушение баланса в законодательстве и правоприменительной практике. Нередки случаи, когда обороняющийся, то есть потерпевший, находится в более худшем состоянии, чем посягающий. Уверена, что необходимость изменения регулирования в этой сфере назрела и для начала желательно, чтобы в законе – а не в постановлении Пленума Верховного суда РФ – были прописаны более детально конкретные примеры нападения, опасного для жизни либо с угрозой применения такого насилия.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление"
3. Дульцев М.В. Методика расследования преступлений, совершаемых с применением оружия самообороны. М., 2010. С. 132
4. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны. URL: http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rpopov/rpopov.asphtml(дата обращения 5.04.2016)

Гетогажева Х.Р.,
Давыдова Е.А.,
студентки Института прокуратуры ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРМЫ ПРАВА

Современный этап развития российского общества характеризуется стратегическим курсом на создание правового государства. В стране осуществляются радикальные социально-экономические реформы, протекает процесс демократизации всех сторон общественной

жизни, который невозможен без укрепления законности и правопорядка, обеспечения надёжной охраны конституционных прав и свобод граждан.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, помимо охраны прав и свобод человеческого общества, призван также защищать и братьев наших меньших. Эта цель закреплена в ст. 245 УК РФ[1], которая предусматривает уголовную ответственность за жестокое обращение с животными.

Однако, несмотря на существование данной нормы права, мы не видим должного уровня ее применения. Мы рассмотрим основные проблемы, препятствующие работе ст. 245 УК РФ, и предложим пути решения существующих проблем.

Прежде обратимся к понятию жестокого обращения с животными. Жестокое обращение с животными — это причинение им боли, физических страданий, например избиение животного или использование для всякого рода боев.

Анализ судебной практики показывает нам, что наказание за подобное деяние наступает практически всегда, поскольку по 20 изученным приговорам нет ни одного оправдательного, однако, мы имеем довольно скудную статистику рассматриваемых дел по данной статье. К примеру, в Тамбовской области за 2015 год рассмотрено всего 56 преступлений по ст. 245 УК РФ[4]. И это, отнюдь, не говорит о том, что в Российской Федерации преступления, квалифицируемые по ст. 245 УК РФ – большая редкость. Подобная статистика оправдывается небольшим количеством сообщений о совершении деяний, квалифицируемых по ст. 245 УК РФ.

Жестокое обращение с животными – одно из самых действенных средств разрушения нравственности вообще и привития преступных наклонностей детям и подросткам. А.Н. Игнатов по этому поводу отмечает, что «бессмысленное уничтожение животных, их истязание и мучение не только оскорбляют нравственные чувства граждан, но и, совершаясь на глазах детей, развивают в них такие отрицательные качества, как жестокость и душевная черствость, равнодушие к страданиям живого существа, способствуют формированию садистских наклонностей, т.е. наносят огромный вред их воспитанию»[3].

Насилие с экрана телевизора, ненормальная обстановка в молодёжной среде часто выливаются в жестокое обращение с животными.

Для того чтобы граждане РФ чаще обращались в органы МВД с сообщениями о совершении подобного преступления, необходимо повышать уровень воспитания, уровень правосознания. Для осуществления этой цели в России уже функционирует целый ряд фондов и центров, которые занимаются защитой животных, среди которых: ВИТА — центр защиты прав животных, фонд «Общественное мнение» и другие. Участие граждан в деятельности подобных фондов поможет развить внимательность и сострадание по отношению к братьям нашим меньшим, а, следовательно, граждане, пытаясь защитить животный мир, будут сообщать об известных им совершенных или готовящихся преступлениях против животных. Помимо этого, И.М. Блувштейн предлагает следующий способ решения существующей проблемы. Заместитель председателя Общества защиты животных «Фауна» убежден, что в данной ситуации свою роль сыграет ужесточение санкций по ст. 245 УК РФ, поскольку под страхом более строгого наказания за подобные деяния, человек будет совершать их гораздо меньше[5]. Мы соглашаемся с данной гипотезой и считаем, что при воплощении ее в жизнь, количество преступлений против животных существенно сократится. Мы знаем, какое суровое законодательство, касающееся данной проблемы, существует во множестве стран. К примеру, в Соединенных Штатах Америки за подобные жестокие деяния по отношению к животным назначают более десяти лет тюрьмы, в Канаде — около двух лет, в Германии — штраф 10 тысяч и 50 тысяч евро. Но именно такое законодательство является одним из показателей цивилизованности страны.

Обратимся к следующей проблеме. Важной причиной того, что статья 245 УК РФ не имеет широкого применения, является отсутствие федерального законодательства в области защиты животных. Сам по себе Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за

противоправные деяния, но трактовать, какое именно действие можно считать жестоким обращением, должно соответствующее законодательство.

В конце 1999 года Госдума приняла закон «О защите животных от жестокого обращения». К сожалению, в январе 2000-го он был отклонен. Закон был далеко не идеальным и требовал доработки. Хотелось бы отметить, что при полном отсутствии законодательства в этой области принятие данного закона даже в той редакции сыграло бы положительную роль в решении проблемы.

Еще один интересный факт: Россия отказалась от присоединения к Европейской Конвенции по защите домашних животных, которая очень детально раскрывает целый ряд проблем (торговля, коммерческое разведение и содержание, приюты для животных, хирургические операции, усыпление, снижение численности и т.д.).

Пожалуй, единственным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в данной сфере, является Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»[2]. Статья 56 данного ФЗ гласит: «юридические лица и граждане, причинившие вред объектам животного мира и среде их обитания, возмещают нанесенный ущерб добровольно либо по решению суда или арбитражного суда в соответствии с таксами и методиками исчисления ущерба животному миру, а при их отсутствии - по фактическим затратам на компенсацию ущерба, нанесенного объектам животного мира и среде их обитания, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды». Для решения данной проблемы целесообразным является рассмотрение проекта ФЗ «Об ответственном отношении к животным», который был принят в первом чтении 24 марта 2011 г., после чего, был отправлен на доработку, сроки окончания которой до сих пор не установлены. Принятие данного закона существенно повысит уровень защиты животных от посягательств на их жизнь со стороны человека. Помимо этого, Российской Федерации стоит присоединиться к участникам Европейской Конвенции по защите домашних животных, которая выведет Россию на новый уровень охраны животного мира.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что существующие проблемы не являются глобальными. Они решаемы. Предлагаемые способы борьбы с негативными факторами действительно могут внести вклад в практику применения ст. 245 УК РФ, поскольку воспитание чувства сострадания к животным поможет запустить механизм преобразования статистики по преступлениям, квалифицируемых по ст. 245 УК РФ. Первой стадией преобразования будет являться повышение количества рассматриваемых дел по данной статье в силу изменения общественного сознания по этому вопросу (увеличится число граждан, заинтересованных в безопасности животных). Затем, ужесточение санкций ст. 245 УК РФ и совершенствование, преобразование специализированного законодательства послужит рычагом воздействия на сознание преступника: постепенно начнет снижаться количество преступлений данной категории. В результате, мы получим новый механизм работы статьи, который поможет снизить уровень уголовно-наказуемых деяний, совершаемых против животных.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63 – ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2016 г. № 78 – ФЗ) // СЗ РФ 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О животном мире: Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
3. Уголовное право России: Учебник для вузов/Под ред. Игнатова А. Н., Красикова Ю. А. В 2 т. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1998, с.392.
4. Электронный ресурс. Режим доступа: [https://rospravosudie.com/court-tambovskij-oblastnoj-sud-tambovskaya-oblast-s]
5. Электронный ресурс. Режим доступа: [http://vao-priut.org/forum/sobaki-i-lyudi?page=7]

Григорьева Е.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СТАЖЕР СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вопрос о понятии специального субъекта преступления до сих пор обсуждается в рамках уголовно-правовой науки. В уголовном законодательстве не дается четкого понятия специального субъекта преступления, однако наукой дается следующее его определение: «Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, наделенное или обладающее дополнительными признаками, присущими ему на момент совершения общественно опасного деяния, и способное нести уголовную ответственность за преступление» [5, с. 95].

Весьма актуальным является вопрос о понятии специального субъекта должностных преступлений. К одному из таких преступлений можно отнести посягательства на интересы правосудия (гл 31 УК РФ). Особенностью данной категории преступлений является обусловленность признаков специального субъекта процессуальным статусом, который занимает такое лицо в ходе осуществления правосудия. На досудебных стадиях уголовного судопроизводства процессуальный статус имеют лица, производящие предварительное расследование, такие как: следователь, дознаватель, а также прокурор, осуществляющий надзор за предварительным расследованием.

При анализе и выяснении того, кто является специальным субъектом преступления против правосудия, и какими признаками они наделены, возникает вопрос: может ли быть субъектом указанных преступлений, например, стажер или практикант? Не секрет, что стажер-следователь фактически участвует при производстве большинства процессуальных действий по уголовному делу и также может совершить преступление против правосудия. Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к некоторым ведомственным нормативным правовым актам. В приказе МВД РФ от 15 августа 2011 года № 942 «О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию» [3] указывается на запрет самостоятельного производства следственных действий стажером. Участие стажера в производстве определенных следственных действий должно сопровождаться наблюдением за процессуальной деятельностью закрепленного за ним наставника.

Кроме того, отдельными нормативными правовыми актами некоторых ведомств предусмотрены институты общественного помощника следователя для Следственного комитета РФ. Так, согласно п. 17 Положения об общественном помощнике следователя Следственного комитета Российской Федерации общественный помощник оказывает техническую, информационную и организационную помощь следователю в его работе; готовит в соответствии с поручением следователя проекты документов [4]. В данном ведомственном нормативном правовом акте нет ни слова о процессуальных полномочиях общественного помощника следователя. Согласно п. 8 и 9 Положения о помощнике следователя, утвержденного Приказом МВД от 4 января 1999 г. № 1 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422» [2] помощнику следователя запрещается выполнять поручения и действия процессуального характера.

По поводу возможной уголовной ответственности стажера за совершение преступления против правосудия доктор юридических наук Э. Ф. Байсалуева высказалась, что, исходя из выполняемых функций, субъектом анализируемых преступлений наряду с прокурором, следователем, дознавателем следует признать следователя-стажера [1, с. 68]. Но тут же возникает вопрос: какие именно функции автор имел ввиду? В российской науке уголовно-процессуального права выделяют процессуальные функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Согласно гл.6 УПК РФ функцию обвинения осуществляет следователь, дознаватель и прокурор. В данной главе не сказано ни слова, может ли стажер-следователь осуществлять процессуальную функцию.

Спорным на данный момент является вопрос, обладает ли стажер-следователь процессуальным статусом. Ведь, согласно ведомственным нормативным правовым актам, стажер не наделен правом самостоятельного производства следственных действий, а следовательно, и обладать процессуальным статусом лица.

Э. Ф. Байсалуева в качестве примера приводит факт, о котором стало известно в результате интервьюирования одного из следователей: «В одном из УВД г. Тюмени на стажировку был направлен К. За один месяц стажировки К. проявил себя с положительной стороны, активно интересовался работой следователя, очень быстро научился тактике и особенностям проведения многих следственных действий. В результате наставник стал поручать выполнение многих следственных действий стажеру самостоятельно, при осуществлении которых сам наставник отсутствовал. Во время проведения очередного допроса стажер столкнулся с тем, что один из подозреваемых давал показания, которые порождали противоречия с показаниями остальных соучастников и потерпевшего. В результате стажер стал вынуждать подозреваемого к даче тех показаний, которые “нужны были” для уголовного дела. Запугивал подозреваемого возможностью назначения по договоренности с судьей максимального срока. Пристегнул подозреваемого наручниками к батарее и оставил его в кабинете “подумать”, а сам ушел на обед. В результате, после нескольких часов допроса, подозреваемый дал показания, которых добивался стажер» [1, с . 79].

В этом случае, стажер не является специальным субъектом преступлений против правосудия, но может подлежать уголовной ответственности в случаях фактического наличия в его действиях признаков иных составов преступлений, например против жизни и здоровья. Действия стажера, пристегнувшего не находящегося под стражей подозреваемого наручниками к батарее, следует в данном случае квалифицировать по ч. 1 ст. 127 УК РФ как «Незаконное лишение свободы». В подобных случаях уголовно-правовой оценке подлежат также действия следователя-наставника, и в зависимости от фактически наступивших общественно-опасных последствий и формы вины они подлежат квалификации как преступления против интересов государственной службы (превышение или злоупотребление должностными полномочиями, халатность). Стоит отметить, что к уголовной ответственности следователи-стажеры по данному факту не привлекались [6].

При рассмотрении вопроса о возможности отнесения следователя-стажера к специальным субъектам должностных преступлений следует учитывать процессуальную специфику его правового положения. Практически любой стажер в ходе своей стажировки стремится зарекомендовать себя с наилучшей стороны и выполнять любые указания наставника, так как от этого зависит его дальнейшее трудоустройство. Поэтому вряд ли стажер откажется выполнять данные ему указания, даже если на это у него нет процессуальных полномочий. В том же случае, когда речь идет об умышленных действиях стажера, которые носят общественно опасный характер и связаны с применением насилия в отношении участников уголовного процесса, следует решать вопрос об его уголовной ответственности за совершение преступлений против тех или иных общественных отношений в сфере охраны жизни и здоровья, личной свободы граждан. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что стажер не обладает признаками специального субъекта составов преступлений против правосудия и не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Список использованной литературы:

1. Байсалуева Э. Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: квалификация, ответственность., 2006.
2. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 (вместе с «Положением о Следственном комитете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации», «Положением о помощнике следователя»): Приказ МВД РФ от 04.01.1999 г.
3. О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию: Приказ МВД РФ от 15.08.2011 г. № 942, п. 10
4. Об организации работы с общественными помощниками следователя в системе Следственного комитета Российской Федерации (вместе с «Положением об общественном помощнике следователя Следственного комитета»): Приказ Следственного комитета РФ от 04.05.2011 г.
5. Павлов В. Г. Субъект преступления // Энциклопедия уголовного права. СПб.: Издание проф. Малинина, 2005.
6. Экс-главе следствия УВД г. Подольска простили 400 сфабрикованных дел [Электронный ресурс]. URL: http://izvestia. ru/news/554752 (дата обращения: 15.04.2016).

Гудиева М.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

В Конституции РФ провозглашается, что каждый человек имеет право на неприкосновенность жилища. Статья 139 Уголовного кодекса РФ является основным средством уголовно-правовой охраны неприкосновенности жилища. Настоящая тема актуальна, так как данное право часто нарушается. На практике возникают проблемы применения уголовного закона, который обеспечивает уголовно-правовую охрану неприкосновенности жилища.

В Уголовном кодексе РФ есть ряд составов преступлений, которые имеют близкое сходство по признакам состава с нарушением неприкосновенности жилища. Разграничение преступных деяний является самостоятельным и важным компонентом в квалификации преступлений. В судебной практике есть ряд сложностей, которые касаются разграничения нарушения неприкосновенности жилища (по статье 139 УК РФ) от незаконного лишения свободы (по статье 127 УК РФ). Когда рассматривается ситуация где незаконное лишение свободы человека имеет место в его жилище, и когда лицо проникло в жилище незаконно, то нужно отметить, что нарушаются оба указанных уголовно-правовых запрета. Следовательно, если незаконному лишению свободы сопутствует незаконный способ проникновения в жилище, то действия виновного лица нужно квалифицировать по совокупности преступлений по ст. 127 и ст.139 ч. 2 УК РФ. Уголовная практика идет по данному пути.

Существует другая проблема, которая касается разграничения преступления, состоящего в нарушении неприкосновенности жилищи, от отдельных форм хищения, которые непосредственно совершаются посредством проникновения в чужое жилище [1, с.9-12]. В Уголовном кодексе содержатся формы хищений чужого имущества, которые могут совершаться посредством незаконного проникновения в жилище потерпевшего. В Уголовном кодексе имеются три состава преступлений, квалифицированные виды которых устанавливают ответственность за хищение посредством незаконного проникновения в жилище. Данными составами являются:

1. Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, которое совершено с незаконным проникновением в чужое жилище;

2. Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, которое совершено незаконным проникновением в чужое жилище;

3. Разбой, то есть нападение для осуществления хищения чужого имущества, которое совершено с применением насилия, опасного для жизни либо здоровья, либо с угрозой применения подобного насилия, которое совершено с незаконным проникновением в жилище;

Благодаря анализу уголовно - правовых норм, предусмотренных ст.139, ч.3 ст. 158, п. «в» ч.2 ст.161 и ч.3 ст.162 УК РФ, можно сделать заключение, что они соотносятся между собой в качестве части и целого. Под описываемым видом конкуренции понимают случай, когда фактически имеются две либо несколько норм, одной из которых охватывается совершенное деяние в целом, а другими нормами охватываются только отдельные его части. Общее правило при квалификации преступления, если имеется конкуренция части и целого, заключается в том, что всегда следует применять ту норму, которой охватываются с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного преступного деяния. Такая норма имеет определенное преимущество перед нормой, которая предусматривает лишь часть того, что было совершено преступником. В таком случае способ совершения хищения, которое предусмотрено ч.3 ст. 158 УК РФ, п. «в», ч.2 ст.161 УК РФ, а также ч.3 ст. 162 УК РФ посредством незаконного проникновения в жилище, абсолютно полностью охватывается указанными нормами, а потому не требует дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ.

Кроме этого необходимо внести ясность в вопрос, касающийся квалификации незаконного проникновения в жилище, когда целью виновного лица является совершение в жилище того или иного, не связанного с хищением, преступного деяния (к примеру, убийства). Так как в данной ситуации лицом объективно совершается посягательство на два самостоятельных объекта, а именно, на жизнь и право на неприкосновенность жилища, в деянии такого лица имеется совокупность преступлений:

1) оконченное незаконное проникновение в жилище;

2) приготовление к убийству.

Следовательно, содеянное в такой ситуации может быть квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ст.139 УК РФ, и ч.1 ст.30 УК РФ, ч.1 ст.105 УК РФ. Однако в случае причинения тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью, равно как и лёгкого вреда здоровью, содеянное преступное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений следующим образом: по ч.2 ст.139 УК РФ, и по ст.111 УК РФ или ст. 112 УК РФ, либо по ст. 117 УК РФ соответственно.

Много проблем возникает на практике в процессе разграничения нарушения неприкосновенности жилища с хулиганством (по ст.213 УК РФ). В частности, разграничивать необходимо незаконное проникновение в жилище, которое сопряжено с насилием (согласно ч.2 ст.139 УК РФ) и простое хулиганство (согласно ч.1 ст.213 УК РФ). Следует указать, что объективными сторонами указанных преступных деяний является насилие либо угроза применения насилия [2, с.94-100].

Насилие, являющееся важным признаком хулиганства, представляет собой нанесение ударов, побоев, причинение боли либо лёгкого вреда здоровью. Угроза применения насилия, в свою очередь, заключается в выражении словесно либо даже жестами намерения применить физическое насилие.

То деяние, которое охватывается ч.2 ст.139 УК РФ, по ряду объективных, а также субъективных признаков совпадает со ст.213 УК РФ в тех случаях, когда место преступления - жилище. К примеру, лицо врывается в чужое жилище, учиняет в нем действия, в которых выражено явное неуважение к проживающим в жилище гражданам, например, толкает их, угрожает избить либо другим образом мешает нормальному их времяпрепровождению.

Чтобы вменить лицу состав нарушения неприкосновенности жилища, следует установить, что субъект действовал не из хулиганских побуждений, а хотел именно нарушить конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, то есть не посягал на общественный порядок. В таком случае усматривается конкуренция части ст.213 УК РФ, а также целого ст.139 УК РФ, а потому должна применяться та норма, которая с максимальной

полнотой охватывает фактические признаки деяния, совершённого виновным, то есть деяния, предусмотренного ч.2 ст.139 УК РФ.

Незаконное проникновение в жилище также сходно по ряду объективных, равно как и субъективных признаков с самоуправством (согласно ст.330 УК РФ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.330 УК РФ, охарактеризована рядом признаков:

1) самовольным совершением каких-либо действий, правомерность которых оспаривает организация или гражданин;

2) причинением существенного вреда указанными действиями;

3) причинной связью между такими действиями и причинённым ими вредом.

Диспозицией ст.330 УК РФ охватываются действия, которые состоят в самовольном осуществлении собственного действительного, а также предполагаемого права, равно как и совершение других действий без соблюдения установленного порядка их совершения. Действительным является то право, которое есть у лица на законных основаниях [3, с.19]. Но если при осуществлении такого права лицо нарушает установленный порядок его реализации, тем самым причиняя существенный вред правоохранительным интересам иного субъекта права, то следует говорить о составе самоуправства. К примеру, лицо, которое получило на законном основании ордер на квартиру, самовольно вселяется в соответствующую квартиру, не дожидаясь того, пока съедут прежние жильцы.

В отличие от преступления, предусмотренного ст.139 УК РФ, обязательное условие наступления ответственности по ст.330 УК РФ - наличие оспариваемого гражданином либо организацией права, равно как и причинение существенного вреда вышеуказанными действиями. О наличии подобного права должен знать виновный. Незаконное проникновение в жилище, наоборот, должно совершаться при отсутствии какого-либо спора, касающегося жилища [4, с.200].

Таким образом, очень важно уметь проводить разграничение преступления, заключающегося в нарушении неприкосновенности жилища, и преступлений со смежными составами. Благодаря этому верно квалифицируется совершенное виновным деяние и назначается справедливое наказание.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

3. *Акинина Н. Ю.* Защита права неприкосновенности жилища // Юридический вестник. - Ханты-Мансийск, 2009. - № 1. – С. 9-12.

4. *Алексикова О.Е.* Ответственность за нарушение права на неприкосновенность жилища в РФ// Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями: история и современность: Сборник научных докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. - Орел: ОРАГС, 2010. - С. 94-100.

5. *Акинина Н.Ю.* Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища: Автореф.дисс… канд.юр.наук. – Тюмень, 2009. – 19 с.

6. *Новиков В.А.* Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 200 с.

Давлетова Д.К.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МНИМУЮ ОБОРОНУ

В судебной практике встречаются случаи осуществления оборонительных действий против лица, поведение, которого ошибочно воспринимается как общественно опасное действие. В теории уголовного права и в судебной практике такие случаи называются мнимой обороной.

Важность исследования мнимой обороны заключается в том, что она не относится в полной мере к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, а в значительной части затрагивает психологические и уголовно-правовые аспекты интеллектуально-волевого содержания деятельности личности.

Проблема уголовно-правового регулирования мнимой обороны не нова. Возникают такие ситуации, как привлечение к уголовной ответственности за мнимую оборону и, необходимость назначения справедливого наказания для лица, оборонявшегося от мнимого нападения.

Отсутствие нормативного понимания сущности мнимой обороны и правил ее уголовно-правовой оценки преодолевается судебными органами.

Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указал, что судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие [2].

Многие исследователи мнимой обороны одним из главных её условий выделяют отсутствие общественно опасного посягательства. Так, А.А. Толкаченко, судья Верховного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, в соответствующей главе Комментария к УК РФ под редакцией В.М. Лебедева, характеризуя мнимую оборону, писал, что она возникает в ситуации, когда субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его поведение как общественно опасное посягательство на охраняемые законом права и интересы [5, с.28].

В свою очередь, Н.Д. Дурманов в своей работе отмечал, что те обстоятельства, которые присутствуют при необходимой обороне, отсутствуют при мнимой обороне, но для обороняющегося лица в его сознании они есть [3, с.128].

Практика сложилась так, что при оценке действий, причинивших вред в состоянии мнимой обороны, возможны следующие варианты квалификации деяния.

Во-первых, если обстановка происшествия давала все основания полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершённые в состоянии необходимой обороны. В такой ситуации лицо не подлежит уголовной ответственности.

Во-вторых, если при применении оборонявшимся лицом средств защиты, это лицо превысило пределы защиты, допустимые в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности как за превышение пределов необходимой обороны. В случае убийства «посягающего» действия лица квалифицируются по ч.1 ст. 108 УК РФ, а в случае причинения тяжкого вреда здоровью – по ч. 1 ст.114 УК РФ.

Чтобы понять, были ли превышены пределы необходимой обороны при отражении

мнимого посягательства, необходимо предположить, что оно было реальным и решать вопрос о том, могло ли лицо причинить такой же вред при действительном посягательстве[4].

Так, при добросовестном заблуждении вопрос решается с применением правил о необходимой обороне, в сочетании с правилами о фактической ошибке.

В-третьих, если лицо причиняет вред, не осознавая мнимости посягательства, но по обстоятельствам дела должно было и могло это осознавать, то его действия квалифицируются по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности.

Наконец, бывают ситуации, когда конкретные обстоятельства не дают лицу никаких оснований полагать, что происходит или произойдёт общественное опасное посягательство и, соответственно, защита была вызвана необоснованной подозрительностью этого лица. В таком случае лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях за совершение умышленного преступления.

Следует отметить, что вопрос об ответственности за вред, причиненный в состоянии мнимой обороны, рассматривается по общим правилам квалификации при фактической ошибке, т.е. в зависимости от наличия или отсутствия вины.

При уголовно-правовой оценке фактической стороны происшествия судом иногда не учитываются показания осужденных об отражении (по их мнению, в момент защиты) общественно опасного посягательства. Между тем показания этих лиц заслуживают самого серьезного внимания. В то же время обстоятельства, относящиеся к характеристике посягательства, было бы неправильно рассматривать лишь с позиции лица, ссылающегося на то, что оно оборонялось от нападения. Эти объяснения должны быть обязательно сопоставлены с другими данными дела.

При оценке фактических обстоятельств, происшедшего нельзя не учитывать и состояние лица, которое в момент защиты добросовестно считало, что оно отражает общественно опасное посягательство. Может быть и так, что неправомерные в его представлении действия вызвали душевное волнение, которое могло помешать правильному восприятию происходящих событий. Все это следует обязательно иметь в виду при решении вопроса о причинении вреда при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии мнимой обороны или превышения ее пределов в условиях, аналогичных реальному посягательству.

На наш взгляд, необходимо наиболее точно и полно осуществить регламентацию мнимой обороны как особенной уголовно-правовой ситуации, в частности дать законодательное определение понятия мнимой обороны и сформулировать конкретные правила уголовно-правовой квалификации основных ее разновидностей. Однако необходимо понимать, что такая полнота и конкретность обеспечиваются не только специальными уголовно-правовыми нормами относительно мнимой обороны, но и их системными связями с другими общими и специальными нормами, прежде всего с нормами института вины и необходимой обороны.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012, № 11.
3. Дурманов Н.Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность и противоправность деяния. М., 1961. С. 128.
4. Зарипова Ч. И. Мнимая оборона. Вестник ТИСБИ - 2008. - № 4.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп.- М.: Юрайт-Издат, 2012. Ст. 28.

Ерёмина К.Ф.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека - обязанность государства» [1]. Такой постулат содержит Конституция Российской Федерации, закрепляющая основополагающие права человека. В условиях современного мира терроризм все больше угрожает безопасности государств и их граждан, он стал самым опасным и трудно прогнозируемым явлением современности, которое приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Каждое государство, столкнувшееся с террористической угрозой, вырабатывает свою политику борьбы с терроризмом, которая зачастую нарушает конституционные права граждан. Взаимосвязь борьбы с терроризмом и соблюдения прав человека прослеживается в том, что победа над терроризмом возможна лишь в том случае, если средства для обеспечения безопасности отдельного человека будут согласовываться с его правами и свободами, а методы и способы борьбы будут разрабатываться и применяться совместными усилиями в процессе сотрудничества государств.

Терроризм - это идеология насилия, террористическая деятельность направлена на дискриминацию личности, ограничение ее прав и свобод, создания угрозы безопасности человека и человеческой жизни [2]. Методы и способы действий террористов постоянно совершенствуются, и направлены против многочисленных государств и народов мира. Только за последние три месяца 2016 года жертвами террористических актов стало почти 500 человек. Взрыв в Ливии 7 января 2016 года, когда смертник на автомобиле атаковал тренировочный лагерь для курсантов, где погибли более 70 человек, раненых около 200 человек, теракт в Брюсселе 22 марта 2016 года, еще многие другие теракты, произошедшие в Египте, Ираке, Турции. Сотни убитых на совести боевиков "Исламского государства", запрещенной в России террористической организации [3]. В России это взрывы на железнодорожном вокзале в Волгограде, совершённые 29 декабря 2013 года, в троллейбусе 30 декабря 2013 года, взрыв автобуса 21 октября 2013 года[4]. Это, также, крупнейшая катастрофа, произошедшая 31 октября 2015 года – «Катастрофа А321» над Синайским полуостровом, ставшая самой массовой гибелью граждан России в авиакатастрофе за всю историю мировой авиации. В результате заложенной в самолёт бомбы потерпел крушение Airbus A320, погибло 217 пассажиров и 7 членов экипажа[5].

Такое устрашающее количество произошедших террористических актов должно понуждать государства искать и использовать более эффективные методы борьбы с терроризмом и проделывать путь к сотрудничеству, для нанесения масштабного удара по всемирной угрозе терроризма.

На сегодняшний день создана система международного противодействия терроризму сотрудничества государств на глобальном и региональном уровнях. В основе принципа сотрудничества лежат такие направления, как - взаимодействие государств, в рамках международных соглашений и организаций, разработка новых договоренностей, принятие практических мер по предотвращению террористических посягательств и т.д.

Создание международно-правовых основ антитеррористического сотрудничества субъектов международного права связано с разработкой, принятием и введением в действие:

- 12 многосторонних соглашений, таких как Токийской конвенции 1963г., Конвенции о предотвращении финансирования терроризма 1999 г.;

- региональных соглашений, таких как, Договор о сотрудничестве государств участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г., Конвенции о борьбе с терроризмом Шанхайской организации сотрудничества 2001 г.;

- многочисленных и достаточно эффективно действующих двусторонних соглашений о борьбе с терроризмом [6, с. 156].

Российская Федерация является участницей всех 12 глобальных антитеррористических конвенций. Международно-правовые документы контртеррористической направленности заложили основы для создания и функционирования антитеррористических органов и организаций, к которым относятся органы государства - Министерство внутренних дел РФ, ФСБ и др., международные межправительственные организации и их главные органы - ООН, Совет безопасности ООН и др.

Но, несмотря на существование такой системы противодействия терроризму, на сегодняшний день существует проблема сотрудничеств государств по борьбе с терроризмом. Россия выступает за устранение любых препятствий на пути объединения усилий всего международного сообщества в целях организации эффективного отпора терроризму. Но, к сожалению, политика по вопросу противодействия терроризму на сегодняшний день воспринимается некоторыми государствами как геополитическая технология контроля над пространством. Совершенно верно утверждает, Троицкий С. В.- «Как справедливо заметил Президент Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка М. Раджапаксе в ходе 62-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, «вместо того чтобы искать решения на путях сотрудничества, мы зачастую плодим подозрительность и возводим между нами стены, используя «двойные стандарты»» [7, с.76-84].

Представляется справедливым утверждение Княжева В. Б. о том, что «непредвзятое исследование демонстрирует, что в конце XX - начале XXI вв. терроризм приобрел относительно новое свойство – способность эффективно воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику крупнейших государств и тенденции развития международного сообщества в целом» [8, с. 199].

Следствием этого является, на наш взгляд:

- во-первых, установление нового мирового экономического порядка, при котором происходит образование кризиса, характеризующегося, в частности для России, введением отраслевых санкций, падением цен на нефть, валютным кризисом и т.д.

- во-вторых, утверждение нового политического порядка, при котором развитая международно - правовая система сотрудничества и разрешения конфликтов сочетается со способностью отдельных государств навязывать международному сообществу свое «видение» конфликта и свой способ его разрешения. И, наконец, утверждение нового правового порядка, при котором террористы и террористические организации могут легко трансформироваться в политических беженцев, представителей национально-освободительных сепаратистских и нетрадиционных религиозных движений, не только не подлежащих преследованию, но и имеющих право на получение зарубежной и международной помощи. Почти невозможно найти хотя бы одного эксперта, который бы сомневался в том, что терроризм имеет обширную социальную базу. Потенциальные террористы могут быть гражданами любого государства, принадлежать к любой этнической или расовой группе, исповедовать любую религию или быть атеистами.

Таким образом, в условиях сложившейся ситуации в современном мире сотрудничество государств в области противодействия терроризму осуществляется на недостаточно высоком уровне, что по нашему мнению, является ключевой проблемой в вопросе борьбы с терроризмом. Только совместными усилиями можно победить в этой войне и побороть одну из самых опаснейших угроз человечеству, посягающую на неотъемлемые права и свободы граждан, и безопасность государств и мира в целом.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// РГ 2009. 21 января; СЗ РФ от 04.08.2014 № 31, ст.4398.

2.О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст.1146; 2015. №1 (часть 1). Ст.58.

3.Официальный сайт RG.RU//URL:http://rg.ru/2016/01/08/terakti-site-anons.html (дата обращения 27.03.2016).
4. Правда Волгограда. URL: http://www.pravda34.info/?p=1121(дата обращения 27.03.2016).
5.Официальный сайт Газета.ru //URL:http://www.gazeta.ru/social/news/2015/10/31/n_7834865.shtml (дата обращения 30.03.2016).
6.*Кучуб Н. А.* Об особенностях сотрудничества государств в противодействии международному терроризму // Символ науки. 2015. № 3.С. 156.
7.*Троицкий С. В.* Международно-правовые формы сотрудничества государств по противодействию терроризму // Государство и право.2014. № 2. С. 76-84.
8. *Княжев В. Б.* Борьба с терроризмом и права человека // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 2. С. 199.

Зелепукина Т.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главный ориентир в развитии структуры органов внутренних дел – человек. Человеческий фактор - это не только средство любых преобразований, но и их цель. Ведь именно сотрудники ОВД уполномочены в силу своей профессиональной деятельности, защищать права и свободы человека и гражданина, организовывать все необходимые разрешенные законом меры для предупреждения и пресечения правонарушений, а также раскрывать и расследовать уже совершенные преступления.

Основным орудием по применению своих законных прав и исполнению прямых обязанностей, связанных со специфической деятельностью в правоохранительных органах, для сотрудников ОВД является их профессиональное правосознание. Оно представляет собой совокупность взглядов, идей, выражающих отношение к праву[3, С.156], законам, правосудию, представление о том, что является правомерным или неправомерным.

Профессиональное правосознание сотрудника ОВД включает: знание законодательства и возможностей юридической науки; убежденность в необходимости и социальной полезности законов и подзаконных актов; умение пользоваться правовым инструментарием – законами и другими правовыми актами, юридической техникой, достижениями юридической науки и практики[5, С.56].

Правосознание позволяет привить уважение к нормам права, убежденность в необходимости их использования, также развить навыки правомерного поведения и социально-правовой активности. От уровня правосознания зависит законность, объективность, гибкость и результативность работы сотрудников органов внутренних дел.

Исключительное значение имеет проблема преодоления низкого уровня правосознания сотрудника ОВД, его некомпетентности, непрофессионализма, неумения разобраться в конкретных жизненных ситуациях, дать им правильную юридическую оценку, в результате чего появляются незаконные и необоснованные решения.

Высокий же уровень правосознания позволит: анализировать и оценивать элементы законодательства; выстраивать свое поведение в соответствии с нормами права, независимо от сложности ситуации, в которой оказался сотрудник. Все его действия будут продиктованы общенормативным воздействием правосознания; предсказать последствия принятия,

изменения или отмены какого-либо законодательного акта, указа, распоряжения и быть к этому готовым.

Помимо уровня существует еще один показатель профессионального правосознания. С учетом специфики работы в ОВД, можно предположить, что правосознание сотрудников органов не может оставаться без какого-либо влияния: положительного или негативного. Одним из следствий такого влияния является деформация правового сознания.

Одна из наиболее резких форм правовой деформации - правовой нигилизм[4, С.42]. Из-за специфической деятельности органов внутренних дел он чаще всего проявляется в подмене понятий: «законность» и «целесообразность». То есть нередко, забывая свое положение, законные права и обязанности, профессиональную этику и даже основные принципы справедливости и гуманизма, сотрудники могут поддаться эмоциям и поступить не так как необходимо, а так, как кажется правильно самому сотруднику. В ст.6 п.4 ФЗ «О полиции» говорится о том, что «сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность и т.д.»[2]. Таким образом, в большинстве случаев, сотрудники органов внутренних дел, несмотря на личные чувства, обязаны выполнять свою работу в соответствии с законодательной базой.

Правовое сознание в системе ОВД играет важную роль не только в становлении сотрудников органов высокообразованными профессионалами своего дела, но и целесообразности работы всей структуры внутренних дел в принципе. Поэтому одним из необходимых качеств сотрудников внутренних дел является высокий уровень правового сознания. Такой служащий будет способен исполнять приказы руководства, выполнять свои прямые обязанности ответственно и четко и, самое главное, он будет способен организовывать свою деятельность в соответствии с нормативной базой и уставами. Так, например, в ст. 5 ФЗ «О полиции» говорится о том, что «полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина»[2,ст.5,п.1]. Для того чтобы соблюсти предписания этой статьи, сотрудник ОВД должен не только знать свои обязанности, но и постоянно думать о соблюдении основных законодательных актов РФ, в частности, Конституции[1], которая и провозглашает основные права и свободы гражданина и человека.

Более того, правосознание «работает» на устранение пробелов в праве, формулирует в конкретных правовых требованиях (законах, постановлениях) положения, которые могут усовершенствовать законодательство. В правоприменительной деятельности развитое правосознание направляет гражданина на правильный путь решения возникшей проблемы, то есть посредством закона, а не открытых конфликтов, столкновений, недовольства и других методов, в том числе и незаконных.

Если уровень правосознания каждого сотрудника ОВД будет высоким, и они будут исполнять возложенные на них обязанности в соответствии с буквой и духом закона, это позволит повысить эффективность работы всей структуры ОВД.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ (ред. от 22.12.2014) ст.5, п.1.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С.156
4. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности. Л., 1972. С.42
5. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988.

Зорикова Е.В.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ, ИМЕЮЩЕГО КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ

Федеральный закон «Об оружии» дает определение оружия, имеющего культурную ценность. Так, оружием, имеющим культурную ценность, признается оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 года N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие [2, с.1].

На практике возникает много вопросов, связанных с оборотом такого оружия. Так, одна из проблем в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность, возникает в связи с квалификацией незаконного оборота такого оружия по ч.4 ст.222 УК РФ [1, с.1]. Указанная норма устанавливает ответственность за незаконный сбыт гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия. Однако под данную норму попадает также оружие, имеющее культурную ценность, в том числе антикварное. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему деяние, направленное на сбыт огнестрельного оружия ограниченного поражения отождествляется с деянием, направленным на сбыт антикварного оружия? Так, первая ситуация будет нести большую общественную опасность, чем вторая, ведь порой сбыт антикварного оружия связан лишь с культурными целями.

В 2014 году Конституционный суд разрешил данный вопрос, а ч.4 ст.222 УК РФ была признана частично не соответствующей Конституции РФ.

Поводом к рассмотрению дела послужила жалоба Г.Н. Урюпиной, в отношении которой было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 222 УК РФ по факту попыток реализовать в пунктах оценки антиквариата два имевшихся у нее кортика. Гражданка Г.Н. была признана виновной, но освобождена от назначенного наказания на основании акта об амнистии.

В результате рассмотрения дела Конституционным Судом РФ, положение ч.4 ст. 222 УК РФ признано не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой оно не предполагает возможность учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу, желающему реализовать его как предмет, имеющий культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия [3, с.1].

Таким образом, можно заключить, что вопрос был решен с учетом специфики использования оружия. Соответственно, теперь при квалификации деяния судам следует устанавливать, с какой целью был совершен сбыт антикварного оружия, какую общественную опасность представляло данное деяние. Однако на практике все еще существуют пробелы в праве по многим вопросам, связанным с определением оружия и его видов. Поэтому в законодательство об оружии постоянно вносятся новые поправки. Так, к примеру, итогом Постановления Конституционного Суда РФ по рассмотренному делу послужило признание некоторых актов, или их отдельных положений, являющихся неконституционными, утратившими силу.

Еще одним значимым вопросом в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность, является соотношения определения такого оружия по российскому законодательству и по законодательству иностранных государств. Так, интересным

представляется рассмотрение старинного (антикварного) оружия. Согласно ФЗ «Об оружии» старинное (антикварное) оружие – это огнестрельное, метательное и пневматическое оружие, изготовленное до конца 1899 года (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы патронами), а также холодное оружие, изготовленное до конца 1945 года. Таким образом, указанное определение значительно ограничило круг памятников оружейной старины, а также противоречит мировой истории развития огнестрельного оружия. В научных источниках приводятся примеры оружия, не вошедшего в законодательное определение старинного (антикварного оружия): многоствольные, разнозарядные, магазинные ружья и пистолеты XVI - XVII вв., сложные оружейные конструкции охотничьего оружия XVIII в., прославленные разработки русских и иностранных оружейников XIX. То есть можно сказать, что достаточно большая группа ценных исторических памятников огнестрельного оружия XVI - XIX вв., представляющих историческую ценность для России и всего мира, теперь не попадает под определение старинного (антикварного) оружия, соответственно, к такому оружию уже нельзя применить порядок оборота антикварного оружия [5, с. 60].

Такое оружие по российскому законодательству не является старинным (антикварным) в связи с тем, что законодательство исключает признание антикварным любого оружия, стреляющего патронами. Однако, к примеру, фитильное оружие вполне можно объявить стреляющим патронами, состоящими из порохового заряда, упакованного в бумагу с приклеенной к нему пулей [капкан]. Такая проблемы связана с историческим аспектом: так, полноценные патроны к дульнозарядному оружию появились еще в середине XVI века, на смену им в начале XIX столетия приходят унитарные патроны с интегрированным капсюлем. Так, на наш взгляд, законодатель не учел данного положения. Определение следовало привести в тождество с определением, данным старинному (антикварному) оружию, данному в «Положении о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза, вывоза с таможенной территории Таможенного союза и транзита по таможенной территории Таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему». В п.10 указанного положения говорится, что ввоз и вывоз огнестрельного, метательного и пневматического оружия, изготовленного до 1899г. (за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы унитарными патронами центрального боя), а также иного холодного оружия, изготовленного до конца 1945г., осуществляется в соответствии с требованиями, предусмотренными положением о порядке ввоза на таможенную территорию государств – участников таможенного союза и вывоза с таможенной территории государств – участников таможенного союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов [6, с. 1]. Как можно заметить, в данном определении уточняется, что исключается лишь оружие, изготовленное для стрельбы унитарными патронами.

Кроме того, следует рассмотреть определение старинного (антикварного) оружия по законодательству зарубежных стран. Так, в Своде федеральных постановлений США закреплено понятие оружия, являющегося антиквариатом или реликвией. К нему отнесены образцы огнестрельного оружия, представляющие интерес для коллекционеров вследствие определенных качеств, отличных от тех, которыми обладает огнестрельное оружие, предназначенное для спортивных целей или использования в качестве наступательного или оружия самообороны. При этом для признания огнестрельного оружия антиквариатом или реликвией оно должно быть отнесено к какой-либо категории, например, «огнестрельное оружие, изготовленное минимум за 50 лет до текущей даты».

Во Франции Закон «Об оружии» к категории «старинное и коллекционное оружие» относит оружие, модель и дата изготовления которого более ранняя, чем установлено министерством обороны (в настоящее время 1 января 1870 г.), из которого нельзя произвести выстрел современными боеприпасами. К этой категории закон относит также копии такого оружия. В обеих приведенных странах установлен достаточно свободный режим правового регулирования оборота такого оружия. Так, в США коллекционеру старинного оружия разрешено открыто хранить дома образцы исторического огнестрельного оружия, которое

произведено до 1919 г. и снаряжение которого не позволяет произвести из него выстрел [4, с. 42].

Разница в определениях, на наш взгляд, достаточно сильно влияет на оборот такого оружия. Так как в России старинное (антикварное) оружие отнесено к гражданскому, то его оборот имеет разрешительный порядок, а также соответствующий контроль со стороны органов внутренних дел. Выходит, что в нашей стране оборот старинного огнестрельного оружия, имеющего простые патроны, будет считаться незаконным. Соответственно, за такой оборот будет наступать уголовная ответственность. А это, в свою очередь, породит множество спорных ситуаций.

Таким образом, анализируя представленные проблемы, можно заявить о необходимости совершенствования законодательства в области оборота оружия. Кроме того, нужно учитывать международную практику в данной сфере. Так, на наш взгляд, определение старинного (антикварного) оружия, данное в ФЗ «Об оружии» необходимо уточнить словами: «за исключением огнестрельного оружия, изготовленного для стрельбы унитарными патронами центрального боя». Помимо этого, важным представляется дальнейшее научное изучение проблем, связанных с оборотом оружия, имеющего культурную ценность, для поиска пробелов в праве и их устранения законодателем. Благодаря этому решатся многие проблемы при квалификации незаконного оборота оружия.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 61.
2. Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 29 декабря 2015) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681; 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 28.
3. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона "Об оружии" в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 N 18-П // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3633.
4. *Шелковникова Е.Д.* Международно-правовой статус старинного оружия и особенности правового регулирования его оборота за рубежом // Международное публичное и частное право. Юрист. 2012. № 3 (66). С. 41-43.
5. *Шелковникова Е.Д.* Старинное (антикварное) оружие в России: закон и правоприменительная практика // История государства и права. 2014. № 19. С. 59 - 64.
6. Положение к п.2.22 о порядке ввоза на таможенную территорию таможенного союза, вывоза с таможенной территории таможенного союза и транзита по таможенной территории таможенного союза гражданского и служебного оружия, его основных частей и патронов к нему // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Сайт]. URL: http://www.tsouz.ru/db/entr/Pages/polog222.aspx (дата обращения: 10.04.2016)
7. *Кудряшов А.* Антикварный капкан // Охотники.ру [Сайт]. URL: http://www.ohotniki.ru/weapon/article/2015/05/26/643960-antikvarnyiy-kapkan.html (дата обращения: 13.04.2016)

Каргина А.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Вестов Ф.А.,
к.ю.н., профессор кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Защита прав и законных интересов граждан являются одной из первостепенных задач и непременным долгом государства. Особую важность в этом направлении приобретает забота о

молодом поколении, о несовершеннолетних, которые в условиях остро стоящих социальных проблем все чаще оказываются оптимальным материалом для реализации криминальных интересов взрослых.

Как показывает статистика, в 2015 году ситуация приобрела проблемный характер. На 28,7% возрос уровень подростковой преступности. Ее удельный вес в общей структуре составил 5,0% против 4,1% в 2014 году. *Кроме того,* отмечены отрицательные изменения и в степени тяжести совершаемых преступлений [10].

В связи с этим возрастает значение активизации борьбы с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений. Прежде всего, необходимо обращать внимание на профилактику вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и предупреждение их противоправного поведения.

Особая роль отводится в этом вопросе органам внутренних дел. В октябре 2015 года на заседании общественного совета при МВД России особое внимание было уделено вопросам, связанным с преступностью подростков [8]. Вопросы, касающиеся деятельности полиции по противодействию преступности в рассматриваемой сфере, нашли отражение в законе «О полиции», Приказ МВД РФ «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» и других нормах права[1] [2].

Хотелось бы отметить важность проведения аналитической работы как условие успешной организации деятельности полиции по предупреждению преступности несовершеннолетних на уровне региона [6, с.22]. Проведение такой работы позволяет своевременно выявлять наиболее неблагоприятные участки и сосредотачивать усилия на них.

Таким образом, будут получены такие тенденции как:

- количество совершаемых несовершеннолетними преступлений в абсолютном значении, а также их удельный вес;
- структура по категориям тяжести;
- «омоложение» преступности;
- групповая преступность, в том числе с участием взрослых;
- социальный состав и др [7, с.23].

Учитывая вышеуказанные тенденции органам внутренних дел будет легче разработать меры, которые будут наиболее актуальны при их реализации в борьбе с преступностью в данной сфере.

В связи с этим органы внутренних дел на районном уровне осуществляют ежемесячный анализ криминогенной обстановки на обслуживаемой территории, а на окружном, межрегиональном и региональном уровнях – ежеквартальный. Затем составляется прогноз состояния оперативной обстановки, принимаются управленческие решения, направленные на совершенствование работы по предупреждению преступлений, разрабатываются комплексные оперативно-профилактические мероприятия и обеспечивается их проведение.

Представляет определенный интерес опыт работы органов полиции Иркутской области [9]. Так, для принятия конструктивных решений и действий в адрес руководителей учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, направлялись информационные письма. Также возросло количество семей, получивших юридические консультации. Проводятся семинары для целевой аудитории.

Оказывается персонифицированное взаимодействие. В рамках летней оздоровительной кампании в детских лагерей реализована акция «Зарядка с полицией». Осуществлялось правовое просвещение детей и родителей (законных представителей) в рамках акции «Полиция на страже детства» путем ответов на поступающие по телефону доверия вопросов. Для формирования и закрепления устойчивых навыков и знания в сфере соблюдения правил дорожного движения прошел конкурс «Полицейский дядя Степа».

Таким образом, имеются основания для распространения подобной положительной практики на регионы.

Следует отметить, что несмотря на наличие уже существующих различных форм взаимодействия органов, борьба с преступностью несовершеннолетних имеет свою

специфику. Требует специальных познаний, изучения криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере, привлечения различных органов и учреждений системы профилактики и индивидуальных форм координационной деятельности по борьбе с преступностью данного вида.

Негативными факторами, оказывающими непосредственное влияние на показатель подростковой преступности, несомненно, являются непростая социально-экономическая ситуация в стране, и, нередко, отсутствие должного внимания и контроля, широкое распространение демонстрации элементов реального насилия [5, с.74].

Полиция, четко осознавая реальность проблемы, предпринимает со своей стороны все возможные усилия для профилактики подростковой преступности, в том числе и решая задачи, которые не входят в компетенцию органов внутренних дел.

Министром внутренних дел России Колокольцевым В.А. подписан приказ об обязательном шефстве всех территориальных органов Министерства внутренних дел над госучреждениями для детей, вниманием охвачены более чем 1,5 тысяч детских домов, социально-реабилитационных центров и школ-интернатов, работа ведется с более чем 110 тысячью ребят.

Также Министр отметил деятельность общественных советов при МВД России и территориальных органах на всех уровнях. Совместно с сотрудниками полиции ими проведено более 2,5 тысяч мероприятий с участием почти 150 тысяч человек [9].

Представляется, что выработка подобных механизмов, обеспечивающих применение мер в рассматриваемой сфере правоотношений, при надлежащем контроле за их реализацией и при корректировке запланированных мер с учетом оперативной обстановки на территории региона должна положительно сказаться на борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Необходимо отметить деятельность участковых уполномоченных полиции, которые объективно являются основными представителями полиции, выполняющим задачи по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на закрепленной за ним административном образовании. Вносят предложения по активизации профилактической работы на обслуживаемых территориях, в том числе по расстановке нарядов патрульно-постовой службы полиции. Устанавливают доверительные отношения с гражданами с целью получения информации, способствующей предупреждению и раскрытию преступлений и иных правонарушений. Выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, в систематическое употребление алкогольной продукции, наркотических веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством. Устанавливают родителей и работников образовательных, воспитательных которые должным образом не исполняют соответствующие обязанности по воспитанию и обучению детей [3, с.10].

Немаловажное значение имеют комиссии по делам несовершеннолетних. Сотрудники данного подразделения проводят профилактические беседы в индивидуальном порядке с несовершеннолетних, состоящими на специальном учете, а также их родителями. Ими проводятся профилактические мероприятие для установления детей и подростков, которые могут быть вовлечены в группы антиобщественного, экстремистского и иного характера. Их задачей также является проведение встреч с населением, беседы в образовательных учреждениях, информирование через СМИ по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних, формирование положительного общественное мнение и уважения к деятельности органов внутренних дел [4, с.74].

Сотрудниками патрульно-постовой службы проводят рейды с целью предупреждения совершения общественно опасных деяний лицами, склонными к таким действиям, в местах концентрации криминогенного элемента несовершеннолетних. Деятельность ППС направлена на пресечение распития спиртных напитков, употребления наркотических средств и психотропных веществ в общественных местах, факты совершения мелких хулиганств, краж которые является характерным именно для подростковой преступности.

Заблудившиеся дети, подростки, безнадзорные несовершеннолетние, оказавшиеся в социально опасном положении, несовершеннолетние правонарушители также являются объектом их пристального внимания.

Осуществляют разъяснительную работу среди граждан по соблюдению ими общественного порядка, недопущению вовлечения детей и подростков в совершение антиобщественных действий [2].

Итак, в сфере профилактики правонарушений в данной сфере важной проблемой остается семейное неблагополучие, которое способствует совершению несовершеннолетними общественно опасных действий.

Необходимо активизировать работу общественности, воспитательных и образовательных организаций, групп по интересам.

Для повышения эффективности предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений важно организовать четкий механизм взаимодействия и объединения усилий всех субъектов профилактики, их слаженной работы, обмена информацией между ними.

Список использованной литературы:

1. О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2015. № 10. Ст. 1393.
2. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»): Приказ МВД России от 17 января 2006 № 19 (ред. от 20.01.2016) // Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения 13.04.2016).
3. Величко В.О. Хохлова В.Е. Надзор за исполнением законов об административной ответственности несовершеннолетних, их родителей и законных представителей: пособие. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Генпрокуратуры РФ, 2004. С.10
4. Деменчук Д.В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защита их прав в Российской Федерации. Дисс. …канд. юридич. наук. М, 2014.
5. Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий : учебное пособие. М.: Илекса, 2015.
6. Сапронова Н.А. преступность несовершеннолетних в сельской местности и ее предупреждение: Автореф. дис. … канд. юридич. наук. Томск, 2011. 22 с. С. 7.
7. Соловьев В.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по материалам Центрального федерального округа). Автореф. дис. … канд. юридич. наук. М, 2013.
8. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции Владимира Колокольцева на заседании Общественного совета при МВД России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Сайт] URL:https://mvd.ru/document/6577355 (дата обращения 11.04.2016).
9. Вестник Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Иркутской области // Официальный сайт Правительства Иркутской области [Сайт] URL: http://irkobl.ru›sites/kdnizp/vestnik…KDNiZP1-2013. (дата обращения 11.04.2016).
10. Отчет начальника ГУ МВД России по Саратовской области перед Областной Думой // Официальный сайт Главного Управления МВД России по Саратовской области [Сайт] URL: https://64.mvd.ru/Teksti_oficialnih_vistuplenij_rukovodite/item/7441515/ (дата обращения 11.04.2016).

Касимцева А.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Кордуба С.Б.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

По данным статистики МВД в январе - феврале 2016 года зарегистрировано 370,3 тыс. преступлений. Более трети всех зарегистрированных преступлений (41,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 140,6 тыс. (+8,2%). Каждая четвёртая кража (25,5%) сопряжена с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать третье (3,0%) зарегистрированное преступление – квартирная кража [1]. По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года показатель краж, с проникновением в жилище увеличился, что говорит о необходимости повышения эффективности борьбы в этом направлении, которое в свою очередь невозможно без преодоления пробелов, возникающих при квалификации состава пункта «а» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса РФ [2].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3] под незаконным проникновения в жилище понимается противоправное тайное вторжение в него с целью совершения кражи.

Согласно примечанию статьи 139 Уголовного кодекса РФ жилище это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями; жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания [2].

Статья 15 Жилищного кодекса РФ раскрывает понятие жилого помещения как изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан [4].

Интересно, что в примечаниях к статьям 139 Уголовного кодекса РФ и 15 Жилищного кодекса РФ имеются отличия: в уголовном законодательстве жилище предназначено для постоянного и временного проживания, а в нормах жилищного закона указание на временное проживание отсутствует. Мы считаем, что данное различие не является противоречием законодательства, т.к. в нормах Жилищного кодекса РФ предполагается, что жилое помещение предназначено для постоянного проживания, но не исключает использование его в этих целях временно.

По мнению Старушко В.А. жилое помещение пригодно только для постоянного проживания [5, с. 69-74]. Мы не согласны с этим т.к. постоянным будет являться проживание на правах собственника, а временным в качестве арендатора. Поэтому временное проживание в жилом помещении возможно, и в данном случае оно не будет терять статус жилого помещения.

К жилым помещениям Жилищный кодекс РФ относит: жилой дом, либо часть жилого дома; квартиру, а также часть квартиры; комнату. Под жилищным фондом понимается совокупность всех жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации [4].

Таким образом, в понятие жилище входит:

1. Жилое помещение - предназначенное для постоянного и временного проживания, которое должно отвечать установленным санитарным и техническим правилам и нормам,

иным требованиям законодательства. Митина М.А. также считает, что жилые помещения должны быть благоустроены [6, с. 206-208].

В Постановлении Правительства «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» [7] содержатся требования, которым должно отвечать жилое помещение: оно должно быть обеспечено инженерными системами (электроосвещение, хозяйственно-питьевое и горячее водоснабжение, водоотведение, отопление и вентиляция, а в газифицированных районах также и газоснабжение).

2. Помещения или строения, пригодные для временного проживания, но не являющиеся жилыми помещениями. В примечании к статье 158 в пункте 3 Уголовного кодекса РФ [2] указанно, что помещения - это строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Из этого определения можно прийти к выводу, что строения это всегда помещения, но помещения не всегда строения. В примечании к статье 139 уголовного закона используются два отдельных термина «помещение» или «строение» из чего следует, что строение это не помещение, а нечто другое. Нам видится необходимым конкретизация в уголовном законодательстве понятий «помещение» и «строение» с обязательным разъяснением какие из низ пригодны для временного проживания, а какие - для хранение имущества.

Согласно Налоговому кодексу РФ помещением для временного размещения и проживания – является помещение, используемое для временного размещения и проживания физических лиц (квартира, комната в квартире, частный дом, коттедж (их части), гостиничный номер, комната в общежитии и другие помещения). Временным в данном случае будет считаться проживание на таких основаниях как в период работы, службы или обучения [8].

Важно отметить, что установление уголовной ответственности за кражу с незаконным проникновением в жилище является гарантией конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Статья 25 Конституции РФ закрепляет положение о том, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц кроме случаев, установленных в законе [9]. Данное положение дублируется в статье 3 Жилищного кодекса РФ, но с оговоркой о законном проживании таких лиц [4].

Законные основания - это жилищные права и обязанности, установленные законами и иными правовыми актами, а также возникающие из действий участников жилищных отношений, которые порождают жилищные права и обязанности. В соответствии со статьей 10 Жилищного кодекса РФ жилищные права и обязанности возникают: из договоров и иных сделок; из актов государственных органов и актов органов местного самоуправления; из судебных решений и в других случаях установленных жилищным законодательством [4].

Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу признака *незаконного* проникновения в жилище необходимо выяснять, с какой целью виновный оказался в помещении и когда возник умысел на завладение чужим имуществом. Например, гражданин А. приглашает к себе в квартиру гостей, среди которых был гражданина Б., как оказалось позже ранее судимый за хищение чужого имущества. Гражданин Б. заранее решил похитить у гражданина А. имущество, для чего принес с собой в гости два пустых пакета. Продолжая реализацию умысла, он выбрал удобный момент, что бы спрятаться в шкаф в этой же комнате, где находились приглашенные гости. Дождавшись, когда хозяин квартиры проводил всех гостей, тайно изъял имущество у гражданина А. и скрылся с места преступления.

В данном случае гражданин Б. находился в квартире правомерно, но преступное намерение у него возникло до того как пройти в жилище с согласия потерпевшего. Опираясь на положение пункта 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[3] действия гражданина Б. подлежат квалификации по пункту «а» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса РФ. А вот если гражданин Б. пришел в гости не имея преступного умысла, то есть умысел на хищение

имущества возник в ходе нахождения в квартире потерпевшего тогда признак незаконное проникновение в жилище отсутствует, поэтому будет квалификация деяния по части 1 статьи 158 Уголовного кодекса РФ.

Также интересным представляет тот факт, что незаконным проникновением в жилище будут считаться случаи, когда виновный похищает чужое имущество без вхождения в соответствующее помещение. Например, будучи на улице осуществить похищение кошелька с деньгами, находящегося на подоконнике открытого окна.

Резюмируя выше сказанное, отметим, что актуальным является вопрос о том, что подпадает под понятие жилище, которое является обязательным признаком объективной стороны состава предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 158 Уголовного кодекса РФ. Кроме того для правильной квалификации рассматриваемого деяния важно правильно определить какие способы проникновении в жилище признаются незаконными.

Список используемой литературы:

1. См.: Состояние преступности - январь-февраль 2016 года. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - февраль 2016 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/ (дата обращения 31.03.2016).
2. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016)// СЗ РФ. 1996, N 25, ст. 2954; 2016, N 18, ст. 2515.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 (ред. от 03.05.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 2, 2003; N 5, май, 2015.
4. См.: Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016)//СЗ РФ. 2005, N 1 (часть 1), ст. 14; 2016, N 9, ст. 1204.
5. См.: Старушко В. А. Российский и Международный аспекты понятия жилища // Законность и правопорядок в современном обществе . 2013. № 13.
6. См.: Митина М. А. Понятие жилого помещения как объекта права собственности и граждан России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук . 2012. № 6.
7. См.: Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции: Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 N 47 (ред. от 25.03.2015, с изм. от 03.02.2016) // СЗ РФ. 2006, N 6, ст. 702; 2015, N 13, ст. 1950.
8. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 2000, N 32, ст. 3340; 2016, N 9, ст. 1221.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237, 25 дек.; СЗ РФ. 2014, N 31, статьи 4398.

Киселева Ю. А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СОВЕТСКОЕ СЛЕДСТВИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные десятилетия органы следствия СССР развивались в рамках моделей, которые сложились в предвоенный период в 1930-е годы. Перестройка государственного аппарата на военный лад, которая осуществлялась в период войны, не затронула ни процессуальный статус следователя, ни построение органов

следствия. Заметные изменения были только в персональном составе следственных подразделений: женщины заменили мужчин, ушедших на фронт.

С началом войны некоторые из следователей попали в органы военной юстиции, некоторые – в строевые части Красной армии, а некоторые – в партизанские отряды. Несколько следователей пали смертью храбрых на полях сражений[1].

Основные изменения, которые происходили в годы Великой Отечественной войны, были связаны с преобразованием органов внутренних дел и государственной безопасности.

Вместе с этими изменениями в центральном аппарате Наркомата было создано обособленное следственное подразделение – Следственная часть по особо важным делам. Следственные подразделения сохранились и в органах Главного управления милиции. Первым руководителем Следственной части по особо важным делам НКВД СССР стал Л.Е. Влодзимирский.

В апреле 1943 года произошла дальнейшая значительная реформация органов внутренних дел и государственной безопасности. В рамках этой реорганизации из состава Наркомата внутренних дел в самостоятельное ведомство был выделен Наркомат государственной безопасности СССР. В то же время кардинальной перестройке подверглась военная контрразведка: Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР *от 19.04.1943 N 415-138сс* Управление особых отделов НКВД СССР было преобразовано в органы контрразведки "Смерш" Наркоматов обороны, внутренних дел и военно-морского флота СССР. Следственная часть по особо важным делам перешла из НКВД в структуру Наркомата государственной безопасности (Л.Е. Влодзимирский остался ее начальником и в новом наркомате)[2].

Что касается следственных подразделений в органах прокуратуры СССР в период Великой Отечественной войны, то прежде всего необходимо отметить Указ Верховного Совета СССР от 16.09.1943 "Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры"[3].

Параллельно было издано Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 16.09.1943 N 1002 "О введении форменной одежды для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры СССР". Первые классные чины были присвоены в 1943 году сотрудникам центрального аппарата Прокуратуры СССР.

Об объеме работы органов следствия в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют следующие рассекреченные цифры: только в РСФСР судами общей юрисдикции за все виды преступлений было осуждено: в 1941 г. - 903799 человек, в 1943 г. - 592147 человек, в 1944 г. - 685246 человек, в 1945 г. - 554881 человек. Военные трибуналы осудили: в 1941 г. - 216142 человека, в 1942 г. - 686582 человека, в 1943 г. - 727207 человек, в 1944 г. - 543745 человек, в 1945 г. - 357007 человек [4]. Примечательно, что, несмотря на обстоятельства военного времени, число осужденных за "контрреволюционные" преступления было ниже, чем в 1930-е гг.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в мае 1946 года, последовала новая реорганизация органов государственной безопасности. В ходе этой реорганизации органы контрразведки "Смерш" Министерства вооруженных сил (бывшего Наркомата обороны) и Министерства военно-морского флота (бывшего НКВМФ) были включены в состав Министерства государственной безопасности СССР, образовав в его структуре 3 Главное управление.

Руководителем Следственной части вместо Л.Е. Влодзимирского в мае 1946 года стал бывший начальник следственного отдела ГУКР "Смерш" А.Г. Леонов, пробывший на этой должности до июля 1951 года. Остается добавить, что Постановлением Совета Министров СССР от 13.10.1949 N 4723-1815сс из системы МВД в МГБ было передано Главное управление милиции – вместе с имевшимися в его органах следственными подразделениями.

Очередное преобразование органов внутренних дел и государственной безопасности состоялось в 1953 - 1954 годах. Для начала 5 марта 1953 года, непосредственно в день смерти И.В. Сталина, на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и

Президиума Верховного Совета СССР было принято решение о слиянии Министерства государственной безопасности и Министерства внутренних дел в единое ведомство - МВД СССР. Министром объединенного ведомства назначался Л.П. Берия.

Приказом МВД СССР от 14.03.1953 N 002 была утверждена новая структура министерства, в которой сохранилась Следственная часть по особо важным делам. Начальником Следственной части вновь стал генерал-лейтенант Л.Е. Влодзимирский . На этой должности он пробыл, однако, лишь до июля 1953 года, когда был арестован по делу Л.П. Берии.

13 марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учрежден Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Это было последнее за советский период разделение органов государственной безопасности и внутренних дел. В ходе этой реорганизации Следственная часть по особо важным делам подверглась ликвидации.

Примечательно, что никакого раздела, посвященного следственным подразделениям прокуратуры, не было внесено в Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955г. Приведенные нормы весьма напоминали требования, закрепленные для должностей прокуроров и следователей в ст. ст. 202, 205 и 408 "Учреждения судебных установлений" от 20.11.1864 (с той оговоркой, что в царское время высшее юридическое образование и прохождение стажировки в качестве "кандидата на судебные должности" являлось обязательным и для судей судов общей юрисдикции).

Согласно ст. 28 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 года, осуществление предварительного следствия возлагалось на следователей прокуратуры, а по специальной категории дел - на следователей Комитета государственной безопасности. Следственные подразделения в органах внутренних дел законом не предусматривались. Как в связи с этим на обсуждении проекта Основ на заседании Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 года высказался Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, "освобождение милиции от несвойственной ей функции предварительного следствия, которую она сейчас фактически выполняет, позволит ей направить свои усилия на предупреждение преступлений, принятие необходимых оперативно-розыскных мер для раскрытия преступлений и розыска преступников и ведение дознания".

В Основах оказались достаточно четко разделены две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание, причем замена предварительного следствия дознанием не допускалась. Наряду с этим Основы впервые на законодательном уровне закрепили в качестве принципа процессуальную самостоятельность и независимость следователя (ст. 30) и ввели гарантии соблюдения этого принципа. Новую главу в историю российского следствия предстояло вписать Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 года.

Список использованной литературы:

1. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937 - 1953 гг. М., 2001. С. 219, 220, 306.
2. Лубянка: органы ВЧК - КГБ. 1917 - 1991. С. 138, 139.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. N 39.
4. Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды. Война 1941 - 1945 гг. в материалах судебно-следственных дел. М., 2006. С. 736.

Колчина И.Н., Тарасова Н.А.,
студентки юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

ЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНОЙ

Одним из спорных моментов судебной и следственной практики на данный момент является квалификация и разграничение действий, связанных с состоянием необходимой обороны под воздействием внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), то есть двух различных категорий, каждая из которых включена в состав УК РФ как самостоятельная единица.

При квалификации действий в состоянии необходимой обороны стоит учитывать тот факт, что любое посягательство вызывает у обороняющегося страх и растерянность, что в значительной мере способствует потере самоконтроля, препятствует осмыслению сложившейся ситуации. Такие переживания могут повлечь возникновение определенного эмоционального состояния, душевного расстройства, которое может существенно повлиять на свободу воли, вызвать как состояние физиологического аффекта, то есть «дезорганизацию психической деятельности, при которой человек не теряет полностью понимания ситуации и совершаемых им действий, но в значительной мере теряет над ними контроль» [3, с. 431], так и иные эмоциональные состояния, влияющие на сознание и поведение человека: состояние эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения.

В связи с этим возникает вопрос о правильной квалификации действий лица в подобных случаях, поскольку они могут быть квалифицированы и как действия, совершенные в состоянии аффекта, и как действия при осуществлении необходимой обороны.

Например, суд первой инстанции, не усмотрев в действиях подсудимого необходимой обороны, постановил обвинительный приговор по ст. 113 УК РФ, который отменен ввиду отсутствия в действиях лица состава преступления.

Так, 8 декабря 2007 г. Ш. и И. находились у себя в комнате, куда стал врываться ранее незнакомый им Р., который был пьян, нецензурно выражался, угрожал и применял насилие. Впоследствии Ш. схватил нож и, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями самого потерпевшего, причинил Р. тяжкий вред здоровью. Судебная коллегия установила, что суд первой инстанции исказил показания Ш. в той части, что ранее незнакомый ему Р. беспричинно хотел открыть дверь. Было установлено, что Р. был вооружен железным гаечным ключом, которым нанес Ш. удар у подъезда, а затем вломился к нему в комнату с последующими оскорблениями и угрозами. Ударив Ш. рукой с зажатым в ней ключом, отчего Ш. упал на пол, Р. стал закрывать дверь изнутри. Испугавшись разъяренного пьяного Р., Ш. схватил лежавший в этой же комнате нож и ударил Р. ножом. С учетом вышеприведенных обстоятельств коллегия признала, что в действиях Ш. имела место необходимая оборона, пределов которой он не превысил. [6]

Таким образом, причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не является преступлением согласно ст. 37 УК РФ. При этом наличие или отсутствие у обороняющегося состояния аффекта не имеет юридического значения.

Более сложным является вопрос о квалификации действий обороняющегося, который, находясь в состоянии аффекта, превысил необходимые меры защиты и причинил смерть либо тяжкий вред посягающему, так как в данном случае УК РФ предусматривает как привилегированные составы убийства и причинения вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ), так и составы преступлений, обязательным признаком которых является превышение пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Некоторые исследователи полагают, что действия при превышении пределов необходимой обороны менее общественно опасны, чем действия, совершенные в состоянии аффекта. Сильное душевное волнение не влияет на квалификацию действий обороняющегося, так как выступает в качестве сопутствующего субъективного обстоятельства [6, с. 134].

В подтверждение вышесказанного обращалось внимание на размер санкции статей, предусматривающих ответственность за преступления в состоянии аффекта и преступления при превышении пределов необходимой обороны. Действительно, в ч. 1 ст. 108, 114 УК РФ возможный размер наказания несколько ниже, чем в ст. 107, 113 УК РФ.

Однако другие исследователи считают, что превышение пределов необходимой обороны, совершенное в состоянии аффекта, исключает уголовную ответственность вне зависимости от наступивших последствий, обосновывая данную позицию работами психологов по данной теме [4].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 дается четкая позиция по данной проблеме, согласно которой необходимо разграничивать данные явления исходя из того, что при совершении преступления в состоянии аффекта вред причиняется не с целью защиты и, как следствие, не в состоянии необходимой обороны. При этом признак сильного душевного волнения вовсе не обязателен для превышения пределов необходимой обороны, тогда как при аффекте это основной признак. Если же лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии сильного душевного волнения, то его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ [1].

Многие ученые не согласны с разъяснением Пленума. Так, касаясь вопроса ответственности, Р.М. Юсупов рассуждает следующим образом: «Если обороняющийся превышает пределы необходимой обороны или действует по окончании посягательства в состоянии аффекта страха, то это происходит вследствие преувеличения оценки опасности посягательства. При такой ошибке его ответные действия не могут быть квалифицированы как умышленное преступление, так как лицо не осознаёт факта превышения пределов необходимой обороны либо окончания посягательства ввиду аффектированного состояния. И в этом случае имеет место невиновное причинение вреда» [5, с. 51].

Действительно, аффект и приравненные к нему состояния вызывают резкие изменения в психической деятельности человека, что проявляется в его поведении и действиях. Однако они не вызывают помрачения сознания, не ликвидируют контроль над действиями, но вместе с тем и не исключают снижения уровня самоконтроля, невозможности осознания своих действий и не предвидения наступления последствий [3, с. 74-75].

Следовательно, можно предположить, что лицо в состоянии аффекта, а также при обороне превышает пределы необходимой обороны по неосторожности в форме небрежности, поэтому в данном случае умысел обороняющегося направлен на совершение правомерных действий – необходимой обороны, превышение же ее пределов – действия неосторожные.

Таким образом, по мнению ряда ученых, превышение пределов необходимой обороны лицом, которое не осознает этого факта в силу своего особого эмоционального состояния (аффекта), не образует состава преступления.

Приговором Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 24.02.2004 года, Н. осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Так, 6.12.2003г. в ходе ссоры со своим мужем К., который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, плеснул на Н. из чайника кипятком, а затем стал угрожать ей кухонным ножом, Н., испугавшись, превысив при этом пределы необходимой обороны, нанесла К. удар ножом в область живота. От полученной раны потерпевший скончался. Судебная коллегия по уголовным делам, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденной, отменила приговор суда. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу при защите личности обороняющегося от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Как видно из приговора, судом установлено, что Н. в состоянии испуга совершила убийство, защищая свою жизнь и здоровье от нападавшего на нее мужа, который был пьян, агрессивен, наносил ей удары, плеснул в нее кипятком, угрожал ножом, значительно превосходил ее физически [7].

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что вопрос о квалификации и разграничении действий, связанных с состоянием необходимой обороны под воздействием внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) на данный момент недостаточно урегулирован, так как возникает множество спорных моментов относительно практики применения уголовного законодательства в данной части.

Отдельные аспекты данной темы требуют подробной регламентации, конкретизации и законодательного закрепления, так как, несмотря на существование многочисленных трудов ученых и Постановления Пленума ВС РФ, представляющего собой руководство по решению таких дел, не существует единой позиции по данному вопросу, что мешает обеспечению правильной квалификации и влечет за собой нарушения прав и законных интересов граждан.

Список использованной литературы:

1. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г.№ 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2012.
2. Бахтеева Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: Проблемы квалификации: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 134.
3. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, Закон и право. 2000.
4. Фаргиев И.А. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны // Российская юстиция. 2001. № 1; Дмитренко А.П. Необходимая оборона: Пределы допустимого: дис. канд. юрид. наук: М., 1998; Юсупов Р.М. Необходимая оборона в законодательной и судебной практике: дис. канд. юрид. наук. М., 1999; Попов К.И. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны и некоторые институты общей части уголовного права: дис. канд. юрид. наук. М., 2001.
5. Юсупов Р.М. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 51.
6. Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (первый - второй кварталы 2008 года). URL: http://www. ekboblsud.ru/show_doc. php?id=29928 (дата обращения: 1.04.2016).
7. Бюллетень судебной практики по уголовным и административным делам Свердловского областного суда (II квартал 2004 года). URL: http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=3528 (дата обращения: 1.04.2016).

Князева О.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Несовершеннолетний преступник – сегодня мы всё чаще слышим о девиантном поведении подростков, порождающем детскую преступность. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики, число преступлений, совершённых несовершеннолетними и при их соучастии за 2013 год составило 67225 преступлений, за 2014 – 59549 преступлений, 2015- 61833 преступлений. В целом, это примерно составляет 10 – 15 % от общего числа криминальных проявлений в стране. Между тем, еще 20 лет назад этот показатель составлял не более 3 %.

«Преступность несовершеннолетних становится, пожалуй, самой серьёзной проблемой. Предпосылки и условия носят социально обусловленный характер, зависят от конкретных исторических условий жизни общества, от сущности и способов решения главных противоречий». [5, 1]. Такое мнение сформировалось в науке.

Важность, насущность проблемы также подтверждает Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы». Правовой источник отдельно закрепляет меры, направленные на развитие воспитания и социализации детей, а именно проведения комплексной профилактики негативных явлений в детской среде, в целом обновление борьбы с детской безнадзорностью, преступностью, разработка эффективных механизмов профилактики девиантного поведения детей.

В борьбу с интенсивной криминализацией несовершеннолетних вступает предупреждение подростковой преступности, представляющее собой целостную систему взаимосвязанных элементов, объединённых единой целью – ликвидации преступности несовершеннолетних, правопорядок и законопослушание.

На сегодняшний день функции предупреждения преступности несовершеннолетних возложены на многие субъекты, в частности направления деятельности некоторых субъектов отражены в Федеральном законе от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В частности, таковыми являются комиссия по делам несовершеннолетних (далее – КДН), органы опеки и попечительства, органы внутренних дел, воспитательные колонии, Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве РФ, иные.

Органы внутренних дел занимают особое место в механизме специального предупреждения преступлений несовершеннолетних, именно они непосредственно занимаются исправлением и перевоспитанием трудных подростков.

Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015) "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" закрепляет направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних отделов внутренних дел, связанных с предупреждением подростковой преступности, в частности, это индивидуально профилактическая работа (в отношении подростков, их родителей), выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий.

Целью предупредительной деятельности выступает всестороннее профилактическое воздействие на подростка, выявление условий, ставших причинами отклоняющегося поведения. В этих целях органы внутренних дел осуществляют взаимодействие с государственными, иными организациями, проводят комплексные операции, целевые проверки, рейды.

Например, органами внутренних дел Челябинской области целенаправленно проводится информационно-пропагандистская работа: 941 материал подготовлен в СМИ (на радио- 110, телевидении – 228, в печати – 541), проведено 10930 бесед профилактической направленности в образовательных учреждениях.

Это положительные примеры, характеризующие деятельность сотрудников органов внутренних дел. Однако на практике выявляются и существенные недочёты.

Согласно Федеральному Закону от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 28.11.2015) «О прокуратуре Российской Федерации» именно прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики правонарушений несовершеннолетними, в результате чего выявляются и нарушения. Так, в 2009 году осужден несовершеннолетний житель Хвойнинского района Д., 1993 года рождения за совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 162, ч. 1 ст. 131, п. «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного Кодекса РФ. Кроме того, ранее подросток судим трижды, меры наказания не были связаны с лишением свободы.

Из материалов уголовного дела следует, что 30.05.2009 года Д. незаконно проник в квартиру Ф., совершил кражу имущества. Затем 01.06.2009 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил разбойное нападение на Ф., изнасиловал потерпевшую, а затем умышленно причинил ей смерть путём удушения бельевой верёвкой. Приговором Хвойнинского суда ему определён общий срок наказания в размере 9 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

Однако, как оказалось на самом деле, применять меры в отношении несовершеннолетнего надо было раньше. Так в семье мальчика были сложные отношения, и подросток ранее привлекался к ответственности за хищения чужого имущества. Также согласно показаниям свидетелей, показаний Д., подросток неоднократно проникал в квартиру Д., совершая мелкие хищения. Но сотрудниками милиции не принимались заявления гражданки Ф., проверки по фактам краж не проводили, что способствовало уверенности Д. в безнаказанности, служило предпосылками для совершения последующих преступлений.

Таким образом, имели место нарушения положений Федерального Закона от 24.06.1996 № 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «Об основах системы профилактики и правонарушений несовершеннолетних»: не были рассмотрены заявления об общественно опасных деяниях несовершеннолетнего, не проинформированы вовремя КДН, комитет социальной защиты о безнадзорности, правонарушениях и причинах этому способствующих. В итоге, на имя начальника ОВД по Хвойнинскому району было вынесено соответствующее представление.

В этой связи вырисовывается значимость своевременного персонального подхода к решению проблемы сложного подростка, а именно индивидуальной профилактики, цель которой не только воздействие на конкретного подростка, но и на окружающую его среду. Индивидуальная профилактика направлена на исправление и перевоспитание подростка, либо изменение криминогенной ориентации. Для этого проводится изучение личности сложного подростка, мотивов поступков, определение и устранение внешних отрицательных источников.

Такая ответственная миссия ложится на КДН, организация работы по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, ведение учёта несовершеннолетних, имеющих родителей, которые не обеспечивают надлежащих условий для воспитания, а также устройство и охрана прав таких подростков являются важными направлениями деятельности КДН. Для этого проводятся беседы, вовлечение в социально полезные занятия общественного, трудового, спортивного и иного характера.

В частности, по итогам деятельности КДН г. Уфы за 2015 год было проведено 272 заседания, на которых рассмотрено более 4000 дел в отношении несовершеннолетних и их родителей, 243 вопроса воспитательно-профилактического характера. В сравнении с 2014 годом увеличилось количество рассмотренных дел по распитию спиртных напитков, появлению в состоянии опьянения, по ненадлежащему воспитанию родителями своих детей – 2700 дел.

По мнению старшего инспектора следственного управления Следственного Комитета РФ Капустиной С.Н., «для предотвращения преступлений подростков необходимо всем службам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних продолжить выявление неблагополучных семей, данные обсуждать на родительских собраниях» [7, 1]. Данный тезис также подтверждает статистика: российской полицией в 2012 году осуществлялись профилактические меры в отношении более 655,5 тыс. подростков-правонарушителей, а в первой половине 2013 года - в отношении 510,7 тыс. Однако рецидив преступности остается высоким, в связи с тем, что из числа состоящих на учете в органах внутренних дел несовершеннолетних около 150 тыс. (почти каждый четвертый) воспитываются в неполных семьях. Свыше 18 тыс. не имеют родителей, почти 10 тыс. проживают в детских домах и интернатах.

Возрастающая преступность несовершеннолетних требует целенаправленных, решительных мер по ее предупреждению. Важность проблемы подчёркивает субъект преступных деяний – подросток, дети, за которыми будущее не только страны, но и мира в целом. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению детской преступности должна быть комплексной, и выражаться в одновременной реализации нескольких направлений, а именно своевременное воздействие на семью подростка, устранение внешних источников отрицательного воздействия на условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, а также содействие в социальной адаптации подростков, совершивших неправомерные действия. Таким образом, своевременность, целенаправленность и

комплексность мер по предупреждению детской преступности является успешным началом для её решения.

Список использованной литературы:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от. 30.12.2015) // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954; 2016. №1(часть I). Ст.61.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 N 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015)// СЗ РФ. 1999. № 26. Ст.3177.
3. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 N 761// СЗ РФ. 2012.№ 23. Ст. 2994.
4. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный Закон от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 28.11.2015)// СЗ РФ. 1995.№ 47. Ст. 4472.
5. Вологина Ж. Ю., Спивакова Н. В., Камалов А. А. Преступность среди несовершеннолетних [Текст] // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июль 2012 г.). — Уфа: Лето, 2012.// [Сайт]. URL: http://www.moluch.ru/conf/law/archive/42/2451/ (дата обращения: 10.04.2016)
6. Калпинская О.Е. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.2012.№ 69.// [Сайт]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-raboty-prokuratury-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti-nesovershennoletnih#ixzz46U1mK69f (дата обращения: 10.04.2016).
7. В Уфе подвели итоги работы комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.// [Сайт]. URL: http://ufacity.info/press/news/216368.html (дата обращения:15.04.2016).

Лагутина К.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Кордуба С.Б.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СПОРТИВНОЕ ХУЛИГАНСТВО – ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Квалификация преступлений, в ходе которой осуществляется уголовно-правовая оценка общественно опасных действий – один из наиболее ответственных моментов в деятельности правоприменительных органов. От того, насколько точно и правильно она будет выполнена, во многом зависит решение задач, стоящих перед уголовным законодательством и уголовным судопроизводством.

Отметим что, уголовно-правовая квалификация преступления не всегда обеспечивает необходимый порог защиты законопослушных граждан от хулиганских проявлений при проведении спортивных мероприятий, а также до и после них. В настоящий момент наибольшую актуальность приобретает вопрос, связанный со спортивным хулиганством и проблемами его квалификации.

Систематически пополняют статистику, как административные правонарушения, так и уголовные преступления – конфликты с участием фанатов. Так органами внутренних дел был зафиксирован скандальный инцидент, произошедший во время футбольного матча, в процессе которого, приезжие фанаты на 37-й минуте игры сорвали поединок, бросив петарду в голкипера [1]. Болельщики «Зенита» были привлечены к уголовной ответственности за драку в отношении болельщиков клуба «Анжи»[2]. Справедливо заметить, что публичность и распространенность этих общественно опасных событий вызывает беспокойство правоведов о состоянии законодательной базы, а также правоприменительной практики.

С объективной стороны хулиганство выражается в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенное (альтернативно): 1) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; 2) по мотивам

политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Явное неуважение лица к общественному порядку и к обществу в целом, согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»[3], выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения. Девиантное поведение вызвано желанием виновного противопоставить себя окружающим, а так же продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Поэтому главная задача правоприменителя – установить: в чем конкретно выражалось грубое нарушение общественного порядка и какие обстоятельства об этом свидетельствовали?

Отметим, что оговоренный законодателем мотив ненависти в отношении какой-либо социальной группы существенно расширяет полномочия органов следствия и суда, позволяя привлекать фанатов или лиц, прикрывающихся спортивной поддержкой и фанатской принадлежностью к какой-либо спортивной команде по ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса РФ [4]. Однако, зачастую правоохранительные органы встречаются с тем, что под видом радикально настроенных болельщиков скрываются молодежные организации экстремистского характера, придерживающиеся крайне националистических идей фашизма и расового неравенства: не так давно органами внутренних дел Мурманской области, были выявлены две экстремистские организации, скрывающихся под видом футбольных фан-клубов, немотивированная агрессия которых выливается в массовые драки во время матчей [5].

Безусловно, при квалификации действий лица по пункту «а» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса РФ необходимо установить является ли предмет, используемый виновным (ми) оружием или его возможность использования в качестве него. Понятие оружия дано в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 29.12.2015 г.) «Об оружии» [6], а вот что понимать экспертам, судам под предметами используемых в качестве оружия остается не совсем ясно? Так, В.К. Дуюнов под предметами, используемыми в качестве оружия, рассматривает любые материальные объекты, которыми исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека[7]. В.В. Сараев, полагает, что это материальные объекты, как подобранные заранее и принесенные с собой, так и выбранные на месте: например камень, обрезок арматуры или кабеля, цепь, палка, бейсбольная бита, так и предметы хозяйственно-бытового назначения, например молоток, топор, пила, лом, вилы, лопата, коса [8, с. 296]. Из проанализированных понятий, мы резюмируем, что спортивная экипировка также может использоваться как предмет, примененный в качестве оружия. Однако, на наш взгляд, необходимость разъяснения данного понятия, на уровне Верховного Суда РФ, исключило бы в дальнейшем неясность и разночтение при применении данной нормы. Признание предмета спортивной экипировки предметом, используемым в качестве оружия, при совершении хулиганства, существенно изменит понимание объективной стороны состава рассматриваемого преступления.

Известно, что в 1985 г. в Страсбурге была принята Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения.[9] Однако, как справедливо заметил А.Н. Песков, многие ее положения Российской Федерацией выполняются – неудовлетворительно. В первую очередь не реализуется обязательство о постоянном пересмотре законодательства, связанного с обеспечением безопасности проведения спортивных мероприятий. Отсутствует специальное законодательство регулирующее сферу обеспечения безопасности спортивных мероприятий и др. [10]

Обращаясь к международному опыту, отметим, что в Швейцарии для спортивных хулиганов действует запрет на посещение спортивных мероприятий, а также определенных общественных мест. Кроме того, футбольные фанаты обязаны отмечаться в полиции накануне матчей, а также быть зарегистрированными в электронной информационной федеральной системе. Аналогичные меры приняты в Голландии, Австрии, Германии. [11]

Во Франции принят Спортивный кодекс, устанавливающий особые меры ответственности за нарушение законодательства. Согласно ему, например, пронос на

спортивные мероприятия опасных предметов, разжигание ненависти во время матча, проникновение в состоянии алкогольного опьянения на территорию спортивного комплекса признаются преступлениями. Санкции за данные уголовно-наказуемые преступления, так же разнообразны: помимо привычных штрафа и лишения свободы на определенный срок, существует наказание запрещающее находиться около помещения, где проходит спортивное мероприятие и входить в него, назначаемое сроком до 5 лет. В случае нарушения данного предписания, лицо может быть подвергнуто тюремному заключению или штрафу. [12] Конечно в Российской Федерации спортивное хулиганство набирает все более радикальную форму, однако идея об установлении длительного срока лишения свободы с целью направления осужденного отбывать наказание в тюрьму является слишком суровой.

Подводя итог выше сказанному, заметим, что спортивное хулиганство набирает все более общественно-опасную форму. Поэтому для сокращения случаев его совершения важно привести действующее российское законодательство в соответствии с европейскими стандартами безопасности, а также с учетом современных реалий.

Список используемой литературы:

1. См.: Петровский П., Соболев И. Зенит наказали за выходку фанатов[Электронный ресурс] // Российская газета. 2012, 22ноябр.URL: http://www.rg.ru/2012/11/22/zenit-site.html(дата обращения: 07.11.2015).
2. См.: Лященко Е. В Петербурге избили фанатов[Электронный ресурс] // Российская газета. 2012, 23 авг. URL: http://www.rg.ru/2012/08/23/reg-szfo/draka.html(дата обращения: 07.11.2015).
3. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45// Российская газета. 2007, № 260. 21 нояб.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 64-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // СЗ РФ.1996, N 25, ст. 2954; 2016, N 18, ст. 2515.
5. В Мурманской области пресечено 18 акций экстремисткой направленности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. URL:https://mvd.ru/news/item/195118(дата обращения: 05.11.2015).
6. Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 № 1501-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 1996, N 51, ст. 5681; 2016, N 1 (часть I), ст. 28.
7. См.: Дуюнов В.К., ХлебушкинА.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография – М.: РИОР: ИНФА – М, 2015.- 327с.
8. См.: Сараев В.В. Особенности способа совершения спортивного хулиганства //Вестник Омского университета. Серия Право. – 2013. - №1 (34) – С. 296-298.
9. Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности футбольных матчей. [Электронный ресурс] // URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15507(дата обращения: 05.11.2015).
10. См.: Песков А.Н. Международная практика борьбы с криминальным фанатизмом // Спорт: экономика, право, управление. 2012. N 2.
11. См.: Песков А.Н. Международная практика борьбы с криминальным фанатизмом [Электронный ресурс] // Спорт: экономика, право, управление. 2013, №3.
12. См.: Соловьев А. А. Актуальные вопросы правового регулирования обеспечения общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий во Франции [Электронный ресурс] // Спорт: экономика, право, управление. 2010, N 1.

Меркулова Я.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ И ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В СУДАХ

Независимость судей - важнейший принцип правосудия. Не случайно, поэтому он получил отражение в законах о судах, в процессуальных кодексах. Особо необходимо отметить ст. 120 Конституции РФ, в которой выражена суть принципа независимости судей - судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону[1].

Значение данного принципа правосудия состоит в создании для судей таких условий осуществления их деятельности, при которых они могли бы рассматривать дела и принимать по ним решения на основе закона, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением. Только в этом случае может быть реальной самостоятельность судебной власти при осуществлении правосудия.

Судьи призваны на профессиональной основе выполнять закрепленные за ними обязанности. Чтобы компетентно на основе закона и руководствуясь им разрешать различного рода жизненные ситуации, судьи должны иметь качественную профессиональную подготовку. Профессиональная судебная этика обязывает судей использовать силу закона только в интересах личности, общества и государства. Выполнять столь значимую миссию может только независимый судья[4].

Особый ущерб обществу и государству приносят коррупционные проявления в судах. По словам старшего научного сотрудника Московского Психологического института РАО Е.Л. Яковлевой беспредельные коррупционные отношения приводят к разложению общества, власти, личности, затрудняя и мешая развитию. Это лишний раз подчеркивает необходимость противодействия коррупции во всех структурах власти, в том числе и в судах.

Рассматривая проблему независимости судей и коррупции в судах, необходимо учитывать не только отсутствие внешнего и внутреннего воздействия при отправлении правосудия, но профессионализм и личностные характеристики судей. Судьи должны обладать нравственностью, честностью, которые характеризуют деятельную сторону их внутреннего мира[5].

Одним из направлений противодействия коррупции является профилактика, под которой понимается деятельность, направленная на предупреждение коррупции, выявление и устранение ее причин. Главное преимущество профилактических мер в том, что они позволяют пресекать коррупцию на начальной стадии, бороться с предпосылками, причинами и условиями ее проявления, а не с негативными последствиями[6].

Профилактика коррупции предполагает применение разнообразных мер, в том числе и правовых. К их числу можно отнести предъявление специальных требований к лицам, претендующим на судейские должности. На наш взгляд, необходимо законодательно урегулировать требования к личностным качествам кандидата на должность судьи. В настоящее время в России ни один федеральный закон, действующий в судебной сфере, не содержит таких требований. На практике складывается противоречивая ситуация, когда судьей может стать любой субъект, отвечающий законодательно закрепленным требованиям, и только после назначения на должность судьи к нему могут быть предъявлены требования по соблюдению Кодекса судейской этики. В частности, в п. 1 ст. 6 названного Кодекса закрепляется, что судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть

честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи[3]. Из сказанного вытекает, что такими личностными качествами должен обладать только судья, а к кандидату, отбираемому на должность судьи, таких требований не предъявляется. Такие качества как честность, неподкупность, искренность, другие общечеловеческие достоинства наряду с профессионализмом должны стать основными критериями отбора кандидатов, претендующих на обладание судейской мантией. Требование моральной безупречности рекомендуется внести в п. 1 ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 "О статусе судей в Российской Федерации".

Эффективной мерой противодействия коррупции является юридическая ответственность судей. За совершение преступления судья привлекается к уголовной ответственности. Уголовная ответственность является сдерживающим фактором, позволяющим противостоять использованию судейских полномочий в ущерб интересам общества и государства. К уголовной ответственности судьи привлекаются за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ)[2].

Существенную роль в противодействии коррупции выполняет общественный контроль над правосудием. Именно открытость правосудия для всего населения повышает вероятность вынесения правомерных судебных решений и снижает коррупционную направленность деятельности судей. Принятые решения, их обоснованность и беспристрастность, ставшие предметом гласности, позволят повысить качество судебной деятельности, укрепить связь с населением, что послужит средством повышения доверия к суду и обеспечения авторитета судебной власти.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24 мая 1996 года) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. 3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // СПС "КонсультантПлюс".

4. Гущина Н.А. Независимость судей как гарантия усиления судебной власти // Современное право. 2015. N 4.

5. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008.

6. Бухарев А.В. Формирование системы мер по профилактике коррупции в районных судах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. N 3.

Митченков А.С.,
курсант Самарского юридического института ФСИН России

ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Конституция РФ 1993 года закрепив приоритет прав и свобод человека и гражданина, обеспечила и механизм их реализации. Возможность граждан защищаться от посягательств на их жизнь и здоровье остается одним из важнейших прав, сформулированных в нашем основном законе страны.

В связи с тем, что сотрудники УИС имеют возможность применить огнестрельное оружие, могут возникать ситуации сопряженные с причинением вреда осужденным, поэтому крайне важно понимать, из каких условий складывается институт необходимой обороны.

Порядок применения должностными лицами, в том числе сотрудниками УИС, спецсредств и огнестрельного оружия регламентируется законами «О полиции РФ»[4], «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»[5] и др.

Статистические данные о состоянии законности, служебной дисциплины и посягательствах на жизнь и здоровье персонала исправительных учреждений ФСИН России за 2004–2013 гг. (ведомственная форма стат. отчетности СБ–1) показали, что за 10 лет показатель применения к осужденным физической силы составил 21549 случаев, а специальных средств и газового оружия – 41695. В решении коллегии Федеральной службы исполнения наказаний «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2013 г. и задачах на 2014 г.», утвержденном приказом ФСИН России от 3 апреля 2014 г. № 160, заострили внимание на наличие случаев неправомерного применения физической силы и специальных средств сотрудниками УИС России при исполнении должностных обязанностей. Также за исследуемый период количество уголовных дел, возбужденных в отношении персонала учреждения, по фактам применения физической силы составило 41 случай, а по фактам применения специальных средств и газового оружия – 12. По мнению лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, имеет место и определенная латентность правонарушений, связанных с применением мер безопасности сотрудниками УИС России[6].

Следует также отметить, что само понятие обороны, ее специфика, особенности правомерности и пределы ее допустимости претерпевали изменения в законодательстве нашей страны, обращая тем самым внимание юристов к правильному толкованию данного института уголовного права.

В ч. 2 ст.45 Конституции РФ указано, что каждый человек может защищать свои права и свободы любыми способами, не запрещенные законом. Безусловно, одним из таких способов является необходимая оборона, возможности применения которой описаны в ч.4 ст.37 УК РФ. Защита от преступных посягательств, «является как юридическим правом, так и моральным долгом каждого человека» [1,с.158].

Правомерной будет считаться такая оборона, которая отвечает совокупности определенных условий, иначе обороняющееся лицо само может стать преступником.

Согласно ч.2 ст. 37 УК РФ, превышение пределов обороны - умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства, то есть причинение посягающему тяжкого вреда, который чрезмерен и не соответствует обстановке.

Критериями правомерности необходимой обороны законодатель называет характер и способ посягательства. Так при наличии реальной угрозы применения насилия, опасного для жизни обороняющегося лица, или при непосредственном причинении данного вреда превышение пределов необходимой обороны в ч.1 ст.37 УК РФ не предусматривается. В таком случае закон признает правомерным причинение вреда посягающему лицу, вплоть до лишения его жизни.

Но на практике обороняющийся, превысив пределы необходимой обороны, может причинить вред средней и легкой тяжести посягающему. Таки факт превышения обозначены в п. «ж» ст. 61 УК РФ как основания, смягчающие наказание.

Таким образом, факт превышение пределов необходимой обороны достаточно трудно доказать. В судебной практике часто встречаются ошибки при оценке действий обороняющегося, не учитывая всех объективных и субъективных факторов.

В связи с этим возникает два вопроса: 1) в каком случае оборонительные действия сотрудников УИС следует рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны; 2) является ли нарушение правил применения спецсредств и оружия в ходе необходимой обороны основанием для привлечения должностного лица к уголовной ответственности в соответствии со статьями Особенной части УК РФ.

Я думаю, что правомерность применения мер безопасности, в том числе и при применении оружия, должна устанавливаться в соответствии со специальными нормами.

В ситуации, когда сотрудник, находясь в состоянии необходимой обороны, действовал в соответствии с нормами административного законодательства, устанавливающего порядок применения физической силы, спецсредств и оружия, он не может быть привлечен к уголовной ответственности за любой причиненный вред. А если сотрудник, находясь в состоянии необходимой обороны, выходит за рамки административного законодательства, то

правомерность его действий должна определяться в соответствии с нормами о необходимой обороне.

В случае если в состоянии необходимой обороны сотрудником причиняется вред, явно не соответствующий характеру и опасности посягательства, то его действия должны квалифицироваться, по нашему мнению, в зависимости от степени причиненного вреда, в соответствии с ч.1 ст.108 либо ч.1 ст.114 УК РФ.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

2. См.: Журавлев М.П. [и др] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / Под ред. А. И. Рарога. –М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С.158

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2013 г.)).

4. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) "О полиции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015)

5. Закон РФ от 21.07.1993 N 5473-1 (ред. от 20.04.2015) "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016)

6. Конарев М. Ю. Уголовная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы россии за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия. Дисс… канд. юрид. наук. Рязань, 2014 режим доступа // http://5fan.ru/wievjob.php?id=66749

Никулаева С.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Терроризм - угроза безопасности не только отдельных государств, но и международного сообщества и является не только «внутренним», но и международным преступлением. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» «терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь» [3].

Терроризм относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности. Он приобретает все более разнообразные формы и невероятные масштабы. В любых формах своего проявления терроризм – это глобальная проблема, с которой человечество вошло в XXI столетие. Исключительная опасность заключается в том, что жертвой преступления террористической направленности может стать любой человек, просто оказавшись в ненужном месте, в ненужное время.

В России проблема терроризма обострилась в 90-х годах, когда произошел раскол во власти, распался СССР, и государство потеряло былую мощь и политическое влияние. «Серия террористических актов потрясла в 1995-2000 гг. Российскую Федерацию. Террористами были взорваны жилые дома, поезда метро и автобусы, а в Буденновске летом 1995 г. было захвачено рекордное для всего мира число заложников (около 2 тыс.)» [10]. Не случайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации в перечне фактов, создающих широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны, названо увеличение масштабов терроризма. Деятельность экстремистских организаций и группировок в настоящее время продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации социальной, политической, экономической ситуации в России и представляет собой серьезную угрозу

конституционному строю и территориальной целостности страны. Происходит духовная деградация и разрушение ценностной системы общества, нарастает культурная дезинтеграция и межэтнические конфликты, наблюдается культурное истощение и происходит подрыв национального самосознания.

В средствах массовой информации постоянно сообщается о террористических актах, которые приводят к многочисленным жертвам, подрывам экономического строя страны, психологическим проблемам общества. Например, серии терактов в Сирии, Нигерии (2011-2012 гг.), в аэропорте «Домодедово», на московских станциях метро «Лубянка» и «Парк Культуры» (2011 г.), в Днепропетровске (апрель 2012 года), в Париже (13 ноября 2015 г.), взрыв лайнера А-321 над Синайским полуостровом (31 октября 2015 г.), в Бельгии в Брюсселе (22 марта 2016 г.), в Турции, Стамбул (13 марта 2016 г.), в Ираке (29 февраля 2016 г.) и другие.

Именно СМИ играют немалую роль в продвижении терроризма. Они представляют собой мощный источник воздействия на широкую публику, особенно на психически неуравновешенных людей. Именно с помощью Интернета и телевидения преступники нагнетают страх и ужас на население. Например, Усама бен Ладен, имея собственную телестудию, с ее помощью высказывал в прямом эфире интервью, в которых прямо заявлял, что теракты в Америке, – это его рук дело. В сложившейся террористической напряженности психически слабая молодежь становится легкой целью для вербовки террористами.

Политическим последствием терроризма является гибель государств. Таких как Ирак, Ливия, Сирия. Социальным последствием выступают нищета, безработица, беженцы, различные болезни и многое другое.

Терроризм отрицательно влияет также на экономику страны и всего мира в целом. Например, теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года привели к закрытию фондовых бирж. Вынужденная остановка их работы на 4 дня привела к тому, что сразу же после открытия бирж индекс NASDAQ впервые оказался ниже 1500, а индекс Dow Jones – ниже 8500 пунктов. Данные показатели по сведениям аналитиков свидетельствовали о финансовом кризисе в Америке. Также последствиями данных терактов являлись значительные затраты на вывоз мусора, ремонт части здания Пентагона, повышение мер безопасности в аэропортах и др. Наибольший ущерб понесли страховые компании, что привело к банкротству некоторых из них. По оценкам Milken Institute, теракты стоили Америке 1,8 млн. рабочих мест. В результате терактов страдают целые отрасли экономики.

Влияние терроризма на политические отношения между странами можно наблюдать на примере Турции и России. Как мы видим, отношения между этими двумя странами очень напряженные. В.В. Путин своим Указом от 28 ноября 2015 г. № 583 еще более осложнил отношения с соседней страной. Запрет на ввоз товаров и продуктов, производителем которых является Турция, породил преступность в сфере торговли. Импортеры тайно провозят свою продукцию в Россию, а экспортеры тайно ее приобретают, порождая тем самым рост преступности в сфере экономической деятельности.

Терроризм подрывает процессы культурной и этнической интеграции. Нередко экстремистская идеология превозносит одну религию на другой, один народ над другим. Например, яркими примерами терроризма являются баскская организация "ЭТА", появившиеся в 1959 году, Ирландская республиканская армия (ИРА) – в 1916 году, армянская секретная армия освобождения Армении (АСАЛА) – в 1975 году и многие другие. Из-за этнических конфликтов, которые провоцируются такими террористическими организациями, страдает первоначально мирное население. В результате у общества складывается отрицательное отношение к данной этнической группе, что непосредственно влияет на духовное и социальное развитие общества.

Одновременно страдает и вся страна, в которой происходят теракты. Наносится ущерб не только экономике, политике, духовной сфере, но и туристической индустрии, которая приобщает к культурным ценностям, обычаям и порядкам своего народа. Например, сложившаяся ситуация в Турции. Президент РФ В.В. Путин издал Указ от 28 ноября 2015 г. №

583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики», в котором сказано, что «туроператорам и турагентам надлежит воздерживаться от реализации гражданам Российской Федерации туристского продукта, предусматривающего посещение территории Турецкой Республики» [2]. И как последствие для России с изданием данного указа явилось банкротство многих туристических агентств страны, у которых основным доходом были поездки наших граждан в Турцию. Также теракты, которые произошли в Кении и Бали в 2002 г. привели к оттоку туристов, что непосредственно сказалась на убытках страны в туристической индустрии.

Терроризм также оказывает губительное воздействие на межкультурные взаимоотношения. Например, после теракта в Дели в 2008 году, в результате которого погибли 12 человек, резко обострились отношения между Индией и Пакистаном. Пакистан был обвинен в поддержке мусульманских боевиков. Отношения между Сирией и Ираком ухудшились после взрыва в Багдаде 19 августа 2009 года. В результате подрыва автобуса 18 июля 2012 г. в Бургасе, правительство Израиля возложило вину на Иран, что в дальнейшем привело к усилению напряженности между этими двумя странами.

Негативным последствием терроризма является и культурное истощение. В результате терактов уничтожаются и страдают памятники культуры, материальные и духовные ценности народов, населяющих страну. Например, взрыв памятника Николаю II в Мытищах в 1997 году, подрыв храма Святителя Николая Мирликийского на юге Москвы в 2008 году, уничтожение памятников Ленину на Украине в 2013-2014 годах [7]. Вместе с уничтожением памятников культурного наследия террористы наносят ущерб исторической памяти народа, разрушая связь традиций, осложняя восприятие опыта прошлых поколений.

Таким образом, можно сделать вывод, что терроризм влияет на все сферы жизни общества, отдельного государства и мирового сообщества. Это непосредственно, является глобальной проблемой человечества, с которой ни одно государство в одиночку справиться не сможет. Поэтому необходимо объединение усилий всех стран под эгидой ООН для противодействия этому негативному явлению.

Список использованной литературы:

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 58.
2. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 (ред. от 28.12.2015) // СЗ РФ. 2015. № 48 (часть II). Ст. 6820; 2016. № 1 (часть II). Ст. 205.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // РГ. № 35. 2012; Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2012.
4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. № 198. 2009.
5. Нечипоренко О.М. Терроризм – древний и смертельно опасный спутник человечества. Монография. - М.: «МЫСЛЬ», 2002. 425 с.
6. Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина № 1 Том 4. История. URL: http://studik/net/vliyanie-terorizma-na-sovremennye-kulturnye-procossy-2/ (дата обращения: 03.03.2016).
7. Дело по факту разрушения памятника Ленину в Харькове закрыто. URL: http://www.aif.ru/incidents/1348045 (дата обращения: 03.03.2016).
8. Игорь Бондаренко. Экономика террора. URL: http://www.chelemendik.sk/967606431.html (дата обращения: 03.03.2016).
9. Распад СССР: причины и последствия. URL: http://inance.ru/2014/12/raspad-cccp/ (дата обращения: 03.03.2016).
10. Россия и глобальные проблемы современного мира. URL: http://histerl.ru/novaia_rossia/rossia_i_globalnie_problemi_sovremennogo_mira.htm (дата обращения: 03.03.2016)

Морозов А.А.,
студент юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России становление и развитие предпринимательства имеет свои особенности. В России и других бывших социалистических странах в течение десятилетий предприниматель и его деятельность (предпринимательство) легитимно, по сути, отсутствовали. Начиная с 1929 г. экономика перешла под тотальный государственный контроль. Государство не только не создавало экономических и правовых условий для предпринимательства, но и подавляло его экономическими, административными и уголовными методами [1].

Основой современного капиталистического хозяйства является рыночная экономика, переход к которой не завершен в России и по сей день. Основополагающим принципом рыночной экономики является декларированная статьей 34 Конституции РФ свобода экономической, в том числе предпринимательской деятельности.

Однако, как показывают многочисленные опросы предпринимателей, каждый шестой из них сталкивается с открытым давлением местных властей на стадии организации своего дела, каждый третий – в процессе текущей деятельности и почти все – в момент закрытия предприятия. Более трети предпринимателей полагают, что в последние годы произошло усиление чиновничьего рэкета. По целому ряду серьезных экспертных оценок, от 30 до 50 % своей прибыли коммерческие структуры направляют на обеспечение «особых» отношений с представителями государственной власти. По данным Мирового банка, 40 % предприятий во всем мире вынуждены давать взятки. В развитых странах эта цифра составляет 15 %, в азиатских – 30 %, в странах СНГ – 60 %.

По состоянию на 2015 год Российская Федерация занимает 119 место из 175 по величине индекса восприятия коррупции.

В 2013 году в рамках Всемирной недели предпринимательства на сайте MN.ru в партнерстве с Центром предпринимательства и Microsoft был проведен опрос об отношении россиян к предпринимательской деятельности и проблемам, связанным с ведением бизнеса. В рейтинге главных барьеров для развития бизнеса в России в целом на первом месте остается высокий уровень коррупции (24%), на втором – сложный доступ к финансированию (14%), затем – высокие налоги (13%) [2].

Таким образом, коррупция обостряет экономические проблемы, препятствует добросовестной конкуренции и росту производства, а также сокращает поступления в бюджеты различных уровней.

В течение последних лет предметом острых дискуссий стал вопрос о роли уголовного права в правовой охране экономических отношений.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов выделил 3 ключевые коррупционно обусловленные проблемы, с которыми сталкиваются российские предприниматели чаще всего:

1) незаконное уголовное преследование предпринимателей. Более 50% обращений к Уполномоченному при Президенте РФ по защите прав предпринимателей связаны именно с ней [3].

2) избыточная административная и фискальная нагрузка, от которой наиболее сильно страдают представители малого и среднего бизнеса.

3) высокий уровень налогообложения. В России налоговое бремя для бизнеса вообще одно из самых высоких – 50,7% от прибыли. По этому показателю наша страна находится на 143 месте из 189. На данный момент ситуация в этой сфере меняется к худшему и будет провоцировать налоговые правонарушения.

Отмечается, что сотрудники правоохранительных органов при отсутствии разумных оснований вмешиваются в хозяйственную деятельность, вымогают взятки, угрожая уголовным преследованием.

В качестве решения проблемы злоупотребления сотрудниками правоохранительных органов, своими полномочиями, находит широкую поддержку идея об исключении отношения в сфере бизнеса из сферы действия уголовного закона, ограничив их регулирование нормами гражданского права (речь идет о преюдициальной силе решений, принятых в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства в уголовном процессе).

Существуют и иные варианты решения данной проблемы, в том числе и реализованные на практике.

Например, в отношении предпринимателей, подозреваемых в экономических преступлениях, запретили применение меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1. статья 108 УПК РФ) [4], может это и благая идея, но нарушение конституционного положения о равенстве всех перед законом и судом (статья 19 Конституции) налицо. Тем не менее, данное положение УПК РФ социально обусловлено, так как нахождение предпринимателя под стражей, может пагубно сказаться на возглавляемой им организации, привести к увольнению ее сотрудников и как следствие к обострению социальной напряженности.

Далее по целому ряду статьей УК РФ были отменены нижние пределы наказаний; за взятки вместо лишения свободы ввели кратные штрафы.

Серьезно изменился порядок уголовного преследования лиц, совершающих налоговые преступления, и пересмотрены основания для освобождения от уголовной ответственности за них.

Так поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198 - 199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ. Уклонение от уплаты налогов может быть выявлено только в ходе налоговой проверки в результате изучения инспектором документов учета и отчетности.

Однако налоговый инспектор не облагает полномочиями на проведение оперативно-розыскных мероприятий, как более эффективного способа выявления незаконопослушных предпринимателей. Как следствие уклоняться от уплаты налогов стало проще. Что характерно: если до этого бизнес страдал от незаконных действий сотрудников МВД и прокуратуры, то после их «головной болью» стали сами подразделения налоговой службы, которые не обеспечивали правопорядок при уплате налогов, а старались собирать больше налогов любыми способами. В такой ситуации причин для ухода в тень для предпринимателей стало больше. Благо в дальнейшем ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ была отменена. Теперь следователь может возбудить уголовное дело и без заключения налогового органа, более того, подробно прописан порядок взаимодействия между следователем и налоговыми органами [5].

При поступлении из органа дознания сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198 - 199.1 УК РФ, следователь при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела не позднее трех суток с момента поступления сообщения направляет в вышестоящий налоговый орган по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик (налоговый агент, плательщик сбора), копию такого сообщения с приложением соответствующих документов и предварительного расчета предполагаемой суммы недоимки по налогам и (или) сборам, и последний проводит налоговую проверку и предоставляет следователю информацию, имеющую доказательственное значение.

Таким образом, изменения направлены на упрощение процедуры возбуждения дел о налоговых преступлениях, а значит, и на минимизацию нарушений в данной сфере.

Что касается проведения оперативно-розыскных мероприятий при выявлении налоговых правонарушений, то речь идет в первую очередь об ОРМ исследование предметов и

документов, при этом оперативные сотрудники, проводящие данное ОРМ, обращаются за помощью к специалистам в сфере налогообложения и бухгалтерского учета, возможно аудита. Налоговая проверка является не менее эффективным способом выявления преступления.

Неоднозначно воспринимается императивное освобождение от уголовной ответственности за налоговые преступления в случае полной уплаты недоимки, пеней и штрафа, предусмотренных налоговым законодательством. С одной стороны даже нарушающие уголовные запреты предприниматели являются ценными в экономическом плане кадрами, приносящими пользу обществу, которых можно исправить вне рамок уголовного наказания. Однако происходит искажение целей и задач уголовной политики и своеобразная легализация коррупции, при которой деньги идут не в карман коррупционера, а в бюджет государства. Важным фактором в данном случае является наличие у экономического преступника денежных средств, получается, чем больше это лицо получит преступным путем средств, тем у него будет больше возможностей избежать уголовного наказания.

Еще одним предложенным инструментом призванным защитить бизнес от произвола от стороны обвинения является создание института следственных судей в России, будут заниматься отдельными направлениями в уголовном процессе (судебный контроль, назначение экспертиз в ходе расследования, признание доказательств допустимыми и недопустимыми и другими). В некоторых европейских странах институт следственных судей уже реализован (Франция, ФРГ).

Однако говоря о давлении на предпринимателей со стороны государства, речь идет не только об правоохранительных органах, но и об иных органах исполнительной власти: налоговых, надзирающих, контролирующих.

В данном случае стоит, по мнению Б. Титова унифицировать и упростить налоговые режимы для малого и среднего бизнеса. Например, предусмотреть возможность единовременной уплаты всех обязательных платежей (включая страховые взносы) и предоставления единой декларации. Также необходимо законодательно закрепить дифференциацию стоимости патента по территориальному признаку. Руководствуясь мировой практикой, стоит ввести мораторий на все проверки субъектов малого и среднего бизнеса в течение трех лет со дня начала их деятельности, кроме проверок видов деятельности, которые связаны с угрозой жизни и здоровью людей. Кстати, даже у коррумпированных сотрудников полиции во Вьетнаме и Таиланде считается неразумным устраивать «поборы» с недавно открывшихся организаций и заведений, ведь в таком случае неокрепшие предприниматели могут разориться на самом начальном этапе и элементарно будет не с кого вымогать «дань». В заключении можно добавить, что подливают масло в огонь также федеральные и местные органы законодательной власти, издавая обилие непонятных и социально необусловленных законов. Применение таких законов становится произвольным и избирательным, разногласия разрешаются в соответствии с неформальными правилами – «по понятиям», с использованием административного ресурса, по блату, «на началах взаимности» и за взятки.

Пагубно на экономику страны влияет чрезмерно раздутый бюрократический аппарат, который является характерным атрибутом российского государства с XVI века.

Профессор И.А. Клепицкий предлагает сократить существующий бюрократический аппарат (в 10 раз!), а оставшимся увеличить оплату труда (в 7 раз!), и тем самым искоренить их классовую ненависть к «эксплуататорам» [6].

На данный момент уголовная политика в сфере борьбы с экономическими преступлениями, которая включает в себя и защиту предпринимательства от произвола государства, характеризуется нестабильностью и противоречивостью. Не стоит забывать что предприниматель, совершив экономическое преступление, является преступником, и подлежит наказанию, и его статус не должен быть основанием для необоснованных послаблений, облегчающих дальнейшую преступную деятельность. Должен быть создан должный механизм защиты предпринимателей от злоупотребления со стороны государственных и муниципальных служащих.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Предпринимательство в России. URL: http://modern-econ.ru/ekonomika rossii/osobennosti/predprinimatelstvo.html (дата обращения 22.11.15).
3. Предпринимательству мешают коррупция и отсутствие стартового капитала // Московские новости. URL: http://www.mn.ru/business/88660 (дата обращения 25.11.15).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 30 марта 2016 года). // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (I часть). Ст.4921.
5. Интернет-интервью с Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Титовым Б. "Главным достижением прошлого года для всех нас, несомненно, стала состоявшаяся амнистия за экономические преступления" (ГАРАНТ.РУ, 25 июня 2014 г.).
6. Тишин А.П. Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, касающиеся налоговых преступлений. // Налоговая проверка, 2015. № 1.
7. Клепицкий И.А. Экономика и уголовное право. // Закон, 2013. № 8.

Московская И.А., Рузова М.В.,
студентки юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Освобождение от наказания является самостоятельным институтом уголовного права. Он включает в себя нормы, в соответствии с которыми лицо, признанное судом виновным в совершении преступления, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор и назначено наказание, освобождается от реального отбывания наказания или дальнейшего отбывания частично отбытого наказания. Таким образом, в этом институте получили свое закрепление принципы гуманизма и экономии мер уголовной репрессии.

Что же касается истории развития данного института, то ее можно условно разделить на 3 этапа: первый – со времен Русской правды до Великой Октябрьской революции 1917 года, второй этап – с 1918 года до вступления в силу Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958г., третий – с 1958 года и до вступления в силу Уголовного кодекса РФ [8,с.151-153].

На протяжении всей истории отечественной уголовной науки вопросы освобождения от наказания обращали на себя пристальное внимание. Исследованием вопросов освобождения от наказания занимались такие известные ученые, как Антонов А.Г., Баранов Ю.В., Голик Ю.В., Малинин В.Б. и другие.

По мнению В.А. Авдеева, освобождение от наказания допускается исключительно на допенитенциарной стадии, которая охватывает период времени с момента совершения лицом преступления до момента постановления судом обвинительного приговора.

С точки зрения Р.Р. Галиакбарова, значение института освобождения от наказания определяется, прежде всего, способствованием быстрейшей ресоциализации преступника при одновременной экономии мер уголовной репрессии [5, с.203].

На взгляд С.И. Зельдова, освобождение от наказания может быть только полным и безусловным, а освобождение от отбывания наказания возможно под каким-либо условием. При этом он классифицировал виды освобождения от наказания и его отбывания на три группы: освобождение от наказания (с заменой или без замены его иными мерами); освобождение (полное или частичное) от отбывания наказания в момент его назначения;

освобождение (полное или частичное) от отбывания наказания в процессе его исполнения либо отсрочки исполнения [7,с.136].

Сказанное напрямую относится к освобождению от наказания в связи с болезнью. С критикой ч.1 ст.81 УК РФ выступает Ю.М. Ткачевский. В состоянии невменяемости, отмечает он, лицо не подлежит уголовной ответственности, а потому об освобождении от наказания в данном случае говорить не приходится. Следовательно, лицо, у которого после совершения преступления и до постановления судом обвинительного приговора наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит освобождению не от наказания, а от уголовной ответственности [6,с.30].

Иную точку зрения имеет В.Ф. Щепельков. По его мнению, необходимо уточнить содержание ч. 1 ст. 81 УК РФ, указав, что речь в ней идет только о тех лицах, которым вынесен обвинительный приговор суда.

В тоже время, А.И. Рарог предлагает систематизировать виды освобождения от наказания и его отбывания в следующие группы: освобождение от назначения наказания; освобождение от реального отбывания наказания; досрочное освобождение от дальнейшего отбывания частично отбытого наказания. В соответствии с таким подходом один и тот же вид освобождения от отбывания наказания, предусмотренный ст. 82 УК РФ, опять же будет отнесен сразу к двум классификационным группам [6,с.30].

В главе 12 сосредоточены не все уголовно-правовые нормы, которыми решается этот вопрос, в частности по юридической природе одной из разновидностей условного освобождения от наказания является условное осуждение (ст. 73), хотя законодатель регламентирует его в главе «Назначение наказания»[1].

Не вошли в главу 12 УК РФ и ст. ст. 84, 85 УК, регулирующие вопросы освобождения от наказания на основании актов амнистии и помилования, а также ч. 2 ст. 10 УК, предусматривающая освобождение от наказания в силу изменения уголовного закона. Таким образом, действующий УК РФ выделяет 11 видов освобождения от наказания.

Рассмотри несколько видов освобождения от наказания.

Такой вид как отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, был введен Федеральным законом от 07.12.2011г. № 420-ФЗ и уточнен Федеральным законом от 25.11.2013 г. № 317-ФЗ[2].

Основанием применения отсрочки наказания больным наркоманией, на наш взгляд, является основанная на материалах уголовного дела убежденность суда в возможности достижения целей наказания без его реального отбывания. Об этом свидетельствует и указание закона на возможность применения отсрочки судом, а не на обязательность ее применения. Совершение преступления даже и предусмотренного ч. 1 ст. 82 УК РФ, но после вступления в законную силу приговора суда, не может быть признано совершением преступления впервые.

Как отмечалось в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007г. № 2, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых, оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу. Это означало, что совершение преступления предусмотренного ч. 1 ст. 82 УК РФ, но после вступления в законную силу приговора суда, не может быть признано совершением преступления впервые. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 названное постановление, признано утратившим силу.

Данное разъяснение подтверждается и в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 [4]. Из содержания ч.4 ст. 82.1 УК РФ и приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, что совершение осужденным до вынесения приговора суда или до вступления его в законную силу нескольких преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, признается совершением их впервые. Но в данном случае наказание должно назначаться согласно ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, а затем должно быть принято решение об отсрочке.

К примеру, согласно приговору Пресненского районного суда г. Москвы от 27.01.2014г. К. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 1 году лишения свободы [9]. В соответствии со ст. 82.1 УК РФ суд применил к осужденному отсрочку (сроком на 5 лет) отбывания наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и реабилитации. Основанием принятия такого решения стал тот факт, что К. впервые совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, добровольно изъявил желание пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. При этом судом было учтено, что согласно ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» больным наркоманией признается лицо, которому поставлен соответствующий диагноз [3].

Не ограничиваясь имеющейся в материалах дела справкой из наркологического диспансера о том, что подсудимый состоит на учете, суд назначил проведение медицинского освидетельствования в отношении подсудимого в соответствии со ст. 44 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах. Поставленный в результате освидетельствования диагноз «опийная наркомания второй стадии» стал безусловным основанием для применения отсрочки отбывания наказания, без признания его судом.

В другом примере, приговором Федерального суда Ленинского района г. Магнитогорска от 21.01.2015г. в отношении Г. применены положения ст.82-1 УК РФ, о возложении обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию [10]. Приговором Г. по ст.228 ч.1 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы сроком в 1 год с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. На основании ч.1 ст.82.1 УК РФ Г. отсрочено отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации сроком на 2 года. В ходе судебного следствия установлено, что согласно заключению амбулаторной судебно-наркологической экспертизы Г. по своему психическому и физическому состоянию признан больным наркоманией, в лечении от наркотической зависимости нуждается, специальное лечение не противопоказано. Поэтому суд пришел к выводу, что поскольку Г. впервые совершил преступление, предусмотренное ч.1 ст.228 УК РФ, и изъявил добровольно пройти курс лечения от наркомании, то суд считает возможным назначить ему наказание с применением ч.1 ст.82.1 УК РФ, поскольку применение данной статьи будет способствовать исправлению и выздоровлению подсудимого, который признан больным наркоманией.

Что же касается освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, то социально-правовая сущность данного института заключается в том, что в нем выражаются принципы индивидуализации применения мер уголовного принуждения, гуманизма и справедливости.

Например, Центральным районным судом г. Тулы 11 октября 2014 года был вынесен приговор в отношении Плосконосовой А.В. по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Судом установлено, что Плосконосова А.В. совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, 7 ноября 2010 года, 19 июня 2011 года подсудимая была объявлена в розыск. 11 октября 2014 года в суд поступило заявление Плосконосовой А.В., направленное ею по электронной почте, о рассмотрении уголовного дела в ее отсутствие. Согласно сообщению начальника УУР УМВД Украины в Винницкой области А.И. Глянько, в ходе оперативно-розыскных мероприятий установлено, что Плосконосова А.В. вместе со своим мужем выехали на постоянное место жительства в г. Нью-Йорк, США. Уголовное дело было рассмотрено в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 247 УПК РФ в отсутствие подсудимой. Плосконосова А.В. освобождена судом от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ. При принятии данного решения суд учел тяжесть совершенного впервые преступления и пришел к выводу, что она перестала быть общественно опасной в связи с рождением ею ребенка и выездом на постоянное место жительства в другую страну.

В другом деле приговором Плавского районного суда Тульской области от 1 ноября 2014 года Богданов А.В. осужден за совершение шести преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ [12]. С учетом ч. 2 ст. 69 УК РФ ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 5 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. В соответствии со ст. 80.1 УК РФ Богданов А.В. освобожден от назначенного наказания. При принятии решения об

освобождении Богданова А.В. от наказания, судом установлено, что он вступил в брак с потерпевшей, и у них родился ребенок, в связи с чем совершенное Богдановым А.В. преступление, а также он сам перестали быть общественно опасными.

Вместе с тем, в резолютивной части приговора указано, что наказание Богданову А.В. назначено по эпизодам, а не по преступлениям.

Если говорить от освобождении от наказания в связи с болезнью, то статьей 81 УК РФ предусмотрены несколько оснований освобождения от отбывания наказания: 1) психическое расстройство; 2) заболевание иной тяжелой болезнью; 3) заболевание военнослужащих, делающее их негодными к военной службе.

На практике встречаются случаи, которые подпадают под статью 81 УК РФ, но в связи с некоторыми обстоятельствами лицо все равно не освобождается от наказания.

Например, 28 декабря 2014 г. Панов В.И., осужденный по приговору от 23.08.2009 г. по ч.5 ст.33, п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, ч.4 ст. 162 УК РФ, ч.3 ст. 69 УК РФ к 17 годам лишения свободы, вновь обратился в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью [13]. Постановлением суда от 19 января 2015 года Панову В.И. отказано в удовлетворении ходатайства. При этом в постановлении указано, что установленное заболевание у Панова В.И.: рак желудка Т4 №2 М1, осложнения: анемия, кахексия, раковая интоксикация, хотя формально относится в силу п.6 к Перечню заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 06.07.2004 г. № 54, но суд учитывает и иные обстоятельства: поведение Панова В.И. за время отбывания наказания, не свидетельствующее о его исправлении, данные о личности осужденного, отрицательно характеризующегося по месту отбывания наказания. Как следует из письма начальника УФСИН России по Тульской области 25.01.2015 г. Панов В.И. умер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значение института освобождения от наказания состоит в экономии мер уголовной репрессии; стимулировании исправления лица, совершившего преступление; исключении назначения наказания в случае, когда достижение его целей невозможно; аннулировании всех правовых последствий совершенного преступления (ч. 2 ст. 86 УК).

Список используемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 07.12.2011г. № 420-ФЗ (в ред. от 28.12.2013 г). «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2011, № 50 ст. 7362.Ф
3. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 05.04.2016 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998, № 2. Ст. 219.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 02.04.2013 г. № 6) // БВС ВС РФ. 2011, № 4.
5. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации Часть общая : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция"//М.: Волтерс Клувер. 2005. С.203
6. Горшенина А.А. Социальное предназначение института освобождения от отбывания наказания // Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2014 г.Ч.7.С. 30.
7. Зельдов С.И. Освобождение от наказания и от его отбывания // М.: Юр. лит. 1982 . С. 136.
8. Файзуллина Д.Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Актуальные проблемы экономики и права. Юридический журнал .2008.№2.С.151-153.
9. Обзор судебной практики Пресненского районного суда г. Москвы от 27.01.2014 N 4у/2-300
10. Обзор судебной практики Федерального суда Ленинского района г.Магнитогорска от 21.01.2015 N 22К-1848
11. Обзор судебной практики Центрального районного суда г. Тулы 11.10.2014 N 22-2448
12. Обзор судебной практики Плавского районного суда Тульской области от 01.11.2014 N 18-231Обзор судебной практики Новосибирского областного суда Новосибирской области от 28.12.2014 N 22-1063.

Мошкова А.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ СИНГАПУРА

В современном мире все больше отраслей жизни общества становятся автоматизированными. Электронные системы неизбежно внедряются в повседневность согласно требованиям времени и все увеличивающимися экономическими, технологическими и социальными потребностями общества. Не оказалось исключением и внедрение инноваций в судебную систему. Широко применяются достижения научно-технического прогресса и существующие процессуальные формы и механизмы на основе использования компьютерной техники, электронных систем, информационных и коммуникационных технологий.

Электронное правосудие – явление новое и сложное. В более широком смысле под электронным правосудием понимается электронные автоматизированные системы, которые будут позволять обрабатывать и распределять судебные акты, а так же обеспечивать доступность к материалам участникам судопроизводства. В узком смысле электронное правосудие – это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса[1].

Первенство по внедрению IT- технологий в судебную систему и реализации концепции электронного правосудия несет Сингапур.

До шестидесятых годов двадцатого века в Сингапуре была широко развита коррупция. В частности особенно коррумпированной считалась судебная система того времени. Существовали серьезные проблемы с задержкой рассмотрения дел. Данная проблема появилась еще в конце первой половины двадцатого века, но первые действенные шаги к ее решению были предприняты лишь в 1990-х. К концу 1980-х годов медлительность правосудия стала заметным препятствием на пути развития страны. В сентябре 1990 года отставание в рассмотрении дел Верховным судом составляло около пяти лет — и это только для уже принятых дел. Необходимо было менять подход к отправлению правосудия. В том же году новым Главным судьей был назначен Йонг Пьюн Хау, который провел курс реформ, в котором основополагающую роль сыграло становление электронного правосудия[2].

С 1997 г. в судах использовалась Система электронной подачи документов. С 2000 года она стала обязательной при подаче документов в связи с гражданскими делами. Система электронной подачи документов создавалась, как система управления документами и оптимизации документооборота в суде. При использовании Системы электронной подачи документов документ, который поступает в суд и подвергается проверке на соответствие с предъявляемыми требованиями. Далее система сама распределяет документ, что помогает избежать возможности ошибок, и снижает время на распределение дела. С 2011 года используется Интегрированная электронная система гражданских исков. Использование систем электронного документооборота устранило множество проблем, от физического недостатка персонала до исключения возможности приобщения к делу не того документа, от обеспечения контролируемого доступа к материалам дел до получения статистических данных о деятельности самих судов. Создание Службы электронного извлечения документов помогает юристам в быстром нахождении материалов по делу, а так же информацию о сходных процессах. Благодаря Электронной информационной службе можно узнать о происходящем судебном процессе, и просмотреть все, уже совершенные процессуальные действия, в режиме реального времени. Воспользоваться данными сервисами и многими другими можно через специально оборудованный сайт LawNet[3] .

Электронные интернет - страницы судов созданы так, чтобы помогать не только профессионалам, но и людям, не имеющим юридического образования. Существует специальный электронный отдел для досудебного разрешения споров, предлагается система

онлайн-медиации, позволяющая найти решение в споре в досудебном порядке. После подачи иска составляется график проведения обязательных предварительных конференций. Подобное мероприятие дает возможность досудебного урегулирования дела и, если первое невозможно, то помогает обозначить предмет спора и спрогнозировать процесс. Для удобства и экономии времени участников предстоящего судебного процесса может быть употреблена видеоконференция. Для подтверждения подачи документа в суд используется автоматически сгенерированный системой электронной подачи документов сертификат, который направляется пользователю. Лица, у которых отсутствует возможность самостоятельно воспользоваться системой электронной подачи документов, могут обратиться в сервисные бюро. На стадии судебного разбирательства суды также широко применяют IT-технологии. Залы судебных заседаний оборудованы компьютерными системами. Участники разбирательства могут подключиться к компьютерной сети суда и получить доступ к судебной информации. Также граждане, участвующие в разбирательстве, могут обмениваться информацией между собой, с другими лицами, находящимися за пределами суда, а также получать доступ к базам законодательства и прецедентного права.

Доказательства, которые были сохранены на различных носителях информации, могут быть представлены на суде, и так же, в режиме настоящего времени, просмотрены. Адвокаты в защиту своих клиентов могут предоставлять различные фотографии, видеозаписи, на процессе. А так же подготавливать презентации, что позволяет участникам гражданского процесса лучше понимать суть судебного разбирательства, и следовательно, вероятность того что процесс будет справедливым , и не возникнет никаких ошибок крайне высок. Во время дачи свидетелями показаний используется система видеомаркеров. То есть, во время процесса, показания сразу переносится в электронный вид, и судья, адвокат или участники процесса могут, подчеркивать нужную информацию, давать к ней комментарии. Краткие характеристики, могут быть распечатаны, для использования их в дальнейшем. Устные показания в суде записываются с помощью видео и аудиоустройств. Все происходящее во время суда фиксируется и записывается, и потом судья, может обратиться к нужному эпизоду процесса[4].

Электронное правосудие в Сингапуре помогло сократить время рассмотрения дел в несколько раз: если в конце восьмидесятых годов двадцатого века срок рассмотрения дел мог растягиваться на пять –шесть лет, то к началу двадцать первого века максимальное время ожидания не превышало 15 месяцев. В итоге стало возможным более быстрое разрешение судебных разбирательств, а так же дела, прекратилось накопление дел. Разумеется, и общественность высоко оценила такой прогресс в гражданском судопроизводстве. В 1999 году девяносто семь процентов респондентов охарактеризовали деятельность суда беспристрастной, а девяносто два процента — эффективной[5].

Опыт реформирования гражданского процесса в Сингапуре показывает, что употребление новых IT-технологий может кардинально улучшить качество судопроизводства: от уменьшения времени и снижения материальных издержек судопроизводства и упрощения процессуальных процедур до возможности более эффективного разделения инструментов и информационных средств между субъектами, вовлеченными в судебный процесс. Что позволяет обеспечивать рациональное, эффективное и справедливое правосудие по гражданским делам.

Список использованной литературы:

1. Ю.В. Сидоров Отличия в понимании сущности электронного правосудия в россии и за рубежом // Ученые записки петрозаводского государственного университета 2015

2. Нодар Лахути Сингапурский суд как бизнес проект // URL: http://pravo.ru/interpravo/practice/view/83653/

3. С. В. Романенкова Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // "Арбитражный и гражданский процесс", 2013, N 4

4. В.И. Решетняк Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура "Российский юридический журнал", 2012, N 2
5. Waleed H.M. Judiciary-Led Reforms in Singapore: framework, strategies and lessons. Washington, 2007. P. 53.

Нестерович И.С.,
студент юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Решетников В.Я.,
к.ю. н, доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Во все периоды нашей истории одним из важнейших направлений противодействия преступности была борьба и предупреждение преступности несовершеннолетних. Несовершеннолетние являются той категорией лиц, которые наиболее подвержены влиянию со стороны взрослых преступников. К сожалению, за последние несколько лет среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, доля деяний, сопряженных с применением насилия увеличивается, при этом несовершеннолетние преступники пытаются запечатлеть сам процесс совершения своих противоправных деяний с помощью фото- и видеосъемки, сделав, как они понимают, себе рекламу.

Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, за 2014 год было совершено в общей сложности 2166399 преступлений, из них 59240 совершено несовершеннолетними и при их участии, а уже за 2015 год было совершено в общей сложности 2352098 преступлений, из них 61153 совершено несовершеннолетними и при их участии [1], что, как представляется, обусловлено многими причинами, в том числе и ухудшающейся социально-экономической обстановкой в стране.

С точки зрения уголовного права несовершеннолетний рассматривается с двух сторон: как потерпевший от преступления и как субъект преступления. Особый интерес вызывает статус несовершеннолетнего в уголовном праве в качестве потерпевшего. Так, Уголовный кодекс предусматривает в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем или иным лицом или органом, на которое возложены обязательства по их воспитании(ст.150 ч.2 УК РФ). Ряд статей Особенной части также называет совершение преступного деяния в отношении несовершеннолетнего в качестве квалифицирующего обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность (напр.,ст.ст.230 и 240 УК РФ)

Еще более широко трактуется статус несовершеннолетнего, как лица, совершившего преступления. В частности, в Общей части УК РФ в отношении несовершеннолетних выделена отдельная 14глава, где указана отдельная система наказаний, в которую входят только 6 из 13 наказаний, предусмотренных УК РФ. Так, к несовершеннолетним могут быть применены такие специальные меры, как принудительные меры воспитательного характера, к ним не применяется институт рецидива и т.д.

Довольно долго в судебной практике вызывал вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних по совокупности преступлений и по совокупности приговоров, который, в конце концов, был разрешен Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011г.№1, согласно которому, за преступления, совершенные до 18 летнего возраста, наказание по совокупности преступлений или совокупности приговоров назначается с учетом положений ст.88 УК РФ, а в остальных случаях – по общему правилу. [2, с. 30]

Важную роль в вопросе об ответственности за преступления, играет отличие понятия «несовершеннолетний» от понятия «малолетний». Так, в в соответствии с ч.1 ст.87 УК, несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Малолетние же, не достигшие даже 14 лет, вообще не могут быть субъектами уголовного права, что вызывает споры среди ученых и практиков. Так, еще в 2009 году вносились первые предложения о том, чтобы снизить уголовную ответственность за некоторые преступления с 14 лет до 12 лет. Однако, такая позиция подвергается серьезной критике. Так, например, А.М. Бычкова считает, что данная мера может не только не решить проблемы преступности несовершеннолетних, но и усугубить ее. [3; 170] Я.И. Гилинский говорит о том, что в такой мере нет смысла, т.к., согласно ФЗ от 24 июня 1999г. №120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетних можно направить в специальные учебно-воспитательные учреждения за совершение преступлений в возрасте от 11 лет на основании постановления судьи или решения суда. [4,с.122] Против такой меры высказывался и Павел Астахов – Уполномоченный по правам ребенка при президенте РФ. По его мнению: "Мы не создали условий для помощи оступившимся детям, профилактика правонарушений несовершеннолетних находится на низком уровне. Не создана система исправления и реабилитации детей, совершивших преступления. Можно посадить всех несовершеннолетних правонарушителей, но это не решит проблемы" [5]

Сторонники снижения ответственности в качестве примера приводят опыт зарубежных коллег. Так, например, в Швейцарии уголовная ответственность наступает с 7 лет, в уголовном законодательстве Ирака под «молодым человеком» подразумевается лицо в возрасте от 7 до 18 лет, являющееся субъектом преступления. В некоторых штатах США за особо тяжкие преступления уголовная ответственность наступает с 10 лет, причем такое лицо может быть осуждено к пожизненному заключению. Также они говорят о том, что такая мера будет носить устрашающий характер. [6, с.123]

На наш взгляд, снижение порога ответственности лишь увеличит статистические цифры количества несовершеннолетних преступников, но почти никак не поможет в борьбе с преступностью. Необходимо предупреждать преступность несовершеннолетних, а не разбираться с последствиями только после факта совершения преступного деяния. Так, по мнению Миронова В.О. под предупреждением преступности следует понимать: «…определенную систему, состоящую из мер предупреждения преступности, объектов воздействия, субъектов предупреждения преступности». [7,с.39-40] Другими словами, разрешить проблему преступности несовершеннолетних можно будет только системно. Одним законом разом не решить все проблемы. Необходим комплекс мер, которые, как нам видится, будет состоять из социально-культурных, правовых, воспитательных и просветительных мер, создание работающих систем реабилитации несовершеннолетних преступников и т.п.

Отдельно стоит сказать об институте ювенальной юстиции, создание которого обосновано ратификацией Конвенции ООН о правах ребенка. [8, ст.40, п.3] и включает в себя систему правовых норм, регламентирующих деятельность государственных и негосударственных учреждений, осуществляющих контроль за исправлением и реабилитацией несовершеннолетних преступников, профилактику детской преступности, защиту прав и свобод семьи, а также судов, отпускающих правосудие по делам, связанным в частности с преступностью несовершеннолетних. В данное время он находится только в процессе становления и подвергается очень серьезной критике. В основном, в пример ставят опыт зарубежных стран, при этом многие говорят о разрушении института семьи, ущемлении прав родителей, предоставлении детям равных прав с родителями, повышении количества самоубийств среди родителей, у которых были изъяты дети.

Такая серьезная перестройка законодательства в отношении института семьи и прав и свобод несовершеннолетних требует всестороннего изучения. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, … законопроекты в этой сфере можно принимать только

после максимально широкого обсуждения, если удастся прийти к консенсусу. Семья - это очень чувствительная сфера. И в законах, касающихся взаимоотношений между родителями и детьми, должны быть только определенные, четкие формулировки, исключающие произвол чиновников и какое-то двойное толкование. [9]Важными документами в этой сфере является «Национальная стратегия развития действий в интересах детей на 2012-2017 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 1 июня 2012г. №761, которая одним из основных направлений называет «создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия».[10]

Таким образом, формирование и дальнейшее развитие законодательства, направленного на защиту прав и свобод несовершеннолетних требуют внимательного изучения и обобщения не только правоприменительной практики, но и традиционных семейных ценностей.

Список использованной литературы:

1.Официальная статистика с портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ // Сайт Портала правовой статистики [Сайт]URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 15.04.2016)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 02.04.2013) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних"// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. N 4.

3.Бычкова А.М. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности до двенадцати лет в сфере анализа реальной общественной опасности деяний малолетних // Известия ИГЭА 2012 №2 (82) С. 167-171.

4. Гилинский Я.И., Миллюков С.Ф. Дискуссионная площадка «С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности?» // Вестник Герценовского университета 2012 №1 С. 121-125.

5. Астахов выступил против снижения возраста уголовной ответственности. URL: http://ria.ru/society/20120301/583462866.html (дата обращения 30.03.2016)

6. Коробейникова М.С. Зарубежный опыт регламентации применения уголовно-правовых норм об ответственности несовершеннолетних к лицам молодежного возраста // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление Февраль 2012 URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1157&Itemid=103#centarmain(дата обращения 29.03.2016)

7. Миронов В.О. Профилактика преступности несовершеннолетних //Новый университет. М.2014. № 5-6.С.39-40)

8.Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // СПС Консультант Плюс. (дата обращения 30.03.2016)

9.Владимир Путин нашел риски в законе о патронате URL:http://rg.ru/2013/02/09/putin-site.html(дата обращения 30.03.2016)

10. .«Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы»(утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761) // СПС Гарант

(дата обращения 29.03.2016)

Новикова Л.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АФФЕКТА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ

Феномен аффекта рассматривается как особое психологическое состояние, которое имеет юридические последствия, однако понятие «аффект» в правовой науке разработано недостаточно. Современные определения сводятся лишь к перечислению основных признаков [1]. А.В. Коломина под аффектом понимает особое эмоциональное состояние, в котором находится субъект правоотношений, характеризующееся повышенной силой воздействия на волю и сознание, вызванное определенным внешним раздражителем и влекущее юридические последствия [2, с. 52-53]. Несмотря на отсутствие однозначного определения, данный термин в правовой науке используется широко, что в свою очередь

свидетельствует о необходимости единого и точного определения аффекта.

В психологии понятие аффекта и внезапно возникшего сильного душевного волнения не идентичны, тогда как в уголовном праве между ними стоит знак равенства [3, с. 364-366]. Проблема понятия аффекта заключается в том, что юристы и психологи описывают данное явление по-разному. В общей психологии аффект дифференцируется с эмоциями по способу и функциям регуляции психической деятельности, в свою очередь уголовное право рассматривает аффект по интенсивности эмоций и степени нарушения осознанно-волевой регуляции деятельности. Также в общей психологии данное явление имеет разнообразную модальность (страх, радость и так далее), в то время как в уголовном праве принимают во внимания лишь эмоции, связанные с яростью и гневом. В психологии аффекты возникают как реакция на широкий круг психотравмирующих воздействий, а для уголовного права имеют значения только реакции, возникшие на противоправное или аморальное действие потерпевшего [4, с. 446].

Ученые квалифицируют аффекты на группы по различным аспектам. Первая группа – это стенические (гнев, радость) и астенические (страх, тоска) аффекты. Ко второй группе относятся физиологические, патологические и аномальные (аффект в состоянии физиологического алкогольного опьянения, аффекты психически неполноценных лиц). Третья группа состоит из классических и кумулятивных (накопительных) аффектов [5, с. 86].

Однако из всего многообразия правовое значение имеют далеко не все. В юридической практике чаще всего встречаются аффекты страха и гнева. Аффект гнева является защитным рефлексом и носит агрессивный характер. Специфика его состоит в том, что субъект испытывает потребность в эмоциональной разрядке путём агрессии. Большинство преступлений, предусмотренных ст. ст. 107 и 113 Уголовного кодекса РФ, совершаются именно под влиянием аффекта гнева. Аффект страха порождается реальной или воображаемой опасностью для важных благ человека и связан с оборонительным рефлексом. Правовое значение он приобретает при превышении пределов необходимой обороны.

Важной проблемой является соотношение физиологического аффекта и опьянения [6, с. 259-261]. Нередко обвиняемый совершает преступление в состоянии алкогольного опьянения с признаками аффективного состояния. В данной ситуации физиологический аффект возникнуть не может, так как алкоголь сам по себе вызывает дезорганизацию психики человека. Кроме этого, он облегчает возникновение аффекта, влияя на эмоционально-волевую сферу. В случае алкогольного опьянения обвиняемый сам несет долю ответственности за возникновение аффекта, так как его возникновение является следствием принятия алкоголя. Данные выводы можно сделать в отношении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, растений, содержащих наркотические средства.

Достижением современной юриспруденции является введение кумулятивного аффекта. Споры по поводу продолжительности первой стадии аффекта в теории права велись в течение длительного времени. Профессор Э.Ф. Побегайло стал одним из первых сторонников существования кумулятивного аффекта [7, с. 32]. Он и его коллеги допускали случаи возникновения аффекта через некоторое время после противоправных действий. По их мнению, кумулятивный аффект отличается от других видов аффектов тем, что первая стадия сильно растянута во времени. В течение этого времени накапливается эмоциональное напряжение. Главной причиной, порождающей аффект, является длительная психотравмирующая ситуация, которая складывается, как правило, в сфере семейных или строго регламентированных отношений, например, в условиях военной службы. Кроме этого, стадию аффективного взрыва может спровоцировать незначительное воздействие, играющее роль «последней капли». Субъективно аффект переживается как состояние, навязанное извне. В отличие от простых эмоций, он возникает помимо воли человека, захватывая его врасплох.

Предметом другого спора является положительная или отрицательная оценка аффекта. Некоторые считают аффект нормальной реакцией [8, с. 160], тогда как другие утверждают,

что аффект – это аномалия, так как его реакция несоразмерна провоцирующему воздействию. По нашему мнению, аффект является нормальной реакцией организма. Хотя он и относится к состояниям пониженной правоспособности, однако, вменяемость в таком случае не исключается, также последствием является ответственность в установленных законом случаях, а не применение принудительных мер медицинского характера. Аффект не является временным расстройством психики, так как представляет из себя особое психическое состояние психически здорового человека.

Следует разграничивать компетенцию определения наличия или отсутствия аффективного состояния, которое выявляет эксперт, и наличия сильного душевного волнения – компетенции суда. Таким образом, необходимо разграничить в законодательстве понятия «аффект» и «сильное душевное волнение», то есть очертить их границы и определить соотношение друг с другом. Аффект как правовое понятие должен определять суд. Но в таком случае каждый судья должен обладать специальными психологическими познаниями, что невозможно, или по каждому делу, где вероятна квалификация ст. ст. 107 или 113 Уголовного кодекса РФ, необходимо назначать судебно-психологическую экспертизу. Между тем экспертиза аффекта не входит в число обязательных экспертиз.

В судебной практике часто возникает вопрос о квалификации деяния в состоянии аффекта, когда виновный причиняет тяжкий или средней тяжести вред здоровью потерпевшего, но в результате через некоторое время наступает смерть потерпевшего [9, с. 31]. В данном случае квалификация по ст. 107 Уголовного кодекса РФ неприменима, так как у виновного не было умысла по отношению к смерти потерпевшего. Также возможна квалификация по ст. 109 и ст. 113 Уголовного кодекса РФ. В данном случае психическое отношение виновного к ближайшему последствию, то есть причинению вреда здоровью, выражается в умысле, а к более отдаленному, смерти, - в неосторожности. Вследствие этого, при данной квалификации виновный будет наказываться строже, чем при совершении убийства в состоянии аффекта, что не является целесообразным. Таким образом, несмотря на то, что в результате действий виновного наступила смерть, данная ситуация квалифицируется по ст. 113 Уголовного кодекса РФ.

Кроме этого, существует проблема квалификации – отграничение покушения на убийство в состоянии аффекта от причинения вреда здоровью, также совершенного в состоянии аффекта. Основной вопрос состоит в установлении направленности умысла виновного. Для квалификации покушения на убийство в состоянии внезапно возникшего душевного волнения необходимо установить, что виновный действовал с умыслом лишения жизни потерпевшего. При недоказанности или отсутствии такого умысла, содеянное должно быть квалифицированно по фактически наступившим последствиям. Сложность квалификации вызывают ситуации, когда виновный после действий, направленных на лишение жизни, прекращает их и оказывает помощь. Если имело место оконченное покушение, то содеянное квалифицируют как покушение на убийство.

Интересен вопрос о квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны в состоянии аффекта. Г.А. Кригер, А.В. Наумов предлагали разграничить такие преступления в зависимости от характера поведения потерпевшего [10, с. 268]. В ч. 1 ст. 107 Уголовного кодекса РФ перечислены условия, при которых может быть вызвано состояние аффекта: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, а также иные противоправные или аморальные действия, длительная психотравмирующая ситуация. Большая часть таких обстоятельств не может являться основанием для совершения действий при необходимой обороне. Преступление в состоянии аффекта возможно на то насилие, которое заведомо не опасно для жизни и здоровья человека, но угрожало его телесной неприкосновенности. Тогда как насилие, заведомо опасное для жизни и здоровья лица, является обстоятельством для возникновения права на необходимую оборону.

В.Н. Ткаченко предлагал разграничить составы по хронологии действий [11, с. 40-49]. Если действия виновного и потерпевшего совпадают по времени, то в таком случае

преступление квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны. В то время, как действия лица, находящегося в состоянии аффекта, происходит после окончания противоправного деяния. Однако такая точка зрения является спорной, так как состояние аффекта может наличествовать в процессе обороны. Также существует мнение о том, что при конфликте двух норм, привилегию нужно давать преступлениям при превышении пределов необходимой обороны, так как они менее общественно опасны и предусматривают наказание ниже, чем преступления, совершенные в состоянии аффекта, что представляется целесообразным [10, с. 269].

Таким образом, аффект является одним из эмоциональных состояний, к которому давно обращено внимание юристов, так как квалификация данного преступления вызывает немалые трудности. Однако до сих пор данное понятие в правовой науке разработано недостаточно и имеет множество проблем при применении норм, регламентирующих аффект как правовой аспект.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. 30.03.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016. №14. ст. 1908.
2. Коломина А. В. Аффект в праве: Дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 52-53.
3. Рагулина А.В. Аффект: понятие и значение // "Черные дыры" в Российском законодательстве. 2010. № 3. С. 364 – 366.
4. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000. 509 с.
5. Юрчак Е.В. Теория вины в праве: монография. М.: Проспект. 2015. 160 с.
6. Коломина А.В. Презумпция аффекта в праве // Юридическая техника. №4. 2010. С. 259-261.
7. Побегайло Э. Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении. М., 1988. 40 с.
8. Романов В. В. Юридическая психология: Учеб. М., 2011. 525 с.
9. Галюкова М.И. Причинение вреда здоровью в состоянии аффекта: проблемы квалификации // Успехи современного естествознания. №3. 2011. С. 30-31.
10. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 2 т. М.: Проспект, 2015. 792 с.
11. Даровских Д.А. Особенности квалификации оборонительных действия в состоянии аффекта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. №4. С. 40-49.

Орленко В.И., Хохлова Ю.Е.,
студентки юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исходное для понимания существующих в науке позиций понятие правоохранительной деятельности и правоохранительных органов наиболее последовательно представлено в работах К.Ф. Гуценко и М.Л. Ковалева. В содержание этой деятельности они включили охрану законности и правопорядка, защиту прав и свобод человека, борьбу с преступлениями и иными правонарушениями. [5, с.15-20]

Учение о необходимой обороне подвергалось исследованиям многими учеными. Среди них труды Ю.В. Баулина, В.Ф. Кириченко, В.Н. Козака, Н.Н. Паше-Озерского, А.А. Пионтковского, Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревина, И.И. Слуцкого, И.С. Тишкевича, Т. Г. Шавгулидзе, М.И. Якубовича. Отдельные вопросы необходимой обороны нашли освещение в работах С.В. Бородина, М.И. Блум, Н.И. Загородникова, А.С. Рабаданова и других авторов.

Особую сложность и ярко выраженную специфику необходимая оборона приобретает в

правоохранительной деятельности при применении ее субъектами средств силового воздействия. Здесь, с одной стороны, субъективное право необходимой обороны трансформируется в объективные и чаще всего публично-правовые служебные права и обязанности по должности.

С другой стороны, за лицами, осуществляющими правоохранительную деятельность, в полной мере сохраняется и исходное субъективное право необходимой обороны, что на практике приводит к неоднозначному пониманию существа силовых функций правоохранительных структур и трудностям в их урегулировании правом. [6, с.150-155]

Существование различных подходов к решению вопроса о правомерности причинения вреда при применении оружия уполномоченными на то должностными лицами обусловлено, прежде всего, тем, что у законодателя по данному вопросу нет стабильной позиции. Это обстоятельство отнюдь не способствует обеспечению прав граждан и самих сотрудников правоохранительных органов.

Иными словами, необходима четкая граница, которая изначально очерчивала бы возможности правоохранительных органов до уровня их гарантированной защиты от произвола самих сотрудников правопорядка. С другой стороны, требуется снять необоснованные ограничения при применении ими физической силы, специальных средств и оружия, в полной мере предоставив возможность реализовывать общие субъективные права, вытекающие из обстоятельств, исключающих преступность деяния, среди которых но нраву первоочередное место принадлежит необходимой обороне. [8, с. 40-42]

Представляется вполне очевидным, что само понятие необходимой обороны, сформулированное в статье 37 Уголовного кодекса РФ, самым непосредственным образом свидетельствует о ее взаимосвязи и даже более того – родовом единстве с правоохранительной деятельностью. Напомним, что основанием необходимой обороны являются защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. И если рассматривать правоохрану в широком аспекте, то защита охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасных посягательств как раз и составляет наиболее значимую активную часть правоохранительной деятельности. [1]

Прежде всего, необходимо чётко понимать, кто и в каком объёме имеет право на необходимую оборону. На первый взгляд ответ на данный вопрос очевиден и содержится в ч. 3 ст. 37 УК РФ, согласно которой правом на необходимую оборону в равной мере обладают все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Наиболее многочисленными субъектами, которым уголовный закон предоставил право на необходимую оборону, являются все лица, находящиеся на территории Российской Федерации (граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства), в обязанности которых не входит исполнение правоохранительных функций. [9, с. 58-61]

Данные лица, реализуя положения ст. 37 УК РФ, вправе защищаться от любых общественно опасных посягательств, как сопряжённых с насилием опасным для жизни, так и сопряжённых с подобным насилием.

Для лиц осуществляющих правоохранительную деятельность ситуация не столь однозначна. Так, ряд нормативно-правовых актов устанавливает специальные ограничения не только на применение оружия и специальных средств, но и физической силы.

Например, в ч. 5 ст. 23 ФЗ «О полиции» установлен категоричный запрет на применение огнестрельного оружия в отношении несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции.

Аналогичный запрет содержится в ст. 24 Федерального закона «Об оружии», ст. 16 Федерального закона «О вневедомственной охране» и некоторых других нормативно-правовых актах.

Таким образом, закон запрещает применение оружия в отношении несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен, за исключением некоторых случаев, в том числе совершения указанными лицами вооруженного или группового нападения. Трудности в реализации данного положения заключается в отсутствии закрепленного в законе понятия «нападение», без которого практически невозможно принять решение о возможности применения оружия в отношении данной категории лиц. Вместе с тем в ст. 37 УК РФ ничего не указано о возрасте посягающего, которому может быть причинён ущерб.

Другое противоречие следует из положений ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции», где указано, что применяя физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, сотрудник полиции действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления.[2] При этом сотрудник полиции должен стремиться к минимизации причиняемого ущерба. Однако в ст. 37 УК РФ ничего не указано о необходимости минимизации вреда посягающему.

По смыслу норм закона закреплённых в ч. 1 и ч. 2.1 ст. 37 УК РФ (при отражении посягательства сопряжённого с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, неожиданного посягательства) может быть причинён любой ущерб посягающему, вплоть до причинения смерти. В уголовном законе ничего не указано о дифференциации нападающих по полу, возрасту или другим признакам, нет указаний на необходимость минимизации возможных негативных для посягающего последствий.

Разрешение указанных противоречий видится в рассмотрении норм Закона «О полиции» лишь как конкретизирующих пределы необходимой обороны по отношению к некоторым правовым ситуациям.

Общеизвестно, что конкретизирующие нормы по отношению к общим нормам – нормам уголовного закона – не должны им противоречить, ограничивать права обороняющегося на защиту от противоправного посягательства. Соответственно приоритет при определении правомерности причинения вреда в результате применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в деятельности сотрудников полиции необходимо должен отдаваться уголовному законодательству о необходимой обороне.

Более того, для сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ и др.) пресечение противоправных действий является не только правом, но и профессиональной обязанностью (ч.1 ст.45 Конституции РФ; ст.12 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности») [3].

Данное положение подтверждается в п. 6 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», где указано, что правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.). [4]

Очевидно, что данная норма нуждается в разъяснении, так как на первый взгляд возможно несколько трактовок данной правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ.

С одной стороны данную норму можно истолковать таким образом, что в подобных случаях отрицается наличие состояния необходимой обороны при совершении правомерных действий должностными лицами, что очевидно вступает в противоречие с ч. 3 ст. 37 УК РФ и п. 27 этого же Постановления.

С другой стороны можно истолковать так, что Верховный Суд РФ рассматривает правомерные действия должностных лиц в рамках своих служебных обязанностей не как действия, основывающиеся на положениях ст. 37 УК РФ (о необходимой обороне), а как действия по исполнению профессиональных обязанностей на основании соответствующих норм (ст.ст. 1, 2, 5, 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»; ст. 12 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и др.).

Возможен и третий вариант толкования п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 19, как отрицание возможности возникновения права на необходимую оборону от правомерных действий должностных лиц, связанных с применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Неоднозначность толкования свидетельствует о целесообразности внесения конкретизирующих изменений в п. 6 Постановления Пленума ВС № 19, для формирования ясной позиции в данном вопросе.

Так, прибыв для задержания Попова, совершившего разбойное нападение, работники полиции попытались выбить дверь квартиры. Однако Попов стал стрелять в работников полиции из охотничьего ружья. Произведя ответный выстрел, сержант Осокин убил Попова. В ходе проверки было сделано заключение, что при задержании лица, совершившего преступление, нельзя было его убивать, в связи с чем против Осокина было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Суд решил признать действия Осокина как деяние, совершенное в состоянии необходимой обороны, исходя из УК РФ и вышеуказанного положения.

Таким образом, нормы УК РФ на законодательном уровне ограничиваются относительно применения специальных средств защиты сотрудниками органов внутренних дел при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в частности необходимой обороны [7, с.78-80].

Представляется, что данное положение является не совсем верным, так как УК РФ имеет большую юридическую силу в сравнении с положениями ФЗ «О полиции», тем самым необходимо обратить особое внимание на решение сложившейся ситуации, дабы сократить всяческие ограничения сотрудников полиции в их правах по решительному противодействию общественно опасным посягательствам.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 06.04.2015 г. № 68 , с изм. от 14.12.2015 г. № 371) // СЗ РФ. 2011, № 7. Ст. 900.
3. Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (в ред. от 30.12.2015 г. № 468) // СЗ РФ. 1995, № 15. Ст. 1269.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // БВС РФ. 2012, № 11.
5. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А., Правоохранительные органы / Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Издание пятое, перераб. и доп. М., "Зерцало", 2000.
6. Симашенков П.Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. – 2015. – № 6. – 250 с.
7. Кабурнеев, Э.В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны / Э.В. Кабурнеев // Российский следователь. - 2007. - N 1
8. Цветков, Ю.А. Необходимая оборона по российскому уголовному праву / Ю.А. Цветков. – М.: Статут, 2002.
9. Кугушева, С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации / С.В. Кугушева // Российский следователь. - 2005. - N 10.

Прикащикова А.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сказано, что любая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве [1, ч. 1 ст. 56]. Тем не менее при осуществлении данной процедуры представляются достаточно строгие требования, которые позволяют обеспечить предельно возможную безопасность. Согласно данному закону, незаконное проведение искусственного прерывания беременности предусматривает уголовную ответственность, регламентированную законодательством РФ. Полагается, что данная норма соотносится со ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности». В медицине абортом является самостоятельное или искусственное прерывание беременности на сроке не более 22 недель. В случае, если беременность прерывается позднее, до 37 недель включительно, то уже речь идет о преждевременных родах. Исходя из этого, употребление понятия «аборт» ко всем случаям искусственного прекращения беременности вне от ее срока является необоснованным.

Согласно частям 1, 2 статьи 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее ФЗ № 323) искусственное прерывание беременности реализовывается при желании женщины при наличии информированного добровольного согласия при сроке беременности до 12 недель. При присутствии социальных показаний, определяемых Правительством РФ, беременность может быть прекращена на более поздних сроках – до 22 недель. До августа 2003 года социальных показаний было 13, а в феврале 2012 года их число было сокращено до четырех, на сегодняшний день, единственным социальным показанием считается беременность в следствии изнасилования [2]. Вопрос о прекращении беременности в таком случае разрешается в учреждениях, которые получили разрешение на осуществление медицинской деятельности, комиссией в составе которой: руководитель учреждения, врач акушера-гинеколог, юрист, специалист по социальной работе (если таковой имеется). Данная комиссия анализирует письменное заявление женщины, выводы акушера-гинеколога касаемых срока беременности, документы, свидетельствующие присутствие социального показания для искусственного прерывания беременности [4]. Но каким именно документом удостоверяется то что беременность наступает в результате изнасилования не совсем ясно. В случае если таким документом является заключение судебно-медицинской экспертизы по поводу определения подтверждения осуществления полового акта и по поводу определения наличия и срока беременности, то для принятия решения о прекращении беременности совершенно достаточно общего срока, на котором разрешено прерывать беременность всем женщинам, – 12 недель. Но в таком случае факт осуществления изнасилования в отношении женщины является недоказанным, равно как и наступление беременности в следствии изнасилования. Если таковым документом считать обвинительный приговор суда, вряд ли будет достаточно и установленного срока в 22 недели, потому что между осуществлением изнасилования (наступлением беременности) и вступлением приговора в законную силу может пройти достаточно времени. В случае, если изнасилованная женщина предпочла не обращаться в полицию, либо преступление не раскрыто, законно прервать беременность на позднем сроке у нее нет шансов. В этой связи появляются некоторые вопросы. По каким причинам был урезан перечень социальных показаний для прерывания беременности на поздних сроках, и в нем осталось лишь наступление беременности в следствии изнасилования? По каким причинам столько внимания уделяется социальным показаниям? По мнению Минздравсоцразвития РФ, оставление расширенного перечня социальных показаний

к прерыванию беременности «содействует вырабатыванию у населения суждения о доступности прерывания беременности на сроке свыше 12 недель». Исходя из пояснительной записки аборты по социальным показаниям совершаются в поздние сроки беременности, что в итоге приводит к осложнениям. По таким причинам, прерывать беременность на таких поздних сроках нужно исключительно по медицинским показаниям, если беременность является угрозой для жизни женщины, или, когда наступила в следствии изнасилования. Тем временем представители Русской Православной Церкви не умалчивают, о том, что данное решение было принято Правительством РФ после достижения соглашения между РПЦ и Минздравсоцразвития РФ как о сокращении перечня социальных показаний для прерывания беременности, так и по иным положениям, которые нашли свое отображение в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ [6]. Исходя из этого, полагается, присутствует и политическая цель в принятии решений по вопросам, касающимся правового регулирования прерывания беременности, отображающий стремление государства идти на уступки РПЦ. Имеется подозрение, что на этом притеснение женщин в праве на прерывание беременности не завершатся. При этом, маловероятно что удастся минимизировать число незаконного прерывания беременности такими способами, и доказательств этому немало, как в зарубежном опыте, так и в отечественном. Чем больше ограничений у женщины в вопросах принятия решений о прерывании беременности, тем больше уровень криминальных абортов и детоубийств. В ч. 4, 6 ст. 56 ФЗ № 323 сказано, что прерывание беременности возможно на любом сроке, если имеются медицинские показания. Данный перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утвержден Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [3]. Перечень предусматривает как название болезни, его форму, стадию, степень и фазу, так и в отдельных случаях – последовательность принятия решения о прерывании беременности. В соответствии с Инструкцией о порядке проведения операции для приобретения направления на операцию женщина направляется к врачу акушеру-гинекологу, который совершает обследование для установления срока беременности и отсутствия медицинских противопоказаний к операции [4]. Если у женщины нет медицинских противопоказаний, выписывается направление в лечебно-профилактическое учреждение. В соответствии со сроками, которые установлены в ФЗ № 323, операция необходимо провести: 1) не раньше 48 часов с того времени, как женщина обратилась в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности: а) при сроке беременности 4–7 недель; б) при сроке беременности 11–12 недель, но не позже завершения 12 недели беременности; 2) не раньше 7 дней со времени обращения женщины при сроке беременности 8–10 недель.

Ясно, что целью такого введения является возможность еще раз поразмыслить о необходимости аборта и, может быть, сохранить беременность. При этом врачи утверждают, чем позже делается аборт, тем больше и сильнее осложнения для женщины. А на ранних сроках счет вообще идет на дни – когда возможно обойтись без операции, с помощью лекарств [7]. Искусственное прерывание беременности разрешено проводить в амбулаторно-поликлинических учреждениях на ранних сроках беременности, а также при сроке беременности до 12 недель – но исключительно в условиях дневных стационаров, которые организованы на базе лечебно-профилактических учреждений, которые имеют условия для оказания качественной медицинской помощи, в том числе срочной хирургической, реанимационной и интенсивной. В стационаре, который имеет условия для оказания качественной медицинской помощи, искусственное прерывание беременности осуществляется на сроке до 12 недель у женщин с отягощенным акушерским анамнезом и гинекологической патологией, если имеется аллергические заболевания, и на поздних сроках беременности. Исходя из этого, искусственное прерывание беременности является законным, если оно осуществлено в соответствии со всеми необходимыми требованиями. Таким образом, прерывание беременности должно быть признано незаконным в том случае, если оно произведено: 1) с нарушением порядка при разрешении операции; 2) с нарушением порядка осуществления операции (в несоответствующих условиях, несоответствующим лицом и т.д.);

3) с нарушением определённых сроков; 4) при присутствии медицинских противопоказаний к операции; 5) без информированного согласия беременной женщины; 6) с нарушением прочих требований, предусмотренных ФЗ № 323 и соответствующими подзаконными нормативными актами. Но тем не менее не любое незаконное прерывание беременности считается преступным и влечет уголовную ответственность. В диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, сказано, что является преступлением лишь проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Необходимо также отметить, что преступным является и прерывание беременности при отсутствии согласия потерпевшей, тем не менее его надлежит квалифицировать по ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Исходя из закона, в случае, если лицо имеет признаки, указанные в диспозиции ст. 123 УК РФ, то для привлечения его к уголовной ответственности не имеет значения, осуществлял ли он требования нормативных актов. Оттого суду не обязательно определять, какие еще требования к осуществлению такой операции были нарушены виновным. Но несмотря на это зачастую в приговорах суды ссылаются не только на признаки ненадлежащего лица, но и на определенные требования нормативных актов, которые были нарушены виновным при осуществлении прерывания беременности. Из уголовного закона вытекает, что виновными в совершении такого деяния могут быть признаны всякие лица, которые не имеют высшего медицинского образования и сертификата акушера- гинеколога: врачи других направлений, фельдшеры, медсестры и прочие медицинские рабочие, а еще лица, которые не имеют никакого отношения к медицине. Исходя из этого, вероятную опасность действий по осуществлению искусственного прерывания беременности для здоровья или жизни беременной женщины законодатель объединяет только с нарушением требования осуществлять прерывание беременности только медиками, которые имеют необходимую квалификацию. На практике так же часто приходится сталкиваться с совершениями аналогичных действий врачами, не смотря на наличие у них необходимой профессиональной подготовки, но с нарушениями других требований к осуществлению искусственного прерывания беременности. Приведем пример: врач акушер-гинеколог М. в частной клинике ООО «А.» произвела операцию по искусственному прерыванию беременности, потерпевшей О., срок беременности которой составлял уже на тот момент 15– 15,5 недель. Вследствие операции у О. началось кровотечение, которое без медицинского вмешательства прекратить не представлялось возможным. Только по прошествии семи часов продолжающегося кровотечения М. приняла решение о вызове докторов скорой медицинской помощи. Когда О. везли в больницу, М., понимая, что ее действия по прерыванию беременности были незаконны на сроке свыше 12 недель при отсутствии медицинских и социальных показаний, попросила супруга потерпевшей сказать докторам скорой помощи о том, что срок беременности у потерпевшей составляет 9-9,5 недель. При доставке, потерпевшей в больницу, у нее уже имелись непоправимые трансформации в органах, отказали почки, женщина была в состоянии шока, который был следствием обильного кровотечения. После произведенных необходимых процедур, сохранить жизнь О. не удалось. Исходя из этого, прерывание беременности О. на сроке беременности более 15 недель было осуществлено врачом М. с нарушением сегодняшнего законодательства, осмотр перед осуществлением прерывания беременности был неполным и не отвечал общеустановленным стандартам при осуществлении аналогичных операций в плановом порядке. Прямой причиной смерти О. явилась большая потеря крови в результате открывшегося маточного кровотечения. Между прерыванием беременности врачом М. и кончиной О. имеет место причинно-следственная связь [5]. Исходя из этого, хотя и в процессе судебного разбирательства было выявлено, что кончина О. наступила в следствии незаконного прерывания беременности, суд вынужден был признать М. виновной в причинении смерти по неосторожности в результате ненадлежащей реализации своих профессиональных обязанностей. Это стало основанием для назначения более мягкого наказания.

На сегодняшний день Гуманизация уголовно-процессуального законодательства является одной из главных задач, поставленных Президентом РФ органам исполнительной,

законодательной и судебной власти. Председателем Верховного суда РФ Вячеславом Лебедевым ко встрече с президентом Владимиром Путиным были представлены свои суждения по смягчению наказания касаемых преступлений небольшой и средней тяжести. По суждению Вячеслава Михайловича, гуманизация УК РФ необходима и приведет к позитивным плодам.

Сущность проекта – перенести значительную часть преступлений из уголовной юрисдикции в административную, что разрешит разгрузить тюрьмы и зоны, а полиции даст возможность сконцентрироваться на тяжких преступлениях.

Такой проект гуманизации УК РФ рассчитывает, что в административные будут перемещены преступления небольшой и средней тяжести, т.е. те преступления, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не более пяти лет лишения свободы. Это почти все статьи особенной части УК РФ, раздел VII, преступления против личности, включая главу 16 «Преступления против жизни и здоровья», среди таковых и ст. 123 УК РФ.

Мы считаем, что перевод ст. 123 из уголовного кодекса, в административный, надлежит признать неосновательным, а в уголовный закон нужно внести изменения, обеспечивающие соответствующую защиту репродуктивного здоровья женщин.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2008. – № 263.

2. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // Российская газета. – 2009. –№ 32.

3. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2014. – № 9.

4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 октября 2003 г. № 484 «Об утверждении инструкций о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям и проведения операции искусственного прерывания беременности» //Российская газета. –2003. – № 249.

5. Кассационное определение по делу22-8587/2010 // Московский городской суд. URL: http://www.mos-gorsud.ru/inf/infk/uk/?pn=0&id =5316300.html (дата обращения: 27.03.2016).

6. Загуляев, А. Сокращен перечень социальных показаний для бесплатных абортов /А. Загуляев. URL: http://www.diaconia.ru/news/sokrashhen-perechen-sotsialnykh-pokazanijj-dljabesplatnykh-abortov/.html (дата обращения 27.03.2016).

7. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (Гришаев С. П.) (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011). URL: http://www.base. consultant.ru. html (дата обращения 27.03.2016).

Рыжова Д.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СОСТАВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Проблема преступности несовершеннолетних достаточно актуальна в настоящее время, так как для современного общества характерно качественное ухудшение структуры преступности несовершеннолетних. За последние годы существенно выросло число умышленных убийств, разбойных нападений, фактов нанесения тяжких телесных повреждений, грабежей, совершенных несовершеннолетними[3].

Детская преступность обладает схожими чертами со взрослой преступностью, но все же несет в себе определенные особенности. Данные особенности в большей степени связаны с возрастом ребенка, его психологией, моделью поведения, а так же рядом других факторов. Несовершеннолетние преступники представляют собой резерв будущей взрослой преступности. Согласно статистике 76 % будучи совершеннолетних преступников

осуществили свое первое преступное деяние еще в детском возрасте. Как правило такие дети, вырастая редко становятся законопослушными гражданами. Примерно, 70% мальчиков и 75 % девочек, являющиеся воспитанниками специальных учебно-воспитательных учреждений, свое первое преступление привели в жизнь находясь в возрастной категории до 16 лет. Из этого числа всего 10% детей, вырастая ведут законопослушный образ жизни.

Проводя исследование детской преступности следует учитывать, тот факт, что преступные действия детей не многим отличаются от преступных действий взрослых лиц. Для них характерны следующие составы: кражи, грабежи, хулиганство, разбои, угроза жизни и здоровью и многие другие.

Повышению уровня детской преступности способствует низкая профилактическая работа в детских учебных заведениях, плохое знание закона как родителей, так и детей, неэффективность предупредительных мероприятий.

Несовершеннолетние преступники чаще всего совершают следующие составы преступлений: кражи, грабежи, разбои, хулиганства, изнасилования, завладения транспортными средствами без цели хищения. Указанные составы преступных деяний в настоящий момент составляют более 80% от числа всех совершенных несовершеннолетними преступлений.

Преступления, которые были совершены несовершеннолетними либо при их непосредственном участии продолжают увеличиваться. Можно привести число конкретных составов преступлений, совершенных подростками по всей территории РФ: все преступления – 16,4%; тяжкие – 17%; грабежи - 14,4%; разбои – 29% ; кражи – 50,9% ; хулиганство – 13,0%; угон транспортных средств без цели хищения - 30,5% [5].

Необходимо отметить, что подавляющее число преступлений, подростки совершают в группе. Это объясняется их возрастными возможностями.

Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних были и остаются предметом дискуссий для размышлений. Связаны они прежде всего с возрастом назначения уголовного наказания. В нашей стране уголовная ответственность по общим правилам возникает с 14 лет. Многие ученые правоведы говорят о том, что данный возраст является завышенным. Специалисты в области психологии полагают, что в нормальных условиях процесс усвоения моральных и правовых норм поведения, понимание запретности и наказуемости деяния, а также способность к сознательно-волевому контролю своих поступков формируется у ребенка значительно раньше. Такие составы преступлений как убийство, изнасилование, кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством и др. - это те составы, по которым малолетний вполне осознает общественную опасность их совершения, а так же способен не только осознавать значение своих действий, но и руководить ими. Во многих странах (США, Англия, Швейцария и др.) уголовная ответственность для несовершеннолетних возникает в более раннем возрасте.

Учитывая сложную ситуацию в экономике страны, сложившийся факт имущественного расслоения, увеличение безнадзорных и беспризорных детей, а также увеличение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, можно было бы снизить возраст уголовной ответственности до 12 лет (но только за осознанное совершение несовершеннолетними тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против личности). Малолетние порой совершают преступления, характеризующиеся целенаправленностью и осмысленностью[1].

Можно выделить следующие причины детской преступности. В первую очередь это отсутствие должного воспитания ребенка. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция к росту числа беспризорных детей.

Согласно статистике число беспризорных детей составляет примерно около 3% от всего числа населения Российской Федерации. В основном каждый третий преступник не достигший совершеннолетия рос в неблагополучной семье. В такой семье ребенок сталкивался с алкоголизмом, пьянством, аморальным поведением, многочисленными

конфликтными ситуациями, драками, уклонением от должного воспитания и обеспечения жизненных нужд несовершеннолетнего и ряда других причин.

Каждая из этих причин способствует нанесению значительного ущерба формированию ребенка как личности. Пока существует бедность, безработица, алкоголизм, наркомания, моральная и нравственная деградация граждан нельзя говорить о снижении уровня детской преступности в нашей стране. В настоящее время данной проблеме стали уделять особое внимание. Стали предпринимать конкретные шаги для борьбы с этим явлением.

Для разрешения указанной проблемы необходимо совершенствовать законодательство, разрабатывать эффективную концепцию работы. Министерство внутренних дел предлагает решать данный вопрос совместно с Министерством юстиции, Министерством образования, с учебными заведениями, общественными организациями. Возможно создать специальные институты, которые занимались бы перевоспитанием трудных подростков. Ввести в обязательную программу предметы юридического профиля, курсы методики и тактики борьбы с преступностью.

Согласно статистическим данным, предоставленным Службой несовершеннолетних и нравов Департамента общественного порядка МВД, 80% из числа несовершеннолетних преступников являются детьми из социально уязвимых семей, 37% - из малообеспеченных семей, остальные - из семей, живущих в полной нищете.

Искоренить детскую преступность возможно только при участии политических сил страны, высоком уровне подготовки Министерства Внутренних Дел, компетенции местной администрации, сфер социального обслуживания, которые принимают непосредственное участие по предупреждению детской преступности. Важно вести деятельность направленную на укрепление значимости социальных служб, в компетенцию которых входит проведение проверки за неблагополучными семьями. Нужно помнить о том, что ни один детский дом не способен заменить ребенку семью. В план работ по снижению детской преступности должны входить введение в детские учебные заведения специальные социально-педагогические тренинги, семинары, консультирование. Процесс превращения ребенка в преступника — вполне поддается изучению, контролю и регулированию, и только от добросовестности и желания всех взрослых, зависит их должное человеческое воспитание, а в отношении оступившихся — своевременное и окончательное исправление.

Список использованной литературы:

1.Герасимова О. И. Отдельные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних. //Вестник Адыгейского государственного университета 2005 №4 С. 127-130.

2.Жиляева С. К. К вопросу о совершенствовании нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних//Ученые записки Орловского государственного университета2012 № 2 С.236-239.

3.Костина Е. Н. Деятельность органов внутренних дел по профилактике преступности несовершеннолетних в республике Беларусь //Юридическая наука и правоохранительная практика2012 №3(21) С. 100-109.

4.Мальцева Л.В. Преступность среди несовершеннолетних и ее предупреждение// Общество: политика, экономика, право 2011 №4 С.102-105.

5.Морев М.В. Состояние и динамика преступности несовершеннолетних//Проблемы развития территории 2011 №2 С. 46-53.

6.Сидоренко М. В. Осуществление межведомственного взаимодействия органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних в г. Благовещенске//Вектор науки Тольяттинского государственного университета2014 №1 (27) С.151-154.

7.Сулейменова Р.Р. Значение криминологического планирования в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних//APRIORI. 2014 №2

Салова М.А.,
магистрант кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

О ПОНЯТИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД И ИХ СОДЕРЖАНИЯ

В соответствии с п. 1 Указа Президента РФ от 28 июня 2004 г. №976 ФСКН России является специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее - незаконному обороту наркотиков). При этом очевидно, что эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков невозможно без оперативно-розыскной **деятельности (далее -** ОРД), т.к. эта специфическая форма борьбы с преступностью позволяет правоохранительным органам незамедлительно и адекватно реагировать на новые криминальные угрозы, с которыми практически невозможно бороться с помощью только уголовно-процессуальных и криминалистических средств.

ОРД также имеет огромное значение в борьбе с планетарными феноменами афганского и южноамериканского производства наркотиков. Как отмечает директор ФСКН России В.П. Иванов, перехваты наркотиков позволили "...создать огромную подробную базу данных по афганским нарколабораториям, их дислокациям, оценке каналов поставки наркотиков, вычислить маршруты наркокурьеров, их телефоны, электронные адреса и т.д. Теперь у нас есть возможность, используя эти данные, а также оперативные возможности, задействовать весь потенциал афганских антинаркотических сил"[1]. Кроме того, именно в ходе оперативных мероприятий, проводимых ФСКН России совместно с Национальной полицией Республики Никарагуа, была предотвращена деятельность крупной преступной группировки, филиала мексиканского наркокартеля "Синалоа" в Центральной Америке[1]. Поэтому, подчеркивая основное значение 30-й международной конференции правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, директор ФСКН России В.П. Иванов отметил, что "...проведение совместных операций, их подготовка, обмен информацией по отдельным наркодилерам, наркокурьерам - это как раз и есть суть этой конференции, ее центральный вопрос"[1].

Однако эффективность ОРД в значительной мере связана с обеспечением уголовного процесса, в отрыве от которого эта деятельность теряет свое практическое назначение. Более того, уголовное судопроизводство является своеобразным индикатором социальной ценности результатов ОРД, поскольку материальное воплощение они получают только тогда, когда предоставляются дознавателю, органу дознания, следователю или в суд. Между тем предоставление результатов ОРД и их последующая интродукция в уголовный процесс вызывает затруднения у практиков, участвующих в выявлении, раскрытии и расследовании наркопреступлений. Обусловлено это тем, что до сих пор среди научного сообщества, сотрудников органов предварительного расследования, оперативных подразделений, прокуратуры и судей не сложилось единой системы взглядов относительно использования соответствующих результатов в расследовании и рассмотрении уголовных дел. Поэтому, несмотря на наличие законодательных источников, межведомственных инструкций и ведомственных нормативных правовых актов ФСКН России, эффективность взаимодействия органов предварительного расследования и оперативных подразделений при решении вопросов использования результатов ОРД в значительной степени зависит от наличия личных контактов между их сотрудниками. Одна из причин "недопонимания" друг друга следователем (дознавателем) и сотрудником оперативного подразделения обусловлена различиями в правовом регулировании их деятельности. В частности, работа органов предварительного расследования регламентируется УПК РФ, деятельность сотрудников оперативных подразделений Федеральным законом "Об оперативно-разыскной деятельности" (далее - ФЗ об ОРД), а также рядом ведомственных нормативных правовых актов ФСКН России, определяющих организацию и порядок осуществления ОРД. Соответственно, су-

щественно отличаются регулируемые ими алгоритмы типичных действий при раскрытии и расследовании наркопреступлений.

В толковых словарях под результатом понимается "конечный итог, завершающий собой что-нибудь". Итогом ОРД является решение ее задач, указанных в ст. 2 ФЗ об ОРД. При этом явное выражение и материальное воплощение результаты ОРД находят именно в уголовном судопроизводстве, когда полученные оперативно-розыскным путем данные предоставляются дознавателю, органу дознания, следователю или в суд для их использования в расследовании и рассмотрении дела.

Анализ законодательного понятия результатов ОРД позволяет выделить следующие его значимые элементы:

- содержание результатов ОРД составляют сведения. К сведениям обычно относят познания в какой-нибудь области, известия, сообщения". Это означает, что, с одной стороны, сведения обладают исключительно информационными характеристиками, с другой - для результатов ОРД законодатель не предусматривает иного содержания;

- результаты ОРД формируются в соответствии с ФЗ об ОРД. Как отмечают Ю.П. Гармаев и Л.Г. Шашин, "...это означает, что нарушение в ходе проведения ОРМ этого федерального закона, даже иногда несущественное, формальное, ставит под угрозу возможность использования их результатов в уголовном судопроизводстве"[2];

- в содержание результатов ОРД входят сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Однако следует отметить, что при решении задач ОРД добывание информации не ограничивается только получением сведений, указанных в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ.

Как верно указывает Е.С. Дубоносов, "...информация, полученная оперативно-розыскным путем, может содержать самые разнообразные сведения: о способе совершения преступления; лицах, совершивших преступление, предметах и документах, которые могут быть доказательствами по делу, и их местонахождении; о способах сокрытия совершенных деяний; об избранной подозреваемыми и обвиняемыми линии поведения на следствии; о склонении организаторами преступных групп своих сообщников к даче ложных показаний; воздействии на свидетелей с целью их склонения к отказу от дачи показаний"[3].

В Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее - Инструкция о предоставлении результатов ОРД) результаты ОРД определяются несколько иначе, чем в УПК РФ. Согласно этому нормативному правовому акту результатами ОРД являются фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном ФЗ об ОРД порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, без вести пропавших, а также о событиях, или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

В этом понятии, во-первых, под результатами ОРД предлагается понимать не сведения, а фактические данные, полученные оперативными подразделениями, во-вторых, значительно расширен перечень информации, добываемой при осуществлении ОРД, которая может представлять процессуальный интерес. Между тем, как правильно отмечает О.А. Вагин, "если речь идет о фактических данных, то они должны соответствовать объективной действительности и не могут вызывать сомнения с точки зрения их достоверности. Однако не все результаты ОРД и не всегда можно признавать в качестве достоверных, поскольку их необходимо проверять при помощи других данных, и только по их совокупности можно с достаточной долей вероятности утверждать, что эти данные являются объективными и достоверными".

В то же время в оперативно-розыскной науке оптимальной характеристики рассматриваемого понятия также не выявлено. Одни авторы относят к результатам ОРД

"оперативно-розыскную информацию, добываемую с помощью ОРМ в сфере и инфраструктуре преступности", другие рассматривают их как "непроцессуальную информацию", "оперативно-розыскные материалы". При этом, сопоставляя определения терминов "информация", "сведения", "данные", "материалы", мы обнаруживаем, что для описания понятия практически всегда используется слово "сведения". Поэтому формально данный термин объединяет наиболее распространенные в оперативно-розыскной науке определения понятия "результаты ОРД". Между тем, анализируя назначение ОРМ, их оформление и сущность документирования, А.Г. Маркушин обращает внимание на обнаружение в ходе ОРМ предметов и документов, имеющих отношение к криминальным обстоятельствам[4]. Поэтому, автор считает, под результатами ОРД следует понимать не только сведения, но и сами материальные объекты как источники таких сведений.

По мнению Н.С. Железняка, также результаты ОРД не должны отождествляться только со сведениями. Конкретизируя свою позицию, автор обращается к ОРМ "Оперативное внедрение": "...данное ОРМ может быть осуществлено не только для добывания оперативно значимых сведений, но и, например, для компрометации лидера преступной группы, ее разобщения или переориентации. Все, кроме первой, задачи не направлены на добывание сведений (информации, данных). Достигая желаемого результата, сотрудники оперативных подразделений предотвращают (прекращают) преступную деятельность, решают иные задачи ОРД. Все это позволяет сделать вывод, что информационный характер ОРД проявляется далеко не всегда, а значит, понятие результатов ОРД нуждается в корректировке. Причем изменяться, видимо, должно не все определение, а лишь его часть, описывающая полученный в ходе ОРД результат"[5]. Далее автор предлагает расширить оперативно-розыскную классификацию результатов ОРД и кроме сведений относит к ним предметы, документы, имеющие прикосновенность к подготовке или осуществлению криминальной деятельности, а также факты предотвращении или раскрытия преступления, обнаружения и задержания преступника, разобщения или переориентации преступной группы, компрометации ее лидера и т.п.

С учетом всех отмеченных обстоятельств можно сформулировать более полное понятие результатов ОРД: под результатами ОРД следует понимать сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, других обстоятельствах, способствующих решению задач ОРД, факты, являющиеся последствиями использования добытых сведений сотрудниками оперативных подразделений, а также предметы, материалы и документы, полученные при осуществлении ОРД.

Список использованной литературы:

1. Богданов, В. Интервью главы Государственного антинарко-тического комитета, директора ФСКН России В.П. Иванова "Российской газете" / В. Богданов // Российская газета. - 2013. - № 119 (6095).
2. Гармаев, Ю.П. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков : монография / Ю.П. Гармаев, Д.Г. Шашин. - М.: Юрлитинформ, 2009.
3. Лубоносов, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2012.
4. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов/ А.Г. Маркушин. - М.: Юрайт, 2012.
5. Железняк, Н.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / Н . С . Железняк ; Сибирский юридический институт ФСКН России. - Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012.

Сидорова А.С.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Кордуба С.Б.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного, экологического права
и криминологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ГРАБЕЖ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Согласно данным МВД России о состоянии преступности за январь 2016 года, более трети всех зарегистрированных преступлений (41,1%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 64,9 тыс., грабежа – 4,9 тыс., разбоя – 853 [1]. Сохранение на достаточно высоком уровне преступности, объектом посягательства которой являются отношения собственности, находящиеся согласно ч. 1 ст. 35 Конституции РФ под охраной закона, требует от органов предварительного расследования не только принятия мер по своевременному выявлению, предупреждению и пресечению такого рода преступлений, но и комплексного анализа всех признаков объективной и субъективной сторон совершенных деяний, во избежание ошибок при их квалификации.

По утверждению О.В. Ермаковой неправильная квалификация деяний, имеющих признаки грабежа, кражи или разбоя приобрела характер часто встречаемого явления: «Анализ судебной практики показал, что правоприменительные органы испытывают затруднения в установлении признаков преступлений против собственности, необходимых для возбуждения уголовного дела по ст. 158-168 УК РФ, а также в отграничении данных преступлений от смежных составов» [2, с. 4]. Трудности связаны в первую очередь с тем, что данные составы имеют схожие объективные и субъективные признаки. Исследовав материалы конкретных уголовных дел, нами были выявлены несколько типичных ошибок, допускаемых органами следствия при расследовании преступлений корыстной направленности.

Одной из распространенных ошибок является неправильное определение момента возникновения умысла на хищение чужого имущества. Речь идет главным образом о случаях, когда изъятие вещи сопряжено с применением насилия к потерпевшему. Так, Лозовому Д. А. было предъявлено обвинение в соответствии с ч. 3. ст. 162 УК РФ, а именно нападение в целях хищения чужого имущества, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в жилище. Однако в ходе судебного следствия установлено, что между нападением на потерпевшего и изъятием его имущества отсутствовала непосредственная связь ввиду того, что применение насилия было обусловлено личными неприязненными отношениями с потерпевшим, а умысел на хищение возник уже после нападения. В связи с данными обстоятельствами, суд пришел к выводу о наличии в действиях Лозового двух самостоятельных составов преступлений: умышленное причинение легкого вреда здоровью и ненасильственный грабеж [3]. Между тем согласно Уголовному кодексу РФ санкция за совершение разбойного нападения при наличии особо квалифицирующих признаков, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет в соответствии с ч. 4 статьи 162, в то время как санкция за совершение ненасильственного грабежа, в соответствии с ч. 1 ст. 161, предусматривает до 4 лет лишения свободы, а квалифицированный вид причинения легкого вреда здоровью в соответствии с ч. 2 ст. 115 до 2 лет. [4]. Разница в тяжести деяний и размерах наказания ощутима. Поэтому важно при расследовании хищений важно установить все существенные для дела обстоятельства, в данном случае наличие взаимосвязи между самим хищением и насилием в отношении потерпевшего, времени осуществления указанных преступных действий, события предшествующие насилию, чем было вызвано его применение – стремлением неправомерно

завладеть имуществом или же причины иного характера. То есть, деятельность органов осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, объектом которых являются отношения собственности, должна быть направлена на точное установление преступного умысла виновного, времени его возникновения, наличия связи между применением насилия и целью произвести изъятие вещи у его законного владельца. Ошибки в оценке признаков как объективной, так и субъективной стороны приводят к неправильной квалификации деяний и как следствие назначению виновным наказания, не отвечающего требованию справедливости.

Еще одной проблемой, встречающейся в практике расследования различных форм хищений, является оценка характера используемого насилия в целях разграничения разбоя и насильственного грабежа.

Статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за открытое хищение и разбойное нападение содержат положения согласно которым, разбой - это нападение, совершаемое с применением опасного для жизни и здоровья насилия, а насильственный грабеж характеризуется насилием не опасным для жизни и здоровья. Кроме того в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [5], содержится разъяснение по вопросу о том, какое насилие считается опасным для жизни и здоровья, а какое таковым не является. Тем не менее, на практике иногда возникают затруднения связанные с правильной оценкой насилия. Сложности связаны с тем, что порой непросто оценить характер насилия, а также субъективное отношение к нему как потерпевшего, так и преступника. Особенно остро стоит проблема оценки характера насилия в случаях, когда последствия в виде вреда здоровью определенной степени тяжести не наступили. Здесь необходимо определить к какому результату могло бы привести оказание на потерпевшего того или иного воздействия. Например, совершение преступником таких действий как удержание головы потерпевшего под водой, выталкивание его из находящегося в движении автомобиля, сдавливание шеи и др., по нашему мнению необходимо квалифицировать как насилие опасное для жизни и здоровья. Однако анализ судебной практики показал, что даже такие, казалось бы, создающие непосредственную угрозу для жизни человека действия оцениваются как насилие не опасное для здоровья и жизни. Так, приговором Кизеловского городского суда, действия подсудимых Клочкова и Пермякова, которые, как было установлено, осуществили нападение на потерпевшего, при этом сдавив его шею руками, затрудняя тем самым возможность дышать, были переквалифицированы на ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как обвинитель и суд посчитали насилие не опасным [6].

Несмотря на то, что в определении насилия не опасного для жизни и здоровья, содержащегося в Постановлении Пленума Верховного Суда, содержится указание на ограничение свободы путем связывания рук, оставления в помещении, порой даже такие, на первый взгляд, безобидные действия могут привести к тяжким последствиям в силу тех или иных обстоятельств. В частности, З.М. Челябовой было отмечено следующее: «Физическое насилие при грабеже может выразиться также в связывании лица, в затыкании ему рта, в удержании его или насильственной изоляции в каком-либо помещении. Но если к действиям виновного, направленным на завладение имуществом путем грабежа, присоединяются какие-либо внешние факторы, создающие опасность для жизни и здоровья потерпевшего и данное обстоятельство осознавал виновный, совершенное должно рассматриваться как разбой» [7, с. 138-143]. Такая позиция является справедливой, так как на деле могут иметь место случаи, когда потерпевшего запирают в помещении с чрезмерно низкой либо чрезмерно высокой температурой, оставляют связанным в местах обитания диких животных и т. д., что непосредственно создает угрозу для жизни лица и не может рассматриваться как не опасное насилие.

Подводя итоги, приходится констатировать, что при расследовании насильственных форм хищения чужого имущества, перед органами предварительного расследования возникает ряд вопросов требующих правильного разрешения. Во-первых, необходимо установить

охватывалось ли умыслом виновного лица применение насилия в отношении потерпевшего именно с целью обращения принадлежащего ему имущества в свою собственность (либо собственность иных лиц) или же насилие было обусловлено иными обстоятельствами и никак не связано корыстными мотивами. Во-вторых, в целях разграничения насильственного грабежа и разбоя важно всесторонне проанализировать интенсивность и объем применяемого насилия, установить наличие либо отсутствие возможности наступления тех или иных неблагоприятных последствий в результате его использования, обстановку применения насилия, а также отношение и характер испытываемых потерпевшим переживаний в ходе оказания на него физического воздействия.

Список используемой литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2016 года / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/6765514/ (дата обращения: 30.03.2016 г.).

2. Ермакова О.В., Преступления против собственности: научно-практический комментарий / Ермакова О. В. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. - 96 с.

3. Приговор № 1-180/2015 от 2 октября 2015 г. по делу № 1-180/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 30.03. 2016).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г.) // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954; 2016, N 18, ст. 2515.

5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 2, 2003; N 5, май, 2015.

6. Приговор № 1-58/2015 от 6 июля 2015 г. по делу № 1-58/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 30.03. 2016).

7. Челябова З.М. Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое // Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52) С. 138-143.

Смолькова А.В.
студентка СГУ им. Н. Г. Чернышевского,
кафедры ботаники и экологии биологического факультета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С БЕЗНАДЗОРНЫМИ ЖИВОТНЫМИ

Безнадзорные животные в России – это проблема, которая не решается уже на протяжении многих лет. Бездомные животные, особенно собаки, собирающиеся в стаи, являются источником опасности для человека, а в последнее время и для диких животных. Неконтролируемый рост их численности повышает риск прямого нападения животного, эпидемической опасности и увеличивает процент ДТП [1]. За последние 11 лет бездомными собаками на территории России на смерть были загрызены 391 человек, что составляет 3 человека в течение месяца или 35 человек в год. За последние 4 года было истреблено большое количество диких животных на территории природных комплексов города Москвы в результате нападения на них бездомных собак с целью пропитания. Среди этих диких животных, по официальным данным природоохранных организаций, были представители Красной Книги Москвы.

Основными причинами появления бесхозных животных на улицах города являются:

- выброшенные и потерявшиеся домашние животные;
- неконтролируемая деятельность кинологических клубов, занимающиеся разведением породистых кошек и собак. Племенные клубы не ограниченны законом в разведении породистых животных. Сейчас практически любой желающий может приобрести недорого щенка или котенка «голубых кровей», что очень модно, т.к. это показатель статуса хозяина, и широко доступно. Следствием этого стало снижение шансов устройства бездомных животных;

- животные, изначально живущие на улице, т.е. родились на улице.

В России нет не только единого закона, регулирующего и решающего проблемы домашних и беспризорных животных, но и оформленной базы для принятия такого закона. Существуют ст. 230 и 231 ГК РФ[2]. Согласно этим статьям безнадзорное домашнее животное должно быть возвращено владельцу. Если в течение полугода с момента поимки или задержания животного не будет найден прежний хозяин или новый, то животное переходит в муниципальную собственность. На время поиска прежнего владельца, которое осуществляется органами местного самоуправления или полицией, животное должно находи в надлежащем содержании на передержке или у подобравшего его лица, которое несет ответственность за его гибель и порчу. Но 2 эти статьи не в состоянии решить сложившуюся ситуацию с беспризорными животными.

В 2010 году был предложен законопроект «Об ответственном отношении с животными»[3]. Согласно проекту, животные должны быть выловлены, стерилизованы и выпущены на прежнее место обитания. Но исследования кандидата технических наук, биолога Ильинского Е.А. в 2011 году доказали неэффективность данной стратегии [4]. Также был предложен проект Федерального закона «О разведении и содержании собак агрессивных пород в Российской Федерации», в котором не только оговаривался список таких пород, но и постановка таких собак на государственный учет; введение или лишение лицензии на содержание, разведение, куплю-продажу данных видов; определены порядок выдачи и требования к гражданину для получения лицензии на разведении и содержании собак агрессивных пород; правила содержания, куплю-продажи, дарения, наследования собак, а также контроль за соблюдением требований норм закона [5]. Данный проект на законодательном уровне решил бы немало проблем связанных с домашними и безнадзорными животными, но его так и не приняли.

В разных регионах по разному пытаются бороться с данной проблемой. В Нижнем Тагиле организация «Спецавтохозяйство по уборке города» отказались вылавливать и ликвидировать беспризорных животных, по причине того, что «эта сфера деятельности связана с большим количеством проблем, кроме того, нет нормальной законодательной базы, чтобы заниматься этой работой» [6]. В Сахалинской области местные закон запрещают содержать и подкармливать беспризорных животных в местах общего пользования жилых домов (на лестничных клетках, чердаках, в подвалах). В некоторых регионах догхантерами, в том числе, в Саратове, неофициально осуществлялась травля бездомных собак изониазидом, что значительно сократило их численность [7]. Но вместе с бездомными травились и домашние собаки, в том числе и породистые, что фактически является причинением ущерба имуществу владельца данного животного. Возможно, гуманность этого метода и спорный вопрос, но трупы отравленных собак, валяющиеся на улицах города, которые, к слову сказать, убирают далеко не сразу, создают антисанитарные условия. Не говоря уже о том, что эти трупы видят дети.

На наш взгляд, решение этой проблемы необходимо начать с урегулирования вопросов содержания животных дома, так как это является основным источником появление беспризорных животных на улицах городов. Необходимо создание закона, в котором будут прописаны такие положения, как:

- обязательный учет и регистрация абсолютно всех домашних животных и внесение сведений о владельце; обязательное чипирование домашних животных; обязательная стерилизация питомцев;
- введение налога на содержание определенных домашних животных. Полученные средства с оплаты налогов должны быть направлены на организацию специально оборудованных территорий для выгула собак, дрессировочные площадки и т.д. Создание официального государственного ресурса для каждого региона, где любой желающий может ознакомиться с информацией о том, на что были потрачены налоговые средства;
- установление правил выгула домашних животных, обязательная уборка владельцем домашнего животного продуктов его жизнедеятельности;

- установление ответственности и наказания за: ненадлежащее содержание домашнего животного, жестокое обращение с животным, нелегальное появление потомства у питомца, появление домашнего животного на улице без сопровождающего или его владельца.

Решение уже существующей проблемы с безнадзорными животными необходимо начать создания законодательного акта, в котором регламентировались бы следующие положения: создание государственных приютов, обязанных принимать абсолютно всех бездомных животных и регистрировать их; сотрудники приюта должны изымать бесхозных животных с улиц, оказывать им необходимую медицинскую помощь и обеспечить надлежащее содержание отловленных животных; сотрудники приюта должны проверять животных на социальную адаптивность и агрессию для обеспечения дальнейшей возможности его пристройства к новым владельцам. Если животное не проходит проверку на социализацию или в течение определенного времени «не находит» нового хозяина, то животное следует усыпить. Усыпленные животные должны быть утилизированы в крематории. Ответственность и мера наказания за нарушение, неисполнение, последствий неисполнения положений данного закона. В данном законе должна быть определенна деятельность и ответственность клубов по разведению племенных кошек и собак, т.е. их работа должна быть подчиняться и регулироваться на государственном уровне. Необходимо ввести обязательное получение лицензии для открытия клуба. Лицензия должна выдаваться только в случае обоснованной необходимости, т.е. если в регионе уже есть клуб по разведению, например, стаффордширского терьера, то создание еще одного такого клуба не является необходимым.

Ответственность за реализацию данного закона обуславливает необходимость создания органов власти в субъектах РФ, которые должны нести ответственность за неисполнение данного закона, последствий неисполнения, подчиняться и отчитываться о проделанной работе центральным органам власти. На мой взгляд, этими органами могут стать государственные органы ветеринарного и санитарно-эпидемиологического надзора, также следует привлечь к решению данной проблемы общественные орагинзации, например, «Центр правовой зоозащиты».

Все эти ситуации еще раз подтверждают, что проблема бездомных животных – важная и острая. В юридической литературе привлекается внимание к проблемам обеспечения санитарно-эпидемиологиеского благополучия населения, отмечается «предотвращение и (или) минимизация вредного влияния факторов среды обитания на здоровье человека и (или) на состояние здоровья будущих поколений, основывается на разработке и установлении научно обоснованных требований к среде обитания человека, их оформлении в нормативных правовых актах и соблюдении» [8, с. 69; 9, с. 30]. Создание закона в сфере регулирования численности беспризорных животных, а также правил и условий содержания домашних животных необходим.

Список использованной литературы:

1. Сайт: Центр правовой зоозащиты: Бродячие собаки причина ДТП со смертельным исходом [Электронный ресурс] // http://www.animalsprotectiontribune.ru/735.html (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301№ 2016. № 5. Ст. 559.

3. Сайт: Интернет портал в поддержу закона РФ «Об ответственном отношении с животными» [Электронный ресурс] // http://protectanimals.ru/zakon.html (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

4. Сайт: Центр правовой зоозащиты: Комплексная оценка эффективности применения различных стратегий регулирования численности бездомных животных в городских экосистемах. Ильинский Е.А. Москва. М.: РУДН, 2011.-72с. [Электронный ресурс] // http://www.animalsprotectiontribune.ru/kriterij.html (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

5. Сайт: Dogster: Проект федерального закона: О разведении и содержании собак агрессивных пород в РФ [Электронный ресурс] // http://www.dogster.ru/publ/5/?voted=1 (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

6. Сайт: Городской портал Нижнего Тагила: Со вчерашнего дня в Нижнем Тагиле полностью прекращена деятельность по отлову и ликвидации бездомных животных [Электронный ресурс] // http://tagilcity.ru/news/society/so-vcherashnego-dnya-v-nizhnem-tagile-polnostu-prekrashena-deyatelnost-po-otlovu-i-likvidacii-bezdomnyh-zhivotnyh.html (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

7. Сайт: В Курсе: В Перми догхантеры объявили о новой зачистке от собак [Электронный ресурс] // http://v-kurse.ru/news/incidents/v_permi_dogkhantery_obyavili_o_novoy_zachistke_ot_so bak_2068017/ (дата обращения 7 апреля 2016 г.)

8. *Устьянцева О.В*. Правовое содержание понятия «среда обитания человека» для целей санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Гражданин и право. 2015. № 3. С. 66-72.

9. *Устьянцева О.В*. Государственные программы в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России // Современное право. 2015. № 12. С. 30-35.

Сырыцина И.С.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

За последние тридцать лет в десятки раз возросло количество лиц, страдающих заболеванием «наркомания». Главный нарколог Минздравсоцразвития РФ Евгений Брюн, высказывая свою позицию о нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности за употребление наркотиков, заявил, что в России 550 тысяч больных наркоманией и еще 4-5 млн. человек являются потребителями наркотиков.[4]

Данное обстоятельство предопределило необходимость противодействия наркомании путем направленных действий государства. Так, с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ», появился новый вид института отсрочки – отсрочка отбывания наказания больным наркоманией. [2]

Согласно данному институту права, осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию и социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения, медицинской реабилитации и социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. [1]

Медициной наркомания определяется как патологическое пристрастие к веществам, преимущественно действующим на центральную нервную систему, характеризующееся неодолимой потребностью к повторным приемам систематически увеличивающихся доз различных веществ, в том числе наркотических, а при их отсутствии развитием абстиненции – совокупности физических и психических расстройств, крайне тягостных, а нередко и опасных для жизни наркомана. [3]

Рассматривая специальные условия, предусмотренные в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ и ч. 1 ст. 178.1 УИК РФ, отметим, что к условиям назначения данной меры уголовно-правового характера следует отнести:

1) осуждение лица за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, именно к лишению свободы.

Преступления, предусмотренные данными составами, относятся к категории небольшой тяжести и заключаются в совершении лицом, больным наркоманией, действий в целях личного потребления, то есть, не связаны со сбытом наркотических средств и психотропных

веществ. При совершении лицом деяний, предусмотренных другими составами преступлений, данный вид отсрочки отбывания наказания не может быть применен.

Сложившееся в законодательстве положение, на наш взгляд, сильно сужает возможности рассматриваемого уголовно-правового института. Так, Э. М. Смеленко, считает целесообразным установить пределы применения данного уголовно-правового института преступлениями небольшой и средней тяжести по усмотрению суда.[6]

Следует также отметить, что опрос сотрудников правоохранительных органов показал: что 61 % практических работников выступают за расширение перечня составов преступлений, за совершение которых можно применить рассматриваемый вид отсрочки отбывания наказания.

2) совершение впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ.

В этом случае возникает проблема возможности расширительного толкования словосочетания «совершившему впервые преступления, предусмотренное ч.1 ст. 82.1 УК». Как следует из буквального смысла, лицо вправе рассчитывать на отсрочку от наказания во всех случаях совершения любых преступлений, в том числе относящихся к сфере незаконного оборота наркотических средств и даже при наличии рецидива преступлений. Единственное условие: преступления не должны относиться к указанному перечню, т.е. неоднократное совершение сбыта наркотиков или хищение чужого имущества, предшествующие совершенному впервые, например, незаконному приобретению наркотиков, никакого уголовно-правового значения для применения предусмотренной ст. 82.1 отсрочки иметь не будут.

3) признание осужденного больным наркоманией.

Признание осужденного больным наркоманией происходит до вынесения судебного решения в соответствии со ст. 44 ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в виде необходимого проведения медицинского освидетельствования по постановлению судьи, следователя и органов дознания при наличии достаточных к тому оснований. По итогам его проведения лицу ставится диагноз, подтверждающий наличие или отсутствие данного заболевания.

4) желание осужденного добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию.

Данное условие предполагает наличие у осужденного добровольного, то есть без принуждения, действительного желания пройти лечение от наркомании с последующей реабилитацией. В соответствии с утвержденными Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. ответами на вопросы, поступившими из российских судов по применению ст. 82.1 УК РФ, данное желание подсудимого может быть выражено письменно, что будет отражено в материалах рассмотрения дела в судебном заседании, или устно, что будет отражено в протоколе судебного заседания. Данное волеизъявление подсудимого может проявиться на любой стадии уголовного процесса, главное условие при указанных обстоятельствах – до удаления суда в совещательную комнату.

Рассмотренные условия являются обязательными при вынесении судебного решения, однако помимо них суд учитывает наличие постоянного места жительства, благоприятное социальное окружение осужденного и предоставление суду обоснованных заверений о предстоящем правомерном образе жизни осужденного.

При вынесении приговора с применением рассматриваемого вида отсрочки отбывания наказания возникает масса проблем и вопросов.

Во-первых, при вынесении приговора с применением указанной отсрочки отбывания наказания, в течение нескольких месяцев предварительного следствия на лицо не возлагается никакая обязанность воздерживаться от употребления наркотиков.

Во-вторых, определенные проблемы возникают в процессе осуществления деятельности сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции. Как показала практика, не все осужденные добросовестно исполняют обязанность явиться по вызову администраций и

органов, исполняющих наказания, и давать объяснения по вопросам исполнения требований приговоров.

Законодатель также не предусматривает ограничений в отношении определения места прохождения медицинской и социальной реабилитации. В соответствии с этим, таким органом может быть медицинское учреждение любой организационно-правовой формы, зарегистрированное в установленном законом порядке, основным требованием является наркологический профиль специализированных учреждений.

Однако, например, на территории Саратовской области на данный момент отсутствуют соответствующие всем требованиям учреждения. В связи с этим 3 марта 2016 года состоялась встреча негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в сфере реабилитации наркопотребителей, с участием представителей аппарата антинаркотичекой комиссии области, Управления ФСКН России по Саратовской области по вопросу создания на территории области Ассоциации реабилитационных центров, которые бы специализировались, как раз, на таких пациентах. [5]

Как мы видим, применение отсрочки отбывания больным наркоманией, в виду своего короткого существования, имеет множество неразрешенных вопросов, часть из которых мы попытались охватить. Вероятно, именно из-за наличия указанных проблем организационного характера указанный вид отсрочки отбывания наказания применяется судами крайне редко. Так, согласно статистике судебного департамента ВС РФ за 2015 год отсрочка отбывания наказания больным наркоманией была назначена всего 40 раз. Саратовский областной суд назначил указанную отсрочку всего 5 раз. [7]

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ, 12.12.2011, N 50, ст. 7362
3. Медицинская энциклопедия // [Сайт] URL: http://www.medical-enc.ru/13/narkomanii. shtml (дата последнего обращения: 11 мая 2016г.)
4. Нарколог Брюн против уголовного преследования наркоманов // Сайт «Российская газета» [Сайт] URL: http://rg.ru/2012/05/04/brun-anons.html (дата последнего обращения: 11 мая 2016г.)
5. Официальный сайт Управление ФСКН России по Саратовской области // [Сайт] URL:http://64.fskn.gov.ru/prorabatyvaetsya%20vopros%20sozdaniya%20 na%20territorii%20oblasti%20associacii%20reabilitacionnyx%20centrov (дата последнего обращения: 11 мая 2016г.)
6. Смеленко Э.М. Проблемы законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст.82.1 УК РФ) и пути их преодоления // Российский следователь. 2012. №21. – С.13-15
7. Саратовский областной суд // [Сайт] URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules. php?name=docum_sud&id=9938 (дата последнего обращения: 11 мая 2016г.

Тарасова М.Д.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕЛЕГАЛЬНОГО МИГРАНТА

В последние годы приток нелегальных мигрантов в развитые страны является глобальной негативной тенденцией. Особенно актуальной эта проблема является для современной России, поскольку за последние 20 лет уровень нелегальной миграции из стран

ближнего и дальнего зарубежья значительно увеличился. Основными причинами миграции являются низкий уровень жизни, безработица и иные неблагоприятные социально-экономические и политические условия. Массовый поток нелегальных мигрантов несет ряд негативных последствий для государства: от ухудшения демографической ситуации в стране, до роста преступности, что обусловлено правовой и социальной незащищенностью, неуверенностью в завтрашнем дне этой категории лиц. Исходя из этого, понимание характеристики личности нелегального мигранта является необходимым аспектом для уяснения мотивации совершения ими преступлений.

Под личностью в данном контексте следует понимать социальное качество человека, иначе говоря, личность не является врожденным феноменом, а проходит этапы своего формирования в процессе жизнедеятельности человека. При этом природа человека (его биологические свойства) оказывает свое влияние на становление личности, а становление личности оказывает влияние на его природу [1 С.98].

Личность нелегального мигранта имеет ряд своих отличительных черт: во-первых, это лицо, совершившее перемещение относительно определенной территории, во-вторых, для него характерно формирование как биологических, так и социальных черт субъекта, и в-третьих, необходимо принять во внимание, что он нарушает миграционное законодательство [2].

В зависимости от цели пребывания на территории РФ нелегальных мигрантов можно разделить на:

1. Незаконный мигрант, пребывающий в России с целью ведения легальной трудовой деятельности.

2. Незаконный мигрант, пребывающий в России с целью совершения на ее территории противоправных, запрещенных национальным законодательством деяний. В эту категорию можно включить отдельных иностранных граждан и лиц без гражданства, намеревающихся совершать противоправные деяния, иностранных граждан и лиц без гражданства, объединенных в национальные преступные группировки, а также иностранных граждан и апатридов, являющихся членами экстремистских и террористических организаций и иностранных граждане и лиц без гражданства, связанных с незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, лиц занимающиеся торговлей людьми и т.д.

3. Незаконный мигрант, пребывающий в России транзитом с целью последующего перемещения в другие государства.

По мнению ученых-криминалистов, наиболее опасную категорию нелегальных мигрантов представляет вторая группа, т.е. лица, составляющие этнические преступные группировки, которые совершают подавляющую часть преступлений этого типа.

В настоящее время большинство мигрантов, незаконно находящихся на территории России являются выходцами из небогатых стран ближнего зарубежья (Украины, Таджикистана, Молдовы, Азербайджана, Туркменистана), государств Средней Азии (Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Киргизии). Кроме того, за последние 10 лет выделилась отдельная группа мигрантов из мусульманских стран (Афганистан, Пакистан, Сирия, Ливия, Ирак), которые являются членами различных террористических группировок и имеют своей целью совершение преступлений террористического либо экстремистского характера на территории Российской Федерации.

Статистический анализ показывает, что чаще всего нелегальные мигранты – это иностранцы либо лица без гражданства, как правило, мужчины в возрасте от 20 до 30 лет, трудоспособные, невысокого уровня образования и социального статуса, в большинстве своем плохо владеющие русским языком [3].

Нелегальный мигрант представляет опасность не только как нарушитель норм миграционного законодательства. Ученые-криминалисты приходят к выводу, что нелегальный мигрант относится к определенному типу личности, которому присущ комплекс социальных характеристик, отличных от характеристики законопослушного человека [4]. Мотивацией к совершению противоправных деяний служит чувство безнаказанности, отсутствие

неформального социального контроля, что вырабатывает у нелегальных мигрантов привычку действовать противоправными способами. Таким образом, происходит процесс криминализации личности, которая, как правило, происходит задолго до совершения преступлений и не ограничивается нарушением норм миграционного законодательства [5].

Статистические данные показывают, что наиболее частыми преступлениями, совершаемыми нелегальными мигрантами являются: кражи, грабежи, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, мошенничество.

Кроме того, особую опасность представляют лица либо организованные преступные группировки, занимающиеся организацией поставок, сбыта и распространения наркотических средств и психотропных веществ.

В последние несколько лет выделилась новая крайне опасная категория преступлений, совершаемых нелегальными мигрантами – преступления, носящие экстремистский либо террористический характер. В связи с возросшей террористической активностью в мире, нелегальные мигранты, совершающие деяния такого рода представляют наибольшую общественную опасность для Нашего государства. К сожалению, значительная часть противоправных деяний остается незарегистрированной, а лица, совершившие их, находятся за рамками правового воздействия.

Таким образом, изучение личности нелегального мигранта имеет важное значение как для теоретической криминологии, так и для практической деятельности сотрудников правоохранительных органов. Выработка портрета личности нелегального мигранта играет значительную роль при статистическом анализе преступности по лицам, изучении причин и условий совершения миграционных преступлений, в деятельности судов при назначении наказания и в оперативно-розыскной деятельности [6].

Криминологическая характеристика нелегального мигранта помогает решить ряд важных задач, в области решения правовых, оперативно-розыскных, профилактических и контрольно-исполнительных задач. Кроме того, в целях уменьшения притока нелегальных мигрантов необходим комплекс мер: усиления контроля государства за рынком оружия, ужесточение миграционного, таможенного и транспортного законодательства, решение проблемы «резиновых квартир», благодаря которым лица, нелегально прибывающие на территорию нашей страны получают регистрацию, усиление деятельности органов внутренних дел, направленной на борьбу с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Следует уделять особое внимание изучению этой проблемы, поскольку количество преступлений, совершаемых нелегальными мигрантами, в последние годы значительно возросло.

Список использованной литературы:

1. Кузнецова В.М. Социология личности. Новосибирск, 1969.
2. Зиганшин С.Р. Характеристика личности нелегального мигранта./ Статьи по предмету Правоохранительные органы Российской Федерации./ URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=2179&id=15 (дата обращения 23.03.2016)
3. Бирюков С. Ю. Сведения о личности мигранта, как один из элементов криминалистической характеристики преступлений об организации незаконной миграции. / Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. / № 3 / 2008
4. Бучаков С.А. Личность незаконного мигранта как объект криминологического исследования (на материалах Сибирского Федерального Округа). / Психопедагогика в правоохранительных органах. / № 4 (43) / 2010
5. Глава 3 Личность преступника - Криминология - ред. д. ю. н. В. Н. Бурлакова, д. ю. н. Н. М. Кропачева. - Криминальное право./ URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1379_page_6.html (дата обращения 23.03.2016)
6. Бирюков С.Ю., Янин С.А. Сведения о личности мигранта как один из основополагающих элементов криминалистической характеристики организации незаконной миграции. // Электронный ресурс, 2011./ URL: http://www.juristlib.ru/book_9932.html. (дата обращения 23.03.2016)

Тертишникова А.А.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Туктарова И.Н.,
доцент, к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Споры о необходимости ввести в уголовное законодательство новый институт уголовной ответственности юридических лиц продолжаются еще с начала 1990-х гг. Данный институт предусматривался предварительными проектами Уголовного кодекса РФ, на основании которых был подготовлен нынешний УК РФ [1]. Этот вопрос остается дискуссионным до сих пор и не решен на законодательном уровне на сегодняшний день.

В некоторых зарубежных государствах, например США, Франции, Бельгии, Дании, Финляндии и иных, законодательством предусматривается уголовная ответственность юридических лиц. Такие ученые, как Волженкин Б.В., Жевлаков Э.Н., Наумов А.В., Келина С.Г. вносят предложение придерживаться примера зарубежных стран и предусмотреть в российском уголовном законодательстве ответственность юридических лиц за уголовные преступления, прежде всего, в сфере предпринимательской деятельности [5]. В связи с тем, что новое административное законодательство уже давно смогло преодолеть этот барьер и ввело административную ответственность юридических лиц за целый ряд определенных административных правонарушений.

Ученые, которые предлагают видоизменить действующее уголовное законодательство, придерживаются следующей точки зрения, что основанием уголовной ответственности и наказания для юридического лица может являться корпоративное преступление. Так, Е.Ю. Антонова, занимаясь исследованием данной проблемы, указывает на следующее обстоятельство: «Преступление, совершенное юридическим лицом, представляет собой общественно опасное деяние, совершенное от имени или в интересах юридического лица лицом или лицами, контролирующих осуществление им своих прав и обязанностей» [3].

Безусловно, последствием фактического введения в законодательство РФ института уголовной ответственности юридических лиц станет необходимость проведения существенной перестройки абсолютно всей системы уголовного права. В свою очередь, иные авторы выделяют тот факт, что принципиальными основаниями признания статуса субъекта преступления и уголовной ответственности за организацией являются специфичные в таких случаях вина, а так же причинная связь [7].

Проведя анализ различных мнений ученых – сторонников введения уголовной ответственности для юридических лиц, можно прийти к выводу о том, что вина юридического лица выражается через виновное поведение его работников, которые осуществляют контроль за реализацией юридическим лицом его прав и обязанностей. В частности только сам вопрос соответствия изложенного понимания вины юридического лица традиционному представлению о вине является одной из наиболее дискуссионных проблем в отечественной теории уголовного права.

Противники введения в уголовное законодательство ответственности юридических лиц опасаются, что установление данного института является противоречивым для традиционного принципа ответственности только за свои собственные виновно совершенные общественно опасные деяния, закрепленного в Уголовном Кодексе РФ [1].

Ее сторонники, напротив, высказывая возражения и отрицая вышесказанную позицию, аргументируют свое мнение ссылкой на Гражданский Кодекс РФ [2]. В соответствии с его положениями: «Субъектами прав и обязанностей являются не только юридические, но и

физические лица, которые, наравне с юридическими лицами, несут ответственность по основаниям, которые установлены в законе» [2].

В свою очередь, Б.В. Волженкин считает, что «целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, которое обладает сознанием и волей. Именно такое деяние, которое содержит все признаки соответствующего состава преступления, будет являться основанием уголовной ответственности. Однако, при этом, нести уголовную ответственность за подобные деяния могли бы при наличии определенных обстоятельств не только физические лица, но и юридические» [6].

Такую позицию поддерживает множество иных отечественных ученых в области уголовного права. Собственно говоря, подобная трактовка рассматриваемой проблемы соответствует дальнейшему развитию института уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве и в определенной степени может применяться к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности или экологической безопасности.

Вина представляет собой не что иное, как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям. Такая вина у юридических лиц отсутствует. В соответствии с принципом законности, основанием уголовной ответственности выступает совершение преступления. «Аналогичного преступления, как причиняющего ущерб действия или бездействия, юридическое лицо не может совершить» [8].

Невозможно не согласиться с такой вполне достаточно логичной позицией Н.Ф. Кузнецовой относительно столь спорного вопроса: «Российское уголовное законодательство в том виде, в каком оно существует сейчас, ещё не готово воспринимать и реализовывать уголовную ответственность в отношении юридических лиц» [8]. Уголовный закон связывает ответственность со способностью лица, которое совершило преступление, отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, однако данной способностью обладают только люди [1].

Так, Ю.П. Кравец, высказывая личную позицию, указывает, что определенными объективными основаниями для уголовной ответственности юридических лиц могли бы быть следующие условия: постоянный рост преступлений в сфере предпринимательской деятельности, причинение в результате их совершения большого вреда гражданам, обществу и государству, а так же предотвращение возможности совершения подобных преступлений вновь [7].

Среди российских ученых в отечественной теории уголовного права относительно проблемы уголовной ответственности юридических лиц развернулась и продолжается острая дискуссия. Вполне вероятно, что введение уголовной ответственности для юридических лиц, в первую очередь, за преступления в сфере предпринимательской деятельности в значительной степени повысит эффективность механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений [9].

Наверное следует согласиться с новой авторской концепцией, где обосновывается введение уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления, по усеченному (сокращенному) составу преступления, то есть, на основании только элементов объективной стороны в составе экологического преступления. Это вполне отвечает реализации международного принципа уголовной ответственности юридических лиц в сфере охраны окружающей среды и российскому природоохранному законодательству в котором установлен «принцип экологической опасности проектируемой и иной хозяйственной деятельности». [10]

Однако законодателю необходимо будет предусмотреть иное основание уголовной ответственности юридического лица и систему наиболее эффективных мер наказания, которые возможно будет применять в отношении данного лица. На сегодняшний день страна еще не готова к воплощению на практическом уровне в уголовном законодательстве идеи уголовной ответственности юридических лиц, считает Ю.И. Бытко [4].

Мы полагаем, что перспективным направлением является последующая разработка рассматриваемой проблемы в теории уголовного права и выработка на ее основании эффективного законодательного решения данной проблемы. [11]

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016 г. № 7) // СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Антонова Е.Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владивосток, 1998.
4. Бытко Ю.И. Уголовная ответственность юридических лиц как форма и содержание социальной справедливости // Вестник СГАП. 2011. № 4. С. 158.
5. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999.
6. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002.
7. Кравец Ю.П. Об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2004. № 6.
8. Кузнецова Н.Ф. Новое уголовное право России. Общая часть. М., 1996. С. 129.
9. Никифоров А. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 75.
10. Туктарова И.Н., Кузнецова Н.И. К вопросу об ответственности за экологические преступления / Экологические правонарушения и юридическая ответственность: состояние и эффективность охраны окружающей среды в России, Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и европейского союза: состояние и эффективность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Сборник научных статей. Саратов, 2016. - 199 с. С. 130.

Тертишникова А.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 1 ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 2011 ГОДА

Постановление № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» принято Пленумом Верховного Суда РФ 1 февраля 2011 года. Данное Постановление можно назвать долгожданным, так как за время действия предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» значительно изменилось законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних и, как следствие, преступность несовершеннолетних. Не смотря на то, что в Постановлении даны ответы на вопросы, поставленные судами, значение их для правоприменительной практики неодинаково. В связи с этим, необходимо рассмотреть более важные, с нашей точки зрения, положения, содержащиеся в Постановлении, и имеющие свои недостатки.

Согласно последним разъяснениям высшей судебной инстанции, под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления необходимо понимать действия взрослого лица, которые направлены на возбуждение желания совершить преступление. При этом, действия взрослого лица могут выражаться как в форме обмана, обещаний, угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства мести, зависти и иных действий [2]. Возникает вопрос, о каком желании совершить преступление, иначе говоря, о волеизъявлении может идти речь, если например, вовлечение осуществлялось путем психического или физического насилия применительно к несовершеннолетнему?

По мнению, К.К. Сперанского, желание предполагает исключительно свободное волеизъявление несовершеннолетнего на участие в преступление, которого может и не быть в случае принуждения подростка к его совершению [4, С.84]. В связи с этим целесообразно говорить не о желании, а о готовности, решимости, намерении подростком совершить преступление. На наш взгляд, наиболее точным было понятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12.09.1969 "О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность" в котором под вовлечением понимали не только действия, направленные на подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления либо на привлечение его к совершению преступления в качестве пособника или соисполнителя, но также и действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях [3,С.563]. Как раз, термин "подготовка к совершению преступления" выражает действия вовлекателя по так называемому неконкретизированному вовлечению, не связанному со склонением подростка к совершению преступления.

Надо сказать, что, определив трактовку "вовлечения", Пленум Верховного Суда Российской Федерации создал серьезные препятствия к применению ч. 4 ст. 150 УК РФ. В которой установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу. Но к преступным, как представляется, относятся не только группы, создание и участие в которых криминализировано законом как самостоятельное преступление (ст. 208, 209, 210, 282.1 УК РФ). Понятием «преступная группа» должны охватываться любые формы групповых образований (например, группа лиц по предварительному сговору, вооруженная или невооруженная, структурированная или неструктурированная, устойчивая или неустойчивая группа лиц, не подлежащих в силу возраста уголовной ответственности, и др.). Склонение к участию в такой группе, как известно, не обязательно предполагает склонение к участию в совершении конкретного преступления, оно может ограничиться склонением к участию именно в группе. В этой ситуации соблюдение рекомендации пленума, трактующей вовлечение как возбуждение желания совершить преступление, не позволит привлечь виновного к уголовной ответственности.

Смена толкования понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» повлекла за собой и изменение позиции высшей судебной инстанции относительно момента окончания этого преступления. Если в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 7, предусматривалось, что «преступление, ответственность за которое предусмотрена статьей 150 УК РФ, является оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий». То, постановление Пленума от 01.02.2011 г. № 1 определило преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК РФ, оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. При этом, если последствия, предусмотренные диспозицией названной нормы, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ. Именно, такая позиция давно высказывается в науке и так же давно ею критикуется. На наш взгляд, признавать моментом окончания исследуемого преступления совершение преступления несовершеннолетним не неправильно. Так как, вред развитию несовершеннолетнего причиняется именно в процессе негативного воздействия взрослого лица, а не в результате совершения подростком преступления. В связи с этим, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать оконченным с момента выполнения виновным действий по вовлечению.

Необходимо отметить, что конкретизированное результативное вовлечение по своим признакам ничем не отличается от подстрекательства к преступлению. Эта мысль предельно четко сформулирована самим пленумом: «Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону,

предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления»[2]. Однако такое толкование закона вызывает серьезные вопросы в части соблюдения принципа справедливости, а именно установленного законом запрета нести уголовную ответственность дважды за одно и то же деяние. Ранее, когда объем вовлечения и подстрекательства не совпадал и вовлечение могло содержать, а могло и не содержать признаки подстрекательства, проблем с соблюдением принципа справедливости не возникало: они предотвращались посредством учета общих правил квалификации идеальной совокупности. Сегодня же ситуация изменилась коренным образом, а высказанная пленумом рекомендация о квалификации преступления, по нашему убеждению, нелегитимна.

Возникают и иные трудности с квалификацией. В частности, исходя из предложенного понимания вовлечения необходимо констатировать, что если взрослый склоняет подростка к совершению преступлений небольшой или средней тяжести, но несовершеннолетний в итоге не принимает участия в их совершении, то действия взрослого остаются вне поля уголовной ответственности: поскольку вовлечение было безрезультативным, ст. 150 УК РФ не применяется, а раз речь идет о преступлениях небольшой или средней тяжести, нормы о приготовлении также не действуют.

Ничего не сказано в постановлении о существующей проблеме, связанной с определением понятия «несовершеннолетний». В соответствии со статьей 87 УК РФ, «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Не в полной мере данное положение соответствует международно-правовым актам, на необходимость соблюдения которых указывает п. 2 Постановления. Так например, статья 1 Конвенции ООН о правах ребенка гласит, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» [1]. При этом, в данном акте термины «несовершеннолетний» и «ребенок» используются как синонимы. Кроме того, в российском семейном законодательстве несовершеннолетними признаются лица, не достигшее возраста 18 лет. Таким образом, очевидным остается «недочет» законодателя, не устраняемый правоприменителем путем толкования. Полагаем, что следует исходить из положений международно-правовых актов и Конституции РФ, при определении совершеннолетия лица. Так как, в противном случае при буквальном толковании признаков состава преступления, в случае вовлечение лица, не достигшего 14 летнего возраста в совершение преступления, действия виновного не должны признаваться уголовно наказуемыми, так как потерпевший не является «несовершеннолетним» в смысле ст. 87 УК РФ.

Так, даже такой весьма краткий анализ последних суждений высшей судебной инстанции о квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления позволяет установить главное: выводы пленума противоречат устоявшейся практике, общим правилам квалификации преступлений, принципам уголовного права, существенно ослабляют степень уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 02.04.2013) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2011. № 4.

3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924 –1973. М., 1974. С. 563.

4. *Сперанский К.К.* Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н /Д, 1991. С. 84.

Тимашова Н.В.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Решетников В.Я.,
к.ю. н, доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И НАХОДКИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, является одним из самых распространенных преступлений в Российской Федерации. В то же время, при расследовании вышеуказанного преступления вызывает достаточное количество проблем. Одним из наиболее спорных вопросов является разграничение кражи и находки. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [1] разъяснений по данному поводу не дает, а анализ судебной практики показывает, что единого подхода к решению данного вопроса не существует.

Кража, как и любое хищение, представляет собой противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц с корыстной целью, причиняющее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

В случае, когда имущество изымается из владения потерпевшего (похищается из кармана его одежды, квартиры и прочее), вопросов о квалификации деяния не возникает. Сложнее обстоит дело в случае, когда имущество фактически из владения собственника не изымается, а оставлено им без присмотра или утеряно.

Следует рассмотреть в качестве примера судебной практики апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 29 августа 2013 года по делу № 22-4815 по апелляционной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного Р. на приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области от 01.07. 2013, которым Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Защитник считает, что действия Р. должны быть квалифицированы как находка, а состав хищения в его действиях отсутствует, поскольку фотоаппарат он из владения собственника не изымал, фотоаппарат был оставлен одним из пассажиров автомобиля, в связи с чем в отношении Р. должен быть вынесен оправдательный приговор.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что действия Р. верно квалифицированы как кража, поскольку при решении вопроса об отграничении кражи от присвоения находки следует исходить из понятия владения имуществом и различием между потерянной вещью и забытой.

Так, имуществом, находящимся в помещении, специальном хранилище, транспортном средстве (автомобиле), владеет лицо, которому принадлежит помещение или которое поместило туда свои вещи. Вещи, оставленные без присмотра в специальных местах, считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат. В соответствии с установленным порядком вещи, забытые в транспорте, передаются в комнату находок, где хранятся в течение определенного времени. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в милицию или орган (местного) самоуправления.

Поэтому завладение вещью в таких местах должно рассматриваться как кража. Если забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом её получить, лицо, присвоившее эту вещь совершает кражу

Потерянная вещь-это предмет, не имеющий идентификационных признаков принадлежности и находящийся в месте, которое собственнику или владельцу неизвестно.

В связи с изложенным, приговор в отношении Р. оставлен без изменения [2].

В свою очередь, судебная практика по Красноярскому краю придерживается точки зрения, согласно которой не будет являться кражей завладение чужим имуществом, собственник которого неизвестен. Так, Минусинским городском судом Красноярского края 21 мая 2012 года вынесен оправдательный приговор в отношении Н. Судом установлено, что Н. органами предварительного следствия обвинялся в том, что нашел на участке местности сотовый телефон, которым завладел. Действия Н. квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Проанализировав обстоятельства совершенного преступления, суд пришел к выводы, что Н. имущество из владения потерпевшего не изымал, на момент завладения имуществом о том, кто является собственником данного телефона, не знал. Неисполнение гражданско- правовой обязанности, предусмотренной ст. 227 ГК РФ по сдаче найденного имущества не является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Судом Н. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ оправдан [3].

Подобной точки зрения судебная практика по Московской области. Так, судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда вынесено кассационное определение № 22-4060 от 21 июня 2011 года по кассационной жалобе осужденного И. на приговор Волоколамского городского суда Московской области от 26 апреля 2011 года, которым Н. признан виновным в краже.

Судом кассационной инстанции установлено, что И., заметив, что у Ф. из кармана выпал мобильный телефон, не сообщил ему о случившемся, а, дождавшись ухода потерпевшего, поднял его и присвоил. То есть И. не предпринимал никаких активных действий по неправомерному завладению имуществом.

Суд считает, что норма ст. 227 ГК РФ применима как в тех случаях, когда нашедший вещь знает, кто является собственником, так и в случаях, когда собственник вещи ему неизвестен. По действующему законодательству лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней, не несет уголовной ответственности.

Уголовное преследование в отношении И. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления [4].

По мнению А.Б. Борисова, кража будет иметь место в том случае, если местонахождение забытой вещи собственнику известно, он имеет возможность за ней вернуться или вернуть ее иным способом [5, с. 243].

Представляется, что решать вопрос о квалификации деяния исходя из знания или незнания потерпевшим места, где он оставил имущество, неверно. Уголовное право России в основу квалификации деяний закладывает умысел виновного, его отношение к совершаемому деянию, соответственно, если лицо, завладевающее вещью, не знает о том, известно потерпевшему о том, где оставлено им имущество или нет, то действия такого лица расцениваться как кража не могут, они должны рассматриваться в соответствии с нормами гражданского права как находка. В то же время, если лицу известно, кому принадлежит имущество, например, он видит, как телефон выпадает из кармана собственника, то в случае завладения таким имуществом действия лица должны квалифицироваться как кража.

Аналогичного мнения придерживается В. Хилюта, указывая, что «даже если потерпевший не знает, где именно он утратил свое имущество, но лицо, подбирающее такое имущество, достоверно знает, кому оно принадлежит или предполагает, что владелец может за вещью вернуться, должно быть признано виновным в хищении (краже)» [6].

Представляется, что решить проблему разграничения кражи и находки возможно путем издания Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений, это позволит избежать спорных вопросов и приведет к единому подходу квалификации деяний в судебной практике.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 N 7, от 23.12.2010 N 31, от 03.03.2015 N 9)// СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 24.03.2016)
2. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 29 августа 2013 года по делу № 22-4815// Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-kemerovskij-oblastnoj-sud-kemerovskaya-oblast-s/act-472857854/ (дата обращения: 23.03.2016)
3. Приговор Минусинского городского суда Красноярского края 21 мая 2012 года// Росправосудие. URL: https://rospravosudie.com/court-minusinskij-gorodskoj-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-106238303/(дата обращения: 24.03.2016)
4. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда № 22-4060 от 21 июня 2011 года// Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/jJ9rJFtcicVu/ (дата обращения: 24.03.2016)
5. Борисов А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и практическими разъяснениями официальных органов. 6-е изд. М.: Книжный мир. 2015.С.243 .
6. Васильев, Д., Васильев, С. Находка или кража? /Д. Васильев, С. Васильев // Законность. -2007. № 9. С. 32 - 34
9. Ульянова Ю.Ю. Общие признаки хищения в составе кражи. М: Юрлитинформ, 2013.- 304 с.
10. Хилюта В.В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. N 1. С. 6-9.
11. Хилюта В., Бильдейко А. Находка или кража? Аналитический портал Отрасли права.» URL: http://отрасли-права.рф/article/3354 (дата обращения: 24.03.2016)

Тугучева Е.В.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЙ В РОСИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Институт судебной власти в России является одним из важнейших и приоритетных – это независимая и самостоятельная ветвь государственной власти. Но он далеко не совершенен: в нем существует множество проблем, связанных с необходимым организационным построением, а главное, обеспечением эффективной работы. Наверное, ни один правовой институт, который был введен в ходе судебной реформы в России, не вызывал столько дискуссий среди юристов, как суд присяжных, ведь он в прямом смысле, посягнул на правовой фундамент страны, бросил вызов всему правовому процессу.

Согласно истории, первые заседания суда присяжных состоялись в 1866 г. в С.-Петербурге и Москве. С 1866 г. по 1883 г. было образовано 59 судов присяжных. После Октябрьской революции, в 1917 г., суд присяжных был ликвидирован, и только через почти 80 лет, 16 июля 1993 года, когда в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР» были внесены изменения, работа суда присяжных заседателей была возобновлена[1. С. 123].

Как говорил в свое время российский юрист, судья, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони, на чьих глазах проходило становление института присяжных в России, и который неоднократно с ним сталкивался на судебных разбирательствах, «суд присяжных – это «суд улицы». В этом его плюсы и одновременно минусы. Достаточно сложно предсказать решение людей, которые при вынесении приговора руководствуются главным образом собственными житейскими представлениями о справедливости»[2, С. 43]».

Сегодня деятельность присяжных заседателей находится в центре пристального внимания. У них есть как сторонники, так и противники. Одни считают, что России необходим суд присяжных, так как это шаг к справедливому и более демократичному обществу. Другие же, напротив, считают, что присяжные представляют собой угрозу правовой системе страны.

Как известно, суд присяжных – это форма осуществления гражданами государственной судебной власти, путем непосредственного участия их в отправлении правосудия.

Особенностью суда является то, что присяжные, участвуя в судебном разбирательстве, как представители общества, решают возложенные на них законом задачи, действуя самостоятельно и отдельно от профессиональных судей [3, С. 34]. В их состав входит один профессиональный судья и двенадцать присяжных заседателей. Коллегия присяжных отдельно от профессионального судьи должна ответить на три самых важных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Если присяжные выносят оправдательный вердикт, то судья обязан немедленно освободить подсудимого из-под стражи прямо в зале суда. Если же вердикт будет обвинительным, то здесь есть свои нюансы: его может опровергнуть профессиональный судья, как вердикт, не имеющий обоснований. Тогда судья должен созвать новую коллегию присяжных[4,С. 61].

19 февраля 2015 г. Верховный Суд РФ совместно с Российским государственным университетом правосудия, провел заседание круглого стола на тему «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», где была рассмотрена возможность совершенствования реализации подходов ст. 32 Конституции РФ, в которой говорится о праве граждан РФ на участие в отправлении правосудия. Участие в заседании принимали представители Верховного Суда, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры и ведущих вузов страны. Совещание оказалось очень продуктивным. Участниками было принято решение глубже рассмотреть нравственные аспекты деятельности суда присяжных заседателей, так как имеется много проблем в данной сфере.

Одной из таких проблем является нежелание людей участвовать в судебных разбирательствах в статусе присяжных. По законодательству, участие граждан в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей, является их гражданским долгом. Однако на практике оказывается, что граждане пытаются всячески избежать участи быть присяжным. Да это и не удивительно: в фактическом смысле присяжные решают дальнейшую судьбу подсудимого. Но назревает вопрос: если не мы, то кто же?

Наличие желания у работодателей отпускать кандидатов в присяжные заседатели, если таковые имеются на их предприятии, для участия в судебных заседаниях – является немало важным. Законодателю нужно продумать построение схемы участия присяжных заседателей в судах с учетом применения мер воздействия к предпосылкам работодателя помешать в этом участии.

Бытует мнение, что у некоторых присяжных заседателей имеется неприязненное отношение ко всей правоохранительной системе. Причин у этого может быть много, например асоциальное воспитание, привлечение к уголовной ответственности кого-то из близких, недовольство жизненной ситуацией. В связи с этим вердикт присяжными может быть вынесен не заслуженный, а, «чтобы навредить судебному разбирательству». Жизненная ситуация вновь избранных присяжных заседателей немало значимый фактор, и возможно, общение с психологом перед судебным заседанием – крайне важно для вынесения справедливого вердикта.

Некоторые имеют мнение, что в своих решениях присяжные слишком поддаются голосу чувств, особенно чувству сострадания[5,С. 523]. Это доказывает статистика, в соответствии с которой оправдательных приговоров судом присяжных выносится больше, чем обвинительных.

Важно то, что суд присяжных более независим от правительства. На его решения невозможно оказать никакого влияния. Это – суд совершенно независимый, бесконтрольный и не несущий никакой ответственности.

Дополнительным минусом в этой отрасли является то, что у самих присяжных заседателей отсутствует даже самое минимальное юридическое образование, также как и просто, у них отсутствует навык подчиняться закону. Известный создатель социологии права

Рудольф фон Иеринг – ученый, чей авторитет в правоведении общепризнан, решительно заявлял: «беспрекословное повиновение закону – это первое профессиональное качество судьи, это результат правильного выбора своей профессии. Преимущество, которое имеет профессиональный судья над присяжными не только техническое, какое есть у каждого профессионала в своем деле над дилетантом, но также и моральное: привычка подчиняться, практика силы воли. Простые люди из «народа», которые садятся на скамью судей, у которых отсутствуют такие свойства, нередко уже умеют убеждение, которое сложилось о том деле, в котором они участвуют. А, может быть, они направляются искусством защитника, который умеет правильно подобрать направление для защиты в чувстве гуманности присяжных, в их предрассудках, их интересах, политической позиции, или, поддающиеся при голосовании влиянию авторитета и подавляемые уверенностью, с которой высказывается пред ними тот или другой взгляд, к которому они сами собой не пришли бы, утешающиеся тем, что другим лучше знать, какое решение принимать»[6,C. 299].

В статье 5 УПК РФ[7] указано, что присяжный заседатель – это лицо, привлеченное в установленном УПК порядке, для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта, а в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[8, C.2], говорится, что участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является их гражданским долгом.

Проанализировав все «за» и «против», выявив некоторые из существующих проблем, надо признать, вопреки всему, необходимым существование суда присяжных в стране, хотя невозможно не чувствовать необходимость проведения решительной реформы в соотношении коллегий присяжных и коронных судей. Каковы будут пути и направления у этой реформы нужно еще выяснять – это и есть задача ближайшего будущего.

Еще в 19 веке французский политический деятель Алексис де Токвиль так выразил значение суда присяжных: «…рассмотрение суда присяжных только лишь как судебного органа, намного сузило бы его назначение. Ведь он оказывает огромное влияние, как на весь ход судебного процесса, так и на судьбу всего общества. Этот правовой институт прививает всем гражданам образ мыслей, свойственный мышлению судей, а ведь именно это наилучшим образом подготавливает людей к свободной жизни»[9, C. 209].

Туманова Н.И.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ ЗАПРЕЩЕННЫХ К ОБОРОТУ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМИ ИЛИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»

Лица, которые употребляют наркотики, способствуют формированию напряженной криминогенной обстановки в стране. За 6 лет, с 2010 по 2015 гг. в России совершено более 1 миллиона преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из них 813 тысяч – это тяжкие и особо тяжкие преступления.

Деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ отнесена к одной из основных угроз национальной безопасности Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [1].

Преступные группы, связанные с незаконным оборотом запрещенных к обороту веществ, для достижения корыстных целей тщательно разрабатывают план своей преступной деятельности. Создаются системы конспирации и связи, принимаются меры по оказанию активного противодействия сотрудникам правоохранительных органов, используя при этом новейшие технологии и специальную современную технику, в том числе компьютерные сканирующие устройства и информационно-обрабатывающие технологии.

Созданная наркодиллерами система связи, в том числе с использованием сети «Интернет» позволяет им скрывать свою личность и совершать преступные деяния на расстоянии из любого места, в том числе из другого государства. Проблемы выявления указанных преступлений потребовали от законодателей многих стран принятия срочных правовых мер противодействия новому виду преступников.

В настоящее время использование глобальной сети «Интернет» во всех сферах жизни современного общества приводит не только к положительным результатам, но и к расширению источников социальной опасности, в том числе связанных с явлениями криминального плана. Преступность в «Интернете» приобретает все более опасные формы, происходит изменение мотивации соответствующей противоправной деятельности, активно осваиваются ее новые формы.

По данным международной исследовательской группы TNS за январь - март 2016 г. пользователями Интернета являются 82 миллиона россиян или 66% населения России в возрасте 12-64 лет. Ежедневно выходят в Сеть 53% взрослых пользователей или 61,5 миллиона человек. Всего число пользователей интернета в возрасте от 18 лет - 76 миллионов человек. Годовой прирост интернет-пользователей, выходящих в сеть хотя бы раз за месяц, составил 8%, а для суточной аудитории данный показатель равен 6%. Таковы результаты опроса 18 тыс. респондентов от 18 лет и старше, проведенного Фондом «Общественное мнение за январь - март 2016 г. в 205 городских и сельских населенных пунктов 64 субъектов Российской Федерации [2].

В теории юриспруденции последних лет в этой связи появился новый раздел теории «Информатика», основанный на информационном праве и информационной технологии и стали актуальными вопросы информационной безопасности, затрагивающие интересы не только государства, но и каждого человека.

В процессе выявления и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, распространяемых с использованием сети Интернет, необходимо использовать современные методы, предлагаемые учеными криминалистами. Объектом поиска при расследовании подобных преступлений, как и в других случаях, является информация, отражающая направленность умысла, на приобретение или сбыт наркотических средств и психотропных веществ, а это может быть переписка приобретателя со сбытчиком, номера телефонов, иная информация, распространяемая через сеть Интернет.

Вышеуказанные преступления совершаются, как правило, в составе организованных групп и предполагают наличие целой цепочки действий и участников (производитель – оптовый покупатель – сбытчик – потребитель), это обусловливает появление и функционирование организованных преступных сообществ, специализирующихся в данной сфере. Основная часть преступлений, выявляемых в сфере незаконного оборота наркотиков, приходится на деяния лиц, находящихся на низшем уровне иерархии преступного сообщества: курьеров, сбытчиков небольших партий или доз, а крупные наркодиллеры недостаточно активно разоблачаются, правоохранительными органами, так как зачастую не хранят при себе и в жилище наркотики и соблюдают меры конспирации. В ходе общения с участниками преступной группировки, используются, как уже было сказано современные, телекоммуникационные средства связи, в том числе и программы шифрования трудно поддающиеся криптологической расшифровке.

Сегодня разработаны программы, которые дают возможность, работать на компьютере не с мышкой, а достаточно взглянуть на соответствующие команды и управлять им зрением, во Франции существует центр, где реабилитируются инвалиды, разрабатывая в своих сайтах,

программные и другие продукты, а также произведения, которые имеют спрос у бизнесменов. В реабилитационном центре «парализованные инвалиды» работают на компьютере только движением мышц губ, зрачка, а не только рукой и голосом.

В связи с этим при выявлении и расследовании преступлений, совершаемых с использованием телекоммуникационных сетей необходимо учитывать, что характерная особенность виртуального пространства состоит в том, что взаимодействующие в нем объекты (файлы данных и программ), которые участвуют в процессе следообразования, не имеют внешнего строения. Весь арсенал средств и методов работы со следами, накопленный криминалистикой, здесь оказывается бесполезным. Приемы обращения с виртуальными следами не нашли пока надлежащего отражения вУголовно- процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) [3], фигурируя лишь в виде отдельных криминалистических рекомендаций. Так, под виртуальными следами предлагается понимать «следы, сохраняющиеся в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающие промежуточное положение между материальными и идеальными».

Поэтому, при изъятии средств компьютерной техники и связи, с помощью которой распространялись наркотики, в обязательном порядке необходимо обеспечить их сохранность, предотвратив доступ посторонних лиц с целью исключения возможности уничтожения либо искажения информации, которая станет объектом исследования.

Для получения доказательств виновности лиц по делам, рассматриваемой категории большое значение имеют заключения компьютерно-технических экспертиз.

Задачей компьютерно-технической экспертизы является выявление, фиксация, изъятие и исследование криминалистически значимой компьютерной информации – сведений о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, представленных на компьютерных носителях информации, в том числе удаленных, зашифрованных или сокрытых специальными методами. При этом следует поставить эксперту вопросы, которые будут способствовать расширению доказательственной базы по уголовному делу.

Однако по данным уголовным делам недостаточно изъять компьютерную технику и средства связи, необходимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и тщательно спланированных следственных действий, направленных на сбор достаточных данных и доказательств, виновности лица в совершении сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Приведем пример апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. по делу № 48-АПУ 15-45 в отношении гр. Ф., который был осужден Челябинским областным судом 6 октября 2015 г. за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК Российской Федерации, и другие [4]. Судебная коллегия отметила данный приговор, в части, то есть исключила квалифицирующий признак из приговора и смягчила наказание. В кассационном определении коллегия указала, что виновное лицо может быть осуждено по признаку использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей только в тех случаях, когда это лицо выполняет объективную сторону состава данного преступления через использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Само по себе использование телефонной связи при обращении приобретателя к лицу, сбывающему наркотическое средство, с вышеуказанной просьбой не свидетельствует о том, что при непосредственной передаче наркотического средства, оплате за наркотик, использовались электронные сети.

В связи с этим необходимо уделить внимание идеальным следам преступления, а именно показаниям свидетелей. Основными свидетелями по уголовным делам о сбыте наркотиков с использованием сети Интернет могут вступать лица их приобретающие. В ходе допроса этих

лиц, помимо тщательного выяснения обстоятельств, приобретения ими наркотиков, необходимо установить следующее:

- известно ли ему, что приобретенные им средства или вещества являются наркотическими или психотропными, либо их аналогами;
- когда, от кого и при каких обстоятельствах ему стало известно о продаже наркотиков через сеть Интернет, каким образом осуществлялась торговля (наименование сайта, цена, способ оплаты, доставки и т.д.);
- каким образом происходил разговор (переписка через сеть Интернет) между ним и продавцом (по возможности, дословно);
- в течение, какого времени, сколько раз и в каком количестве им приобретались наркотики (с подробным описанием способа приобретения);
- известно ли, по его мнению, продавцу о том, что сбываемое им средство или вещество является наркотическим или психотропным, либо их аналогом и запрещено к продаже (с обоснованием такого мнения).

Незаконный оборот наркотиков и других запрещенных веществ в научном отношении является предметом изучения уголовного права, криминалистики, криминологии и в последние годы, учитывая анализ специальной литературы, проблемам расследования преступлений данной категории посвящено большое количество работ. Однако, как показывает практика, общая тенденция осложнения наркоситуации в мире и росте преступности в этой сфере требует от криминалистики разработки комплексной системы научно-методического обеспечения практики раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Данная проблема на сегодняшний день является недостаточно исследованной, в том числе связанной иногда с трудноразрешимыми задачами получения информации, латентностью характера объекта исследования, сомнительной точностью и различным толкованием имеющихся данных и как результат отсутствием единого подхода к методологии расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Осуществляя расследование по уголовным делам данной категории, следователь стремится определенным образом упорядочить свою деятельность, перевести ее в разумное, рациональное, методологически целесообразное русло. С этой целью, при осуществлении расследования в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, он прежде всего обращается к собственному опыту организации и осуществления работы по делам аналогичной категории. Однако, с учетом различных ситуаций, некоторая недостаточность индивидуального опыта и личного знания диктует ему необходимость обращаться не только к собственному профессиональному, прошлому опыту, но и к передовому опыту, основанному на научной основе и отраженному в тех или иных типовых криминалистических моделях. Данные криминалистические модели, или иначе, методика расследования, основана в том числе, и на практическом, передовом, обобщенном опыте следователей, имеющих необходимый уровень знаний и умений, полученных в результате длительной практики расследования по делам в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

В этой связи хотелось бы предложить разработать и использовать современные компьютерные программы по мониторингу пользователей социальных сетей, осуществляющих распространение наркотиков и других потенциально опасных веществ, также разработать критерии поиска информации в социальных сетях, указывающей на преступную деятельность, при этом осуществлять постоянный обмен информацией между различными ведомствами.

Кроме этого, для эффективного раскрытия и расследований преступлений, совершаемых с использованием средств связи и телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет необходимо, прежде всего, решить проблему повышения уровня технической оснащенности, в том числе компьютерной, сотрудников правоохранительных органов. Обучать их соответствующим навыкам владения криминалистической и компьютерной техникой,

исключая возможность причинения вреда информации, имеющей значение для расследования уголовного дела. Также необходимо повышать компьютерную грамотность сотрудников, чтобы исключить допущение ошибок при расследовании уголовных дел.

На одном из заседаний Государственного антинаркотического комитета бывший глава ФСКН России Виктор Иванов в своем выступлении сказал: «Предлагаем рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности за создание, администрирование, продвижение, предоставление технической помощи Интернет-ресурсам, посредством которых происходит рекламирование и сбыт наркотических средств синтетического происхождения, а также о введении конфискации оборудования, при помощи которого происходит поддержка работоспособности ресурсов, уличенных в причастности к распространению синтетических наркотических средств». Он отметил, что бороться нужно не с интернетом, а с сет вой организованной и локальной наркопреступностью, которая эффективно использует всемирную паутину в своих целях. «Интернет - орудие, посредством которого взаимодействуют, совместно мыслят и коммуницируют глобальные субъекты».

Список использованной литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
2. Инфографика. Интернет-активность россиян // Дайджест новостей TNS Россия InBrevi. [Сайт]. URL: http://www.tns-global.ru/press/news/355273/?sphrase_id=107923 (дата обращения: 10.04.2016)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2016. № 14. Ст. 1908.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2015 г. по делу № 48-АПУ 15-45 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Сайт]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71189882/ (дата обращения: 10.04.2016)

Хлобыстова П.Ю.,
студентка юридического факультета
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
Лапупина Н.Н.
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Уголовный кодекс не содержит определения множественности преступлений и не выделяет институт множественности преступлений в самостоятельную главу. Однако среди статей, посвященных понятию преступления и их видам, содержатся нормы, которыми определены основные виды множественности. Это статья 17 УК РФ «Совокупность преступлений» и статья 18 «Рецидив преступлений».[1]

Институт множественности имеет принципиальное значение для возможности осуществления задач уголовного кодекса, при обязательном соблюдении выделенных им принципов. Такая роль данного института в системе уголовного права связана с тем, что совершение одним лицом нескольких преступлений является прямым показателем повышенной опасности как самого субъекта для общества, так и преступлений им совершенных. Лицо, стабильно нарушающее общественный порядок действиями, за которые предусмотрена уголовная ответственность, является представителем тех социальных групп, которые характеризуются устойчивыми взглядами, идущими вразрез, устоявшимся в обществе мнениям, правилам, такие лица систематически игнорируют законы и обладают антиобщественными, опасными для окружающих личностными установками.

Институт множественности в современном Уголовном кодексе РФ представлен двумя видами: совокупностью и рецидивом преступлений. Однако вопрос о регламентации форм множественности не всегда решался таким образом.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 года в качестве одной из форм данного института была представлена неоднократность. Согласно статье 16 УК РФ, на данный момент утратившей силу, под неоднократностью преступлений понималось совершение лицом нескольких, но не менее двух преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи.[2] Но к числу преступлений, совершенных неоднократно, могли быть отнесены и предусмотренные различными статьями кодекса, но только в том случае, если эти преступления представлены в соответствующих статьях Особенной части. Также неоднократность относилась к числу квалифицирующих признаков, влекущих более строгое наказание.

До 1996 года в уголовно-правовой литературе неоднократность рассматривалась как одна из разновидностей повторности, наряду со систематичностью, промыслом, рецидивом и реальной совокупностью. [5]

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик от 1991 года в статье 21 давалось определение повторности преступлений – это совершение лицом двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей уголовного закона. [3] При этом в установленных законом случаях, можно было признать повторностью преступлений, совершение двух или более преступлений, которые предусмотрены различными статьями.

Определения повторности и неоднократности, по сути, совпадали, если не обращать внимания на минимальные терминологические отличия. В этой связи отказ законодателя от повторности, как многозначного обозначения одного и того же по существу понятия, выглядит вполне обосновано. Однако исключение из уголовного законодательства, выделяемого на тот момент вида множественности, является лишь одним из всех изменений, которым подвергалось уголовное законодательство до настоящего времени.

Как уже было сказано, до принятия Уголовного кодекса 1996 года, помимо повторности, неоднократности, совокупности и рецидива, выделяли систематичность и промысел. [6]

Под преступным промыслом понималось совершение лицом только тождественных преступлений не менее трех раз. Социальная сущность преступного промысла состоит в том, что деяния лица, систематически совершающего преступления, свидетельствуют о превращении их в источник извлечения материального дохода, т.е. в промысел, в профессию.

Однако сложно сказать, что исключение из Кодекса промысла положительно сказывается на борьбе с преступностью, выступающей в качестве организованной и профессиональной деятельности лица, которая является основным или же единственным источником его доходов, обеспечивающих его существование. На данный момент в действующем уголовном кодексе институт промысла перекликается с институтом совершения преступления преступным сообществом, которое так же осуществляет преступную деятельность на постоянной основе с целью получения прибыли. [1]

Однако есть принципиальная разница между данными понятиями. Основные отличия между институтами можно проследить в рамках количественного и качественного показателей: преступное сообщество может осуществлять преступную деятельность только несколькими лицами и деяния, совершенные ими, будут квалифицироваться как совершенные в соучастии, промысел же предполагал совершения преступления одним лицом.

Что касается качественного показателя, то преступления, совершенные в виде промысла, не ограничиваются рамками в виде тяжести совершаемых преступлений. Соответственно, на лицо разница между данными понятиями, и как следствие, можно сказать, что наличие обоих институтов в уголовном законодательстве было бы не лишним.

Систематичность – это неоднократное совершение схожих по своему содержанию деяний, характеризующихся тождественностью или однородностью, и при этом связанные общей идеей, направленностью и выступающих в качестве единой линии поведения.

В настоящее время систематичность остается частью уголовного закона и проявляет себя в двух качествах. В качестве признака состава преступления в статьях Особенной части и в качестве признака, характеризующего поведение лица в Общей части закона.

Систематичность как признак состава преступления наглядно иллюстрируется частью 1 ст. 117 УК, [1] в которой содержится определение понятия истязания – т.е. причинение физических или психических страданий путём систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями».

Второе качество систематичности отражается в части 3 ст. 74, [1] согласно которой в случае систематического нарушения общественного порядка условно осужденным в течение испытательного срока, за что привлекался к административной ответственности, или же систематически игнорировал обязанности, возложенные на него судом либо скрылся от контроля, суд может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания.

Вопрос о возможности отнесения систематичности к видам множественности преступлений в различных научных работах рассматривается по-разному. На наш взгляд, причислять систематичность к видам множественности не совсем верно. Это связано с тем, что количественный показатель систематичности – это систематические действия, образующих именно единое преступление, т.е. когда действия охватываются единым умыслом и ведут к конечному результату, которого стремится достичь лицо. И именно систематичность в качестве признака состава преступления позволяет отграничить истязание от совокупности преступлений.

Качественный показатель проявляется в том, что деяния, совершаемые лицом, причиняют вред одному и тому же объекту уголовно-правовой охраны либо одному потерпевшему, сами действия являются тождественными и схожими по своему содержанию, а промежуток между ними не может характеризоваться существенными разрывами во времени.

Таким образом, систематичность – это совершение лицом за небольшие промежутки времени отдельных, но тождественных деяний, объединенных единым умыслом, осуществляемых для достижения определенной цели, и направленных на причинение вреда одному и тому же потерпевшему и объекту посягательств. И что в конечном итоге данные действия образуют единое преступление.

Не видя необходимости в существовании таких понятий как повторность, промысел и систематичность, законодатель оставил в качестве самостоятельных видов множественности неоднократность, совокупность и рецидив. Но впоследствии Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» из закона исключили положения о неоднократности. [4]

При этом, не все ученые были согласны с таким исключением. Так, А.Н. Игнатов – советский и российский юрист, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки России, считал, что исключение института неоднократности из УК привело к резкому смягчению наказания за систематическое совершение преступлений, не являющихся тяжкими, но достаточно распространённых. [7]

С его мнением можно согласиться, учитывая, что предложенная в УК РФ 1996 г. трактовка понятий «неоднократность» и «совокупность» преступлений вызывала определенные трудности в правоприменительной практике, т.к. за совершение менее опасных, но разнородных преступлений наказание по совокупности могло быть назначено более строгим, нежели за более опасные преступления образующие неоднократность.

С другой стороны встает вопрос, можно ли вообще причислять неоднократность к видам множественности. Согласно указанному в статье 16 УК РФ определению, неоднократность представляет собой совершение двух и более преступлений, предусмотренных одной статьей или ее частью, не логичнее ли говорить о составном единичном преступлении, которое представляет собой деяние, состоящее из двух или более действий (актов бездействия), каждое из которых предусмотрено в качестве самостоятельного преступления, но в связи с тем, что предусмотрен конструкцией статьи Особенной части, в итоге выступает в качестве одного преступления. Так сконструирован, например, состав разбоя.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что сокращение понятийной базы и исключение ряда уголовно-правовых институтов, в первую очередь, направлены на унификацию уголовного законодательства, путем единообразного толкования схожих терминов, встречающихся в различных уголовно-правовых нормах. Законодатель, тем самым упростил правоприменительную практику, избавив от сложностей, возникающих при разграничении близких по своему содержанию институтов. Однако, сделав выбор в пользу упрощения, он проиграл в некоторых случаях в вопросах, касающихся эффективности борьбы с преступностью, избавившись от полезных положений уголовного закона, которые могли бы существовать при определенных доработках и исправлениях.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. (в ред. от 30.07.1996г. № 103-ФЗ) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591 (утратил силу).
3. Основы уголовного законодательства СССР и республик от 02.07.1991г. № 2281-1 // Ведомости СНД СССР и Верховного Совета СССР. 1991, № 30 ст. 863 (утратил силу).
4. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» (в ред. от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) // СЗ РФ. 2003, № 50 ст. 4848.
5. Агаев И.Б.. Проблема повторности в уголовном праве. М., Юристь. 2004 г. 157с.
6. Иванов С.А. Понятие и юридическая природа систематичности в уголовном праве России // Общество и право. № 1 (23). 2009. С. 156-158.
7. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики. [Электронный ресурс] URL: http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pobegailo-2(20-09-04).htm (дата обращения: 15.03.2016).

Холмирзаева Г.У.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Решетников В.Я.,
к.ю. н, доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г.Чернышевского

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Будущее современной России немыслимо без тщательного анализа ее сегодняшнего состояния, точнее, ее обратной, «темной» стороны, поразившей практически все общество – коррупции, которая поражает не только примитивное общество потребления, но и его науку, образование, медицину, культуру и т.д. Как известно, взятка является разновидностью коррупции, при которой действия должностного лица заключаются в оказании каких-либо услуг физическому или юридическому лицу в обмен на предоставление последним определённой выгоды первому. Взяточничество - собирательный термин, охватывающий собой три самостоятельных состава должностных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления - получение взятки (ст. 290 УК РФ), дачу взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Исключительно высокая степень общественной опасности взяточничества определяется тем, что оно резко деформирует нормативно установленный порядок осуществления должностными лицами своих служебных полномочий, нарушает интересы государственной службы и, в конечном итоге, ведет к криминализации всего общества. Если разделить количество осуждённых по ст.290 и 291 УК РФ, то, используя статистические данные, получаем соотношение числа осужденных за дачу и за получение взятки, приведенное на диаграмме (рис. 1)

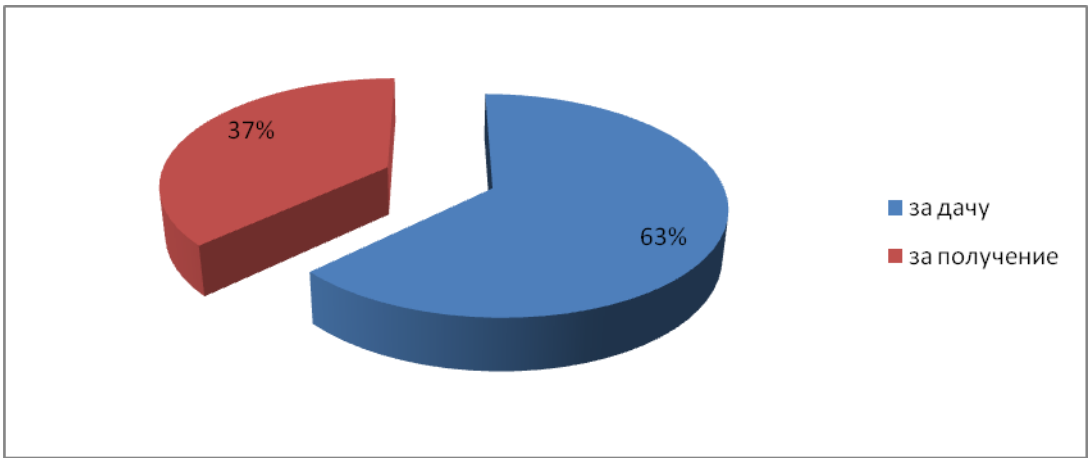

Рис. 1. Соотношение осужденных за дачу (ст. 290) и за получение (ст. 291) взятки

Как видно из диаграммы, число осуждённых за дачу взятки превосходит число осуждённых за получение взятки, хотя очевидно, что в этой паре причиной зачастую является взяткополучатель. Следует также обратить внимание на применяемые со стороны государства меры к осужденным за получение и дачу взятки. Если по статистическим данным к реальному лишению свободы по ст. 290, ст. 291 было приговорено около 31% привлеченных к уголовной ответственности, то в последние годы - менее 25%. Таким образом, можно сделать вывод, что суды относятся чрезвычайно лояльно в отношении значительного числа лиц как дающих взятку, так и получающих ее.

Немаловажным, с точки зрения анализа данного вида общественно опасного явления, является выявление личностных характеристик, совершающих эти преступления. Осужденных за взяточничество можно дифференцировать на группы, по таким признакам как: пол, возраст, социальная принадлежность. По половому признаку количество мужчин значительно превышает количество женщин (75% мужчин и 25% женщин). Скорее всего, это связано, в значительной степени, с тем, что в основном мужчины занимают государственные должности. По возрастному признаку преобладают лица от 30 лет и старше. Возможно, это связано с тем, что на данный возрастной период приходится активная деятельность и основная часть лиц, которая имеет возможность получения взятки. По социальной принадлежности (рис. 2) основную часть составляют служащие (54%), на втором месте - рабочие (33%).

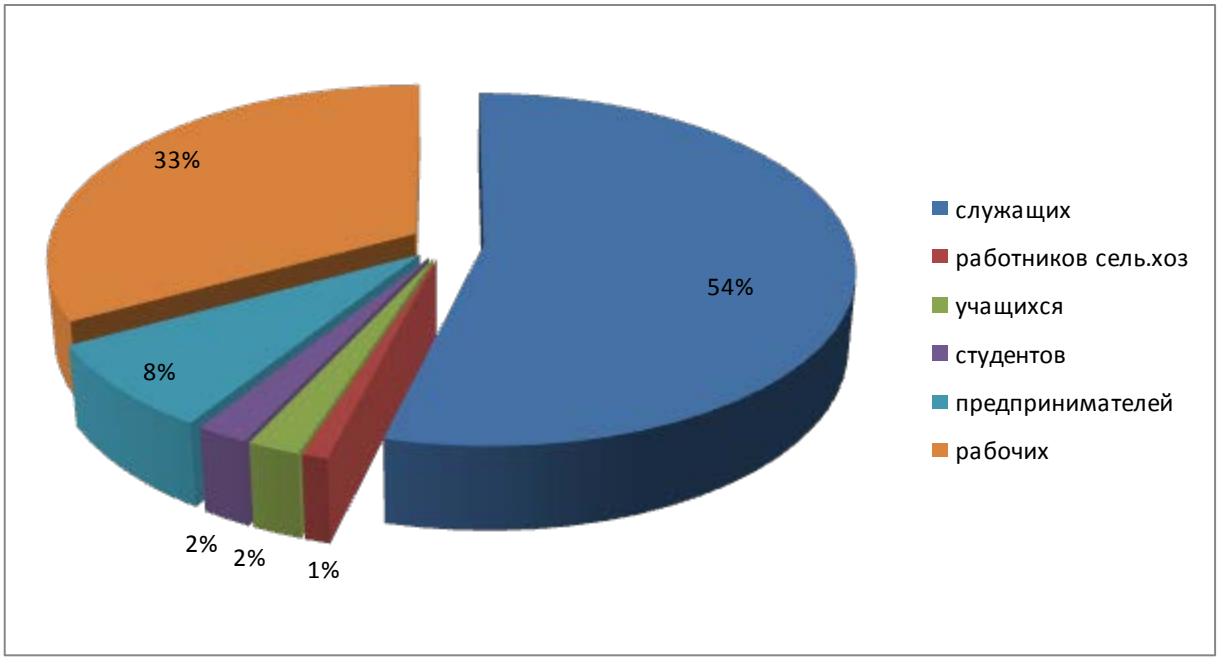

Рис. 2. Социальный состав лиц, осуждённых за взяточничество в процентах

Если высокий процент служащих (свыше 50%), очевиден, то социальная группа, стоящая на втором месте - рабочие, требует более детального изучения судебной практики. Используя статистический анализ социальной дифференциации лиц, осужденных за взяточничество, очевидно, что основной упор в предупредительных и профилактических мерах необходимо сделать на служащих старше 30 лет мужского пола. Значительный эффект может быть достигнут при контроле уровня расходов, особенно дорогостоящих приобретений самого чиновника и членов его семьи. Но для этого необходимо строго соблюдать пункт 20 Конвенции ООН о борьбе с коррупцией [2,с.10], который Россия с непонятным упорством уже в течении ряда лет не ратифицирует.

Коррупция - дорога с двусторонним движением, поэтому, помимо политической воли руководства страны, антикоррупционного законодательства и четкой стратегии ведения войны с взяточничеством, для решения данной проблемы нужна еще поддержка населения и общественных структур. Для того чтобы люди сознательно отказывались от дачи взяток, чем на данном этапе сильно усложнили бы себе жизнь, необходимо задуматься о создании системы мер по защите тех, кто готов бороться с коррупцией. Так, в Национальном плане противодействия коррупции на 2016 - 2017 годы (Указ Президента РФ от 01.04.2016 N 147) есть пункт о защите прав физических и юридических лиц.

Кроме того, в соответствии с предложенной президентом антикоррупционной стратегией, Россия должна ратифицировать Конвенцию Совета Европы «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию»[3,с.361-372], в которой, в частности, говорится о поддержке граждан и организаций, вышедших на тропу войны с взяточничеством. Также государство должно поддерживать тех бизнесменов и предпринимателей, которые находят в себе силы работать без двойной бухгалтерии и сознательно отказываются от участия в коррупционных схемах. А дабы обеспечить постоянную преемственность процесса необходимо добиться координации антикоррупционных действий всех профильных министерств и ведомств, и кроме того, из года в год закладывать в бюджет расходы на борьбу с мздоимством.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что действующее законодательство, направленное на борьбу со взяточничеством и другими коррупционными преступлениями, на сегодняшний день далеко от совершенства, и предложенные изменения в уголовный закон, безусловно, не могут являться панацеей в этом нелегком деле, но только постоянный поиск в этом направлении могут дать действительно заметный результат в борьбе со всеми проявлениями коррупции в российском обществе.

Список использованной литературы:

1. Данилюк С.Е. Организованная преступность и коррупция: проблемы правового регулирования // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сб. ст. / Под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. Н. Новгород, 2001.С.512.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года)

3. "Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов"/ Сб. документов / Сост. В. С. Овчинский. М., Инфра-М, 2004.С. 361 – 372.

4. Статистические сборники «Преступность и правонарушения». Изд. ГИЦ (с 2006 г. ГИАЦ) МВД России -2014 г.С.180.

5. Фоменко Е.В. Актуальные вопросы совершенствования действующего законодательства по борьбе с коррупцией и взяточничеством // Российский следователь. 2013. N 24. С.40-43.

Чесноков В.А.,
студент юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН ОТ САМОУПРАВСТВА КОЛЛЕКТОРОВ

24 января 2016 года в Ульяновске произошел преступный инцидент — коллектор кинул бутылку с зажигательной смесью в окно частного дома; она упала в кровать, на которой лежал маленький ребенок. В итоге, ребенок получил тяжелые ожоги третьей степени и был госпитализирован. Пострадал также и дед ребенка, предприниматель Исмаил Гуссейнов, который пытался потушить огонь. Именно он был тем должником, которого преследовал коллектор за долг около 50 тысяч рублей [1].

Подобные криминальные случаи, связанные с противоправными попытками взыскать долг, отнюдь не единичны. За последние месяцы самоуправство коллекторов достигло неслыханных масштабов. Чуть ли не каждый день в сводку новостей попадают известия о неправомерных методах коллекторов по взысканию долгов с должника. Например, 11 февраля коллекторы угрожали сжечь ребёнка Москвички за долг перед Альфа-банком [2], 12 февраля в Перми они пригрозили публично сжечь мать двоих детей [3], 15 февраля коллекторы залили замки дома в Петербурге монтажной пеной и угрожали выставить должника педофилом [4].

Следует пояснить, кто такие коллекторы. Коллекторы – это сотрудники коллекторского агентства, занимающегося возвращением задолженностей с населения и организаций.

Проблема должников и коллекторов в России имеет системный характер. Отсутствие четких норм и законов в отношении работы коллекторов привлекает в этот бизнес все больше людей, которые умеют взыскивать долги только методами лихих 90-х.

На сегодняшний день, деятельность коллекторов регулируются положениями федерального закона от 21.12.2013 N 353-ФЗ **«О потребительском кредите (займе)»**. Закон имеет много пробелов и требует серьезной доработки. Согласно указанному выше закону, коллекторы могут лично встречаться с должником. Как именно будут происходить такие встречи, законодатель, к сожалению не пояснил. Поэтому коллекторы получили право приезжать не только к должнику домой, но и на работу. Коллекторы имеют право уведомлять и напоминать о наличии задолженности. При этом они должны сообщить должнику свое имя, фамилию и отчество, а также должность (пункт 5 статьи 15 закона). Что будет коллектору, если он откажется назвать это? К сожалению – ничего. Конечно, за нарушения этих правил коллектора могут оштрафовать на 5 - 10 тыс. рублей, но реально таких санкций зафиксировано не было [5].

Стоит ли говорить, что термин "коллекторская деятельность" законодательно не определен, не установлены ни требования к коллекторским агентствам, ни запреты и ограничения на использование определенных методов коллекторской деятельности, которые зачастую являются неправомерными.

В этих условиях уже давно назрела необходимость законодательного регулирования деятельности по возврату просроченных долгов. В данный момент в Госдуме находятся два законопроекта на эту тему:

1. Законопроект, запрещающий внесудебное истребование кредитором долга с заемщика, в том числе через коллекторские агентства. В соответствии с предложением депутатов, иски кредитора к заемщику о возврате задолженности по займу должны рассматриваться только в судебном порядке. По сути, это фактически запрет коллекторской деятельности. Заслуженный юрист России Иван Соловьев, считает, что шансы на прохождение данного законопроекта невелики. Он разработан и внесен скорее для привлечения внимания к самим законодателям, чем к проблеме коллекторских агентств, полагает профессор. По большому счету урегулирование вопросов с просроченными долгами позиционируется и, по сути, является видом предпринимательской деятельности, требующей определенной квалификации. Поэтому

запрещать ее – значит ограничивать свободу выбора вида предпринимательской деятельности [6].

2. Законопроект «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату долгов», который, по состоянию на 12 апреля 2016, принят в первом чтении [7].

Он запрещает коллекторам применять физическую силу, повреждать имущество должников, угрожать им и оказывать на них психологическое давление, а также вводить их в заблуждение. Коллекторам также запрещается встречаться с должником чаще одного раза в неделю и звонить ему чаще двух раз в неделю, причем это нельзя делать по ночам. К непосредственному общению с должниками не допускаются люди с непогашенной судимостью.

Законопроект предусматривает создание реестра коллекторских агентств, который будет вести уполномоченный правительством орган.

Мы считаем, что данный закон способен обеспечить надлежащую защиту прав должников — физических лиц и предупредить использование недобросовестных методов и способов взыскания задолженности.

Также мы хотели бы предложить альтернативное решение. Деятельность коллекторов, как я уже упоминал, мало урегулирована законом, и нередко права граждан серьезно нарушаются. Поэтому вместо коллекторских организаций с должниками вполне могут справиться службы судебных приставов. Деятельность приставов строго урегулирована

законодательством, правила и методы взыскания задолженностей четко прописаны и проверены многолетней практикой. К тому же теперь заработали законодательные нормы о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. А значит — банки могут подавать в суд и получать возмещение без привлечения коллекторов [8].

Таким образом, права граждан слабо защищены от неправомерных посягательств коллекторов, поэтому существует насущная необходимость в грамотном законодательном регулировании деятельности по возврату просроченных долгов.

Список использованной литературы:

1. Ульяновский коллектор арестован за попытку спалить дом с ребенком // Интерфакс [Сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/492311 (дата обращения 12.04.2016).

2. Коллекторы угрожают москвичке сжечь ребёнка за долг перед Альфа-банком // Лайф [Сайт]. URL: https://life.ru/t/новости/184650 (дата обращения 12.04.2016).

3. Пермские коллекторы угрожают сжечь мать двоих детей за чужой долг // Росбалт [Сайт]. URL: http://www.rosbalt.ru/federal/2016/02/12/1489489.html (дата обращения 12.04.2016).

4. Коллекторы залили все замки в подъезде дома в Петербурге монтажной пеной и грозят расправой с должником // Росбалт [Сайт]. URL: http://www.rosbalt.ru/piter/2016/02/06/1487370.html (дата обращения 12.04.2016).

5. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 N 353-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

6. Коллекторам наступает конец // 1nnc [Сайт]. URL: http://1nnc.net/technologies/662784.html (дата обращения 12.04.2016).

7. Закон о коллекторах приняли в первом чтении // Известия [Сайт]. URL: http://izvestia.ru/news/609760 (дата обращения 12.04.2016).

8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1// СПС КонсультантПлюс.

Чулисова Ю.А.,
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Глухова Е.О.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

СТАНОВЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ

Борьба с преступностью несовершеннолетних, представляет серьезную задачу для государства и общества на протяжении многих лет. Подходы к решению этого вопроса с течением времени изменялись, в зависимости от политической и экономической ситуаций, общественных настроений и руководства государства. Например, дети и подростки в дореволюционной России, совершившие преступление, в подавляющем большинстве отбывали наказание в тюрьмах, колониях, арестных домах на общих со взрослыми основаниями и совместно с ними. В силу отсутствия единой педагогической системы контроля, воспитания и ресоциализации несовершеннолетних, подростки в исправительных учреждениях подвергались еще большему негативному влиянию. Их психика не справлялась с возникающими условиями. Также большую роль в их воспитании играли «соседи по камере»: взрослые правонарушители были закоренелыми преступниками, правосознание которых было деформировано настолько, что уже не поддавалось изменению. В связи с этим возникла необходимость создания воспитательных учреждений нового типа для решения этих и ряда других проблем, связанных с подростковой преступностью.

Таким образом, с первых лет своего существования Советское государство взяло направление на гуманную политику в сфере правовой защиты детства. Результатом данной деятельности стал Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918г. «О комиссиях для несовершеннолетних», упразднявший суды и тюремное заключение для подростков. Дела о преступлениях несовершеннолетних рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних, которые определяли наказание, как правило, не связанное с лишением свободы. И только в исключительных случаях дела передавались в народные суды – это дела о правонарушителях рецидивистах, или о совершивших тяжкие преступления, слабо поддающиеся мерам медико-педагогического характера[1].Такие несовершеннолетние направлялись в закрытые воспитательные учреждения такие, как реформатории и земледельческие колонии, предусмотренные «Временной инструкцией «О лишении свободы и мере наказания и о порядке отбывания такового». В данных учреждениях содержались лица в основном 18-летнего возраста и как исключение до 21 года. Срок пребывания не был чётко определен, так как суды выносили неопределенные приговоры, а в дальнейшем судьбу воспитанника коллегиально решало правление учреждения. Главная цель их создания заключалась в обучении, воспитании и подготовке к трудовой деятельности путем преподавания практических знаний, а также в расширении общего интеллектуального развития. Более того, правильный педагогический и психологический подход к малолетним преступникам позволял изменять их сознание и еще не устоявшиеся принципы. Так, детям прививалось уважительное отношение к закону, правилам, общественному порядку и работе. Но в силу сложившихся тяжелых экономических условий в стране и недостатка педагогических кадров, реформатории к концу 1919 г. стали закрываться.

Рост числа подростковой преступности и увеличение процента наиболее общественно опасных преступлений ставили перед государством задачу в формировании исправительных учреждений нового образца. Декрет от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях» устанавливал передачу дела в народный суд, в случае установления невозможности применения мер медико-педагогического воздействия, и

помещении таких подростков в трудовые дома. Содержание несовершеннолетних в трудовом доме продолжалось до истечения назначенного судебным приговором срока, а в случае необходимости – до исправления, но не дольше достижения ими возраста 20 лет. Однако труддома обеспечивали лишь обучение элементарным трудовым навыкам, поэтому возникала необходимость фабрично-заводского ученичества. Таким образом, к марту 1931 г. была закончена работа по перестройке всех трудовых домов в школы ФЗУ НКЮ, а в декабре 1930 г. все места лишения были переданы из НКВД в ведение НКЮ. В школы ФЗУ НКЮ помещались несовершеннолетние нарушители в возрасте от 15-18 лет. Предусматривались школы закрытого, полузакрытого и открытого типов. Из-за низкой технической оснащённости и недостатка кадров расширение таких учреждений было затруднено. Появилась необходимость в создании учреждений, которые бы могли открываться во всех областях и содержать большое число осужденных.

Постановлением СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» были учреждены изоляторы, трудовые колонии и приемники распределители. Несовершеннолетние преступники в возрасте 12-16 лет и беспризорные дети в возрасте от 14-16 лет содержались в трудовых колониях, а несовершеннолетние в возрасте 16-18 лет подлежали направлению в общие места заключения для взрослых преступников.

Очевидно, что такая система не могла долго существовать и исправно функционировать. Учеными доказано, что до 16 лет у ребенка еще не сформирована психика и не устоялись основные жизненные ориентиры. В этом возрасте они больше всего подвержены влиянию извне, причем как позитивному, так и негативному. Содержать беспризорников и преступников, детей 12 лет и 16 лет было разумно со стороны экономии средств государственного бюджета и количества необходимых для этих целей учреждений. Однако с точки зрения психологии и перевоспитания малолетнего правонарушителя в законопослушного гражданина и активного члена общества – это было ошибкой. Не все беспризорники были преступниками. А если и были таковыми, то искренне в этом раскаивались, потому что чаще дети попадались на воровстве. Объектом таких преступлений была еда, необходимая для того, чтобы выжить. Чаще всего такие правонарушители сами хотели стать честными людьми, расстаться с преступным прошлым. Однако в окружении настоящих преступников, совершавших злодеяния намеренно и обдуманно, перевоспитаться детям было сложно.

В 60-е годы XX века многие воспитательные колонии напоминали учреждения для взрослых, поскольку методы и формы управления правонарушителями были заимствованы из учреждений такого типа, а педагогическая функция в таких местах практически не реализовывалась. Приоритет отдавался производственной деятельности, которая отодвинула становление личности несовершеннолетнего на второй план. В результате эффективность проводимой воспитательно-трудовой работы значительно снизилась.

Прошло немало лет на пути совершенствования системы пенитенциарных учреждений. Возникающие проблемы в лице политически неспокойной и постоянно меняющейся ситуации, нестабильной экономики и, как следствие, нерегулярного финансирования государственных исправительных учреждений были не единственным препятствием для правильного воспитания несовершеннолетних преступников. Значительно более весомой проблемой стало несовершенство законодательства, регулирующего данную сферу общественной жизни.

Важным шагом для решения этой проблемы стало издание Указа Президента РФ от 28 июля 1998г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы министерства внутренних дел РФ в ведение системы Министерства юстиции РФ». Согласно положениям данного Указа отдел воспитательных колоний в составе ГУИН также перешел в ведение Минюста, а численность сотрудников была сокращена до 6 человек. Поэтому отдел в силу своей малочисленности был не в состоянии обеспечить в полном объеме руководство и контроль за воспитательными учреждениями.

В настоящее время наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступление в возрасте до 16 лет, на срок не свыше 6 лет, за особо тяжкие преступления – 10 лет. В целях закрепления результатов исправления, завершения среднего (полного) общего образования или профессиональной подготовки осуждённые, достигшие возраста 18 лет, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет (ч. 1 ст. 139 УИК РФ). Все осужденные, достигшие возраста 19 лет, переводятся для дальнейшего отбывания в исправительную колонию общего режима (ч.3 ст. 140 УИК РФ). Однако колонии для несовершеннолетних могут стать «вузом», из которого подросток может выйти уже взрослым уголовником. И на сегодняшний день проблема управления воспитательными колониями обстоит крайне остро, необходимо сделать ее оптимальной и действенной. Именно поэтому решения должны быть детально взвешены и обдуманы, так как история показывает, какими чреватыми последствиями оканчиваются ничем не обоснованные реформы. Чтобы унифицировать и сделать более эффективной систему деятельности воспитательных колоний нужно учитывать накопленный положительный опыт и вместе с тем привнести что-то новое, чтобы исправительные учреждения оказывали на несовершеннолетних воспитательный эффект, а не превращали их в асоциальных представителей общества.

Список используемой литературы:

1. Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918г. «О комиссиях для несовершеннолетних»
2. ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушении несовершеннолетних» от 24.06.1999
3. Баранов, Ю.В. Проблемы ресоциализации и механизма ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания / Ю.В. Баранов // Уголовное право. 2009. № 5. С. 11-13.
4. Беляева, Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.) / Л.И. Беляева. – М., 1995. С. 7.
5. Сабинин, Л.Х. Преступные дети и исправительные заведения/ Л.Х. Сабинин. – Ровно, 1898. – 35 с.

Шапова А.А.
студентка юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

КОНКУРЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО - ПРАВОВЫХ НОРМ О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И СВОБОДЕ ПОИСКА, ПОЛУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

В условиях широкой конкуренции между различными средствами массовой информации главную роль в их деятельности играет распространение информации, носящей скандальный характер, и направленной на привлечение большего количества читателей или зрителей.

Погоня за «острыми» новостями заставляет журналистов все в большей степени вторгаться в частную жизнь граждан при отсутствии какой-либо необходимости.

Подобная практика не только представляет собой нарушение права на неприкосновенность частной жизни, но также способствует внедрению в общественном сознании установки, что частная жизнь во всех ее проявлениях, включающих и самые интимные стороны, не является исключительной личной принадлежностью каждого человека и может быть выставлена на всеобщее обозрение.

Конституция РФ в ст. 23 [1] закрепляет, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Ч. 4 ст. 29 Конституции РФ гласит о том, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и ч. 5 ст. 29 Конституции РФ гарантируется свобода массовой информации.

Понятие частной жизни также дается в ст. 152.2 Гражданского кодекса РФ [2], но является общим и широким - «не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни». В то же время, не являются нарушением данных правил, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

Следовательно, право на свободу массовой информации может быть законно реализовано вопреки установленным ограничениям, когда присутствует общественный интерес.

Согласно Закону РФ «О средствах массовой информации» (далее Закон о СМИ) [3] журналист обязан получать согласие на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от него самого или его законных представителей, за исключением тех случаев, когда распространение такой информации «необходимо для защиты общественных интересов» (ст. 49). В соответствии с п. 2 ст. 50 того же Закона о СМИ распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки допускается в тех случаях, «если это необходимо для защиты общественных интересов».

В законодательстве определение понятия «общественный интерес» не раскрывается. Личная жизнь публичных персон является неприкосновенной или же - нет, поскольку их частная жизнь имеет особую общественную значимость?

Общественный интерес – это общественно значимый интерес, а не любой интерес, проявляемый обществом. Таким образом, концептуальная основа понятия «общественный интерес» включает в себя признание того, что существует коллективное право на защиту интересов общества как целого, и для защиты этого права свободный доступ общественности к приватной информации становится важнее права личности на неприкосновенность частной жизни [4, с. 90; 5, с.196].

Главным становится вопрос: в каких случаях такой интерес можно считать оправданным?

Общее направление в понимании категории «общественный интерес» было дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 15 июня 2010 г. № 16 [6], где «общественный интерес» трактуется как «потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде».

На практике возникают различные ситуации. Например, в СМИ была опубликована фотография мальчика, привязанного к стулу, сделанная в детском коррекционном центре «Золотой ключик» города Саратова. С одной стороны, ребенок пришел в этот центр получать помощь психолога - это частная жизнь его и его родителей, с другой стороны - это методы воспитания, составляющие общественный интерес.

Заммэра Москвы, глава московского департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Максим Ликсутов развёлся с женой, гражданкой Эстонии. Их развод вызвал особый интерес в свете расследования «Фонда борьбы с коррупцией», результаты которого опубликовал в своём блоге экс-кандидат в мэры Москвы Алексей Навальный. Согласно этим данным, Татьяна Ликсутова владеет иностранными активами, что по закону запрещено жене российского чиновника. Материалы расследования свидетельствуют, что после вступления в силу запрета для госслужащих на владение иностранными активами глава департамента транспорта переписал на жену свою долю в Transgroup Invest AS. Примечательно, что развод с женой Ликсутов оформил спустя шесть дней после того, как, судя по документам, переписал на неё свою долю в Transgroup Invest AS

[7]. В данной ситуации с одной стороны прослеживается вмешательство СМИ в личную жизнь, с другой стороны считается, что это общественный интерес, поскольку Ликсутов фактически нарушил закон, не нарушая закона.

Этот случай не является единственным. Вице- спикер Государственной думы Владимир Васильев, сообщил, что в 2013 году за два месяца перед подачей декларации о доходах со своими женами развелись семь депутатов. Очевидно, что разводы были фиктивные, чтобы не вносить в декларацию переписанные на жен счета и недвижимость [8].

В 2015 году артист Сергей Безруков смог через суд добиться от News Media компенсацию за нарушение прав на частную жизнь. Поводом для судебной тяжбы стали публикации с фотографиями о внебрачных детях актера, на печать которых он не давал согласия [9].

В международной практике существуют различные уровни защиты права на неприкосновенность частной жизни. Если это публичная фигура, то она должна относиться к критике и к повышенному интересу к своей частной жизни со стороны общества более терпимо, чем обычный гражданин. Но одного лишь факта, что лицо, в частную жизнь которого вторглись, является «общественной фигурой», недостаточно для того, чтобы оправдать такое вмешательство. Также, необходимо определить, была ли тема публикации и информация общественно значимой, было ли сообщение о подробностях частной жизни лица способным оказать положительное влияние на политические или общественные дискуссии [10, с. 41-42].

На практике существуют различные ситуации, - в каких- то случаях речь идёт о частной жизни публичных личностей, в других – о жизни обычных граждан. Каждый случай необходимо рассматривать в отдельности, и понимать: в каком СМИ действительно выходят за рамки закона, нарушая установленную Конституцией РФ неприкосновенность частной жизни граждан, а в каком они выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес.

И в каждом отдельном случае оценку действиям субъектов массово-информационной деятельности дает суд. Однако на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить определение понятия «общественный интерес».

Нахождение баланса между правом на свободу выражения мнения и защитой частной жизни – очень сложный процесс. Ограничения свободы массовой информации, вызванные необходимостью защиты частной жизни, с одной стороны, и необходимость поиска, производства и распространения информации в целях защиты публичных интересов – с другой, должны приниматься во внимание при оценке возможных вариантов решения указанной проблемы.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2014. № 30 (Часть 1). Ст. 4202.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016.№ 5. Ст. 559.
3. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 05.04.2016) // Российская газета. 1992.№ 32; СЗ.РФ. 2016. № 15. Ст. 2056.
4. Куликова С.А. Гарантии и ограничения права на распространение информации в Информационном кодексе РФ //Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4. С. 86-92.
5. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в России: Монография / Под ред. Г.Н. Комковой. М.: Проспект, 2016. 256 с.
6. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) // Российская газета. 2010. № 132.
7. Развод дня: Максим и Татьяна Ликсутовы. URL: http://www.the-village.ru/village/city/situation/137535-divorce. html (дата обращения: 06.05.2016).

8. Вице-спикер Госдумы, руководитель «Единой России» Владимир Васильев подтвердил информацию о семи депутатских разводах вместо 30, о которых писали российские СМИ. URL: http://www.dp.ru/a/2013/04/26/Vice-spiker_Gosdumi_soobshh/. html (дата обращения: 06.05. 2016).
9. Безруков судится с журналистами из-за внебрачных детей. URL: http://www.sledui.com/forum/bezrukov-suditsya-s-zhurnalistami-iz-za-vnebrachnyx-detej/. html (дата обращения: 06.05. 2016).
10. Поздникин П.Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 38-44.

Яшина М.С.,
Сторожихина Е.А.,
студентки юридического факультета,
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 159 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На протяжении многих лет одним из главных вопросов уголовно-правовой науки остается проблема привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности. В современных условиях особое значение приобретает такой ее аспект, как признание лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, самостоятельным субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как отмечает А.В.Щербаков, под субъектом преступления следует понимать совокупность признаков, определяющих юридическую характеристику лица, совершившего преступное посягательство [6, с. 100]. По общему правилу, в соответствии со ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста [2].

Понятие «субъект преступления», являясь одной из центральных категорий науки уголовного права, наполнено достаточно сложным содержанием. Обязательным признаком субъекта преступления, прежде всего, является такой его элемент как «физическое лицо», т.е. человек, выступающий носителем прав и обязанностей и, соответственно, обладающий правоспособностью и дееспособностью. Иными словами, преступление не может быть совершено, например, животным или неодушевленным предметом. Также исключается уголовная ответственность юридических лиц.

Другим важнейшим признаком субъекта преступления выступает его возраст, определяющий момент, наступление которого будет являться основанием привлечения лица уголовной ответственности за совершенные им общественно опасные деяния. Согласно ч. 1 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, ответственность за запрещенные ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации хищение чужого имущества или приобретение права на него наступает только в случае достижения лицом 16-летнего возраста [2]. В силу п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», лицо следует считать достигшим возраста уголовной ответственности не в день рождения, а с ноля часов следующих суток, т.е. по его истечении. Если же «паспортный возраст» лица неизвестен, его определение становится возможным только путем проведения экспертизы. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 г. N 1, в таком случае днем рождения лица считается последний день года, определенного экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, суды исходят из

минимального возраста, который предлагается экспертами [3]. Отметим, что данное положение основывается на предписании ст. 49 Конституции Российской Федерации о том, что любое сомнение должно толковаться в пользу лица[1].

В последнее время все чаще высказывается точка зрения о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за мошенничество, как и за большинство иных преступления против собственности, до 14 лет. Так, к примеру, С.А.Петров считает, что 16-летний возраст, с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливается, исходя из предположения о возможности осознания лицом общественной опасности совершаемого им деяния. Тем не менее, по его мнению, этот возраст следует снизить до 14 лет, в связи с чем в ч. 2 ст. 20 УК РФ должны быть внесены соответствующие изменения [7, с. 25]. Как отмечает А.И. Бойцов, снижение возраста уголовной ответственности до 14 лет за такие преступления против собственности, как кража, грабеж и разбой, объясняется не только высокой степенью общественной опасности этих посягательств, но их широкой распространенностью среди преступлений, совершаемых подростками [5, 32]. На наш взгляд, нельзя согласиться с этим доводом, поскольку, как справедливо утверждает Л.Д. Ермакова, в ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации перечислены только такие деяния, общественная опасность которых может быть осознана лицом, достигшим 14 - летнего возраста в полной мере [5, 32]. Такая позиция представляется нам наиболее правильной, так как ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяющая составы преступлений, за совершение которых лицо подлежит уголовной ответственности с 14 лет, упоминает и те составы преступлений, которые не относятся к числу тяжких. В то же время в их число не включены и некоторые особо тяжкие преступления, например, геноцид и экоцид [2]. Поэтому сегодня единственным критерием, который может быть использован для определения возраста уголовной ответственности, является возможность лица осознать общественную опасность преступного деяния. В этой связи установление уголовной ответственности за мошенничество с 16-летнего возраста представляется нам вполне обоснованным.

Как отмечает Р.Н. Ахметгареев, в исследованиях прошлых лет приводятся данные о сравнительно небольшом проценте несовершеннолетних среди лиц, признанных виновными в совершении мошенничества [4, с. 139]. Согласно официальным данным по состоянию на 2014 г., несмотря на то, что совершение преступлений против собственности (69,1 %) наиболее характерно для несовершеннолетних лиц, для мошенничества субъект преступления, не достигший 18-летнего возраста, по-прежнему остается не типичным [8]. Этот факт объясняется не только недостаточностью для совершения данного преступления уровня знаний, умений и навыков несовершеннолетнего, но и сложностью, а зачастую и невозможностью установления доверительных отношений между ним и потенциальным потерпевшим. Вместе с тем, в настоящее время не прекращают совершаться и примитивные мошеннические операции, осуществить которые способны и несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста. Так, например, только в 2012 г. федеральными судами Тульской области к уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деликта были привлечены 115 лиц, в том числе и 2 несовершеннолетних. Мировыми судьями того же региона - 64 лица, среди которых 1 лицо, не достигшего 18-летнего возраста, было признано виновным в совершении мошенничества [9].

Анализ судебной практики показывает, что предметом мошеннических операций, совершаемых, несовершеннолетними, как правило, являются мобильные телефоны.

Так, к примеру, приговором Ленинского районного суда г. Тюмени несовершеннолетний был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Судом было установлено, что 1 марта 2014 г. несовершеннолетним на одном из сайтов в сети «Интернет» была размещена информация о продаже смартфона известной марки по заниженной цене в размере 16 тыс. рублей, заинтересовавшая 17 – летнего подростка из Самарской области. Связавшись с покупателем,

несовершеннолетний сообщил, что сможет отправить ему телефон по почте. Переведя денежные средства на счет продавца, 17-летний подросток получил посылку, при вскрытии которой он обнаружил кнопочный телефон, купленный мошенником за 900 рублей в одном из комиссионных магазинов. Отправив телефон обратно, покупатель с целью прояснения ситуации написал продавцу письмо, на которое он так и не получил ответа, после чего мать несовершеннолетнего обратилась в полицию. В ходе предварительного расследования личность мошенника была установлена. Им оказался несовершеннолетний, который отправил посылку от своего имени и самостоятельно получил за нее денежный перевод. Суд обязал несовершеннолетнего вернуть потерпевшему полученные денежные средства в полном объеме и назначил ему наказание в виде 80 часов обязательных работ[10].

Другим примером осуществления несовершеннолетним мошеннических действий является случай, произошедший в декабре 2014 г. в г. Струнино Владимирской области, где по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, был задержан молодой человек 16-летнего возраста. Как впоследствии было установлено, несовершеннолетний создал страницу в социальной сети и, представившись жителем одного из мегаполисов США, стал продавать смартфоны по ценам, значительно ниже рыночных. По словам потерпевшего, 32-летнего жителя Новгородской области, установление низких цен юноша объяснил тем, что в США цена на это пользующееся популярностью устройство намного ниже, нежели в России. Посчитав данный довод вполне убедительным, покупатель, пожелавший приобрести сразу два телефона, перевел на банковский счет продавца денежные средства в размере 41 тыс. рублей. Получив денежные средства, несовершеннолетний удалил свою страницу из социальной сети. Покупатель, поняв, что он стал жертвой обмана, обратился с заявлением в полицию. Правоохранительными органами было установлено местоположение подозреваемого. Вскоре молодой человек был задержан, а после дал на допросе признательные показания [11].

И наконец, согласно российскому уголовному закону, последним обязательным признаком субъекта мошенничества, как и субъекта любого другого преступления, является «вменяемость», которая представляет собой способность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими [2].Впрочем, сомнения во вменяемости несовершеннолетнего мошенника возникают очень редко, что объясняется особенностью способа данного преступления, совершить которое могут лишь лица, обладающие достаточно высоким уровнем сознания и развитыми интеллектуальными способностями.

Таким образом, мошенничество является высокоинтеллектуальным преступлением, предполагающим наличие у лица, виновного в его совершении, значительных знаний и навыков. Поэтому оно практически не распространено среди несовершеннолетних, а если и совершается, то чаще всего представляет собой примитивное хищение, граничащее с грабежом. В этой связи нами не разделяется точка зрения, согласно которой возраст уголовной ответственности за мошенничество должен быть снижен до 14 лет. Вместе с тем полагаем, что вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетнего за совершение преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, сегодня остается одним из наиболее актуальных и, соответственно, нуждается в дальнейшем изучении.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237, 25 дек. 1993 г.; СЗ РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954; 2016. N 14. Ст. 1908.

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. N 1 (ред. от 02.04.2013) // Российская газета. 2011. N 29, 11 февраля 2011; 2013. N 74, 05 апреля 2013.

4. Ахметгареев Р.Н. Сравнительное исследование данных о личности мошенника // Актуальные проблемы экономики и права». 2010. № 2. С. 138-144.

5. Векленко С.В., Петров С.А. Уголовно-правовые проблемы определения субъекта мошенничества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 32-38.

6. Щербаков А.В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. С. 100-106.

7. Петров С.А. Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана: уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации:Автореф. дис… канд. юрид. наук. Москва, 2015. 30 с.

8. Обзор судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2014_g.pdf (дата обращения 18.04.2016 г.).

9. Обобщение практики рассмотрения судами Тульской области уголовных дел о мошенничестве. Официальный сайт Тульского областного суда. URL: http://oblsud.tula.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1318(дата обращения 18.04.2016 г.).

10. В Тюмени несовершеннолетний мошенник, который продал подростку из Самарской области кнопочный Samsung по цене AppleiPhone 5, отработает бесплатно 80 часов. Новости прокуратуры Российской Федерации. URL: http://procrf.ru/news/302086-v-tyumeni-nesovershennoletniy-moshennik.html(дата обращения 18.04.2016 г.).

11. Полицейскими Александровского района установлен подозреваемый в Интернет-мошенничестве. Официальный сайт Управления МВД России по Владимирской области. URL: https://33.mvd.ru/news/ item/2926134(дата обращения 18.04.2016 г.).

Содержание

Арпентьева М.Р., Брайцева С.В., ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ И НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ **3**

Арпентьева М.Р., Брайцева С.В., ОТКАЗ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ И ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ **7**

Баранова М.А., Григорян В.Л., НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРЕЮДИЦИИ **12**

Бытко С.Ю., КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ **14**

Варыгин А.Н., ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ **19**

Вестов Ф. А., Лазарев Д.К., ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СУДА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШИВШЕЙ КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО, ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ **23**

Глухова Е.О., НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ **25**

Глухова Е.О., АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНАЯ СТАТИСТИКА И РАБОТА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ **27**

Грачёва О.А., ЗНАЧЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРОК ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ **30**

Громов В.Г., КОРРУПЦИЯ И АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ **33**

Ефремова И.А., ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРАВА НА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ **37**

Куликова С.А., ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕМЛЕНИЕ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ **40**

Лавнов М.А., ИНСТИТУТ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: СОВЕРМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ **43**

Максимова Е.А., ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ **46**

Максимова Е.А., Яшина М.С., К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА ОПАСНОГО ОБЪЕКТА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ОПАСНОМ ОБЪЕКТЕ **50**

Манова Н.С., ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ **53**

Овчинникова Н.О., СПОСОБЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬМ ПРАВЕ **56**

Разгельдеев Н.Т., УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ **59**

Разгельдеев Н.Т., Крепица В.Ю., СВОБОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ **61**

Разгельдеев Н.Т., Максимова Е.А., ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИВ СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **69**

Разгельдеев Н.Т., Юсупов Р.А., ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, ТЕОРИИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **76**

Разгельдеев Н.Т., Юсупов Р.А., ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **81**

Разгельдеев Н.Т., Новикова Л.С., НОВАЦИИ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ПЛАТЫ ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ **85**

Решетников В.Я., ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИЦИЯ: КТО ДЛЯ КОГО? **88**

Романова Н.М., СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АУДИОЗАПИСЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕНИЯ **91**

Рубцова Л.Ф., ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ: МИФ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ? **93**

Рыгалова К.А., РЕАЛИЗАЦИЯ НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ **96**

Семенова В.Г., Гуцул Ю.С., ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **97**

Синюкова Т.В., ПРАВООХРАНА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА **103**

Туктарова И. Н., Кузнецова Н.И., УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЖИВОТНОГО МИРА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ **106**

Устьянцева О.В., ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ **109**

Францифоров Ю.В., ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАНИНА И ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ **111**

Шошин С.В., НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА **117**

Шошин С.В., НОВАЦИИ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ПО ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **120**

Айтмухаметовой Л.С., Власова Е.Л., УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ **123**

Аграшенкова А.Д., Власова Е.Л., НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ **127**

Антропова Ю.Д., Власова Е.Л. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ **129**

Бондарева Д.А., ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ **131**

Бушунц Л.С., Павлова Ю.С., Туктарова И.Н., СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ **134**

Быкова Е.Д., Глухова Е.О., СОЗДАНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ) **137**

Власова Т.С., Глухова Е.О., ЖЕНЩИНЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ **138**

Геворгян М.А., ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ **140**

Гетогажева Х.Р., Давыдова Е.А., ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРМЫ ПРАВА **141**

Григорьева Е.А., Глухова Е.О., СТАЖЕР СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ **144**

Гудиева М.С., НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА **146**

Давлетова Д.К., Туктарова И.Н., ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МНИМУЮ ОБОРОНУ **149**

Ерёмина К.Ф., СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ **151**

Зелепукина Т.А., Глухова Е.О., СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ **153**

Зорикова Е.В., НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ, ИМЕЮЩЕГО КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ **155**

Каргина А.С., Вестов Ф.А., РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ **157**

Касимцева А.А., Кордуба С.Б., ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ **161**

Киселева Ю. А., Глухова Е.О., СОВЕТСКОЕ СЛЕДСТВИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД **163**

Колчина И.Н., Тарасова Н.А., Туктарова И.Н., ЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНОЙ **166**

Князева О.А., К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ **168**

Лагутина К.С., Кордуба С.Б., СПОРТИВНОЕ ХУЛИГАНСТВО – ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ **171**

Меркулова Я.А., Глухова Е.О., НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ И ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ В СУДАХ **174**

Митченков А.С., ИНСТИТУТ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ **175**

Никулаева С.А., ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ **177**

Морозов А.А., НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **179**

Московская И.А., Рузова М.В., Туктарова И.Н., К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ **183**

Мошкова А.С., ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ СИНГАПУРА **187**

Нестерович И.С., Решетников В.Я., НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **189**

Новикова Л.С., ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АФФЕКТА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ **191**

Орленко В.И., Хохлова Ю.Е., Туктарова И.Н., ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ **194**

Прикащикова А.С., НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ **198**

Рыжова Д.С., ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СОСТАВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ **201**

Салова М.А., О ПОНЯТИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД И ИХ СОДЕРЖАНИЯ **204**

Сидорова А.С., Кордуба С.Б., ГРАБЕЖ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ **207**

Смолькова А.В., ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С БЕЗНАДЗОРНЫМИ ЖИВОТНЫМИ **209**

Сырыцина И.С., Туктарова И.Н., УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ **212**

Тарасова М.Д., Глухова Е.О., ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕЛЕГАЛЬНОГО МИГРАНТА **214**

Тертишникова А.А., ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ № 1 ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 2011 ГОДА **217**

Тертишникова А.А., Туктарова И.Н., ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **219**

Тимашова Н.В., Решетников В.Я., ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И НАХОДКИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ **222**

Тугучева Е.В., СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЙ В РОСИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ **224**

Туманова Н.И., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ ЗАПРЕЩЕННЫХ К ОБОРОТУ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМИ ИЛИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ» **226**

Хлобыстова П.Ю., Лапупина Н.Н.., ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ **230**

Холмирзаева Г.У., Решетников В.Я., КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ **233**

Чесноков В.А., ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН ОТ САМОУПРАВСТВА КОЛЛЕКТОРОВ **236**

Чулисова Ю.А., Глухова Е.О., СТАНОВЛЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ **238**

Шапова А.А. КОНКУРЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ НОРМ О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И СВОБОДЕ ПОИСКА, ПОЛУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ **240**

Яшина М.С., Сторожихина Е.А., К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 159 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **243**

Научное издание

ПРАВО
И
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Материалы
III Международной научно-практической
конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов,
магистрантов, аспирантов (СГУ им. Н.Г.Чернышевского, Саратов, 22 апреля 2016 г.)

Подписано в печать 11.07 2016. Формат 60x84/16

Уч-изд л. 14.0. Усл-печ. л.15,8

Тираж 100 экз. Заказ № 68

Издательство «Саратовский источник»

г. Саратов, ул. Кутякова 138 Б.

Тел: (8452) 52-05-93